木枝増一著
高等國文法新講
文章篇
東京市
東洋圖書株式合資會社

М.Киэда

Грамматика японского языка II

Перевод с японского
Б.П.Лаврентьева и Л.А.Часовитиной

Общая редакция, послесловие,
комментарии и указатели
Н.И.Фельдман

Издание третье, стереотипное

Москва • 2004

УРСС

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ББК 81.2Япо-2

Киэда М.

Грамматика японского языка. Пер. с яп. / Общ. ред., послесл., коммент. и указ. Н. И. Фельдман. Изд. 3-е, стереотипное. — М.: Едиториал УРСС, 2004 — 264 с. — Т 2.

ISBN 5–354–00579–5

Предлагаемая вниманию читателей работа известного японского лингвиста М. Киэда является одной из лучших фундаментальных теоретических грамматик как старого, так и современного японского языка. Кроме того, она широко знакомит читателя с основными языковедческими теориями и наиболее интересными взглядами на отдельные вопросы языка, существующими в японском языковедении. Во втором томе рассматриваются структура слова и проблемы синтаксиса японского языка.

Для начинающих специалистов данная книга может служить введением в современную японскую грамматическую науку; лингвистам же других специальностей она дает представление о ней.

Редакторы *С. А. Верба, М. А. Оборина*

Издательство «Едиториал УРСС» 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9
Лицензия ИД № 05175 от 25.06.2001 г. Подписано к печати 10.11.2003 г.
Формат 60×90/16. Тираж 480 экз. Печ. т. 16,5. Зак. № 2-1141/351
Отпечатано в типографии ООО «Рохос» 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО УРСС
НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
E-mail URSS@URSS.ru
Каталог изданий
в *Internet* http://URSS.ru
Тел./факс 7 (095) 135–44–23
Тел./факс 7 (095) 135–42–46

ISBN 5–354–00577–9 (*Полное произведение*)
ISBN 5–354–00579–5 (Том 2)

© Перевод на русский язык:
Б. П. Лаврентьев, Л. А. Часовитина, 1958, 2004
© Послесловие, комментарии, указатели:
Н. И. Фельдман, 1958, 2004
© Едиториал УРСС, 2004

УЧЕНИЕ О ПРЕДЛОЖЕНИИ
(1938)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Применение слов

В „Введении" к данной грамматике уже говорилось о двух линиях грамматического исследования — аналитической и синтетической — и о том, что „при синтетическом исследовании путем объединения изучения использования слов на основе их функций с результатами аналитического исследования устанавливается грамматическое употребление слов,... выясняется, в каких взаимоотношениях, употребляясь, слова выражают мысль". Учение о предложении, разумеется, и есть синтетическое исследование, имеющее целью изучить, в каких взаимоотношениях слова выражают мысль.

Необходимо учитывать, что учение о предложении имеет два объекта исследования. Д-р Ямада, первым обративший на это внимание, говорит следующее: „Надо различать вопросы употребления слов и вопросы образования предложения. Издавна грамматика смешивала эти два аспекта, а между тем их надо разграничивать. Согласно прежним воззрениям, изучение употребления слов и изучение предложения можно рассматривать как нечто единое, т.е. учение о предложении — это изучение, с одной стороны, взаимоотношений между словами, с другой — способов выражения мысли. Однако, хотя употребление слов и образование предложений — явления, несомненно, взаимосвязанные, но при изучении их к этим явлениям следует подходить с различных точек зрения. Изучение употребления слов имеет единственным объектом, вернее абсолютным объектом, отношения между словами. Изучение предложения, хотя и имеет дело с вопросом употребления слов, но направлено преимущественно на выражение мысли. При изучении взаимоотношений между словами рассмотрение их как способа выражения мысли является второстепенным, при изучении же предложения второстепенное место занимают вопросы употребления слов. Таким образом, указанные сферы исследования подлежат разграничению. Если сравнить их с постройкой, то слова — это материал для постройки, предложения — сама постройка. Изучение природы слова можно сравнить с изучением строительного материала, а изучение употребления слов — с изучением назначения этого материала. Не приходится спорить, что между назначением строительно-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

го материала и самой постройкой существует большая разница. Почему же смешивают изучение употребления слов и изучение предложения? То, что эти аспекты, подлежащие разграничению, до сих пор смешивались, заслуживает особого внимания"[1]. Действительно, это серьезный вопрос.

С другой стороны, надо учесть, что слова вне предложения не употребляются. Только будучи употребленным в предложении слово выполняет свою функцию, и хотя вне этого слово может существовать, но смысла в его существовании нет, точно так же, как не существует языка, если он не имеет применения. Следовательно, аналитическое изучение слова в учении о частях речи состоит в выяснении грамматической природы слова и установлении таким путем фундамента для изучения условий его употребления. Только в употреблении слово выявляет смысл своего существования; поэтому учение о частях речи — это выяснение самой природы слов, определяющей сам смысл их существования, а учение о предложении — это выяснение фактического процесса выявления смысла существования слов. В учении о предложении соединяется изучение употребления слов, благодаря которому выявляется смысл существования этих слов, и изучение того, какова природа предложения, являющегося ре́зультатом такого употребления[2]. Другими словами, предложение как таковое возникает только в результате применения слов, а их употребление зависит от индивидуальной природы слова. Значит без применения слов не может быть предложения. Вот почему говорят, что изучение употребления слов, основанное на изучении их природы, направлено на их динамику и представляет собой ступень к изучению предложения.

Однако при изучении употребления слов, строго говоря, имеется два аспекта. При первом, который можно назвать изучением употребления слов в аспекте учения о частях речи, во главу угла ставится слово; сюда входят теория конверсии частей речи, вопросы словообразования, вопросы употребления слов, связанные с их принадлежностью к определенной части речи. При втором, который можно назвать изучением употребления слов в аспекте учения о предложении, во главу угла ставится образование предложения; сюда входит рассмотрение синтаксических способностей слов.

Изучение употребления слов как частей речи и рассмотрение синтаксических позиций слов взаимно перекрещиваются и дополняют друг друга, представляя собой два главных направления в изучении употребления слов. В данной грамматике основные соображения по этим вопросам уже были изложены в первой части в разделах о функциях и употреблении частей речи. Вместе

с тем, как говорит д-р Ямада, вопросы синтаксических позиций слов, разумеется, нельзя смешивать с вопросами природы предложения. Но поскольку слово вне предложения не употребляется, то изучение форм взаимоотношений слов (что и составляет предмет рассмотрения их синтаксических позиций), собственно говоря, есть изучение взаимоотношений слов как членов предложения. Поэтому я считаю, что грамматически оправдано соединять, как это делается издавна, указанные вопросы при рассмотрении структуры предложения.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Ямада, IX, стр. 548—549.
[2] Д-р Ямада первое называет *унъёрон* 運用論, *второе* — *курон* 句論.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ГЛАВА ВТОРАЯ

Изменение категориальной принадлежности

I. СУЩНОСТЬ ИЗМЕНЕНИЯ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Под „природой слова" (госэй 言性) нужно понимать принадлежность его к той или иной части речи. *Яма* 'гора' — это существительное, *собию* 'возвышаться' — глагол, *такаси* 'высок' — предикативное прилагательное и т. п. Изменение природы слова — это изменение его категориальной принадлежности, т. е. превращение глагола в существительное, существительного в наречие и т. п. Обычно в грамматиках это явление называется конверсией частей речи (хинси-но тэнсэй 品詞の轉成 или тэнкан 轉換); в пояснение его приводятся такие примеры: существительные *хикари* 'блеск', *кусуми* 'дымка', *оби* 'пояс', *мидарэ* 'беспорядок' образовались из приёгэнной формы глагола; существительные *караси* 'горчица', *омоси* 'груз, вес', *акаси* 'свет' — из заключительной формы предикативных прилагательных; наречия *сайвай* 'к счастью', *цую* 'ни капли', *юмэ* 'никогда' происходят от существительных; наречия *цумари* 'одним словом', *амари* 'слишком' — от приёгэнной формы глагола; союз *оёби* 'и' образовался из приёгэнной формы глагола; междометие *аварэ* 'увы' — из существительного и т. п. Каков грамматический смысл такого объяснения? Пусть приведенные слова действительно перешли из одной части речи в другую; однако если они в настоящий момент имеют значение и функции, свойственные какой-либо одной части речи, то с грамматической точки зрения их следует рассматривать как принадлежащие именно к этой части речи, а выяснение их происхождения для грамматики вовсе не обязательно. Об этом исчерпывающе говорит д-р Ёсидзава: „Грамматика не занимается вопросами происхождения и становления языка. Это наука, изучающая формы, функции и значение сложившихся слов. Следовательно, она вправе обращаться к процессу образования, когда это удобно по ходу изложения. Однако надо избегать того ошибочного представления, что задача грамматики — объяснить происхождение слов"[1]. Все же рассмотрим употребление слова *асита* 'завтра' в следующих предложениях:

1. ***Асита-га*** *риссю дэсу* 'Начало осени **завтра**'.
2. ***Асита-но*** *аса тити ва каэттэ маиримасё* '**Завтрашним** утром отец вернется'.
3. *Дōсōкай ва* ***асита-ни*** *энки итасимасу* 'Встреча выпускников (нашей школы) откладывается на **завтра**'.

4. *Сорэдэ ва* ***асйта-о*** *о-мати кудасай* 'Тогда ждите **завтрашнего дня**' (букв. '**завтра**').

5. *Сингакки-но кбги ва* ***асйта-кара*** *хадзимаримасў* 'Лекции нового семестра начнутся **с завтрашнего дня**'.

В приведенных предложениях слово *асйта* 'завтра' употреблено в функции существительного. Сравним это употребление слова *асйта* с его ролью в предложении. *Асйта тити ва каэттэ маиримасё* 'Завтра отец вернется'. По форме первое *асйта* ничем не отличается от второго, однако разница между ними состоит в том, что во втором случае оно не имеет при себе падежного служебного слова и само по себе определяет ёгэн. Хотя в первом случае в третьем и пятом примерах слово *асйта* также служит наречным определением при ёгэне, там оно составляет одну синтаксическую единицу вместе с падежными служебными словами *ни* и *кара*. Поэтому недопустимо смешивать первый случай со вторым, когда слово *асйта* составляет синтаксическую единицу само по себе. (Нечего и говорить, что сам способ выражения синтаксической единицы оказывает значительную помощь при установлении принадлежности слова к определенной части речи). Что же такое это второе *асйта* — существительное или наречие? Некоторые ученые полагают, что поскольку оба *асйта* имеют одно и то же значение, то, хотя функции их различны, нельзя утверждать, что во втором случае *асйта* превратилось в наречие. Они и в этом случае рассматривают *асйта* как существительное и считают, что сами по себе существительные могут употребляться таким же образом, как наречия, т.е. они не усматривают здесь изменения категориальной принадлежности слова. Профессор Хасимото, теория которого уже была изложена ранее (см. т. I, стр. 314 и 318), стоит на этой же точке зрения.

Рассмотрим, однако, целесообразно ли считать существительными такие слова, как *асйта*, *мукаси*, *сакудзицу*, если они могут сами по себе выступать в качестве наречных определений? И следует ли выдвинуть положение о наречном употреблении существительного? Можно было бы согласиться с этим утверждением только в том случае, если бы наречное употребление было возможно для каждого существительного (как возможно, например, наречное употребление всех предикативных прилагательных и адъективных глаголов в приёгэнной форме). Однако далеко не все существительные имеют наречное употребление; следовательно, нельзя говорить о наречном употреблении существительных как их общей функции. В таком случае эти слова нельзя рассматривать как существительные, а следует считать, что они перешли в разряд наречий.

Положение о постоянной конверсии частей речи, пронизывающее все учение о структуре слова, для грамматики не так уж важно, но учитывать изменение категориальной принадлежности

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

(госэй-идō 語性移動) как динамичное явление для грамматики не бесполезно[2].

Причины изменения категориальной принадлежности слова могут быть различны; главными являются следующие:

1) Важность ситуации (обстановки высказывания) для экспрессивной функции языка ясна и без ссылки на Есперсена, Гардинера и Калепки, а ситуация далеко не всегда постоянна. Наоборот, конкретная речевая деятельность всегда требует специфичности и в то же время предусматривает эффективное использование языка. Ввиду этого и постоянство категориальной принадлежности нарушается.

2) Тот факт, что благодаря изменению категориальной принадлежности устраняются заботы по увеличению словарного состава, дает нам право рассматривать это изменение в одном ряду с явлением, получившим в лингвистике наименование „изменение значения".

3) Общеизвестен в лингвистике тот факт, что протекающий в языке процесс ассоциации звучания и значения непостоянен и неустойчив.

4) В языке, наряду с логической, наблюдается и алогическая тенденция, которая вызывает ряд явлений в области грамматических форм. Так называемые исключения и привычные обороты, как и окказиональная конверсия, являются частым порождением этой тенденции.

5) Природа слова двойственна, и когда равновесие нарушается, одна из сторон берет перевес.

Возьмем два предложения:

1) *Кусуноки Масасигэ ва тюсин нари* (п.я.) 'Кусуноки Масасигэ есть верноподданный'.

2. *Сакура-но хана ва уцўкўси* (п.я.) 'Цветы сливы красивы'.

Кусуноки Масасигэ ва в первом предложении, *сакура-но хана ва* — во втором выражают понятие субъекта; *тюсин нари* в первом предложении — это два слова, каждое из которых несет отдельную функцию: одно — выражения смысла, другое — предикации; а *уцўкўси* во втором предложении — одно слово, выполняющее обе функции — выражения смысла и предицирования. Именно поэтому *нари* называют формальным ёгэном, а *уцўкўси* — реальным ёгэном. После опубликования теории д-ра Ямада это стало общепризнанным. Нельзя ли распространить эту точку зрения и на другие знаменательные слова, кроме ёгэнов, и применить ее также к другим синтаксическим позициям, кроме сказуемого? Например, для слова *хана* 'цветок' служить обозначением предмета — являться существительным — его субстанциональная природа, это определяет его принадлежность к определенной части речи. Однако посмотрим на роль *хана* в следующих случаях: *хана*

уцӯкӯси 'цветы красивы' — подлежащее, *хана-но яма* 'горы цветов' — адъективное определение, *уцӯкусйки кото хана-ни нитари* 'все красивое похоже на цветы' — наречное определение, *корэ ва хана нари* 'это есть цветы' — сказуемое; различная роль слова *хана* зависит не от его субстанциональной природы, а скорее от функционального характера, определяющегося позицией, в которой стоит это слово. Нельзя ли это свойство в противоположность субстанциональной природе назвать релятивной природой слова? Слово *ā* выражает эмоцию — это его субстанциональная природа. Но оно выступает и как независимый член предложения — это его релятивная природа. Раньше субстанциональную природу называли грамматическим значением, а релятивную — грамматической функцией. Поскольку грамматическое значение и грамматическая функция находятся в тесной связи, то не правильнее ли будет подходить к ним как к своего рода закону двойственности слова?

В данной книге под изменением категориальной принадлежности слова понимается такое явление, когда в результате потери равновесия двух начал берет перевес одна сторона. Это явление вызывается причинами, которые перечислены выше, в пунктах 1-4.

Д-р Ёсидзава Ёсинори пишет следующее:

„Когда говорят *гирон-о су* (п.я.) 'вести спор', то *су* — полноценный глагол неправильного спряжения по столбцу *са*; в *гирон-су* 'спорить' и значение и функция *су* ослаблены, но это все тот же глагол неправильного спряжения по столбцу *са*. В *икасу* 'побудить пойти' значение и функция *су* еще более ослаблены, а по форме он относится к нижнему двухступенчатому спряжению и представляет собой уже служебный глагол. В слове же *цукавасу* 'посылать' значение и функция *су* ослаблены чрезвычайно; форма характеризуется переходом в четырехступенчатое спряжение, и здесь *су* превратилось в лишенный самостоятельности суффикс. Предикативное прилагательное *хаяси* 'ранний', приняв вид *хаяку*, переходит в наречие, а в соединении с глаголом *арэ* образует слово *хаякарэ* (которое относят к „адъективным глаголам"); превратившись в *хаякэрэ*, оно вторично становится предикативным прилагательным — его завершенной формой; с присоединением служебного слова *домо* и сокращением самого *хая* образовалось служебное слово — союз *кэрэдомо* 'однако'. Существительное *сиро* 'белое' в результате присоединения суффикса *си* превращается в предикативное прилагательное *сироси* 'белый', а при присоединении суффиксов *му*, *ку*, *гу*, *касу*, *масу* оно образует глаголы *сиромў* 'белеть', *сираму* 'белеть', *сираку* 'белеть', *сирагу* 'белить', *сиракасу* 'белить', *сирамасу* 'белить'. Существительное *сируси* 'знак' и прилагательное *сируси* 'заметный', по-видимому, также происходят от этого *сиро*.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Существительные *хара* 'равнина', *хара* 'живот', *хора* 'пещера'; наречия *харука* 'далеко', *хараракa* 'плоско, ровно', *хирорака* 'широко', *хирояка* 'широко'; глаголы *хару* 'проясняться', *хирогу* 'распространять', *хирогару* 'распространяться', *хиромy* 'расширять', *хиромару* 'расширяться', *хираку* 'открывать', *хирагару* 'распростираться', *хираму* 'делать плоским'; предикативные прилагательные *хироси* 'широкий', *хиратаси* 'ровный', *харукэси* 'далекий' — должно быть, все этимологически родственны. Существительные *соба* 'бок', *соба* 'склон'; местоимения второго лица *соната, сотн*; глаголы *соу* 'сопутствовать', *совару* 'сопровождаться'; служебное слово *саэ* 'даже', также, по-видимому, одного и того же происхождения; числительные *ё* 'четыре', *я* 'восемь' и наречия *иёиё* 'все больше и больше', *иямаси* (то же), по-видимому имеют что-то общее"[3].

II. ВИДЫ ИЗМЕНЕНИЯ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

При рассмотрении изменения категориальной принадлежности представляется необходимым различать три его вида:

1. Не начавшееся изменение:

Мидзу киёку суму (п.я.) 'Вода прозрачно яснеет'.

Здесь наречное определение *киёку* 'прозрачно' (букв. 'чисто') — предикативное прилагательное, а не какая-либо иная часть речи; также ниже:

Ватакуси ва хон-о сансацу катта 'Я купил три книги'.

Здесь *сансацу* 'три' (о книгах) не что иное как числительное.

Хигасияма-но касуми ва мурасаки-о обитари (п.я.) 'Заря над восточными горами отсвечивает пурпуром'.

Ёку кангаэта **га** *сукоси мо вакаранай* 'Старательно думал, но ничего не понимаю'.

Здесь *оби* — глагол, *га* служебное слово и таким образом никакого изменения категориальной принадлежности здесь не наблюдается. Иное дело в следующем случае: в предложении *Кокё ва тōку хэдатари* (п.я.) 'Родина далеко удалена' *тōку* 'далеко'— предикативное прилагательное, но:

тōку-га миэру 'видна даль';

тōку-но хō-э икō 'пойдем подальше' (букв. в 'дальнюю сторону');

тōку-ни собиэтэ иру 'высятся вдалеке';

тōку-о ми насай 'посмотри вдаль' (букв. '[на] даль');

тōку-кара маиримасита 'Я пришел издалека'.

Во всех этих примерах *тōку*, что следует из наличия падежных служебных слов, как будто превратилось в существительное, однако можно сказать:

Тайхэн *тōку-га миэру* 'Видно очень далеко' (букв. 'Видна очень даль').

Дзутто *тōку-но хō-э икō* 'Пойдем гораздо дальше' (букв. 'в даль').

Наличие наречных определений свидетельствует о том, что *тōку* не полностью превратилось в существительное. Нельзя сказать, что конверсия здесь закончилась; в то же время нельзя рассматривать его как *киёку* в предложении *мидзу киёку суму*, где конверсия и не началась. Необходимо рассматривать такие случаи в связи с релятивной природой (грамматической функцией) каждого отдельного слова. Современное употребление слова показывает и границы изменения его категориальной принадлежности. Однако следует учитывать употребление не только этого слова; нужно сопоставлять его употребление со сферой употребления, присущей ему как части речи. *Киёку* и *сансацу* из вышеприведенных примеров выполняют такую же функцию, как наречие, но, не превращаясь в наречие, остаются предикативным прилагательным и числительным. Это происходит потому, что в с е предикативные прилагательные в приёгэнной форме и в с е числительные, т.е. все относящиеся к этой части речи слова, выполняют ту же функцию, что и наречия. Следовательно, надо считать, что указанная функция входит в сферу их употребления. И наоборот, поскольку нельзя сказать, что все предикативные прилагательные в приёгэнной форме, выполняя функцию существительного, превращаются в квази-тайгэны, то *тōку* в вышеприведенных примерах надо рассматривать как особый случай; его употребление находится в ином соотношении с сферой употребления предикативного прилагательного, чем употребление *киёку*.

Оби-ни мидзикаси, тасўки-ни нагаси (п.я.) 'Для пояса коротко, для завязок длинно'.

Кадзэ ва хагэсйкатта. Га фунэ ва сюппан-сйта 'Ветер был силен. Однако корабль отчалил'.

Небольшое различие существует между *оби* и *га* в данных примерах и в примерах, приведенных выше. Таким образом, грамматически различаются начавшееся изменение категориальной принадлежности, совершенно не начавшееся изменение и закончившееся изменение.

2. П р о т е к а ю щ е е и з м е н е н и е.

Сюда относится конверсированное употребление слова, иначе говоря, случаи принадлежности данного слова одновременно к двум частям речи. Этому явлению посвящен отдельный раздел (IV).

3. З а к о н ч и в ш е е с я и з м е н е н и е.

Иначе говоря — конверсия. Ей тоже посвящен отдельный (следующий) раздел.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

III. КОНВЕРСИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Под конверсией частей речи (го-но тэнсэй 語の轉成) понимается, как об этом уже говорилось выше, закончившееся изменение категориальной принадлежности, т.е. такое явление, когда уже сложившееся слово в реальном употреблении как член предложения, изменившись по форме, по значению, по функции или по всем трем показателям, полностью перешло в другую часть речи. При конверсии частей речи: 1) чаще всего форма слова остается прежней; 2) значение и особенности, характеризовавшие его как слово, относящееся к первоначальной части речи, исчезают; 3) приобретаются значение и особенности, характеризующие его как слово другой части речи.

В конверсии частей речи по ее результатам различают следующие виды:

1. Переход в существительное:

1) из приёгэнной формы глаголов:

хикари 'блеск', *таномн* 'просьба', *цутомэ* 'служба' и многие другие;

2) из заключительной формы глаголов:

мукō 'напротив' ('противоположная сторона'), *кагэрō* 'весенняя дымка', *сумō* 'борец' [1];

Сётагау, *Сусуму*, *Масару*, *Минору* и т. п. (мужские имена);

3) из основы предикативных прилагательных:

ака 'красное', *сиро* 'белое' и другие названия цветов;

Така, *Киё*, *Ясу* и т. п. (женские имена).

Существует мнение, что поскольку основа предикативных прилагательных не является самостоятельным словом (частью речи), а только частью слова, нельзя утверждать, что она превращается в другую часть речи. Для этого следовало бы сначала отнести эту основу к какой-либо части речи. Такое утверждение до известной степени справедливо, однако основа предикативных прилагательных употребляется самостоятельно, а если не признавать за ней самостоятельности, то можно рассматривать ее как форму с усеченным окончанием;

4) из приёгэнной формы предикативных прилагательных:

тōку 'даль', *тикаку* 'близь', *ōку* 'большинство'.

Это касается только отдельных слов; у глаголов случаев такой конверсии несравненно больше [2];

5) из заключительной формы предикативных прилагательных:

акаси 'свет', *омоси* 'груз, вес', *караси* 'горчица'.

Киёси, *Такаси*, *Хйсаси* и т. п. (мужские имена); *Ёси* (женское имя).

2. Переход в местоимение.

Следующие слова перешли в местоимение из существительных:

боку, *варава* (местоимение 1-го лица), *кими* (местоимение 2-го лица), *доно* (местоимение 3-го лица).

3. Переход в глагол (все глаголы даны в письменной форме).

1) Путем спряжения тайгэна:

цунагу 'связывать' (от *цуна* 'веревка'), *катагу* 'поддерживать' (от *ката* 'плечо'), *хараму* 'беременеть' (от *хара* 'живот'), *цумэру* 'брать кончиками пальцев' (от *цумэ* 'ногти'); *тайдзиру* 'отступать' (от *тайдзи* 退治 'отступление'), *кодзику* 'нищенствовать' (от *кодзики* 乞食 'нищий'), *рёру* 'готовить (пищу)' (от *рёри* 料理 'приготовление пищи'), *тэкитау* 'противостоять' (от *тэкитай* 敵對 'противостояние'), *сайсйку* 'окрашивать' (от *сайсйки* 彩色 'окраска'), *мокурому* 'замышлять ' (от *мокурон* 目論 'замысел'), *тядзуку* 'заливать (вареный) рис чаем' (от *тядзукэ* 茶漬 'рис с чаем').

Следует обратить внимание на то, что в одних случаях к существительным присоединяется *гу*, *му*, *ру*, в других случаях конечный слог существительного превращается в окончание глагола [3].

2) Путем спряжения основы предикативных прилагательных:

канасиму 'печалиться', *осиму* 'жалеть', *акаму* 'краснеть', *фўтору* 'толстеть', *ёвару* 'слабеть'.

3) Путем спряжения основы адъективных глаголов:

тайрагу 'выравнивать, делать плоским', *яварагу* 'смягчать'.

Некоторые рассматривают это явление как спряжение основы наречий.

4. Переход в предикативное прилагательное (все прилагательные даны в письменной форме).

1) Путем спряжения тайгэна:

отонаси 'взрослый', *макотоси* 'правдивый', *киирой* 'желтый', *тяирой* 'коричневый' (последние два не имеют письменной формы);

ōōси 'мужественный', *бакабакаси* 'глупый', *мономоноси* 'величавый'.

2) Путем спряжения канго:

уттōси 'унылый', *сюнэнси* 'упорный';

бибиси 'великолепный', *гēгēси* 'преувеличенный'.

3) Путем спряжения наречий:

ханахадаси (от *ханахада* 'чрезвычайно'), *имадаси* (от *имада* 'еще не'), *итодоси* (от *итодо* 'еще больше');

убэубэси (от *убэ* 'да'), *гэнигэниси* (от *гэни* 'поистине').

4) Из глаголов:

савагаси 'шумный' (от *савагу* 'шуметь'), *таномоси* 'надежный' (от *таному* 'полагаться'), *вадзураваси* 'беспокойный, хлопотливый' (от *вадзурау* 'беспокоиться');

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

харэбарэси 'ясный' (о погоде) (от *хару* 'быть ясным'), *нарэнарэси* 'привычный' (от *нару* 'привыкать'), *таэдаэси* 'прерывающийся' (от *таю* 'прерываться').

5) Из адъективных глаголов:

сидзукэси 'тихий', *акиракэси* 'светлый', *саякэси* 'ясный' и т.п.

5. Переход в наречие

1) Из существительных:

Има 'теперь', *мукаси* 'в старину', *кё* (и *коннити*), 'сегодня', *кинō* (и *сакудзицу*) 'вчера', *райнэн* 'в будущем году', *цую* 'чуть', *сайвай* ' к счастью', *токидоки* 'иногда' и т.п. [4].

Иногда сюда включают такие существительные (в соединении со служебным словом), как *макотони* 'поистине', *сидайни* 'постепенно' и т. п., но поскольку они представляют собой соединение двух слов, то их надо рассматривать как сложные слова, а не как результат конверсии.

2) Из местоимений:

коко 'здесь', *сорэдзорэ* 'каждый (каждого, каждому и т. д) в отдельности'.

3) Из приёгэнной формы глаголов.

хадзимэ 'сначала', *татои* 'пусть', *амари* 'слишком'.

Сюда включают и такие слова, как *мидарини* 'безосновательно', *сикирини* 'постоянно', *таэдзу* 'непрерывно', *татоэба* 'например', *кивамэтэ* 'крайне' и т.п., но поскольку это сложные слова, образованные путем соединения двух отдельных слов, то их нельзя рассматривать как результат конверсии.

4) Из основы предикативных прилагательных:

усуцу 'слабо', *хаябая* 'рано', *наганага* 'длинно'.

Они часто употребляются с окончанием *то*.

6. Переход в союз.

1) Из приёгэнной формы глаголов:

оёби 'и'.

2) Из наречий.

арцива 'или', *мата* 'и, сверх того', *нао* 'еще', *кацу* 'и', *сунавати* 'а именно'.

3) Из служебных слов:

га, кэрэдомо, токорога (противительные), *дэ, дэва* (причинные); *то* (временной и условный).

7) Переход в междометие.

1) Из существительных

намусан 'ах, беда! ужасно!', *тйкўсē* 'чорт побери! скотина!' [5].

2) Из местоимений: *корэ, арэ, дорэ, сорэ, нани.*

3) Из наречий: *сатэ, икани, тётто.*

4) Из служебных слов: *дэмо*

8. Переход в служебное слово.

1) Из служебных глаголов: *тэ, тари.*

2) Из существительных: *курай*, *докоро*, *бакари*, *хока*, *ходо*; *юэ*, *токоро*, *аида*, *дзё*.

Последние четыре слова рассматриваются то как формальные тайгэны, то как формальные наречия, а иногда как союзы. Однако их следует считать союзными служебными словами, образовавшимися в результате конверсии тайгэнов.

В описанном явлении конверсии частей речи надо разграничивать два вида: в одном случае форма слова остается неизменной, в другом конверсия сопровождается изменением формы. Такие существительные, как *хикари*, *мукō*, *ака*, *тōку*, *акаси*, наречия, как *има*, *мукаси*, *кенэн*, *хадзимэ*, *татои*, междометия, как *тикýсё*, *арэ*, *дорэ*, и служебные слова, как *курай*, *ходо*, относятся к первому случаю, а такие глаголы, как *цунагу*, *цумэру*, *рёру*, *канасиму*, *хиромy*, *таирагу*, и предикативные прилагательные, как *отонаси*, *макотоси*, *ханахадаси*, *савагаси*, а также наречия, как *мидарини*, *таэдзу*, *наганага*, относятся ко второму. Среди последних в свою очередь различаются окончания, представляющие собой суффиксы, и окончания, которые суффиксами не являются. Относительно этого д-р Хасимото замечает:

„Хотя говорится, что „форма остается неизменной", но иногда меняется ударение, а иногда в неспрягающемся слове при спряжении изменяется окончание или ради спряжения прибавляется соответствующее окончание. Такие явления надо рассматривать как исключение. Короче говоря, переход того или иного слова без изменения его формы в другую часть речи называется конверсией частей речи. Однако такие случаи, как превращение глагола *кивамэру* в соединении со служебным словом *тэ* в наречие *кивамэтэ*, т. е. переход в другую часть речи в результате соединения с другим словом, к этому явлению не относятся"[4].

О суффиксах пойдет речь в главе о структуре слова.

IV. КОНВЕРСИРОВАННОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВА

Конверсированное употребление (го-но тэнъё̄ 語の轉用) наблюдается в том случае, когда изменение категориальной принадлежности началось, но еще не закончилось, т. е. слово конверсировано частично — иначе говоря, слово, сохраняя принадлежность к первоначальной части речи, окказионально приобретает свойство другой части речи и поэтому может быть названо окказиональной частью речи (риндзитэки хинси 臨時的品詞) или частичной частью речи (бубунтэки хинси 部分的品詞).

Коко-мадэ о-идэ-о негаимасy̆ 'Прошу пройти сюда'.

В этом предложении *о-идэ** — приёгэнная форма глагола *идзу* 'выходить, идти' с гонорифическим префиксом *о*. Первоначально

* Произносится *ойдэ*. — *Прим. ред.*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

префикс *о* к глаголам не присоединялся, поэтому одно его наличие уже говорит о переходе к существительному[5]. Затем, наличие падежного служебного слова *о* (к *о-идэ* можно присоединить и падежные служебные слова *га, но, ни*), а также возможность адъективного определения, например *ната-но о-идэ-о матимасў* 'жду вашего выхода', свидетельствуют, что *о-идэ* носит субстантивный характер Иными словами, в данном предложении *о-идэ* с точки зрения его функциональной природы, по наличию падежного служебного слова *о* и ввиду того, что по отношению к глаголу *нэгаимасў* оно служит так называемым словом-объектом (его можно рассматривать и как наречное определение), можно считать существительным. Однако, с другой стороны, слову *о-идэ* предшествует подчиненное ему наречное определение *коко-мадэ*. Наречные определения, как правило, бывают при ёгэнах или наречиях, а не при тайгэне; в таком случае *о-идэ* должно быть глаголом. Таким образом, *о-идэ* принадлежит к двум частям речи. по отношению к предшествующему слову — это глагол, по отношению к последующему — существительное; оно находится в состоянии перехода от глагола к существительному. В стадии наличия двойственной природы глагол приобрел в нем функции существительного; об этом свидетельствует наличие падежного служебного слова *о*. Но вместе с тем не утратилось первоначальное грамматическое значение и функции глагола; об этом свидетельствует наличие наречного определения *коко-мадэ*. Как же в таком случае определить категориальную принадлежность слова *о-идэ*: что это — глагол или существительное? В этом случае можно сказать, что глагол конверсированно употреблен как существительное. что это окказиональное существительное. Если бы *о-идэ* окончательно превратилось в существительное, оно не могло бы принимать наречных определений, а свободно принимало бы адъективные определения, например: *коко-мадэ-но о-идэ, асйта-но о-идэ*. В таком смысле и можно сказать, что *о-идэ* — частичное существительное. Если сравнить *о-идэ* с такими образовавшимися из приёгэнной формы глаголов существительными, как *хикари* 'блеск', *оби* 'пояс' и т. п., станет ясной разница между конверсией слова и конверсированным употреблением слова, между осуществленной конверсией и протеканием процесса конверсии.

В конверсированном употреблении слов различаются два случая :

1. Ёгэн употребляется как тайгэн.
2. Ёгэн употребляется как формальное слово.

Д-р Ямада к конверсированному употреблению относит также и употребление местоимений в иной категории или иной личной соотнесенности (например, когда возвратное местоимение *онорэ* употребляется как личное местоимение первого или второго лица, личное местоимение первого лица *варэ* употребляется как местои-

мение второго лица, предметные местоимения *корэ, сорэ, арэ* употребляются как местоимения направления — *коти, коната, аната*, местоимения места *коко, соко* употребляются как личные и т. п.). Но поскольку при этом сохраняется прежняя часть речи, то в данной книге, где под конверсированным употреблением понимается переход за границы рассматриваемой части речи, такие случаи оставлены в стороне. Поэтому в конверсированном употреблении различаются только два вышеуказанных вида.

1. Употребление ёгэна в качестве тайгэна.

1) Ёгэн служит предметом объяснения или цитируется:

„Кэру" ва симо итидан-но дбси нари (п.я.) '«Кэру» — глагол нижнего одноступенчатого спряжения'.

В таких случаях не столько само слово приобретает природу тайгэна, сколько позиция, в которой стоит слово, относится к разряду позиций тайгэна. Поэтому данное явление не ограничивается ёгэнами, а возможно при любой части речи. Доказательством того, что слова в таком предложении стоят в позиции тайгэна, является адъективное определение *коно,соно* 'этот', которое мы можем встретить перед этими словами; но когда они употреблены как ёгэн, например *кодомо тама-о кэру* 'ребенок ударяет ногой по мячу', адъективное определение перед ними стоять не может.

Ёгэн цитируется:

„Сусумэ" мо „томарэ" мо карэ-но мэй-но мама нари (п.я.) '«Вперед!» (букв. 'двигаться вперед'), «Встать!» — все это делается по его приказу'.

Хаяку одзисама-ни „ирассяй"-но го-айсацу-о насай 'Скорее скажите дяде приветствие «ирассяй»' (букв 'входите').

Как и в предыдущем случае, на то, что ёгэны здесь стоят в позиции тайгэна, указывают падежные служебные слова. Разница только та, что здесь ёгэн не служит предметом пояснения. И данный случай также возможен не для одних только ёгэнов, а для любой части речи.

2) Так называемые квази-тайгэны.

Это слова, которые, с одной стороны, сохраняют первоначально им присущий характер глагола и вместе с тем с другой стороны приобрели характер тайгэна, т. е. имеют характер промежуточный между ёгэном и тайгэном и в этом смысле называются квази-тайгэнами.

Ау ва урэсйкэрэдо вакаруру ва канаси (п я.) 'Встречаться радостно, но разлучаться печально'.

Уцўкўсйки-о ёрокоби миникуки-о кирау ва ё-но ниндзё нари (п.я.) 'Радоваться красивому и не любить безобразное есть обычное чувство людей'.

Поскольку здесь ёгэны стоят в приименной форме, можно думать, что опущен следующий за ними определяемый тайгэн. Од-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

нако правильнее толковать, что в этом случае действие и состояние рассматриваются как некий объективный факт и поэтому обозначающие их ёгэны стоят в позиции тайгэна (ср. т. I, стр. 158 — 160, 254, 260):

тити-но каэру-о мацу 'ждать, когда вернется отец' ('ждать возвращения отца');

иро-но акаки-о омоу 'думать, что цвет красный'.

Здесь *каэру* и *акаки* тоже рассматриваются как квази-тайгэны, но впереди себя они имеют подлежащие *тити-но*, *иро-но*. Находясь в позиции тайгэна, они при подлежащем сохраняют свойства ёгэна. Если бы они полностью превратились в тайгэн, то, конечно, не могли бы иметь при себе подлежащего.

В такой же позиции стоят ёгэны в нижеследующем случае: *уо-о цури-ни юку* 'пойти удить рыбу'; *хон-о каи-ни юку* 'пойти купить книги'.

Д-р Ямада назвал их квази-тайгэнами цели[6]; они характеризуются наличием перед ними так называемого слова-объекта (его следует именовать наречным определением). Вместе с тем, к ним примыкает и падежное слово *ни*. При этом они имеют приёгэнную форму, чем отличаются от предыдущих примеров, стоящих в приименной форме. Однако они очень сходны тем, что первые имеют при себе подлежащее, а вторые — слово-объект (наречное определение), что свидетельствует о сохранении ими свойств ёгэна. Полностью ли эти квази-тайгэны превратились в тайгэны, покажет проверка: способны ли они принять все падежные служебные слова — *га*, *но*, *ни*, *о*, — и способны ли иметь адъективное определение. В результате проверки выясняется, что *цури* в первом примере полностью приобрело свойства существительного, но *каи* — неполное существительное, частичное существительное (ср. т. I, стр. 153 — 155). В этой форме есть нечто общее с герундием и причастием в английском языке.

2. Употребление ёгена как формального слова.

1) Формализация глагола *су*.

В „Учении о частях речи" уже шла речь о том, что глагол *су*, сливаясь с тайгэном, образует сложные глаголы, принадлежащие к неправильному спряжению по столбцу *са*. И в том, что, слившись с понятийным словом, он превращается в своего рода суффикс, уже сказывается свойственный этому глаголу формальный характер. Более того, в других случаях он теряет глагольное значение действия и превращается в то, что д-р Ямада назвал своего рода связкой (copula); например, он употребляется в форме *...мудзу* или *...му то су*; таково же *си* в составе *...о сйтэ* (*...сэсиму*), *сйтэ*.

...кадзэ фукамў ***то су*** (Кодзики) '... ветер подует'.

...сийтэ цўкб татэмацурасэтамавава киэусинасэмудзу (Такэтори-моногатари) '...если насильно заставят служить, исчезнет'.

Сэккō-о ***сйтэ*** *тэкйхэй-о тэйсацу-сэсиму* (п.я.) 'Побудить патруль произвести разведку (врага)'.

*Сёнэн-**ни** **сйтэ** нао коно кихаку ари* (п.я.) 'Юноша, а такой дух'.

*Котё-**то** **сйтэ** саннэнкан дзайнин сэри* (п.я.) 'Как директор (он) находится в должности в течение трех лет'.

*Катана **сйтэ** киру* (п.я.) 'резать ножом'.

*Цўки акарика-ни **сйтэ** хоси марэ нари* (п.я.) 'Месяц ясен, звезды редки'.

*Итигон-но бэнкай-о мотиидзу-**сйтэ** сякудзэн тари* (п.я.) 'Не приведя ни слова в оправдание, успокоился'.

Си в этих примерах различно по значению, но во всех случаях значение глагола 'делать' в нем утрачено. Поэтому можно без нарушения смысла в одних случаях заменить его служебным словом, в других опустить. С формализованной приёгэнной формой *си* глагола *су* можно сравнить приёгэнную форму *ни* связки *нари*. Считать ли *нари* формальным глаголом или служебным глаголом-связкой — в том и другом случае это, несомненно, формальный элемент, и сама возможность сравнения говорит о формализации *си*.

2) *Моттэ* и *ойтэ*.

Как указал д-р Ямада, *моттэ* 'посредством' и *ойтэ* 'в' заимствованы из японского чтения китайского текста[7]; японское чтение китайского текста должно представлять собой японский язык, и если подходить с такой точки зрения, то нужно считать, что данные слова произошли от глагола *моцу* 'иметь' и *оку* 'класть'; приёгэнные формы *моти* и *оки* с служебным словом *тэ* благодаря соответствующим фонетическим изменениям приняли вид *моттэ* и *ойтэ*.

Корэ-о моттэ иппэн-но овари то су (п.я.) 'сделать это концом главы (закончить этим главу)'.

Сорэ-дэ моттэ осоку натта-но дэсў 'из-за этого запоздало'.

Если сравнить эти *моттэ* и *ойтэ* с нижеследующими, станет ясна степень их формализации:

*Коко-э хон-о **моттэ** ирасслй* 'Входите сюда с книгами' (букв. 'имея книги').

*доко-ни **ойтэ** ойта но дэсў ка?* 'где я, положив, оставил?'

В первой группе примеров *моттэ* и *ойтэ* настолько формализовались, что могут быть ощущены. Во второй — это глаголы, сохраняющие первоначальное значение 'иметь' и 'класть'.

3) Вспомогательное употребление.

Здесь имеются в виду те случаи, когда глаголы и предикативные прилагательные, утратив свое первоначальное значение, употребляются вспомогательно при других словах.

1) Примеры на вспомогательные глаголы:

*Такасаго-но ура-ни цўкитэ **сбрб*** (п.я.) 'прибыл в бухту Такасаго'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Исэдзи-э гёкō ***ари*** (п.я.) '[Император] следует по дороге в Исэ'.

Иттэ-мандзё-но тайкун-то аогитатэмацуру (п.я.) 'Взирает [на него] как на великого государя'.

Мигокоро ито итонасю ***масимасў*** (п.я.) 'Ваше сердце весьма печально'.

Титто омосироку ***годзаимасэн*** 'Нисколько не интересно'.

Корэ ва ватакуси-но хон-дэ ва ***аримасэн*** 'Это не есть моя книга'.

Хаяку о-идэ кудасай 'Идите скорее'.

Ёру ва хаяку нэтэ ***симатта*** 'Вечером рано лег'.

Среди них имеется много вежливых слов, например: *мōсу*, *итасу*, *насару*, *асобасу*, *кудасару* и т. п. Некоторые из них можно рассматривать как служебные глаголы, другие можно считать вспомогательными глаголами.

2) Пример на вспомогательное предикативное прилагательное.

Коно хон ва титтомо омосироку ***най*** 'Эта книга нисколько не интересна'.

Приведенное *най* не является тем *най*, которое обозначает отсутствие предметов, как в примере *хон ва иссацу мо най* 'Книг нет ни одной'. Сравнивая эти два *най*, можно видеть степень формализации первого.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Ёсидзава, VI.
[2] Ср. Киэда, IV.
[3] Ёсидзава, VI, стр. 134—136.
[4] Хасимото, III, стр. 58.
[5] Ср. Мицуя, Изучение особых японских чтений текста Кодзики (V).
[6] См. Ямада, IX, стр. 645.
[7] См Ямада, VI.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Структура слова

I. ЗНАЧЕНИЕ СТРУКТУРЫ СЛОВА

Грамматические свойства слова как части речи в общем были подвергнуты аналитическому исследованию в разделе учения о частях речи.

В учении о предложении слова изучаются с одной точки зрения, а именно: на основе данных аналитического изучения выясняется, какие динамические явления связаны со словом в составе предложения. Это так называемое изучение правил употребления слова.

Для показа употребления слов необходима подготовительная работа. То, что структура слова рассматривается в учении о предложении, может вызвать возражения; однако, если рассматривать ее как ступень в подготовке к показу употребления слов, место учения о структуре слова в системе учения о предложении будет оправданным. Выяснение того, какой процесс становления прошло слово, прежде чем оно стало словом современного языка, — задача не одного только учения о частях речи; эта проблема подчас может выйти за рамки грамматического исследования. Очевидно, учение о структуре слова занимает промежуточное положение между учением о частях речи и учением о предложении, захватывая и то и другое. То же самое можно сказать и об изменении категориальной принадлежности, о чем шла речь выше.

Большинство слов современного языка существует в том виде, в каком они появились в прошлом; кроме того, часто они в соединении с другими словообразовательными элементами образуют другие слова. Возникшие таким образом слова называются дериватами (derivatives) или производными словами (юсэйго 由生語 или бунсюцуго 分出語) [1]. Кроме того, нередко слово может быть образовано из соединения двух и более уже существующих вполне сложившихся слов. (В этом случае составное слово может относиться к той же части речи, что и слова его составляющие, но это не обязательно.) Слово, возникшее таким путем, называется сложным (compounds, фукугō go 複合語) или составным словом (гōсэйго 合成語). Таким образом, в результате рассмотрения производных и сложных слов выяснится и структура слова.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

II. ПРЕФИКСЫ И СУФФИКСЫ

При образовании производных слов, о которых шла речь в предыдущем параграфе, различают два вида словообразовательных элементов, соединяющихся со словом: префиксы (сэттодзи 接頭辭) и суффиксы (сэцубидзи 接尾辭); общее наименование для этих видов — аффикс (сэцудзи 接辭). Аффиксы (префиксы и суффиксы) — это такие элементы, которые, присоединяясь к началу или к концу слова, либо придают ему какое-либо дополнительное значение, либо влияют на его благозвучие, либо усиливают или ослабляют его значение, либо переводят слово в другую категорию. Под словообразовательными элементами понимаются такие элементы, благодаря которым происходит не создание совершенно нового слова из элементов, которые не являются словами, а образование другого слова путем присоединения к уже существующему.

Таким образом, префиксы и аффиксы, входя в состав слова, характеризуются отделимостью. И если выделить их из состава слова, частью которого они являются, то оставшаяся часть должна представлять собой непременно то же самое слово. Префиксы и суффиксы, присоединяясь к отдельному (знаменательному) слову, произносятся с ним слитно и сами по себе, самостоятельно, совершенно не употребляются. Следовательно, аффикс не является отдельным словом и, разумеется, не может быть включен в систему частей речи. Он, так сказать, стоит ниже слова. Почему мы должны рассматривать как самостоятельное то слово, которое образовалось в результате присоединения аффикса к другому слову? Потому что, как указывает д-р Хасимото, с точки зрения способности составить синтаксическую единицу аффиксальные слова ничем не отличаются от слов, лишенных аффиксов[1]. Например, слово *ояма*, образованное в результате присоединения префикса *о* к слову *яма* 'гора', может быть употреблено в предложении так же, как *яма*, т. е. *яма-га* или *ояма-га*, *яма дэсӯ* или *ояма дэсӯ* и т.п. Точно так же могут одинаково употребляться слово *утиябуру*, образованное присоединением к слову *ябуру* 'разбивать' префикса *ути*, и слово *ябуру*, т. е. *ябуру то* и *утиябуру то*, *ябурубэси* и *утиябурубэси* и т. д. Глагол *гакӯсябуру* 'корчить из себя ученого', образованный присоединением к слову *гакӯся* 'ученый' суффикса *буру*, может служить таким же членом предложения, как и глагол *ёму* 'читать', т. е. *ёму-га* и *гакӯсябуру-га*, *ёму дарō* и *гакӯсябуру дарō* и т. д.

Аффиксальное слово и слово, лишенное аффикса, одинаковы не только по способности служить членом предложения, но и по тому, как они сочетаются с другими членами предложения. Можно сказать *такай яма* и *такай ояма* 'высокая гора', *яма-о нобору* и

ояма-о нобору ‘подыматься по горе’. Таким образом, и по способности служить синтаксической единицей, и по сочетаемости с другими синтаксическими единицами аффиксальное слово, независимо от того, к какой части речи оно относится, сходно со словом, лишенным аффикса, поэтому его можно считать словом. Сопоставление их с грамматической точки зрения представляет собой чрезвычайно интересный вопрос. Если обратиться к изучению различий между формальными словами, т.е. служебными глаголами и служебными словами, с одной стороны, и суффиксами, с другой, то обнаружится важный для классификации по частям речи принцип[2].

Ниже дается общая классификация аффиксов.

Префиксы. Их можно разделить на две группы: 1. придающие дополнительное значение, 2. не придающие дополнительного значения. Последних в разговорном языке мало.

1. Префиксы, придающие дополнительное значение:

1) вежливости:
***ми**коси* ‘паланкин’ (почтительно); ***о**-као* ‘лик, ваше лицо’, ***о**-икуцу* ‘сколько’ (вам лет), ***о**-хйсасий* ‘давно’, ***о**-тори-насай* ‘возьмите’; ***го**-сэнсо* ‘ваши предки’, ***го**-синсэцуни* ‘любезно’ (сюда относятся все префиксы вежливости, перечисленные в разделе IV первой главы первого тома[3]);
2) истинности:
***ма**гокоро* ‘искренность’ (‘истинная душа’), ***ма**ннака* ‘в самой середине’, ***ма**ссиро* ‘белоснежный’;
3) чистоты, беспримесности:
***ки**мусўмэ* ‘чистая девушка’, ***ки**биру* ‘чистое пиво’;
4) неприкрашенности:
сугао ‘незагримированное (неподкрашенное и т. д.) лицо’, *суаси* ‘босиком’;
5) уменьшительности в отношении количества или степени:
огава ‘речка’, ***о**кураси* ‘темновато’; ***ко**бунэ* ‘лодочка’, ***ко**дакаси* ‘не очень высоко’, ***ко**одори-суру* ‘подпрыгивать, приплясывать’;
6) первичности существования:
уи**маго* ‘первый внук’, ***уи**дзан* ‘первые роды’; ***ниидзуки ‘новолуние’; ***хацуюки*** ‘первый снег’;
7) ложности:
***эсэ**-гакўся* ‘лже-ученый’;
8) отрицания или отсутствия чего-либо:
фусётти ‘несогласие’, ***фуфуку*** ‘неподчинение’; ***буэнрё*** ‘бесцеремонность’, ***бурэй*** ‘невежливость’; ***мубумбэцу*** ‘неразличение’, ***мунб*** ‘бессилие’;
9) ошибочности:
хигамэ ‘ошибочный взгляд’ (1 — ошибка зрения; 2 — недоразумение);

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

10) превосходства:
итимоцу 'лучшая вещь, лучший образчик', ***итихаяку*** 'очень быстро'[4];
11) усиления:
иямаси 'все более возрастая', ***иясакаю*** 'процветать все более';
12) качественной отрицательности:
фудэки 'неудача', ***фукокороэ*** 'опрометчивость'; ***будзама*** 'безобразность' (Эти *фу* и *бу* близки по значению префиксам п. 8);
13) последовательности:
дайсан 'третий' (*дай* — вспомогательное числительное, присоединяющееся препозиционно к числительным-канго);
14) подозрения и отвращения:
икэсўканай (いけ好かない)' 'отвратительный';
15) неодобрения, чрезмерности:
дотйкўсё 'скотина' (ругательство); ***донсоко*** 'самое дно'; ***дадзярэ*** 'плохой каламбур', ***дабэн*** 'пустая болтовня'; ***тохбмонай*** と方もない 'нелепый', ***топпёсимонай*** (とつ拍子もない) 'экстравагантный'; ***дзунукэру*** 'выходить за границы', ***дзубанукэру*** (то же).

Сюда же относятся префиксы *ката* (*кататэ* 'одна рука'), *кўсэ* (*кўсэмоно* 'негодяй'), *кото* (*котокуни* 'иная страна'). *моро* (*моротэ* 'обе руки ') и др. [2].

2. Префиксы, не придающие дополнительного значения.

Эти префиксы делятся на два вида:
1) применяемые для благозвучия,
2) усиливающие или ослабляющие значение.
Ниже даны примеры на префиксы обоих видов.

1) Префиксы, применяемые для благозвучия:
иватару 'переправляться'; ***кабососи*** 'слабый, хрупкий'; ***кэосарэру*** 'быть подавленным'; ***саё*** 'ночь', ***самаёу*** 'блуждать'; ***сосираньў*** 'неведающий'; ***таясуси*** 'легкий', ***танабику*** 'тянуться (полосами)'; ***хиёваси*** 'слабый, хрупкий'.

Эти префиксы применяются не только для благозвучия; они ещё придают известный эмоциональный оттенок слову, правда, крайне слабый. Эти префиксы содержатся только в древних словах.

2) Префиксы, усиливающие или ослабляющие значение:
утисуцу 'бросать', ***бутйкоросу*** 'убивать', ***какимусиру*** 'рвать', ***каппарау*** 'утащить', ***аикаварадзу*** 'по-прежнему' (букв. 'не меняясь'), ***торисимару*** 'управлять', ***сасидасу*** 'предъявлять', ***хикиукэру*** 'принимать'.

Как видно из вышеприведенных примеров, все эти префиксы произошли от глаголов, обозначающих работу руки, и имеют приёгэнную форму. При присоединении их усиливается выразительность слова, поэтому они применяются главным образом в районе Канто́, где любят подчеркнуто выразительные слова. Эти *ути*,

бути, каки, аи, тори, саси, хики далеко отошли от первоначального глагольного значения; но поскольку, с другой стороны, они все еще употребляются и как самостоятельные глаголы, некоторые не считают их префиксами. Однако в настоящей работе они причислены к префиксам, поскольку значение их изменилось. Но так или иначе, они рассматриваются вместе с следующим за ними глаголом как одно слово.

Суффиксы. Их можно разделить на две группы: 1. придающие слову дополнительное значение, 2. относящие слово к определенной части речи.

1. Суффиксы, придающие дополнительное значение.

Эти суффиксы, придавая дополнительное значение, не меняют принадлежности к части речи. По значению их можно подразделить на следующие группы:

1) придающие значение вежливости:
*камиса**ма*** 'бог', *о-айнику-**сама*** 'весьма сожалею'; *отōсан* 'отец'; *анэго* 'сестра'; *ямамото-**сэнсэй*** 'г-н Ямамото' (сюда относятся все суффиксы вежливости, перечисленные в разделе IV первой главы первого тома).

Сан произошло от *сама* и несколько слабей; также *дон* — от *доно*. *Сэнсэй* 'учитель' применяется как выражение почтительности не только от отношению к учителям, но и к врачам, адвокатам и т. п. Наименования других должностей, присоединяясь к фамилии, тоже служат выражением вежливости:
Ямамото-тидзи 'губернатор Ямамото', *Уэда-кōтё* 'директор школы Уэда'.

Поэтому говоря о себе надо сказать так : *ватакуси ва тидзино Ямамото дэсў*, что выражает скромность; однако на деле по ошибке часто говорят иначе.

Иногда, но редко, употребляется два суффикса вежливости: *титиуэ**сама*** 'батюшка';

2) придающие значение пренебрежительности:
*бакамоно**мэ*** 'дурак', *ёвамусй**мэ*** 'баба!';

3) придающие значение множественности:
*кодо**мора*** 'дети', *корэ**ра*** 'эти'; *оя**тати*** 'родители', *ана**тати*** 'вы' (мн. ч.); *фўдзин**гата*** 'женщины'; *дзётю̄сю̄* 'служанки', *вакайсю̄* 'молодежь'.

Ра в соединении в местоимениями места, например *асўкора* 'там', имеет значение указания на место или направление в широком смысле. *Гата* выражает множественность и вместе с тем почтительность. *Домо* указывает на один из ряда однородных предметов, как на представителя этого ряда: *кидомо* 'деревья'; *ватакусидомо* 'я и другие; мы'. Для обозначения однородности коллектива людей употребляется *бара*: *хōсибара* 'монахи';

4) указывающие на дружеские отношения:

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

*накама**доси*** 'товарищи', *сэйто**доси*** 'ученики'.

доси — фонетически измененное *дoти* письменного языка, а *дбси* — дальнейшее изменение *доси*;

5) придающие значение места:

сумика 'местожительство'; *ямага* 'место в горах'.

Это *ка* пишется иероглифом 家 'дом', но это — ошибочное написание, на самом деле *ка* имеет значение 'место'.

мияко 'столица' (*мия* 'храм'), *коко* 'здесь', *соко* 'там', *идзуко* 'где'; *мэдо* 'мишень', *атэдо* 'мишень'; *ко* и *до* тоже имеют значение 'место';

6) придающие значение направления:

котти 'сюда, здесь', *атти* 'туда, там';

7) суффикс с неясным значением, присоединяющийся к канго. Имеется в виду *су*, перешедшее из китайского просторечия: *сэнсу* 'веер', *кинсу* 'деньги'.

В японском языке в диалекте Тохоку есть сходный суффикс: *хитокко* 'человек', *нэкокко* 'кошка';

8) указывающие число предметов.

Это так называемые вспомогательные числительные. о которых шла речь в главе о числительных:

хйтори 'один (человек)'; *фўтари* 'два, оба', *митари* 'три, трое', *икўтари* 'сколько (человек)', *ёкка* 'четыре дня'; *хитоцу* 'один', *ицуцу* 'пять'; *хатати* 'двадцать'; кроме того, сюда относятся *хики*, *сацу*, *хон* и многие другие (см. раздел III, главы третьей первого тома);

9) указывающие на последовательность:

Это тоже вспомогательные числительные:

хитоцўмэ 'первый', *нанкаймэ* 'который раз'; *нибан* 'второй (номер)'; *куго* 'девятый номер'; *готō* 'пятый разряд'; *санкю* 'третий класс' [3].

2. Суффиксы, относящие слова к определенной части речи.

По признаку отнесения к частям речи они делятся на следующие группы:

1) образующие существительное (субстантивные):

таками 'высь', *никусими* 'ненависть'; *фукаса* 'глубина', *аоса* 'синева', *сидзукэса* 'тишина', *дайтанса* 'смелость', *хомэрарэтаса* 'желание быть похвальным', *мораитаса* 'желание получить';

ми присоединяется только к основе предикативных прилагательных, а *са*, кроме того, еще и к основе адъективных глаголов и к *та* служебного глагола желательности *тай*. Поскольку служебный глагол — формальное слово, то, разумеется, все вместе с предшествующим знаменательным словом образует одно целое существительное.

Нэмукэ 'сонливость', *самукэ* 'холод, озноб', *одзикэ* 'робость';

кэ присоединяется к основе предикативных прилагательных и глаголов, а также к приёгэнной форме глаголов.

Амэгэ 'дождливость', *сабисигэ* 'грусть', *мэйвакугэ* 'смущенность';

гэ, присоединяясь к существительным, придает им отвлеченное значение состояния. Кроме того, оно присоединяется и к основе предикативных прилагательных и адъективных глаголов.

Ёмитэ 'чтец, читатель', *кайтэ* 'писец, пишущий';

тэ имеет значение 'человек'; присоединяется к приёгэнной форме глаголов.

Нагамэ 'длина', *кикимэ* 'действие, эффект', *нуимэ* 'шов', *вакарэмэ* 'поворотный пункт';

мэ присоединяется к основе предикативных прилагательных и к приёгэнной форме глаголов.

Сумика 'жилище'; *юкуэ* букв. 'направление, куда ушел'.

Эти *ка* и *э*, может быть, допустимо рассматривать не как суффиксы, а как существительные [4];

2) образующие глагол (глагольные):

харумэку 'пахнуть весной' (о чем-либо), *гакўсямэкасу* 'изображать из себя ученого';

мэку значит 'иметь такой вид', а *мэкасу* — 'намеренно придавать такой вид'; оба превращают существительное в глагол четырехступенчатого спряжения.

Хинабу 'отзываться захолустьем', *котосарабу* 'иметь умышленный вид';

бу значит 'быть в таком состоянии'; присоединяясь к существительным и наречиям, превращает их в глаголы верхнего двухступенчатого спряжения.

Отонабуру 'корчить из себя взрослого', *рикбуру* 'умничать';

буру означает 'намерение придавать такой-то вид'; присоединяясь к существительным и основе адъективных глаголов, превращает их в глаголы четырехступенчатого спряжения.

Отонабиру 'взрослеть' (по виду), *инакабиру* 'приобрести провинциальный вид';

биру значит 'принимать такой-то вид'; присоединяясь к существительным, превращает их в глаголы верхнего одноступенчатого спряжения.

Камисабу 'быть божественным';

сабу означает 'пребывать в таком-то состоянии'; присоединяясь к существительным, превращает его в глаголы верхнего двухступенчатого спряжения.

Оядацу 'иметь вид родителя';

дацу значит 'быть похожим на таких-то'; присоединяясь к существительным, превращает их в глаголы четырехступенчатого спряжения.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

*Кэсики**баму*** 'возбуждаться', *тири**баму*** 'запыляться';

баму значит 'приобретать оттенок такого-то вида'; присоединяясь к существительным, превращает их в глаголы четырехступенчатого спряжения.

*Канаси**гару*** 'печалиться', *саму**гару*** 'зябнуть', *ёмита**гару*** 'хотеть читать', *дзаннэн**гару*** 'сожалеть';

гару значит 'быть самому в таком-то состоянии'; присоединяется к существительным, к основе предикативных прилагательных и адъективных глаголов и к *та* служебного глагола желательности *тай*, спрягается по четырехступенчатому спряжению.

Акадзимиру 'запачкаться', *китигаи**дзимиру*** 'ополоуметь',

дзимиру значит 'иметь такой-то вид, отзываться тем-то'; присоединяясь к существительным, превращает их в глаголы верхнего одноступенчатого спряжения.

Кроме того, сюда же относятся суффиксы *нау* (*томонау* 'сопровождать'), *ягу* (*вакаягу* 'молодеть') [5];

3) образующие предикативное прилагательное:

*кодомо**раси*** 'ребяческий', *онна**расий*** 'женственный', *хонто**расий*** 'правдоподобный', *вадзато**расий*** 'видимо, намеренный';

раси, разговорное *расий*, означает 'иметь такой-то вид', присоединяется к существительным и наречиям; нельзя смешивать это *расий* с служебным глаголом предположения *расий*. Кроме того, такие слова, как *мэдзураси* 'редкостный', *субараси* 'великолепный' и т. п., — чистые предикативные прилагательные.

*Гирон**гамаси*** 'видимо, спорный', *харэ**гамаси*** 'видимо, проясняющийся' (о погоде),

гамаси означает 'иметь похожий на то-то вид'; присоединяется к существительным и приёгшной форме глаголов.

Отонаси 'взрослый', *токи**дзи*** 'несвоевременный';

си и ***дзи*** — очень древние суффиксы, присоединявшиеся к существительным.

Кроме того, имеются еще суффиксы *наси* (*абунаси* 'опасный'), *таси* (*омотаси* 'тяжелый'), *васи* (*икагаваси* 'сомнительный'), *гаваси* (*мидаригаваси* 'распутный'), *ваюси* (*омоваюси* 'скромный'), *кэси* (*цуюкэси* 'росистый'), *кой* (*абуракой* 'маслянистый жирный'), *дой* (*кивадой* 'опасный'), *пой* (*васурэппой* 'забывчивый') и т.п. [6];

4) образующие адъективный глагол:

*омосиро**сб да*** 'видимо, интересно', *ёса**сб да*** 'видимо, хорош, подходящий', *сидзука**сб да*** 'видимо, тихо';

сб да присоединяется к основе предикативных прилагательных и других слов, придавая им значение предположения, видимости; если прилагательное односложно (например, *ёй* 'хороший'), между основой и суффиксом вставляется *са*.

*Урэси**гэ да*** 'видимо, радостно', *кокороари**гэ да*** '[это] многозначительно',

гэ да имеет такое же значение, как *сб да*; присоединяется так же.
Ханаяка да 'блестяще', *симэяка да* 'мягко, тихо';
яка да значит 'иметь такого-то рода вид' [7].

Имеются еще суффиксы, образующие наречие, но эти суффиксы не вполне ясны, поэтому здесь мы их опускаем.

III. СЛОЖНЫЕ СЛОВА

Сложные слова называются иначе составными; это слова, образованные путем соединения двух или более слов, принадлежащих к одной или разным частям речи. Может быть, некоторые слова, имеющие префиксы и суффиксы, на самом деле тоже представляют собой сложные слова, но здесь я предпочитаю рассматривать производные и сложные слова отдельно. Между ними имеются следующие различия.

Из производного слова, которое имеет префикс или суффикс, можно выделить само слово, и тогда в остатке окажется словообразовательный элемент, а не слово. Значит, в состав производного слова входит только одно слово. Это слово не определяет категориальной принадлежности производного слова, но составляет ядро его значения.

Из сложного слова тоже можно выделить слово, но в остатке окажется другое слово. Значит, в состав сложного слова входит два или более простых слов. Однако обычно значение сложного слова более или менее отличается от значений входящих в него простых слов. Особенно это заметно в редуплицированных сложных словах.

Хотя сложное слово состоит из двух или более простых слов, но сложившееся сложное слово по своим грамматическим свойствам подобно простому. Например, слово *кономэ* почка (древесная) состоит из трех слов: *ко* (современное *ки*) 'дерево', *но* (показатель родительного падежа — *Н.Ф.*), *мэ* 'побег'; однако как член предложения оно представляет собой полное слияние указанных трех слов. Поэтому, когда дается адъективное определение, надо сказать *яваракай кономэ* 'мягкая почка', а не *ко-но яваракай мэ*. В последнем случае нужное значение выражено не будет; сложное слово распадется. Иначе, сложное слово не допускает вставки другого слова между составляющими его простыми словами.

Простые слова, выступающие как элементы сложного слова, теряют свою самостоятельность, и новое сложное слово должно рассматриваться наравне с простыми как одно целое слово. Об этом свидетельствует и известное изменение первоначального значения, и изменение мелодического ударения, и, наконец, о чем будет идти речь ниже, явления озвончения и изменения слога (гласного).

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Сложные слова делят обычно на две группы:

1. Редуплицированные слова (дзёго 疊語).

Так именуются те слова, которые представляют удвоение одного простого слова, независимо от его категориальной принадлежности. Их внутреннее соотношение — сочинение.

1) Редуплицированные тайгэны:

хйтобито 'люди, народ'; *ямаяма* 'горы', фигурально 'масса, куча чего-либо'; *варэварэ* 'мы'.

Удвоенные существительные и местоимения образуют существительные же и местоимения, обозначающие множественное число. В нижеследующих случаях удвоение местоимений и существительных привело к изменению части речи — образованию наречий:

сорэдзорэ 'каждый (каждого, каждому и т.д.) по отдельности'; *вадзавадза* 'намеренно, специально'.

2) Редуплицированные глаголы.

Редуплицированные глаголы образуют всегда наречия, выражающие состояние:

а. Повторение приёгэнной формы: *накинаки* 'плача, со слезами', *симидзими* 'проникновенно', *канэганэ* 'давно';

б. Повторение заключительной формы: *накунаку* 'плача, со слезами', *масумасу* 'более и более', *каваругавару* 'попеременно, поочередно'.

3) Редуплицированные предикативные прилагательные:

а. Повторение основы: *хисабиса* 'давно', *хиробиро* 'просторно, широко'; это наречия, выражающие состояние.

Омоомоси 'тяжелый', *вакавакаси* 'юный'.

б. Повторение приёгэнной формы:

хаяку-хаяку 'скорей, скорей', *цуёку-цуёку* 'крепко-накрепко'.

Так как приёгэнная форма всякого предикативного прилагательного может употребляться наречно, то вышеприведенные редуплицированные слова представляют собой повторение предикативного прилагательного в наречном употреблении, а не наречия.

4) Редуплицированные наречия.

Они, конечно, являются наречиями же, значение которых подчеркивается:

матамата 'опять (и опять)', *мадамада* 'еще не'.

5) Редуплицированные междометия.

Они тоже представляют собой междометия с подчеркнутым значением:

ояоя 'ах, ах!', *ааара* (то же).

2. Нередуплицированные сложные слова (дзюкуго 熟語) [8].

Дзюкуго — это слова, состоящие из двух или более разных простых слов и обозначающие понятие иное, нежели значение этих

простых слов. По соотношению образующих их простых слов они делятся на два типа:

1) Сложные слова с неравноправным соотношением компонентов.

Сюда относятся те случаи, когда одно простое слово, составляющее компонент сложного, определяет другое простое слово, входящее в состав сложного. Поскольку в японском языке предшествующее слово обычно определяет последующее, то в сложных словах этого типа первый компонент подчинен второму:

ямакава 'горная река', *харукасуми* 'весенняя дымка'.

2) Сложные слова с равноправным соотношением: *кусаки* 'растительность' (букв. 'травы и деревья'), *фубо* 'родители' (букв. 'отец мать'), *сандзуй* 'виды, пейзаж' (букв. 'горы и воды') [9].

Ямада Ёсио, приводя эти примеры[5], называет такое соотношение соотношением единства; он рассматривает этот случай и вышеописанное неравноправное соотношение как два вида связи в сложных словах. Действительно, в приведенных словах ни один компонент нельзя считать ни главным, ни подчиненным; однако нельзя сказать, чтобы во всех словах, где отсутствует такое соотношение, было бы представлено соотношение единства. Например, в таких словах, как *юкифури* 'снегопад', *кусакари* 'сенокос' (букв. 'травокос'), несомненно, компоненты не связаны равноправным соотношением, но в них нет и неравноправного соотношения вышеуказанного типа[6].

Нередуплицированные сложные слова делятся на следующие разряды:

1) Сложные существительные; они образуются:

а. Из двух существительных: *ямадзакура* 'горная вишня', *мидзугурума* 'водяное колесо', *табакобон* 'прибор для курения';

б. Из местоимения и существительного: *сорэся* 'женщина легкого поведения' (букв. 'это лицо, этот человек'), *нанимоно* 'кто';

в. Из приёгэнной формы глагола и существительного: *отиба* 'опавшие листья', *кэмари* 'футбольный мяч' (*кэ* — от глагола *кэру* 'пинать ногой'), *хиясйкохи* 'холодный кофе' (остуженный);

г. Из основы предикативного прилагательного и существительного: *аогуса* 'зеленая трава', *такаяма* 'высокая гора', *усугуро* 'темное' (букв. 'бледно-черное');

д. Из существительного и приёгэнной формы глагола: *цукими* 'любование луной', *ханацуми* 'срывание цветов', *инкйкэси* чернильная резинка' (букв. 'стирание чернил');

е. Из существительного и основы предикативного прилагательного: *ёсаму* 'ночной холод', *хинага* 'длинный день';

ж. Из двух глаголов в приёгэнной форме: *укэтори* 'получение, прием' ('получение и взятие'), *урикаи* 'торговля' ('продажа и купля');

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

з. Из глагола в приёгэнной форме и основы предикативного прилагательного: *матидб* 'долгое ожидание', *касэгадака* 'размер (букв. 'высота') заработка';
и. Из двух основ предикативных прилагательных: *такахйку* 'неровности' ('высоко и низко'), *ёсиаси* 'добро и зло';
к. Из основы предикативного прилагательного и приёгэнной формы глагола: *урэсинаки* 'радостные слезы' (букв. 'радостный плач'), *такатоби* 'высокий прыжок';
л. Из основы адъективного глагола и существительного: *ороэ* 'туманная ночь', *мудабанаси* 'пустая болтовня';
м. Из основы адъективного глагола и глагола в приёгэнной форме: *содзороаруки* 'прогулка' ('медленная ходьба');
н. Из нарэчия и приёгэнной формы глагола: *утатанэ* ('дремота'), *тёттоми* 'мимолетный взгляд';
о. Из существительного, глагола и служебного глагола: *нэкоирадзу* 'мышеловка' (букв. 'кошка не нужна');
п. Из глагола, служебного глагола и глагола: *кувадзугираи* 'предубеждение' (*кувадзу* 'не есть', *кираи* 'нелюбовь')*;
р. Из существительного и предикативного прилагательного в заключительной форме: *содэнаси* 'безрукавка', *накаёси* 'дружба, близость' (букв. 'отношения хороши').

2) Сложные местоимения; они образуются:
а. Из местоиме́ния и существительного: *кояцу* (*коицу*) 'он' (пренебрежительно: 'этот малый'), *сояцу* (*соицу*), *аяцу* (*аицу*) — то же, *вануси* (древнее местоимение 2-го лица);
б. Из двух местоимений: *карэкорэ* 'то и сё, то или сё', *кококасйко* 'тут и там'.

3) Сложные глаголы; они образуются:
а. Из существительного и глагола в заключительной форме: *надзуку* 'именовать, давать имя', *табидацу* 'отправляться в путь';
б. Из глагола в приёгэнной и глагола в заключительной форме: *цўкйтаосу* 'ударить и повалить', *каэримиру* 'оглянуться' ('повернуться и посмотреть'), *ямихбкэру* 'болеть и исхудать';
в. Из основы предикативного прилагательного и глагола в заключительной форме: *тикаёру* 'приблизиться', *нагабику* 'тянуться'.

4) Сложные предикативные прилагательные; они образуются:
а. Из существительного и прилагательного в заключительной форме: *надакай* 'знаменитый', *икигурусий* 'душный', *мимиатарасий* 'новый' (ранее не слышанный);
б. Из глагола в приёгэнной и прилагательного в заключительной форме: *мусиацуй* 'душный и жаркий', *миникуй* 'безобразный';

---

* *куу* — 'есть', *дзу* — служебный глагол отрицания, *кирау* — 'не любить'.

в. Из двух прилагательных — в форме основы и в заключительной форме: *усугурай* 'полутемный', *фурукўсай* 'устаревший', *амасўппай* 'кисло-сладкий'.

5) Сложные наречия; они образуются:

а. Из существительного и служебного слова: *макотони* 'поистине', *саивани* 'к счастью', *мотоёри* 'первоначально, искони', *вадзато* 'нарочно';

б. Из глагола и служебного слова: *кивамэтэ* 'крайне', *итаттэ* 'весьма', *амарини* 'слишком', *татоэба* 'например';

в. Из местоимения и служебного слова: *нандзо* 'как', *наника* 'что-то';

г. Из наречия и служебного слова: *сугуни* 'сейчас же,' *дзикини* 'прямо', *юккурито* 'не спеша', *дōка* 'как-нибудь';

д. Из двух существительных: *токиори* 'по временам';

е. Из приименного слова и существительного: *аруси* 'однажды' (в некий день), *арутоси* 'в некий год';

ж. Из двух наречий: *наосара* 'еще более, тем более';

з. Из наречия и существительного: *сугусама* 'сейчас же';

и. Из глагола и служебного глагола: *таэдзу* 'непрестанно', *омовадзу* 'невольно', *нарубэку* 'по возможности';

к. Из основы предикативного прилагательного и служебного слова: *наганагато* 'длинно', *тикадзикани* 'близко'.

Как видно из примеров, сложные наречия часто состоят из знаменательного слова в соединении со служебным словом или служебным глаголом; однако надо помнить, что слова в таком соединении не всегда являются наречиями, и эти два случая надо различать:

сō ва ***макотони*** *кими-но кото-но готоси* (п. я.) 'Это **поистине** похоже на твои слова'; здесь *макотони* — наречие.

Хйто-но мити ва ***макото-ни*** *сику моно наси* (п. я.) 'Что касается пути человека, то ничто не сравняется **с истиной**'; здесь *макото-ни* — существительное с служебным словом, составляющее наречное определение.

Точно так же в нижеследующих примерах:

Карэ ва ***таэдзу*** *дорёку сэри* 'Он непрестанно старается'; здесь *таэдзу* — наречие.

Тэкикагэ-но сюцубоцу цунэни ***таэдзу*** 'Частые появления врага все время не прекращаются'; здесь *таэдзу* (т.е. глагол с служебным глаголом) является сказуемым.

Такие случаи надо различать по смыслу предложения и роли в нем данного слова.

6) Сложные союзы; они образуются:

а. Из существительного и служебного слова: *токорога* 'однако', *юэни* 'поэтому';

б. Из местоимения и служебного слова: *сорэдэ* 'поэтому', *сорэтомо* 'тем не менее', *сорэни* 'к тому же';

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

в. Из глагола и служебного слова: *нарабини* 'а также', *суруто* 'тогда', *ситагаттэ* 'следовательно';
г. Из наречия и служебного слова: *матава* 'или', *тадаси* 'только, впрочем', *сйкамо* 'и';
д. Из служебного глагола и служебного слова: *дага* 'однако', *дэсӯ кара* 'поэтому';
е. Из двух служебных слов: *дэва* 'и вот', *дэмо* 'хоть'.
ж Из наречия, глагола и служебного слова: *сосйтэ* 'и тогда', *сӣ суру то* 'тогда', *сйкасинагара* 'но'.

Сложные союзы часто состоят из знаменательного слова и служебного, однако надо помнить, что такое соединение не всегда является союзом, и нужно различать эти случаи; не следует смешивать и те случаи, когда такую же форму имеет союзное служебное слово, например:

Ватакӯси ва хисасибури-дэ хӣмон сйта. ***Токорога*** *йӣдзин ва русу дэ атта* 'Давно не видав товарища, я навестил его. **Однако** его не оказалось дома' (союз).

Ватакӯси ва хисасибури-дэ хӣмон-сита ***токорога****, йӣдзин ва русу дэсйта* (перевод тот же; союзное служебное слово).

Ватакӯси ва хисасибури-дэ хӣмон-сйта но дэ, йӣдзин-но ***токорога*** *вакаранакатта* 'Так как я пошел к товарищу после долгой разлуки с ним, то не знал его **местожительства**' (существительное с служебным словом).

Сэмпай-ни сугурэта хйто-га бй. ***Ситагаттэ****, кӣхай-ни мо эрай хйто-га дэру* 'В старшем поколении много выдающихся людей. **Следовательно**, и в младшем поколении появляются замечательные люди' (союз).

Сэмпай но сугурэта хито ни ***ситагаттэ****, кӣхай ва сусундэ юкэба ей* 'Младшему поколению надо идти вперед, следуя за выдающимися людьми старшего поколения' (глагол с служебным словом).

7) Сложные служебные слова: они образуются:
а. Из существительного и служебного слова: *токорога* 'однако', *моноо* 'однако';
б. Из глагола и служебного слова: *сйтэ* (много значений);
в. Из двух служебных слов: *нони* 'а', *дэмо* 'хоть', *томо* 'хотя';
г. Из служебного слова, глагола и служебного слова. *тосйтэ* 'как, в качестве'.

Коснемся в нескольких словах фонетических изменений, происходящих при образовании сложных слов. Они таковы:

1) Озвончение.

При образовании сложного слова начальный согласный второго компонента озвончается, в чем проявляется тесная связь обоих компонентов:

хйтобито, *сумидзуми*, *тикадзика*, *торидори* (редуплицированные слова), *ямагава* (*кава*), *урадзиро* (*сиро*), *сакурабана* (*хана*) [10].

2) Изменение гласного.

При образовании сложного слова изменяется конечный гласный первого компонента:

сакабунэ (*сакэ*), *канадзути* (*канэ*), *коваиро* (*коэ*) [11], *сираўма* (*сиро*).

3) Озвончение и изменение гласного.

сакабунэ (*сакэ-фунэ*), *кадзагурума* (*кадзэ-курума*), *канадзути* (*кинэ-цути*), *цумадати* (*цумэ-тати*).

Относительно изменения гласного Хага Яити писал: „Считается, что в такие слова, как *фунасоби*, *канадараи*, *сакадару*, вошли слова *фунэ*, *канэ*, *сакэ*, изменив гласный при образовании сложного слова; однако не сохранились ли в нем старые формы слов, произносившиеся в древности *фуна*, *кана*, *сака*? Как *ма* изменилось в *мэ* 'глаз', *ко* — в *ки* 'дерево', т.е. *а* перешло в *э*, *о* — в *и*, так и здесь *а* могло измениться в *э*"[7]. Вопрос требует дальнейшего изучения.

Вышеуказанные фонетические изменения при образовании сложного слова не являются обязательными; они определяются своего рода узусом, и, по-видимому, на произношение влияет принцип „экономии труда"[8].

Наконец, помимо сложных, говорят о слитных словах (*гаттайго* 合體語). Согласно д-ру Ямада, „слитные слова — это слова, в которых два слова по форме слились настолько, что не могут быть разделены, но значение каждого из них сохраняется. Этим они отличаются от составных слов, но сходны с ними тем, что состоят из двух или более компонентов. Различие их состоит в том, что последние образуют новое слово главным образом по значению, а первые сохраняют раздельность компонентов по значению и вместе с тем образуют слитное целое по форме"[9]. Он приводит следующие примеры:

итоддо (*итоито* 'очень-очень') 'очень', *кавара* (*кавахара* '*река долина*') 'речная долина', *сионава* (*сио-но ава* 'пена прилива') 'пена прилива'.

Харуби (*хараоби* 'живот-пояс') 'подпруга', *курэнаи* (*курэноаи* 'камыш из Курэ') 'алый'; *омоидэ* (*омои идэ* 'думы-выход') 'воспоминания'.

Дзари (*дзу ари*), *бэкари* (*бэку ари*), *сйкари* (*сйка ари*), *саритотэ* (*сари тосйтэ*), *дэ* (*дзутэ*), *оба* (*о ва*).

Короче говоря, слитные слова — это сложные слова особого типа, в которых звуки составляющих их простых слов опущены или изменены; и поэтому просто разделять такие сложные слова на их первоначальные составляющие невозможно.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] См. Хасимото, II, стр. 72—81.
[2] Об этом есть ценные замечания у Хасимото; см. там же.
[3] *Го* — онное чтение, поэтому оно обычно присоединяется к канго. Относительно значения и употребления *о*, *оми*, *во* см. Мацусита, I, стр. 373—386.
[4] *Ити* пишется иероглифом 逸, но его считают происходящим от *ицу* 稜威 'мощь, блеск' или же имеющим значение *ито* 'очень'.
[5] Ямада, VII, стр. 315.
[6] Ср. Ёсиока, цит. соч., стр. 314—316.
[7] Хага, IV, стр. 13.
[8] Относительно сложных слов см. также Ямада, VIII, стр. 711—763 и Ямада, IX, стр. 593—626.
[9] Ямада, IX, стр. 626—627.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Понятие предложения

Что такое предложение (бун 文) с точки зрения грамматики? Просто ответить на этот вопрос нелегко. Приведем определения разных авторов.

Оцуки: „При письменной фиксации языка то, что представляет собой законченную мысль, именуется *бун* (文) или *бунсё* (文章) [1], а то, что представляет собой незаконченную мысль, — *ку* (句)"[1].

Окада: „*бун* — это выражение в языке законченной мысли, изображенное затем знаками письма. Таким образом, предложение — это произведенное по определенным правилам сочетание слов, выражающее законченную мысль. В таком случае как бы хорошо ни были соединены слова, но если они не выражают смысла, они не будут составлять предложения. Если смысл выражен достаточно полно, но в самом соединении слов наблюдаются неправильности, такое соединение также нельзя назвать предложением"[2].

Кусано: „Предложение (*бун* или *бунсё*) — это сочетание двух или более слов, составляющее цельную по смыслу единицу речи и в соответствии с выражаемым им значением заканчивающееся интонационно"[3].

Хага: „Выражение законченной мысли с помощью сочетания слов называется предложением"[4].

Мицуя: „Сочетание двух и более слов, выражающее законченную мысль, называется предложением"[5].

Хасимото: „Предложение с точки зрения значения есть выражение в речи законченной мысли; с языковой точки зрения оно непрерывно от начала до конца и заканчивается остановкой. Материал, из которого строится предложение, — слова. Слова выражают отдельные понятия (значения), и чаще всего предложение состоит из двух или более слов; однако случается, что и одно слово образует предложение (например: *хикōки*! 'самолет!', *сусумэ*! 'вперед!' и т.п.). Во всяком случае предложение всегда состоит из слов. В предложении от его начала до конца слова следуют непрерывно, так что можно сказать, что оно представляет собой словесный континуум"[6]. У него же: „Предложение с точки зрения его содержания (значения) выражает нечто определенное, т.е. оно закончено... Поскольку предложение есть явление языка, оно должно характеризоваться не только значением, но и формой. Признаки предложения

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

со стороны формы: 1) предложение есть звуковая непрерывность; 2) перед предложением и после предложения существует разрыв; 3) предложение заканчивается особой интонацией"[7].

Ямада: „Выражение мысли в речи называется предложением. Предложение образуется из группы слов и с внешней стороны является только группой слов. Предложение называется предложением в силу содержащейся в нем мысли. При деятельности человеческого сознания разного рода понятия в каком-либо пункте соотносятся и в этом же пункте сочетаются, это и есть мысль. Такое сочетание должно быть единичным, ибо единичен главный пункт сознания. Поэтому в одной мысли совершается один процесс сочетания. Он именуется процессом апперцепции. Процесс апперцепции — это поистине жизнь мысли. Выражение в языковой форме мысли, объединенной процессом апперцепции, есть предложение"[8] [2].

Кикудзава: „Предложение — это воплощенная в звуковой непрерывности единица значения, органически объединенная и выражающая мысль"[9].

В вышеприведенных определениях для образования предложения выдвигаются два необходимых условия, а именно:

1) со стороны формы — сочетание слов;

2) со стороны содержания — выражение законченной мысли.

Эти представления вытекают из европейской грамматики. Генри Суит пишет следующее:* „Предложение есть слово или группа слов, способных выразить законченную мысль или значение"[10].

Сочетание слов, составляющее первое условие образования предложения, с точки зрения соотношений между словами может быть различным.

1) Сочинительная связь: *цӯки, юки, хана* 'луна, снег, цветы', *тити то хаха* 'отец и мать', *ёми каку* 'читать [и] писать';

2) Определительная связь: *нацӯкасйки кокѐ* 'милая сердцу родина', *урэсйку омоу* 'думать радостно', *ито самуси* 'очень холодно';

3) Присловная связь: *ватакӯси ва* 'я' (как подлежащее), *хомэрарэта* 'был похвален'.

Все эти виды связи представляют собой сочетание слов, но ни одно из них не образует предложения: они не удовлетворят второму условию, т.е. не выражают законченную мысль. Вот почему словосочетание-слово не может быть предложением.

Сочетание слов с точки зрения соотношения различных частей речи, т.е. того, являются ли сочетаемые слова знаменательными или формальными, можно подразделить на два типа:

1) сочетания знаменательных слов:

ямадзакура 'горная вишня', *ханадзакари* 'расцветание цветов', *цӯкими* 'любование луной';

---

* В оригинале цитата приведена на английском языке.

Наку тори 'поющая птица', *соёгу кадзэ* 'шелестящий ветер', *уцўкусйку саку* 'красиво цвести', *такўсан кау* 'много купить'.

Первые три примера представляют собой соединение двух простых слов в одно сложное и, следовательно, вообще не являются сочетаниями самостоятельных слов. В остальных слова находятся в определительной связи, хотя сама форма ее различна, и поэтому они не образуют предложения. Однако *хана саку* (п.я.) 'цветы цветут', *тори наку* (п.я.) 'птицы поют' — это соединение тех же знаменательных слов, но здесь они находятся в так называемой предикативной связи и поэтому образуют предложение. Таким образом, предложением является только такое соединение знаменательных слов, при котором слова находятся в предикативной связи.

2) Сочетание знаменательного слова с формальным:

хару ва 'весна' (как подлежащее), *ватакўси мо* 'и я', *уцўкўсий то* 'если красиво'.

хон дэсў 'книга' (как сказуемое), *найта* 'плакал', *ёрокоби-масў* 'радуюсь'.

сўкоси мо 'нисколько', *юккури-то* 'не спеша'.

Никакое соединение знаменательного слова с формальным само по себе абсолютно не способно образовать предложения. Во всех таких соединениях наличествует присловная связь.

3) Сочетание формальных слов:

дэсй-та 'был' (связка); *масэ-н* (грамматический глагольный суффикс); *да-га* 'однако', *масў ка* (глагольный суффикс и вопросительная частица).

Хотя приведенные примеры являются формальными словами, т.е. все же словами, однако, разумеется, они не могут образовать предложения;это только словосочетания-слова с присловной связью.

Таким образом, на вопрос, какое сочетание слов является предложением, можно дать следующий ответ:

1. Сочетание должно состоять из знаменательных слов.

2 Слова должны находиться между собой в предикативной связи

Эти условия согласуются с вышеприведенными двумя необходимыми условиями образования предложения по следующим пунктам:

1) Со стороны грамматической формы — это сочетание слов; оно должно быть сочетанием знаменательных слов.

2) Со стороны содержания, т.е. значения — это выражение законченной мысли; законченная мысль может быть выражена только в том случае, если сочетаемые знаменательные слова находятся в предикативной связи.

Сочетание знаменательных слов, находящихся в предикативной связи, называется предложением.

Однако такое определение содержит синтаксический термин „предикативная связь" и потому может вызвать возражение как

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

попытка объяснить одно неизвестное понятие другим неизвестным понятием. Поскольку такое возражение справедливо, указанное определение приводится нами только временно для удобства объяснения. Теперь необходимо перейти к рассмотрению термина „предикативная связь", благодаря чему можно будет объяснить и формулу „выражать законченную мысль".

* * *

Как сказано в определении д-ра Ямада, наша мысль объединяется процессом апперцепции, т.е. имеется некий центр, относительно которого должно быть высказано что-либо. Законченная мысль — это продукт сознания, в котором органически соединены сам центр и то, что высказывается относительно этого центра. Когда все это выражается в языке, то принимает форму предложения. Если передать это в упрощенной форме, то мысль можно выразить следующими тремя способами:

1) что-либо что-то делает;
2) что-либо каково-то;
3) что-либо чем-то является.

„Что-либо" — центральное ядро мысли, а „что-то делает", „каково-то", „чем-то является" — высказывание относительно этого центра. Это центральное ядро и высказывание соединены не сочинительной, не определительной и не присловной, а так называемой сказуемостной, предикативной связью.

Припомним, что в пятом разделе „Введения", посвященном классификации частей речи, знаменательные слова были разделены на самостоятельные, подчиненные и независимые, а самостоятельные, в свою очередь, — на понятийные и изъяснительные. Только самостоятельные слова могут стоять в предикативной связи, а именно: „понятийные слова" образуют центральное ядро мысли, а *„изъяснительные слова" составляют высказывание относительно* этого ядра. Иначе говоря, „что-либо" выражается главным образом понятийными словами, а „что-то делает", „каково-то" — изъяснительными словами. Остальные подчиненные, релятивные и вспомогательные слова играют только вспомогательную роль.

Однако сказать наоборот — что законченная мысль выражается непременно сочетанием слов, находящихся в предикативной связи, — нельзя. Тут и встает важный вопрос относительно понятия предложения.

Предложение, отвечающее данному выше определению: „Сочетание знаменательных слов, находящихся в предикативной связи, называется предложением", я называю типичным или нормальным предложением, а все, не отвечающее этому определению, но все же приближающееся к предложению, я называю нетипичным или особым предложением. Вместе с тем счи-

тать предложениями только типичные предложения — это логицизм, а признавать предложениями не только типичные, но и нетипичные предложения, значит не быть в путах логицизма. Что же представляют собой нетипичные или особые предложения?

Генри Суит пишет по этому поводу следующее*.

„Поскольку каждое предложение есть выражение мысли, а мысль представляет собой соединение субъекта и предиката и поскольку предикация выражена по-английски, предложение должно содержать по крайней мере два слова — субъектное слово и предикативный глагол. Отсюда следует, что всякая группа слов, содержащая глагол, является, грамматически говоря, предложением.

Однако в некоторых случаях законченное значение выражается одним словом — словом-предложением (a sentence-word), как например Come! 'Приходи!', 'Я приказываю тебе прийти', где субъект очевиден и поэтому достаточно одного предикативного слова для того, чтобы составить предложение. John! 'Я прошу Джона прийти — помочь мне" и т. п. Здесь субъектное слово выполняет функцию предиката, который опущен в силу своей неясности. Jes 'да' — 'Я согласен с тобой — я сделаю так' и т.п. No, alas 'Увы, нет'— 'Я сожалею об этом'. Здесь само различие между субъектом и предикатом ощущается смутно. Отсюда мы видим, что „однословные предложения" бывают двух видов: а) состоящие из определенного субъекта или предиката, являющегося единственным его членом, и б) состоящие из слова, которое само по себе не есть определенно ни субъект, ни предикат, в котором понятия субъекта и предиката не дифференцированы, а как бы „сконденсированы" в одно слово. С грамматической точки зрения такие „конденсированные" предложения вряд ли вообще являются предложениями; скорее всего они представляют собой нечто среднее между словом и предложением. Группа слов без verbum finitum или вербального слова тоже может быть эквивалентна предложению — может составлять „группу слов — предложение" (sentence-group). The more the merrier 'Чем больше, тем лучше' — это пример группы, эквивалентной соединению двух несамостоятельных предложений (clauses). Такими предложениями часто являются пословицы, поговорки, названия книг, например: Better late, than never 'Лучше поздно, чем никогда', Measure for measure 'Мера за меру' и др. [11].

Отто Есперсен говорит следующее:*

„Лингвисты все более и более признают , что ... существуют одночленные предложения. Они могут состоять из одного единственного слова, например: Come! 'Приходи!', или Splendid! 'Велико-

* В оригинале цитата приведена на английском языке.

* В русском переводе нижеследующие цитаты переведены с английского оригинала — *Прим. ред.*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

лепно!', или What? 'Что?' или из двух и более слов, которые в этом случае не должны стоять в предикативной связи, например: A capital idea! 'Превосходная мысль!', Poor little Ann! 'Бедная крошка Энн!', What fun! 'Вот забавно!'. Здесь мы должны остерегаться прежде всего ошибочного понимания, которое мы находим ни много ни мало, как у Суита; он говорит (N.E.G., §452), что с грамматической точки зрения эти предложения представляют собой нечто промежуточное между словом и предложением. Это в свою очередь предполагает, что слово и предложение — ступени одной восходящей линии, но в то же время они принадлежат двум различным сферам: однословное предложение есть одновременно и слово-предложение, совершенно так же, как однокомнатный дом с одной точки зрения — комната, а с другой — дом, а не нечто промежуточное между тем и другим.

Грамматисты старого толка почувствуют известное отвращение к этой теории однословных предложений и будут склонны объяснять их своей панацеей — эллипсисом. Come будет объяснено как эллипсис (you) come '(ты) приходи', а насчет Splendid! 'Великолепно!' и A capital idea! 'Превосходная мысль!' будет сказано, что подразумевается не только подлежащее — this 'это', но и глагол is 'есть'... Но что подразумевается в ...Special edition! 'Экстренный выпуск!' или Will you buy... 'Не купите ли...?'? *Если слово* John образует целое высказывание, то в зависимости от обстоятельств и тона оно может быть истолковано различно. How I love you, John! 'Как я люблю тебя, Джон', How could you do that? 'Как ты мог это сделать?', I am glad to see you 'Я рад тебя видеть', Was it John? I thought it was Tom 'Это был Джон? А я думал, что это Том' и т.д. Как эти различные John'ы могут быть сведены к схеме субъект — предикат и как эллипсис может помочь нам в их анализе?"[12]. Соответственно Есперсен дает такое определение предложения: „Предложение есть (относительно) полное и независимое высказывание — причем полнота и независимость выражаются в том, что оно существует одно само по себе или способно существовать одно само по себе, т.е. может быть высказано одно"[13]. Предложение не определяется особой грамматической формой наличия одного слова или нескольких слов: „Следовало бы разделить предложения на такие три типа: Нерасчлененные предложения (inarticulate sentence), например: Thanks! Спасибо! (Thanks very much! Большое спасибо!), What 'Что?', Off! 'Долой!'; 2) Полурасчлененные предложения, например: Thank you 'Спасибо вам', What to do? 'Что делать?', Off with his head 'Снести ему голову!'; 3) Расчлененные предложения, например: I thank you 'Я благодарю вас', What am I to do 'Что я буду делать?, Что мне делать?', You must strike off his head 'Ты должен снести ему голову?...' Во всякой речевой деятельности надо различать следующие три вещи: выражение (expression), умолчание (suppression) и

впечатление (impression). Выражение—это то, что говорящий дает, умолчание — то, чего он не дает, хотя мог бы дать, впечатление — то, что слушающий получает. Важно отметить, что впечатление часто создается не только посредством выраженного в словах, но и благодаря тому, что о чем-то умолчали. Внушение (suggestion) — это создание впечатления путем умолчания. Только педант стремится выразить все, но даже для педанта это невозможно. Об искусстве писателя говорится, что в значительной мере оно состоит в знании того, что́ следует оставить в чернильнице, но и в большинстве наших повседневных высказываний мы умалчиваем о множестве вещей, которые педант выразил бы в словах. Two third Brighton return 'Два третьего Брайтон обратно' заменяет что-то вроде 'Не будете ли вы добры продать мне два билета третьего класса в Брайтон и обратно, а я заплачу вам за эти билеты установленную плату...' И в построении предложения говорящий во многом полагается на воображение слушателя"[14].

В другой своей работе Есперсен именовал предложения, в которых отсутствует подлежащее и сказуемое, аморфными предложениями и привел такие примеры: Yes! 'Да!', Good-bye! 'До свиданья!', Of course! 'Конечно!', Nonsense! 'Вздор!', Waiter, another bottle! 'Кельнер, еще бутылку!', Your health! 'За ваше здоровье!', Why all this fuss? 'С чего весь этот шум?', Hence his financial difficulties! 'Отсюда его финансовые затруднения!' и т.п. [15]. Если приводить соответствующие примеры из японского языка, то множество их обнаружится в так называемых общеупотребительных приветствиях, например: *О-хаё!* 'С добрым утром!', *Го-кигэн ё!* 'Будьте здоровы!', *Коннитива!* 'Добрый день!', *Дōмо аригатō* 'Большое спасибо' и т.п. По-видимому, соответствуют этому и такие случаи, как *Ину!* 'Собака!', *Кава!* 'Река!', *Амэ, амэ!* 'Дождь, дождь!' и т.п.

Ямада Ёсио полагает, что „слова *ину*, *кава* являются обычно самостоятельными словами. Однако, если я выкрикну их в тот момент, когда на меня неожиданно нападет собака или когда нужно предостеречь слепого, который, сам того не зная, подходит к реке и близок к падению, это уже не про́сто слова: поскольку они произнесены для выражения целой мысли, они сами по себе составляют предложение. В том случае, когда *ину* и *кава* должны рассматриваться как слова, они служат материалом для выражения мысли, когда же они должны считаться предложением, они употреблены для самого выражения мысли. В зависимости от того, употреблены ли эти слова только для выражения понятий „собака", „река" или же для выражения целой мысли, они и рассматриваются как слова или как предложения. Иными словами, одно и то же рассматривается либо аналитически как материал, либо синтетически как выражение мысли. Когда слова употребляются в качестве предложения, неважно, какова их природа, их число,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

важно лишь, стоит ли за ними выражение мысли"[16]. Эта теория поддерживается таким рассуждением: „Целое, составляющее основу предложения, именуется фразой (ку 句). (Фраза — это языковое выражение мысли, организованной одним актом процесса апперцепции). Будучи употреблена, фраза образует целое и именуется предложением. Случается, что предложение мы выражаем одним словом. Таково выражение эмоций и желаний. Таково восклицание *Ину!* 'Собака!' в момент, когда набрасывается собака, или *кадзи!* 'Пожар!', когда нужно сообщить, что возникает пожар. Здесь мы произносим лишь одно слово, однако за ним кроется сложная работа мысли. Таким образом, хотя с внешней стороны оно и является одним словом, но если оно передает акт апперцепции, то это уже фраза, предложение. Однако, подходя к этому слову с внешней стороны, трудно решить, что перед нами — слово или фраза. Поэтому необходимо различение формально полных и неполных фраз. Это различение в конечном счете должно зависеть от того, имеются ли условия, чтобы фраза вызвала у слушателя ту же определенную мысль, какую выразил говорящий. В этом смысле, например „собака", „пожар", не имеют такой формы, чтобы вызвать определенную мысль. Напротив, такое слово, как *юкэ* 'иди', поскольку оно говорится лицу, выслушивающему приказание, всегда вызовет определенную мысль. А как же быть с такими выражениями, как *Мёнару фуэ-но ото ё* 'Какие прекрасные звуки флейты!'? Подобные высказывания без всякого разграничения подлежащего и сказуемого полностью выражают мысль. Кто бы их ни слушал, в уме у слушателя они вызовут примерно ту самую мысль, какую высказывает говорящий. Значит и с точки зрения мысли, и с точки зрения формы — это полноценные фразы. Отсюда ясно, что существует особая форма, способная выразить мысль без разграничения подлежащего и сказуемого. Это — форма выражения эмоций, находящаяся в иной сфере, чем форма интеллектуального выражения, имеющая вид логического суждения. Те предложения, в которых нельзя провести разграничения между подлежащим и сказуемым, представляют собой форму интуитивного выражения; они монистичны; те же, центром которых служит слово в звательной позиции и в которых точка объединения сознания воплощается в нем, я называю возгласными фразами (кантай-но ку 喚體の句). В противоположность им фразы, принимающие форму суждения, дуалистичны; это — форма интеллектуального выражения; пункт объединения сознания в них воплощен в сказуемом, и я называю их предикатными фразами (дзюттай но ку 述體の句)" [17]

Согласно теории Кобаяси Хидэо, слово с логической точки зрения может быть и субъектом и предикатом, и в некоторых случаях то, чем именно оно является в суждении, зависит от ситуации. Это так называемое внесловное значение; например, *амэ*, *амэ!* 'дождь,

дождь!' в зависимости от позиции имеет два значения: в северных районах в середине зимы всегда идет снег, а сегодня почему-то пошел дождь; тогда это имеет смысл „идет не снег, а дождь". Таким образом, этот возглас является предикатом суждения; роль субъекта играет ситуация. Но если на дворе сушится белье и не следует, чтоб оно промокало, а возглас содержит приказание скорее унести его, то *амэ, амэ!* — субъект суждения. В этом и другом случае возглас *амэ, амэ!* — служит знаком изменения ситуации. Следовательно, его можно назвать ситуационным знаком (татибатэки киго 立場的記語). Говорят, что такие знаки являются предложениями, что в предложении обязательно должен быть изменяющийся глагол, что предложением может быть и одно существительное само по себе. Но поскольку предложение можно определить как языковое выражение суждения, то теория, рассматривающая эти предложения и считающая, что ситуация не имеет отношения к языку, должна быть признана неправильной. Ситуация — конструктивный элемент предложения. Для того чтобы язык был языком, необходимо существование ситуации. Ситуация — безмолвная речь[18].

По данному вопросу существуют интересные соображения у Дзимбо Каку[19] и у Мацусита Дайдзабуро. Мацусита считает, что заключение есть понятийное понимание вещи (явления) субъектом. Например, если при виде пожара понято, что это *кадзи да* 'есть пожар', то такое понимание выразится в виде заключения *кадзи да*. Заключение—единица мысли. Если мыслимое состоит только из понятия, оно не может быть мыслью. Чтобы стать мыслью, мыслимое должно подняться на ступень заключения. Заключение в зависимости от характера понимания бывает двух типов — дискурсивное и интуитивное. Дискурсивное заключение — это понимание, достигнутое процессом суждения. Например, человек видит цветок: общий вид цветка, форма, окраска в совокупности образуют одно представление Будучи разложено, данное представление превращается в два понятия: „этот цветок" и „красота"; понятие „этот цветок" становится объектом суждения, а понятие „красота" — материалом для суждения. Оба понятия, апперцептивно объединенные, образуют заключение: „этот цветок красив". Заключения, возникшие путем такого процесса суждения, являются дискурсивными. Интуитивные заключения не возникают в процессе суждения: представление об объекте, не разлагаясь на объект суждения и материал для него, в той же интуитивной форме образует заключение. Например, испугавшись неожиданно начавшегося землетрясения, вскрикивают *ара!* 'ой!' В таком *ара!* не выражено никакого суждения, оно представляет собой только интуитивное понимание происходящего. Это и есть интуитивное заключение; а поскольку такие интуитивные заключения не являются понятиями, их можно назвать внепонятийными интуитивными заключения-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ми. Если в испуге крикнуть *дзисин!* 'Землетрясение!', то в таком случае понятие 'землетрясение' будет воспринято как материал для суждения, в связи с чем подобные заключения можно назвать понятийными интуитивными заключениями. Фраза (данку 断句) есть речевая непрерывность, выражающая заключение. Заключение есть единица речи. Только выражая заключения, язык становится речью. Язык, не образующий фраз, не составляет речи. Думать, что во фразе непременно должно иметься подлежащее, — заблуждение. Встречается немало фраз и без подлежащего. *Сйкари* 'Так', *Са-ни арадзу* 'Не так', *Ацуй!* 'Жарко!', *Дайбу о-ататакани наримасйта* 'Очень потеплело' — во всех этих случаях в самой действительности субъект существует, но представление о субъекте скрыто в понятии о действительности в целом и не выделилось как отдельное понятие, а поэтому не породило подлежащего. Кроме того, фраза не должна состоять обязательно из двух или более слов; она может состоять и из одного слова. Фразы бывают дискурсивные и интуитивные. *Кё ва дзюгонити нари* (п.я.) 'Сегодня пятнадцатое', *Хана сакйтари* (п.я.) 'Цветок расцвел' — это дискурсивные фразы, а *Кими ё!* 'А, ты', *Ина* 'Нет' — интуитивные фразы. Слова—единственный материал для образования фраз, но чтобы слово могло составить фразу, нужны два условия слово должно обладать абсолютностью и самостоятельностью. Любое слово, имеющее эти два признака, может составить фразу, даже если это будет простое слово. *Сйкари, ина* — простые слова, но поскольку они абсолютны и самостоятельны, они сами по себе могут составить фразу. Считать, что для фразы необходимо подлежащее и сказуемое, — ошибочно.[20]

Наконец, я хочу обратить внимание на соображения Кумадзава Тацуо, с которыми можно полностью согласиться [21]. Ниже приводятся необходимые извлечения (цифры поставлены мною по собственному усмотрению).

1) Эллипсис — это означает, что то, что первоначально должно было иметься, окказионально опущено; эллипсис — это неправильность. Нечто неполное временно замещает полное. Поэтому, по мнению Опуки Фумихико, при наличии подлежащего и сказуемого мы имеем правильное полное предложение, при отсутствии же того или другого — окказиональное неполное предложение. Однако в нашем родном языке можно встретить очень много высказываний, в которых нет подлежащего или сказуемого. Это бывает даже в письменно зафиксированной речи, в повседневной же устной речи таких случаев еще больше, и скорее не предложения с подлежащим и сказуемым, а наоборот, предложения без того или другого в устной речи являются правилом. Наша речевая деятельность осуществляется только с помощью слов. Важную роль играет и говорящий, и слушающий, и окружающая их обстановка, участвуют при этом и жестикуляция, и тон, и звуки, не превратившиеся в

слова („гм", „э" и т. п.)... В речи, зафиксированной письменно, жестикуляция и тон не участвуют, поэтому важность слова возрастает, но обстановкой служит так называемый контекст, который придает выразительность словам, особенно в литературных произведениях. *Фуруикэ я. Кавадзу тобикому мидзу-но ото* (Басё) 'О старый пруд! Всплеск воды [когда] прыгает лягушка' [3]. Кто посмеет сказать, что здесь эллипсис какого-либо члена предложения, что это неполное выражение? Кто может лучше передать этот момент, эту ситуацию? Разве это не единственная, не совершенная форма выражения, не допускающая ни прибавления, ни изменения, ни одного лишнего слова, ни одного лишнего звука? И если грамматика должна сказать: „Здесь имеется эллипсис такого-то члена предложения", то насколько грамматика мертвенна и оторвана от действительности! Каленки дает следующее определение эллипсиса: „Если в данных обстоятельствах — при содействии тона, выражения лица, жестикуляции — слушателю передается полное понимание того, что имеет в виду говорящий, то такая форма выражения отнюдь не есть эллипсис"[22]. Далее, он же продолжает: „Представляет ли данная форма выражения эллипсис или не представляет, определяется только с точки зрения слушающего. Если к данной форме выражения м о ж н о прибавить одно или несколько слов, это еще не эллипсис. Лишь когда для полного понимания слушающим сказанного н е о б х о д и м о что-то прибавить, форма выражения является эллиптической. Но поскольку говорящий всегда старается, чтобы слушающий мог его понять, то эллиптическая форма выражения является исключением, основанным на ошибочной предпосылке говорящего или на внезапном препятствии, на помехе извне или недостатке знания" [23]. При таком исследовании реального языкового явления понятно, что теория, согласно которой предложением будет считаться только такое высказывание, которое содержит и подлежащее и сказуемое — внутренне противоречива, а теория эллипсиса, выдвинутая для разрешения этого противоречия, неестественна и противоречит фактам.

2) Предложение и слово принадлежат к разным сферам. Пусть будет налицо и подлежащее и сказуемое, из соединения слов не родится предложения. Слова принадлежат к сфере langue, language 'языка', предложение — к сфере parole, speech 'речи'.

3) Идеи Каленки революционны[24]. По его мнению субъект обычно остается невыраженным; выраженным бывает всегда предикат. Например, видя, что маленький мальчик усердно поливает цветы в саду, наблюдающий за ним человек восклицает: „Мило!" Это восклицание, состоящее из одного слова, представляет собой высказывание, а именно предикат. Объектом этого высказывания (т.е. тем, что могло бы быть подлежащим)— является в с е происходящее на глазах у этого человека в саду.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

4) То, что говорящий действительно хочет сказать, представляет собой сказуемое, подлежащее же — это само явление, изначала стоящее за сказуемым, и как раз естественно, что оно не выражено в словах. Однако, если слушающий не поймет всего того, что хочет сказать говорящий, предложение не достигнет цели. Поэтому необходимо, чтобы слушатель не только понял то, что высказано говорящим, но и определил, что побудило говорящего на это высказывание. С целью облегчить понимание, говорящий сообщает слушающему подлежащее. Если же отыскание смысла высказывания не требует никаких усилий, подлежащее как таковое остается невыраженным. Грамматисты говорят, что подлежащее является необходимым элементом предложения, и если оно отсутствует, значит оно опущено, но это противоречит фактам. Было бы естественным, если бы подлежащее не было выражено: подлежащее употребляется лишь из опасения, что слушающий не поймет. Сказуемое — необходимый элемент и для говорящего и для слушающего, подлежащее же нередко необходимо только слушателю. В этой связи можно привести высказывание Киэда Масуити: „Разве это не верно, что не подлежащее является тематическим субъектом по отношению к сказуемому, а сказуемое — тематический субъект предложения?“ [25]. Разумеется, сказуемое должно быть тематическим субъектом предложения. Во многих языках ударение падает именно на истинное сказуемое. Поэтому Гардинер говорит, что сказуемое — живое, в нем течет горячая кровь, а подлежащее по сравнению с ним холодно и мертвенно. Все это говорит о том, как важно сказуемое.

5) Разрешение вопроса о подлежащем и сказуемом в японской грамматике зависит от основного вопроса — как в дальнейшем будет строиться грамматика: на учете ли формальных факторов, т.е. по-прежнему в сфере language, или же на учете функциональных факторов, т.е. в сфере speech. Если будет развиваться первое направление, то подлежащему и сказуемому суждено быть изгнанными из японской грамматики. Если за основные будут приняты вторые факторы, то подлежащее и сказуемое как непременные члены предложения должны будут занять в грамматике важнейшее место. Таковы взгляды Кумадзава.

Кроме того, и другие авторы, например Ясуда Киёмон, в своей теории предложения излагают интересные, не зараженные логицизмом взгляды[26]. Различие двух важнейших точек зрения на язык, а именно: языковые представления и речевая деятельность, абстрактный язык и конкретный язык, язык как субстанция (тай 體) и язык как акциденция (ё 用), слова и речь (*котоба тойу моно то котоба тойу кото*) (широко известно, например, разделение на язык [langue] и речевую деятельность [langage], которые установил Соссюр [27]) — порождает разницу в определении того, что грамматически принято называть предложением. Это влечет за

собой важный вопрос — о границах грамматики. Законы естественных наук — Gesetz 'закон' — основаны на müssen 'должны', законы гуманитарных наук — Prinzip 'принцип' — основаны на mögen 'хотят', а если так, то мы должны выводить живые языковые законы из живых языковых явлений. Установить в грамматике новые значимости, — диалектически развивая прежние понятия значения, формы и функции, — важная задача, возложенная на грамматистов[28]. Так, я сейчас считаю необходимым в противовес типичным предложениям, установленным с логических позиций, признавать нетипичные предложения, установленные не с логических позиций. Иными словами, я считаю нужным признать, что повествовательные и неповествовательные предложения имеют различное формальное завершение. Заслуживает внимания и тот факт, что прежде грамматисты основывались чаще всего на абстрактно мыслимых языковых представлениях, но в последнее время они все более и более предпочитают конкретную речевую деятельность. Без сомнения, за это мы должны благодарить и предшественников Соссюра — Германа Пауля, Вундта и других психологов, проводивших психологическое изучение языка.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Оцуки, I, стр. 251.
[2] Окада, Очерк синтаксиса японской грамматики (I), стр. 7.
[3] Кусано, I, стр. 248.
[4] Хага, III, ч. 3, стр. 3.
[5] Мицуя, I, стр. 570.
[6] Хасимото, IV, стр. 2—3.
[7] Хасимото, II, стр. 4—6.
[8] Ямада, VII, стр. 425.
[9] Кикудзава, Основные вопросы грамматики, стр. 203.
[10] H. Sweet, New english grammar, ч. I. стр. 155.
[11] Там же, стр. 157—158.
[12] O. Jespersen, The philosophy of grammar, стр. 306—307.
[13] Там же, стр. 307.
[14] Там же, стр. 308—310.
[15] O. Jespersen, Essentials of english grammar, стр. 105—106.
[16] Ямада, II, стр. 4—7.
[17] Ямада, IX, стр. 887—936.
[18] Х. Кобаяси, I, стр. 6.
[19] Дзимбо, цит. соч, стр. 320—336.
[20] Мацусита, III, стр. 12—22.
[21] Кумадзава, Принципиальные соображения о субъекте и предикате.
[22] Kalepky, Neuaſbau der Grammatik, стр. 12.
[23] Там же, стр. 13.
[24] Там же, стр. 21.
[25] Киэда, III.
[26] Ясуда, I, стр. 300—313.
[27] Ср. Х. Кобаяси, Теория лингвистических методов (IV), Позиция в изучении языка (V) и Общая теория лингвистики (VI).
[28] Ср. Киэда, Значение в грамматике (IX).

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ГЛАВА ПЯТАЯ

Члены предложения

Будь то типичное или нетипичное предложение, будь то повествовательное или неповествовательное (в том числе восклицательное) предложение— все равно, без слов грамматического предложения не построишь. Слова, употребляемые для построения предложения как конструктивные элементы предложения, именуются членами предложения (бун-но сэйбун 文の成分). *Хана саку* 'Цветы цветут', *Аригатō* 'Спасибо' — предложения. Следовательно, *хана*, *саку*, *аригатō* — члены предложения. Сказать, что *хана* — существительное, *саку* — глагол, *аригатō* — предикативное прилагательное — значит рассмотреть эти слова с точки зрения их категориальной принадлежности; сказать, что *хана* — подлежащее, *саку* — сказуемое, *аригатō* — нетипичное предложение — значит рассматривать эти слова как члены предложения, являющиеся его конструктивными элементами, т. е. подойти к ним с точки зрения их синтаксической позиции. При чем сами по себе слова не меняются, но меняется подход к ним, а в связи с этим изменяется и их наименование. Подобно тому, как при постройке дома материал называют 'сосна', 'криптомерия' и т. п., так и при построении предложения называют слова по частям речи, и как в доме потом различают столбы, стропила, карниз и т. п., так и члены предложения называют подлежащим, сказуемым и т. п.

Тайсэй ва ***дзицўни*** *кё-но готоси* (п.я.) 'Великая мудрость **поистине** подобна пустоте' [1].

Усо ва ***дзицў-ни*** *сйкадзу* 'Ложь не сравнится **с истиной**'.

В обоих предложениях *дзицуни* как член предложения является наречным определением, но как часть речи *дзицуни* является наречием в первом предложении, а *дзицу-ни* — существительным со служебным словом во втором. В этом состоит различие между категориальной принадлежностью и синтаксической позицией слова.

Необходимо выяснить соотношение между понятиями „член предложения" и „позиция слова" (гокаку 語格). Согласно одной из теорий позиция слова может существовать и без предложения. Другими словами вопросы, связанные с позицией слова, относятся к области изучения употребления слов (об

этом уже шла речь в первой главе), а рассмотрение членов предложения, разумеется, следует отнести к вопросам, связанным с теорией предложения: считают, что несущественно, входит ли слово в данной позиции в предложение или не входит, позиция мыслится как указание на определенные способности слова при его употреблении. Д-р Ямада употребляет термин „икаку" (位格) и говорит о нем следующее: „В слово *икаку* входит *каку* (格), которое является переводом термина case (падеж), взятого из английской грамматики. Однако я употребляю его в более широком смысле: как указание на возможность определенной позиции при употреблении знаменательных слов. *Икаку* — это указание на определенные позиционные возможности при употреблении знаменательного слова, а такие возможности во многих случаях определяются различными отношениями между знаменательными словами. Эти взаимоотношения представляют собой различные отношения тайгэна к другим словам, ёгэна к другим словам, наречия к другим словам. И хотя взаимоотношения разного рода слов с другими словами по содержанию в высшей степени разнообразны, но если изучить все возможные случаи употребления этих слов, то индуктивно можно вывести определенные формулы. Такие формулы или типы я и называю *икаку*... Если подробнее представить себе задачи изучения употребления слов, то можно сказать, что это употребление надо исследовать в двух направлениях — продольно и поперечно. Продольно — это значит подробно изучить состояние каждой употребляемой части речи, поперечно — установить все формулы употребления, общие для разных частей речи, далее, вывести определенные типы и на основе этих типов изучать общие формулы употребления для каждой части речи в отдельности. Общие формулы употребления я и называю „позиционной способностью" (икаку). Изучение позиционной способности состоит в том, чтобы установить определенные типы употребления каждой части речи и на основе этих типов сделать изучение употребления последовательным и логичным"[1]. Отсюда ясно, что в данном случае изучение позиций слова имеет своим объектом сами слова и мыслится вне непосредственной связи с предложением. Однако слова не употребляются ради самих слов; слово употребляется только тогда, когда оно служит элементом образования предложения. Разумеется, теория структуры предложения и теория существа предложения строго разграничены. Однако несомненно одно — употребление слов не может изучаться вне предложения. Поэтому в данной книге член предложения и позиция слова, хотя это и два разных термина, рассматриваются как одно понятие. Ведь употребление слов нельзя мыслить вне процесса образования предложения. Коротко говоря:

1) Предложение всегда состоит из членов предложения.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

2) Если членов предложения два или более, между ними обязательно должны существовать определенные синтаксические отношения.

3) Член предложения — это наименование, данное слову как элементу образования предложения, синтаксическая позиция — это наименование, исходящее из синтаксических отношений между этими элементами.

Какие члены предложения существуют? Это устанавливается на основании исследования процесса образования ряда реально существующих предложений. При этом необходимо установить границы синтаксических отношений между членами предложения. Расхождения при оценке этих отношений обусловливают и различие видов членов предложений. Д-р Ямада при разграничении типов употребления слов признает семь синтаксических позиций: звательную (кокаку 呼格), предиката (дзюцукаку 述格), субъектную (сюкаку 主格), предикативного присвязочного члена (хинкаку 賓格), дополнения (хокаку 補格), приименную (рэнтайкаку 連體格), определительную (сюсёкӯкаку 修飾格). Члены предложения в грамматике делятся обычно на три разряда: главные (сюё-сэйбун 主要成分), дополнительные (ходзю̄-сэйбун 補充成分) и определительные (сюсёку-сэйбун 修飾成分); к главным членам предложения относятся подлежащее и сказуемое, к дополнительным — слово-объект (кякуго 客語) и дополнение (хого 補語), к определительным — адъективное определение и наречное определение.

Кроме того, члены предложения делятся еще на два разряда: обычные и особые; к обычным членам предложения относят подлежащее, сказуемое, слово-объект, дополнение, определение (адъективное и наречное), к особым — союзный член (сэцудзокуго 接續語), приложение (до̄какуго 同格語), подсобное слово (фукукакуго 副格語), междометийный член (кандо̄го 感動語), обращение (ёбикакэго 呼掛語) и выделенное слово (тэйдзиго 提示語). Особые члены предложения объединяют иногда под названием независимого члена (докурицуго 獨立語). Однако не все согласны с этим: одни называют независимым членом только союзный и междометийный члены, другие сюда же относят обращение и выделенное слово, третьи вообще не употребляют термина „подсобное слово", а объединяют этот член с выделенным словом. Некоторые к числу членов предложения добавляют еще общее подлежащее (со̄сюго 總主語).

Термины „главные, дополнительные и определительные" как обобщающие наименования членов предложения страдают отсутствием общего основания деления. Разделить члены предложения на главные и дополнительные значит сохранить основание деления, но добавить „определительные" значит смешивать разные основания. „Главные" и „дополнительные" — это названия, исходящие из степени важности членов предложения, а название „опреде-

лительные" относится уже к характеру синтаксической позиции. Однако каков же смысл деления на главные и дополнительные члены? Это деление тоже может оказаться неправильно понятым. На первый взгляд кажется, что вполне достаточно, если предложение имеет главные члены, а без дополнительных можно и обойтись. И некоторые утверждают, что обязательными членами предложения являются главные члены предложения, а если в предложении помимо обязательных членов есть и другие необходимые для него члены, то они являются дополнительными. Если рассматривать предложение, состоящее из главных и дополнительных членов, исходя из такого понимания, то можно ли различить, какой член главный, а какой дополнительный? В степени необходимости не может быть различий. Однако значение главного и дополнительного можно понять и иначе: главные члены предложения — это те члены, которые ради сохранения самого существования предложения нельзя опустить, какую бы простую форму путем сокращения ему ни придавали; иначе говоря, удалив главные члены, невозможно выразить законченную мысль; дополнительные же члены предложения, наоборот, те члены, которые можно опустить, не разрушая самой мысли. Иными словами, главные члены предложения обязательны для всякого предложения, но без дополнительных членов предложения могут существовать. Это будет самое правильное объяснение деления на главные и дополнительные члены. Иначе в рассуждениях не будет грамматического смысла.

Амэ-га фуру 'Идет дождь', *Кодомо-га ину-о уцу* 'Ребенок бьет собаку'.

Каждое из этих предложений составлено из необходимых согласно ситуации членов. Необходимость не имеет степеней. Грамматика — не логика. В логике всякое суждение принимает форму A is B (А есть Б) S—P. Но в предложении содержатся те конкретные факты, которые должны в нем содержаться соответственно каждой отдельной ситуации. Предложение типа *Амэ-га фуру* часто состоит только из подлежащего и сказуемого, и этого достаточно. На языке грамматики это означает, что предложение состоит только из тех членов, без которых оно не может существовать.

К дополнительным членам предложения причисляют определительные, что также может вызвать недоразумение. В предложении, где определение необходимо, оно не дополняет другие члены предложения. Если в одном случае достаточно сказать *Амэ-га фуру*, то в другом необходимо еще добавить *Аки-но косамэ-га коями-наку фуру* 'Осенний дождик идет беспрерывно'. В данном примере и определения, с одной стороны, и подлежащее со сказуемым, с другой, одинаково важны для выражения мысли; в ситуации, которая требует такого высказывания, необходимо сказать именно так. Хотя грамматика имеет дело с формой, но

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

она устанавливает формальные законы живого языка, а не абстрагирует мертвое из живого. В следующих примерах:

Карэ ва коно мондай-о ***дзюбун*** *кангаэнакатта* 'Он **достаточно** этот вопрос не продумал'.

Вага куни-но дзэнто-ни тайсйтэ кими ва ***икнару*** *сёкэн-о моттэ иру ка?* '**Какие** взгляды у тебя на будущность нашей страны?' слово *дзюбун* — наречное определение, *икнару* — адъективное определение, т.е. это дополнительные члены. Если данные определения убрать, смысл предложений в корне изменится. Отсюда ясно, что вопрос о том, какой из членов предложения важнее, решить отнюдь не просто.

Разделение членов предложения на обычные и особые как исходящее из одного критерия не вызывает возражений. Выше упоминалось, что в число особых относят разные члены предложения.

Некоторые делят члены предложения на конструктивные (подлежащее, сказуемое, слово-объект, дополнение) и неконструктивные (определение), но такие наименования могут привести к недоразумениям. Я считаю за лучшее по возможности такого рода наименования не употреблять.

В названиях членов предложения употребляется компонент *бу* (部 'группа', букв. 'часть') в таком смысле:

группа подлежащего (сюбу 主部), в которую входит подлежащее и определения к нему;

предикативная группа в широком смысле (дзёдзюцубу 叙述部), объединяющая три группы: группу самого сказуемого (дзюцубу 述部), в которую входит сказуемое и определение к нему, и группу слова-объекта и дополнения (кякубу 客部 и хобу 補部), в которые входит соответствующее дополнение с определениями к ним;

группа независимого члена (докурицубу 獨立部); в нее входит независимый член и определения к нему;

группа общего подлежащего (сосюбу 總主部); в нее входит общее подлежащее и определения к нему.

Мацусита Дайсабуро в главе „Взаимоотношения слов", рассматривая структуру словосочетания-слова (по его терминологии — рэнси 連詞), считал, что словосочетание-слово представляет собой предложение. Ниже приведены основные его положения:

„*Словосочетание-слово состоит непременно из двух членов*, причем эти два члена объединены взаимоотношениями зависимости и главенства. Их взаимоотношения бывают следующих пяти видов:

1) между подлежащим и сказуемым:

цуки-га ***дэ.ру*** '**выходит** луна'; *цуки* — зависимое, *дэру* — главенствующее;

2) между дополнением и словом, предполагающим объект [2]:

хана-о ***ору*** 'срывать цветы'; *хана* — дополнение — зависимое, *ору* — слово, предполагающее объект, — главенствующее; также:

сидзукани ***нару*** 'становится тихо', *каруку* ***суру*** 'сделать легче';

3) между восполняющим и формальным словами:

*бэнкё-**суру*** 'заниматься' (букв. 'делать занятия'); *бэнкё* — восполняющее слово — зависимое, *суру* — формальное слово — главенствующее; также: *соёсоё* ***суру*** 'шелестеть', *рёкё* ***итасу*** 'путешествовать' (букв. 'делать путешествие');

4) между определением и определяемым ёгэном:

митэ ***ёрокобу*** 'увидев, обрадоваться'; *митэ* — зависимое, *ёрокобу* — главенствующее; также *нагаку* ***мацу*** 'долго ждать';

5) между приименным словом и тайгэном:

такай ***яма*** 'высокая гора', *такай* — зависимое, *яма* — главенствующее; также: *тобу* ***тори*** 'летящая птица', *яма-но* ***уэ*** 'на горе'.

До сих пор на взаимоотношения этих членов не обращалось внимания: как подлежащее является подлежащим по отношению к сказуемому, а сказуемое — сказуемым по отношению к подлежащему, так соотносятся и члены всех других словосочетаний. Эти соотношения разнообразны. Прежде всего зависимость бывает либо зависимостью от ёгэна (первые четыре вида), либо зависимостью от тайгэна (пятый вид). По своему качеству зависимость бывает восполняющей (первые три вида) и определяющей (четвертый вид). Восполняющая — это зависимость с целью восполнения недостатка в значении другого слова. При соотношении с тайгэном эти два вида зависимости не играют особой роли, но при соотношении с ёгэном они ясно разграничиваются (первые три вида и четвертый). В восполняющей зависимости от ёгэна различается два вида: восполнение соотносительным словом (первые два вида) и восполнение реальным понятием (третий вид); а в первой в свою очередь различается восполнение подлежащим (первый вид) и дополнением (второй вид)"[2].

Синтаксические отношения, устанавливаемые Мацусита, вызывают некоторые возражения, но все же его соображения заслуживают внимания как весьма интересные. Следует заметить также, что, как и у д-ра Ямада, в целом синтаксические отношения рассматриваются у него как отношения между словами и отрываются от теории предложения[3].

В данной книге члены предложения классифицируются следующим образом (о каждом из них речь пойдет в отдельных главах): все члены предложения делятся на обычные и особые.

К обычным членам предложения относятся подлежащее и сказуемое, между которыми существует соотносительная связь, и определение (адъективное и наречное), которые находятся с определяемым в отношении подчиненности ему.

К особым членам предложения относятся союзный член, приложение, междометийный член, обращение, слово-ответ, выделенное слово, которые объединяются наименованием „независимое слово".

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Рассматривая члены предложения, нужно сказать и несколько слов о термине *бунсэцу* (文節). *Бунсэцу* — это, как уже вскользь упоминалось в разд. 5 „Введения", наименьшая синтаксическая единица, которая может получиться в результате расчленения предложения; таким образом, каждое предложение состоит из одной, двух или более таких единиц. Вышеперечисленные подлежащее, сказуемое, определение, союзный член, приложение и т. д. — все это названия синтаксических единиц, подобно тому, как существительное, местоимение, числительное, глагол, прилагательное, наречие и т. д. — все это слова. На этот счет уже имелось высказывание Дзимбо Каку:

„...рассмотрим минимальный отрезок ряда звуков. Найдем тот ряд между начальной и конечной границей, который уже нельзя оборвать короче. Например, в звуковом ряде *сакуранохаханагасуккарисакимасйта* (цветывишниполностьюрасцвели), разумеется, есть границы; и даже в *сакуранохаханага* (цветывишни) можно будет сделать остановку голосом, почему указанный отрезок не будет минимальным. Таким образом, продвигаясь шаг за шагом, мы придем к тому выводу, что минимальные отрезки — это *сакура*, *хана*, *суккари*, *сакимасйта*. Наш минимальный звуковой ряд назовем временно *ку* (句) (это *ку* заимствовано из просторечного выражения *икку икку киттэ ханасу* 'говорить раздельно'). Такое «ку» отграничено в начале и в конце (в середине у него никакой границы нет) и произносится отдельно. В этом смысле оно независимо. Короче говоря, «ку» есть единица, полученная в результате расчленения языка со стороны звуковой, значения и сочетания"[4]. Хасимото Синкити, назвав ту же единицу *бунсэцу*, пишет следующее[5]:

1) Звуки в каждом звуковом отрезке (разумеется, состоящем более чем из одного-двух звуков) расположены в определенном порядке и произносятся всегда непрерывно.

2) В звуковом отрезке, отражающем синтаксическую единицу, соотношение повышения и понижения тона (т. е. мелодическое ударение) раз и навсегда установлено. Например, в токиоском говоре *кё мо* 'и сегодня' произносится всегда с повышением на первой части долгого *о* и понижением на второй.

3) Реально в речи перед таким звуковым отрезком и после него можно сделать звуковой перерыв.

4) В употреблении звуков в начале, конце или середине такого отрезка имеются ограничения. Например, в токиоском говоре звук *г* (g из столбца h^5) встречается только в начале и нигде больше, а носовой звук ŋ (из того же столбца) в начале невозможен. А в конце не употребляется никакой согласный, кроме н[6] [3].

При разборе элементов предложения наряду с грамматическими элементами различаются психологические и логические. Например, говорят о „грамматическом подлежащем (сказуемом)",

о „психологическом подлежащем (сказуемом)", о „логическом подлежащем (сказуемом)" и т. п. Иногда они совпадают, иногда нет, соотношения их весьма сложны, а поскольку рассмотрение их в известной мере относится к области общей лингвистики, здесь я этого не касаюсь. Но если производить конкретное грамматическое исследование применительно к реальной речевой деятельности, затронуть эти вопросы необходимо. О Psychological subject (predicate), Logical subject (predicate) и grammatical subject (predicate) говорит Есперсен в своей книге „The philosophy of grammar", о том же говорит в упомянутой нами выше книге и Дзимбо Каку[7].

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Ямада, IX, стр. 669—670.
[2] Мацусита, III, стр 633—640.
[3] Окадзава Масахару приводит таблицу отношений членов предложения с их классификацией. Окадзава различает четыре элемента: *сюсо* 主素, substantive element — субъектный элемент; *дзюсо* 從素, predicate element — предикативный элемент; *сётэйсо* 裝定素, adjective element — адъективный элемент, *гэнтэйсо* 限定素, adverbial element — адвербиальный элемент. Отношения последних двух он соответственно называет *сётэйтэки* и *гэнтэйтэки* (канкэй) и объединяет эти отношения термином *сэйтэйтэки* (制定的) 'определяющие', отношения, в которые вступает предикативный элемент, он характеризует как *дзюдзокутэки* (從屬的) 'подчиненные'; отношения всех трех последних элементов объединяются понятием *дзуйдзютэки* (隨從的) 'зависимые' и под этим названием противопоставляются отношениям, в которые вступает первый элемент, названный *тайрицутэки* (對立的) — отношения 'противопоставления'. См. М Окадзава, цит. соч., стр. 22 и 36.
[4] Дзимбо, цит. соч , стр. 87—88. В этой же книге по данному вопросу есть и другие интересные статьи: „Ку-о бунсэки суру", „Ку-но кирэмэ оёби рэнго, рэнкэцу", „Ку-ни фукумарэру иги" и др.; Мацусита (III) называет такое *ку* (句) иначе — *си* 詞 ; особенно соответствует *ку* его термин *танси* 單詞.
[5] Хасимото, II, стр. 8—9.
[6] Каной пишется ん. Правила употребления звуков в начале и в конце слова именуются правилами о начальных (тоон 頭音) и конечных (бион 尾音) звуках.
[7] Дзимбо, цит. соч , стр 336—347.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Подлежащее

I. СУЩНОСТЬ ПОДЛЕЖАЩЕГО

Подлежащим (сюго 主語) именуется один из членов предложения. Позиция подлежащего называется субъектной позицией (сюкаку 主格). Таким образом, „подлежащее" должно рассматриваться как наименование слова, стоящего как член предложения в позиции субъекта. Толкование самого понятия подлежащего у разных ученых различно.

У Оцуки Фумихико находим следующее: „В мышлении человека сначала как главное появляется предмет, явление, а затем ему сопутствует его действие, процесс, состояние, качество. Когда говорят: *хана саку* 'цветы цветут', *кокородзаси катаси* 'намерение твердо' и т. п., то сначала всплывают в уме *хана* и *кокородзаси*, а затем уже при произнесении *саку* 'цветут' (или *оцу* 'опадают' и т. п.) характеризуется процесс, совершающийся с 'цветами', а при произнесении *кадзаси* 'твердо' (или *уцуси* 'слабо') характеризуется качество 'намерения'. Поскольку *хана кокородзаси* выступают как главные (сютару 主たる) слова, которые являются возбудителями процесса или носителями качества, то они и именуются *сюго* (主語) или *бунсю* (主文) (подлежащее); а *саку* и *катаси* как слова, изъясняющие (сэцумэй-суру) его действие или качество, именуются *сэцумэйго* (說明語) (сказуемым)"[1]. Отсюда следует, что подлежащим называется слово, обозначающее предмет или явление, представление о котором возникает в уме первым, как нечто главное. Однако в связи с этим появляется необходимость в некоторых дополнениях психологического и логического порядка. Встает вопрос, совпадает ли обозначение того предмета или явления, представление о котором при построении мысли возникло в качестве главного, с тем, что обозначено подлежащим. Так, относительно предложения *хана-га саку* 'цветут цветы' трудно сразу решить, что здесь является главным: *хана* 'цветы', и о них говорится, что они 'цветут', или же *саку* 'цветут', причем указывается, что 'цветут' именно 'цветы'. В грамматике, цель которой — установление конструктивных законов языка, не всегда наблюдается прямое соответствие порядку построения мысли.

Некоторые ученые считают, что подлежащее является темой всего предложения в целом, тематическим субъектом предложе-

ния (бун-но сютай 文の主體). Этот взгляд исходит из того, что поскольку предложение выражает законченную мысль, в нем непременно должна быть тема этой мысли, ее центр, ее субъект. Действительно, с точки зрения логики, мысль должна представлять собой заключение, связующее два понятия, а именно: либо 'А есть Б' (S есть P), либо 'А не есть Б' (S не есть P.) В японском языке такая структура может быть выражена просто двумя знаменательными словами: *хана саку* 'цветы цветут', *иро уцукуси* 'цвет красив'. В данных предложениях подлежащим именуется то, что соответствует теме мысли (S). Суит пишет: «... такая мысль, как „земля кругла". состоит из двух понятий — „земля" и „круглое" или „круглость". Всякая мысль требует по меньшей мере двух понятий: а) то, о чем мы думаем, именуемое „субъектом" (подлежащее), в данном случае — „земля" и б) то, что мы думаем относительно этого субъекта, именуемое „предикатом" (сказуемое), а именно: „кругла" или имеет свойство „круглости"»[2].

Другие ученые не согласны с предыдущей теорией. Рассматривая ее, они приходят к выводу, что слово, обозначающее этот субъект, эту тему, не обязательно является подлежащим. Они считают, что предложение не всегда принимает форму, при которой подлежащее и сказуемое противопоставлены друг другу; бывают случаи, когда подлежащее и сказуемое нельзя разграничить, поэтому нельзя утверждать, что субъект предложения всегда выражается подлежащим. Для такого предложения, как *хана саку* 'цветы цветут', которое толкуется как „цветы есть нечто цветущее", последнее утверждение справедливо; когда же говорится только о явлении в целом, например *хана-га саку* 'цветут цветы', т.е. не делается особого ударения на *хана*, это утверждение несостоятельно. Необходимо учитывать, что языковое выражение не всегда следует формулам логики, поэтому опасно при объяснении грамматических явлений исходить только из логических предпосылок. Заслуживает внимания следующее рассуждение Дзимбо Каку:

„Издавна в грамматике говорится о подлежащем (Subject) и сказуемом (Predicate). Так наз. verbum finitum (сюси-дōси 終止動詞) представляет собой сказуемое, а употребленное при нем слово, которое выражает носителя, субъекта (сютай 主體) — подлежащее. Для удобства изложения их называют грамматическим подлежащим (или субъектом, grammatical subject) и грамматическим сказуемым (или предикатом, grammatical predicate). Независимо от них существуют логический субъект и предикат (ронритэки сюбу, дзюцубу 論理的主部, 述部 Logical subject, predicate).

Например, в предложении *А-кун га тайсэцў-ни сйтэ иру хон-о боку-ни ёмасэтэ курэта* 'Г-н *А* дал мне читать книгу, которой он дорожит' (букв. 'которую он считает важной') имеется ряд выраженных в языке понятий; среди них носителем (субъектом) действия *ёмасэру* 'дать читать' ('побудить читать') является

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

А-кун; субъектом действия *ёму* 'читать' — *боку* 'я'; носителем качества *тайсэцуна* 'важная' будет *хон* 'книга'; субъектом, владеющим 'книгой' — *А-кун*. Другими словами, если в полном отвлечении от языковой формы думать о логических отношениях, возникающих между понятиями, то понятие 'субъекта' (主體) окажется логическим подлежащим, а понятие действия, качества и т. д., присущих этому субъекту, — логическим сказуемым. Таким образом, можно сказать, что грамматические субъект и предикат представляют собой выражение в языке одного из возможных видов противопоставления логического субъекта предикату"[3].

В связи с этим Габеленц, Пауль и другие лингвисты выдвинули понятие психологического субъекта и психологического предиката. А именно то, о чем мы побуждаем думать слушателя, называется психологическим субъектом, а то, что мы добавляем относительно этого субъекта, является психологическим предикатом; иначе говоря: представление, возникающее в уме говорящего в первую очередь, является психологическим субъектом, а представления, которые присоединяются к нему позже, являются психологическим предикатом. Психологические субъект и предикат, так же как и вышеуказанные логические субъект и предикат, не обязательно совпадают с грамматическими субъектом и предикатом.

Ана́та-но анисан-ни има о мэ-ни какаримасйта 'С вашим братом я только что́ виделся' (Votre frère je viens de le voir). Здесь *ана́та-но анисан-ни* — психологический субъект; *има о-мэ-ни какаримасйта* — психологический предикат.

„*Отбсан, ббси* 'Отец, шляпа' (в смысле 'отец в шляпе'). Здесь психологический субъект — *отбсан*; *Анохйто ва нан дэсўка? Сёнин дэсў* 'Кто он? — Торговец'. Здесь психологический субъект — *сёнин*"[4] [1].

Таким образом, поскольку встречаются случаи несовпадения логического и психологического субъекта и предиката с грамматическим субъектом и предикатом, то при определении характера подлежащего, даже если при этом учитывается логическая и психологическая точки зрения (в частности, в условиях конкретной речевой деятельности психологическая точка зрения приобретает особую важность), все равно необходимо исходить из грамматической точки зрения. Поэтому нужно ознакомиться еще с одним, третьим, взглядом на подлежащее.

Итак, рассмотрим взгляды д-ра Ямада на субъектную позицию. Позиция субъекта — понятие относительное. Логически субъектной позиции противопоставляется позиция предикативного члена. Предикативный член — это то понятие, которое употребляется в суждении для сообщения о субъекте. Поскольку наши мысли зависят от процесса понимания, то понятие субъекта и понятие предикативного члена существуют во взаимном противопоставлении и способны объединяться силой предикации. В большинстве

случаев предикативный член и предикативная способность соединены в одном слове, и такое слово именуется реальным ёгэном. Так как понятие предикативного члена заложено в самой сущности ёгэна, то обычно считают, что позиции субъекта противостоит позиция предиката. Однако, когда ёгэн является формальным, то слово, обозначающее предикативный член, должно существовать помимо этого ёгэна. Следовательно, позиции субъекта противостоит не позиция предиката, а позиция предикативного члена. В предложении *хана ва уцӯкӯси* 'цветы красивы' слово *уцӯкӯси* включает в себя предикативный член и предикативность, но в предложении *корэ ва хана нари* 'Это есть цветок' *хана* — предикативный член, а *нари* выражает предикативность, играет роль связки (кэйдзи 繫辭). Яснее данное положение выражено в следующем объяснении д-ра Ямада. „Например, обычно считают, что в предложениях *хана саку* 'цветы цветут', *хито сумадзу* 'люди не живут' позиция субъекта противопоставлена позиции предиката. Но если сказать *хана-но саку ки* 'дерево [на котором] цветут цветы', *хито-но суманӯ иэ* 'дом [в котором] люди не живут', то здесь, кроме того, что также имеется противопоставление позиции субъекта позиции предиката, они (взятые вместе) служат еще и определением при словах *ки* 'дерево', *иэ* 'дом'. Поэтому, строго говоря, данные предложения не имеют предиката, а представляют собой лишь соединение субъекта *хана* и предикативного члена *саку*, который служит определением при тайгэне; они не обладают достаточной предикативностью. Таким образом, поскольку добавление некоторых служебных слов, например *ва*, непременно влечет за собой появление предиката, то в силу того, что частица *ва* требует определенного предиката, невозможны формы *хана* ***ва*** *саку ки* (вместо *хана-**но** саку ки*), *хйто* ***ва*** *сумадзу иэ* (вместо *хйто-**но** суманӯ иэ*). Чем это объясняется? Объясняется это тем, что *ва* — частица, управляющая предикатом, а слова *саку* и *суманӯ*, служа определением, предикативностью в достаточной мере не обладают. Поэтому *ва* в данном случае предполагало бы наличие другого предиката, кроме *саку*. (Относительно *ва* ср. т. I, стр. 555—557). Однако в выражениях: *хана-но саку ки* и *хйто-но суманӯ иэ* слова *хана-но* и *хйто-но* не требуют какого-либо другого предиката. И вместе с тем данные слова по-прежнему стоят в позиции субъекта. Отсюда ясно, что позиция субъекта противопоставляется по существу не позиции сказуемого, а присущей ёгэну атрибутивности, т. е. атрибутивности, свойственной позиции предикативного члена"[5].

Можно считать, что вышеизложенная теория д-ра Ямада, как исходящая из существа процесса предикации, грамматически оправдана. Но и прежние теории, которые противопоставляют позиции субъекта только позицию предиката, а не позицию предика-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

тивного члена, можно изложить таким образом, что они не будут ей противоречить. Поэтому в данной работе проводится тот взгляд, что позиция субъекта противопоставлена позиции предиката, что подлежащее по отношению к слову, которое что-либо сообщает является словом, на которое последнее опирается. В самой простой форме это можно выразить так: что-либо что-то делает (*цӯки тэру* 'месяц светит'), что-либо каково-то (*цӯки киёси* 'луна светла'), что-либо чем-то является (*цӯки ва эйсэй нари* 'луна есть спутник'). Соответствующее слову „что-либо" есть подлежащее. Применив такую схему, легко понять и другие формы. Следовательно, в предложении *хана ва уцӯкӯси* сказуемое *уцӯкӯси*, а в предложении *корэ ва хана нари* сказуемое *хана нари*. Как же с этой точки зрения объяснить, что можно сказать *хана-**но** саку ки*, *хйто-**но** суманӯ йэ*, но нельзя сказать *хана **ва** саку ки*, *хито **ва** суманӯ иэ*? Объяснить это следует различием функций служебных слов *но* и *ва*: *но* (так же, как и *га*) — это чисто падежное служебное слово, указывающее на субъектную позицию, тогда как *ва* — соотносительное служебное слово, не указывающее на субъектную позицию. *Ва* представляет собой такое служебное слово, которое обладает способностью расчленять суждение, выделяя в нем то, что ему предшествует. Поэтому, если следующее за *ва* сказуемое служит определением к тайгэну, а расчлененность суждения выражена каким-нибудь другим способом, *ва* все же может быть употреблено Приведем примеры:

***Хана ва** саку га ми ва наран ки* 'Дерево [на котором] **цветы** цветут, но плоды не растут'.

***Хйто ва** суманӯ га кицӯнэ-га суму иэ* 'Дом [в котором] **люди** не живут, а живет лиса'.

В данных примерах слова *хана* 'цветы' и *ми* 'плоды', слова *хйто* 'люди' и *кицӯнэ* 'лиса' употреблены параллельно, сопоставительно. Поэтому выделение легко осуществить. В противоположность этому в таких предложениях, как *хана **ва** саку ки*, *хйто **ва** суманӯ иэ*, выделение невозможно. Тогда, может быть, и в таком предложении, как *хана ва саку* 'цветы цветут', также нет никакого выделения? Однако поскольку это высказывание заканчивается сказуемым в заключительной форме, оно как целое может быть противопоставлено чему-то, что здесь не высказано. В таком же случае, как *хана ва саку ки*, сказуемое не заключает предложения; оно служит определением к последующему тайгэну, поэтому оно связано с ним и его нельзя противопоставить чему-либо, кроме этих слов. Поскольку в конечном счете мы приходим к выводу, что *ва* — служебное слово, влияющее на предикацию, то в плане грамматики как будто следует придерживаться ясной теории д-ра Ямада. Однако, если не пользоваться понятием предикативного члена, то без вышеприведенного толкования обойтись нельзя.

II. ВЫРАЖЕНИЕ ПОДЛЕЖАЩЕГО

Какие же слова служат подлежащим? Для ответа на этот вопрос разберем несколько примеров:

1) Тайгэн или тайгэн с служебным словом:

Хана *саку* (п. я.) '**Цветы** цветут'.
Цӯки-га *уцӯкӯсий* '**Луна** красива'.
Ватакӯси мо *дзондзимасэн* '**Я тоже** не знаю'.
Хати ва *го то сан то-но ва дэсӯ* '**Восемь** есть сумма пяти и трех'.
Амэ саэ *фуридэну* (п. я.) '**Даже дождь** пошел'.

В письменном языке тайгэн сам по себе может быть подлежащим, в разговорном же языке тайгэн обязательно должен иметь при себе служебное слово. Служебными словами, превращающими тайгэн в подлежащее, являются *га* и *но*; однако, как уже указывалось в „Учении о частях речи", наречные и соотносительные служебные слова, употребляясь при подлежащем, сохраняют свой исконный характер. Последние три примера служат иллюстрацией этого. Кроме того, при подлежащем бывает и два служебных слова: перед или после падежного слова встречается наречное служебное слово, после падежного или наречного служебного слова — соотносительное. В таких случаях не следует принимать наречные и соотносительные служебные слова за падежные слова.

Тогда, когда к тайгэну присоединяются служебные слова, нужно считать, что в подлежащее входят и они, поскольку служебные слова как слова формальные сами по себе не могут составлять синтаксической единицы, иначе говоря, члена предложения. Но хотя сами по себе они и не могут составить синтаксической единицы, все же в ее образовании они участвуют и поэтому вместе с предшествующим знаменательным словом составляют член предложения

2) Слово, приравненное к тайгэну и употребляющееся с служебным словом или без него:

Кацу ва *урэсйкэрэдо*, ***ябуруру ва*** *канаси* (п. я.) '**Побеждать** приятно, но **терпеть поражение** печально'.
Корэ-ни ***сёсуру*** *мата катай ка на*! '**Справиться** с этим тоже трудно!'

В приведенных примерах к тайгэну приравнена приименная форма ёгэна.

Итибан ***ей но ва*** *дорэ дэсӯ ка*? 'Что [здесь] самое **лучшее**?' (букв. 'Самое лучшее — что?' — из числа нескольких).
Сйкарарэру но га *урусай* 'Неприятно **быть выруганным**'.
Иванӯ га *хана дэсӯ* '**Не говорить** — лучшее' (букв. 'Не говорить — есть цветок', т. е. 'молчание — золото').

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Таку ходо ва *кадзэ-га курэтару отйба кана* (Исса) 'О, опавшие листья, которых ветер дал **столько, что** [ими можно] **топить**!'

Сидзукана но га *наниёри кэккб десу* 'Лучше всего **тихая**'.

Мотто ***яваракана но ва*** *аримасэн* 'Более **мягкой** не имеется'.

В этих предложениях *но* и *ходо* представляют собой так называемые квазиименные служебные слова (см. о них т. I, стр. 614—615). Слово *иану* представляет собой глагол в соединении с служебным глаголом в прииенной форме, однако за ним не следует ни тайгэна, ни просубстантивного служебного слова. Поэтому можно предположить, что здесь опущен тайгэн и что этот опущенный тайгэн выполняет роль подлежащего. Некоторые основания для такого предположения имеются, но поскольку подразумеваемый в таких случаях тайгэн — это чаще всего так называемое формальное существительное, как например *кото, моно, токоро*, имеются основания думать, что здесь незачем предполагать эллипсиса тайгэна, а надо считать, что прииенная форма сама по себе употребляется как квази-тайгэн.

Хотя в главе о существительном уже говорилось о противопоставлении реальных существительных формальным (см. т. I, стр. 89—91), здесь нужно обратить внимание на следующее:

Хана-но ***сику кото*** *ососи* '**Цветенье** цветов запоздало'.

Ватакуси-но нодзому ***токоро*** *ва мокутэки-но тассэй-дэ ару* '**То**, чего я хочу, — это достижение цели'.

Оя-но он-ни хисубэки ***моно*** *ва си-но он нари* '**То**, что можно сравнить с благодеянием родителей, — это благодеяние учителя'.

Кайкэцу-ни коннан-сару ***тэн*** *ва дзицуни коко-ни ари* 'Затруднительный для разрешения **пункт** заключается именно в этом'.

Формальные существительные *кото, моно, токоро, тэн* — тайгэны, потому, естественно, они-то и должны быть подлежащими. Но поскольку значение формальных тайгэнов широко и неясно, они не могут обозначать одного определенного понятия. Поэтому, если такое слово и является подлежащим, необходимо все же заметить, что оно одно все-таки не в состоянии служить тематическим центром законченной мысли. На этом основании, давая наименование такому подлежащему, следует именовать его формальным подлежащим; с точки же зрения содержания подлежащим служит адъективное определение, которое стоит перед формальным существительным. Иначе говоря, слова *кото, токоро, моно, тэн* употребляются для того, чтобы придать смысловому подлежащему свойства тайгэна. Поэтому, строго говоря, подлежащими здесь являются только слова *кото, токоро, моно* и *тэн*, а все, что предшествует им, служит адъективным определением (в первых двух примерах — адъективно-определительным членным предложением). Но удобнее называть все это в совокупности подлежащим. Только в тех случаях, когда *кото, токоро, моно* и *тэн* выступают как реальные существительные, означающие определен-

ное понятие, их, естественно, следует рассматривать как подлежащее, например:

Канэтэ кэнъан-ни наттэ иру ***кото ва*** *коннити кайги-дэ кайкэцу сарэмасу* 'Давно откладывавшиеся **дела** будут разрешены на сегодняшнем заседании'.

Ватакуси-но сундэ иру ***токоро ва*** *Нара-си-но хокубу дэсу* '**Место**, где я живу, — северный район города Нара'.

Сакудзудзё-но ***тэн ва*** *тиисакутэ мо дзюё дэсу* 'При вычерчивании карты **точка** хоть и мала, но важна'.

Сэмбэцу-ни сасиагэру ***моно ва*** *наннимо аримасэн* 'У меня нет ни одной **вещи**, чтобы подарить вам на прощание'.

3. Подлежащим может быть слово, принадлежащее к любой части речи, если только оно является темой высказывания.

„Ёмэ" ва ма-гё ёдан-кацуё-но дбси-но мэйрэйкэй нари (п.я.) '«Ёмэ» — повелительная форма глагола четырехступенчатого спряжения по столбцу *ма*'.

«А» мо «аварэ» мо кандб-о хёсу (п. я.) 'И «Ах!» и «увы!» выражают эмоции'.

Здесь слова выступают в роли подлежащего не в зависимости от своей принадлежности к части речи, а в соответствии с их позицией в предложении. Такое употребление отличается от тех случаев, когда в функции подлежащего употреблено настоящее существительное.

Ниян ва нэко-но накигоэ нари (п. я.) '«Ниян» — мяуканье кошки'.

Неясно, представляет ли собой *ниян* вообще слово, тем не менее оно без помех служит подлежащим.

4. Подлежащим может быть целое предложение.

На месте подлежащего может стоять предложение, состоящее из подлежащего и сказуемого. В данной работе оно именуется членным предложением-подлежащим (сюгосэцу 主語節). Если считать, что предложение есть словосочетание, то можно назвать его просто подлежащим; однако поскольку в данной работе предложение и словосочетание рассматриваются как разные вещи, мы принимаем указанное наименование[6].

Иро-но уцўкўсий но-га *ёй* 'Хорошо, [что] **окраска красива**'.

Амэ-га фуру но ва *ияна моно да* '[что] **идет дождь**—противно'.

III. СОПОЛОЖЕНИЕ ПОДЛЕЖАЩИХ

Когда в одном и том же предложении с одним и тем же сказуемым в одинаковой позиции соотносятся два (или более) подлежащих, это называется соположением (хэйти 併置) подлежащих.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Тити, ани каэру (п. я.) 'Отец (и) брат возвращаются'.

Цўки мо сора мо киёй 'И луна, и небо светлы'.

Предложение, в котором имеется соположение подлежащих, может быть разделено на два (или более) отдельных предложения с одинаковыми сказуемыми.

Тити, ани каэру → тити каэри, ани каэру. Цўки мо сора мо киёй → цўки мо киёку, сора мо киёй.

При соположении подлежащих можно поместить их рядом, но обычно между ними ставятся соединяющие слова или союзы.

Эйкоку ***мо*** *бэйкоку* ***мо*** *кайги-ни санка-сэри* 'И Англия, **и** Америка приняли участие в совещании'.

Дэнсин ***оёби*** *дэнва ва буммэй-но рики дэ ару* 'Телеграф **и** телефон являются факторами цивилизации'.

Кёто ***нарабини*** *Нара ва Нихон-но кото дэ ару* 'Киото, **а также** Нара — древние столицы Японии'.

Здесь стоящие между подлежащими служебные слова, поскольку они являются формальными, не влекут за собой никаких вопросов, но союзы представляют интерес с точки зрения их отношения к подлежащему. Союзы являются знаменательными словами. Поэтому можно считать, что союз, находящийся между двумя или несколькими подлежащими, составляет отдельную синтаксическую единицу и можно даже рассматривать его как независимый член. Таковы, например, *мата* и *мосйкува* в следующих предложениях:

Сэйсинрёку мо ***мата*** *тайрёку мо наси* (п. я.) 'И духовной, да и физической силы нет'.

Рика ***мосйкува*** *кбка-га ёросикарубэси* (п. я.) 'Должны нравиться естественные науки **или** технические'.

В противоположность этому, когда несколько подлежащих составляют одно подлежащее, союзы входят в его состав и не считаются независимыми членами. (Ср. *дэнсин оёби дэнва ва, Кёто нарабини Нара ва* в приведенных выше примерах.) Однако другие ученые считают, что в тех случаях, когда соединяемые подлежащие образуют одно комплексное подлежащее (сюгодан 主語團), любой союз входит в состав предложения. Такой точки зрения придерживается Хасимото Синкити[7].

Теперь рассмотрим на примерах, как при соположении подлежащих употребляются ёгэны или спрягаемые словосочетания.

Сироки мо акаки мо *итидзи-ни сакэри* (п. я.) '**И красные, и** белые расцвели одновременно'.

Ёму ёманў за *кими-но дзуйи дэ ару* '**Читать, не читать**, — твое дело'.

В следующем примере подлежащие — не квази-тайгэны, а состоят главным образом из ёгэна:

Тобу но я ханэру но-га *такўсан ита* 'Много было **прыгающих и скачущих**'.

Нужно обратить внимание, что в следующих примерах нет соположения подлежащих:

Асахи симбун то Майнити симбун то ва Нихон-но нидайсимбун нари (п. я.) 'Асахи и Майнити — это две крупные газеты Японии'.

А-си то А-фудзин ва тёдо ий фўфу да 'Г-н и г-жа А — вполне подходящие супруги'.

Дело в том, что здесь имеется такое общее сказуемое, при котором предложение не может быть разделено на два первоначальных предложения. Например, *Асахи-симбун* представляет собой только одну из двух крупных газет и не может быть *нидайсимбун* 'двумя газетами'. Следовательно, *Асахи-симбун то Майнити симбун то ва* — это одно подлежащее

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Очуки, I, стр. 251—252.
[2] H. Sweet, New english grammar, стр. 16—17.
[3] Дзимбо, цит. соч., стр 336—337
[4] Там же, стр. 338—339
[5] Ямада, IX, стр. 691—692
[6] Поскольку это — предложение (бун 文), неудобно называть его подлежащим словом (сюго 主語).
[7] Хасимото, IV стр. 118—119

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Сказуемое

I. СУЩНОСТЬ СКАЗУЕМОГО

Вопрос о том, что такое сказуемое, освещен в предыдущей главе косвенно; в настоящей главе он будет рассмотрен в целом.

Сказуемым (дзюцуго 述語)[1] называется слово, которое представляет собой член предложения, стоящий в предикатной позиции (дзюцукаку 述格). Разумеется, термин *дзюцуго* сответствует европейскому pradicate, однако, как неоднократно подчеркивал д-р Ямада, pradicate следует переводить на японский язык *хинкаку* (賓格) — 'позиция предикативного члена', а японскому слову *дзюцукаку* соответствует в европейских языках термин copula (связка). Согласно учению Ямада, предикатной позицией следует считать позицию ёгэна, выражающего предикацию. Предикация заключается в уяснении связи между понятием субъекта и понятием предикативного члена, и эта чистая способность предикации, выраженная средствами языка, есть то, что в логике называется copula. Ёгэнами, соответствующими связкам европейских языков, в японском языке являются бытийные слова *нари*, *тари*, *дэ ару*, *да*, *дэсу* и другие. Реальные ёгэны — глаголы и предикативные прилагательные — совмещают свойство атрибута, что соответствует реальной стороне ёгэна, и свойство связки, что соответствует формальной стороне ёгэна. Внутренняя, а именно предикативная сила связки существует при соотнесенности субъекта и предикативного члена и не существует при наличии одного субъекта. Следовательно, говорить о том, что позиция субъекта соотносится с позицией предиката, — значит просто придерживаться популярной точки зрения. Подлинная предикация, достигаемая при помощи связки, в качестве предварительного условия требует наличия соотнесенности понятий субъекта и предикативного члена и является языковым выражением психического процесса уяснения отношений между этими понятиями — отношений тождества и различия. Однако соотнесенность между понятиями субъекта и предикативного члена представляет собой внутренний психический процесс и в языке обычно не выражается. Поэтому подлинный объект предикации в языковой форме обнаружить нельзя. Отсюда следует, что позиция предиката — абсолютная позиция, которую в языковой форме обнару-

жить также трудно. А ёгэны — как реальные, так и формальные, — по самому существу своему обладают силой предикации. Таковы взгляды д-ра Ямада на этот вопрос[1]. В данной книге, как указывалось в предыдущей главе, позиция предикативного члена особо не выделяется; мы исходим из того, что предикатная позиция соотносится с субъектной и что сказуемое есть член предложения, соотносительный с подлежащим. Иными словами, сказуемое составляет высказывание относительно подлежащего, т. е. в схеме „что-то что-либо делает", „что-то каково-то", „что-то чем-то является" оно соответствует понятиям „что-либо делает", „каково-то", „чем-то является". В предложении, выражающем законченную мысль, центром является скорее сказуемое, чем подлежащее. Разумеется, формально подлежащее и сказуемое соотносятся, но думается, что во внутренней основе процесса выражения мысли сказуемое занимает центральное место. Этот вопрос уже затрагивался в главе четвертой, где речь шла о понятии „предложение", однако желательно обратить внимание на следующую теорию Мацусита Дайдзабуро:

«Подлежащее и сказуемое, взятые вместе, составляют словосочетание. В этом словосочетании подлежащее является подчиненной частью, а сказуемое — репрезентативной частью (дайхёбу 代表部). Однако некоторые грамматисты главной частью считают подлежащее, а подчиненной—сказуемое. Во многих книгах подлежащее трактуют как главное слово предложения. Но это —глубокое заблуждение. Подлежащее называется „главным словом" (сюго 主語) не потому, что оно представляет собой главную часть предложения, а потому, что оно обозначает субъект действия (саё-но сю 作用の主). Сравним два примера: *тобу тори* 'летящая птица' и *тори тобу* 'птица летит'. В первом случае репрезентативная часть — *тори:* ведь и 'летящая птица', и 'певчая птица', и 'стоящая птица' — все это птицы. *Тобу* же ('летящая') по отношению к птице — всего лишь подчиненная часть. 'Летящая птица' — это предмет, а не действие; 'птица летит' — это действие. Поскольку в выражениях „птица летит", „пчела летит", „туча летит" речь все время идет о том, что кто-то „летит", то репрезентативной частью служит „летит". „Птица" же представляет собой подчиненную часть, служащую только целям указания на данный субъект действия»[2].

Сказуемое, как указывалось ранее, — это слово, составляющее высказывание о подлежащем, безразлично, положительное ли оно или отрицательное, стоит ли оно в пассиве или каузативе, воображаемое ли оно или предположительное, желательное или сравнительное, повелительное или восклицательное и т. д. Поэтому в нижеприведенных примерах все выделенные слова являются высказыванием о подлежащем, хотя сказуемые выражают чувства и мысли человека, а не подлежащего.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Нацу-но Арасияма ва ***судзусикараму*** 'Летом в горах Арасияма **будет прохладно**'.

Таби ва ***юкай*** *нари* (п. я.) 'Путешествие **приятно**'.

Кумо мо хана-то ***мирару*** *(омовару, утагавару)* (п. я) 'И облака **кажутся** цветами'.

Канэ-га ***иру*** 'Нужны деньги'.

Хару косо ***матарурэ*** 'Ожидается весна'[3].

Повторим и такие примеры, как:

Мидзу-га ***номитай*** 'Хочется выпить воды'.

Хон-га ***ёмэнай*** 'Книг читать не могу'.

Каси-га ***сўки да*** 'Люблю сласти'.

Хэби-га ***ковай*** 'Боюсь змей'.

Здесь то, что предшествует *га*, является подлежащим; последующие сказуемые выражают чувства говорящего; и в этом свете легко понять, почему *га* здесь нельзя истолковать в смысле *о*: утверждать, что эти сказуемые выражают чувства или мысли говорящего, значит стоять на психологической точке зрения; а есть ли здесь предикация или нет ее — это подлежит решению с точки зрения языкового выражения.

II. ВЫРАЖЕНИЕ СКАЗУЕМОГО

Сказуемое может быть выражено различными частями речи. Разумеется, в первую очередь его выражает ёгэн, представляющий собой предикативное слово.

1. Сказуемое выражается ёгэном и ёгэном со служебным глаголом или служебным словом:

Хана ***саку*** (п. я.) 'Цветы **цветут**' (глагол).

Мидзу ***киёси*** (п. я.) 'Вода **чиста**' (предикативное прилагательное).

Цўки ***акирака нари*** (п.я.) 'Луна **светла**' (адъективный глагол).

Ватакўси ва ***сиримасэн*** 'Я **не знаю**' (глагол и служебный глагол).

Коно мондай ва тайхэн ***мудзукасий дэсў нэ*** 'Этот вопрос ужасно **труден**' (предикативное прилагательное, служебный глагол и служебное слово).

Кайдзё ва ***одаяка дэсйта*** 'Поверхность моря **была спокойна**' (адъективный глагол и служебный глагол).

В некоторых случаях сказуемым может служить и основа прилагательного или адъективного глагола сама по себе. Обычно это бывает при выражении эмоций. В таких случаях проявляются особенности подобного выражения, например невыраженность подлежащего и т. п.

Ана, омосиро! 'Ого, интересно!'

А, ита! 'Ой, больно!'

Ара, тайхэн! 'Ах, ужасно!'

Основа — это часть слова, ее нельзя назвать словом. Может показаться странным, что основа, т. е. структурный элемент слова, не обладающий самостоятельностью, составляет синтаксическую единицу и становится членом предложения. Однако поскольку в реальной речевой деятельности основа совершенно свободно выполняет функцию сказуемого, ее все же можно считать членом предложения.

Как рассматривать те случаи, когда сказуемым служат так называемые вспомогательные глаголы (т. I, стр. 140—141) и вспомогательное предикативное прилагательное (т. I, стр. 240)?

Мигокоро мо ито ююсо ***масимасу*** (п. я.) 'И сердце у него очень печально'.

Коно хон ва сукосимо омосироку ***аримасэн*** 'Эта книга совсем не интересна'.

Татэмоно ва риппа дэ ***най*** 'Здание не великолепно'.

Хаяку о-каэри ***насай*** 'Скорее возвращайтесь'.

Кадзэ-га хагэсику наттэ ***кимасита*** 'Ветер усилился'.

Яма-га собиэтэ ***иру*** 'Высятся горы'.

В приведенных предложениях выделенные слова по происхождению представляют собой самостоятельные глаголы или предикативные прилагательные, но в данных примерах они употреблены как служебные. Если их считать самостоятельными глаголами или предикативными прилагательными, то предшествующие им адъективные глаголы, предикативные прилагательные и глаголы являются наречными определениями. Если же рассматриваемые слова считать чисто формальными словами (служебными глаголами), то тогда следует признать, что они составляют часть сказуемого. Если признавать эти слова вспомогательными глаголами или вспомогательными предикативными прилагательными, то опять-таки их следует рассматривать вместе с предшествующими словами и считать составной частью сказуемого, т. е., например *риппа дэ най, о-каэри насай*, рассматривать как один член предложения — сказуемое. Автор данной книги согласен с последней точкой зрения.

Служебные слова, сочетающиеся с ёгэном, который является сказуемым, бывают обычно заключительными или междометийными, хотя и встречаются случаи употребления наречных и соотносительных служебных слов.

Кими ва хонтони куру ка? 'Ты правда придешь?' (заключительное).

Аа, ику ***то мо*** 'Ну, конечно, пойду' (то же).

Кё ва уми мо арэру ***дзо*** 'Сегодня и море бурное!' (междометийное).

Ватакуси ва нанимо сиранай ***ва*** 'Я ничего не знаю' (соотносительное).

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

2. Сказуемое выражается тайгэном в сочетании со служебными словами или служебным глаголом:

Масасигэ ва ***тюсин нари*** (п. я.) 'Масасигэ **есть верноподданный**' (тайгэн и связка).

Таи ва ***уо да*** 'Морской лещ **есть рыба**' (то же).

Хаманако ва ***мидзууми ка*** 'Хаманако **озеро**— ?' (тайгэн и служебное слово).

Тайсё ва ***Комацу-доно дзо*** 'Генерал — **его превосходительство Комацу**' (то же).

Варэ косо ва ***Ниидзима Мори ё!*** 'Это я и есть **Ниидзима Мори**!' (то же).

Отибана ***юки-но готоси*** (п.я.) 'Опадающие цветы **подобны снегу**' (тайгэн, служебное слово и служебный глагол).

В учении о частях речи уже говорилось подробно о словах *нари*, *тари*, *готоси*, *да*, *дэсу*: так как в данной книге они рассматриваются как особые служебные глаголы, то выше и приведены соответствующие примеры. В связи с этим обсуждалось и *корэ ва хон дэ ару* 'Это есть книга'. О *дэ ару* вопрос был уже решен в том смысле, что это — вспомогательный глагол, повторять все аргументы не имеет смысла. Необходимо лишь обратить внимание на следующее высказывание д-ра Хасимото:

„Бывают случаи, когда сказуемым становится словосочетание, получившееся в результате присоединения ёгэна к какому-либо слову. При этом может встретиться четыре типа:

А. Присоединение к тайгэну глагола *ару* или слова, имеющего аналогичное значение, а также предикативного прилагательного *най*:

Тэйин ва годзюнин ***дэ*** *ару* 'Штат составляет пятьдесят человек'.

Корэ ва гаккō ***дэ*** *годзаимасэн* 'Это не школа'.

Кудзира ва уо ***дэ*** *най* 'Кит — не рыба'.

*Хйто ва бокусэки-****ни*** *арадзу* (п. я.) 'Человек — не камень' (букв. 'Не дерево и камень').

*Корэ ва Комацу-доно-****нитэ*** *сōрō* (п. я.) 'Это — его превосходительство Комацу'.

Как видно из примеров, в данном типе обычно между тайгэном и ёгэном стоит *дэ* в разговорном языке и *ни*, *нитэ* в письменном языке. Если в этих примерах заменить *дэ ару*, *ни арадзу* словами *да*, *дэсу*, *нарадзу*, то примеры примут иной вид (тайгэн станет сказуемым).

Б. Присоединение глагола *ару* или слова, аналогичного ему по значению, а также присоединение *най* к приёгэнной форме предикативного прилагательного (часто фонетически измененной):

Корэ ва ***ёку аримасэн*** 'Это **не хорошо**'.

Мати ва ***вару годзаймасу*** 'Дорога **плоха**'.

Татэмоно ва ***фуруку най*** 'Здание не **старое**'.

Кими мо ***касикō овасйкэри*** (п. я.) 'И ты оказался **мудр**'.

Киндати ва мада ***осанō мʼгсимасў*** (п. я.) 'Знатные юноши еще **молоды**'.

В. Присоединение *ару* или слова, аналогичного ему по значению, а также *най* к наречию:

Кайдзё ва ***одояка дэ годзаимасў*** 'Гладь моря **спокойна**'.

Татэмоно ва ***риппа дэ най*** 'Здание **не великолепно**'.

Кокоро мо ***сунао-ни ва арадзу*** 'И душа [у него] **не чиста**'.

В таких случаях наречия, оканчивающиеся на *ни*, в разговорном языке вместо *ни* присоединяют *дэ*.

Г. Присоединение глаголов *ару*, *най*, *иру*, *кудасару*, *агэру* и т. п. к другим глаголам или спрягаемым словосочетаниям:

Ёкўи га ***косйтэ ару*** (*косйтэ най*) 'Купальник **высушен** (не высушен)'.

Ёкўи га ***кавайтэ иру*** (*кавайтэ най*) 'Купальник **высох** (не высох)'.

Ватакўси мо ***сйкарарэтэ симатта*** 'Мне тоже **досталось**'.

Сибараку ***маттэ кудасай*** 'Немного **подождите**'.

Сибараку ***о-мати кудасай*** 'Подождите немного' (вежливее).

Коко-дэ ***о-ясуми насару ка*** 'Не **отдохнете ли** здесь?'

Ватакўси-га ***иттэ агэмасё*** 'Я **пойду**' (вместо вас, ради вас).

Мō сўкоси ***маттэ итадакимасё*** 'Хотелось бы, [чтобы Вы] еще немного **подождали**'.

Ин мо ***гёкō-ситамау*** (п. я.) 'Государь тоже **изволит следовать**'.

Хōō мо эцўбо-ни ***красэовасимасў*** (п. я.) 'Экс-император-монах также **изволит выехать** в Эцубо'.

Кайки мохая ***суги сōрō*** (п. я.) 'И сессия скоро **придет к концу**'[4]

В данной книге слова из пункта В — *одаяка дэ*, *риппа дэ*, *сунао-ни* — не отнесены в разряд наречий: как уже указывалось в „Учении о частях речи", они выступают в качестве наречной формы адъективных глаголов.

Относительно приведенных выше примеров — *Хаманако ва мидзууми ка*, *Тайсё ва Комацу-доно дзо*, *Варэ косо ва Ниидзима Мори ё* — существует взгляд, что в них представлен эллипсис служебных глаголов-связок, который может быть восполнен следующим образом (в настоящей работе мы не следуем этой теории):

Хаманако ва мидзууми (дэсў) ка?

Тайсё ва Комацу-доно (нару) дзо.

Варэ косо ва Ниидзима Мори (нару) ё.

В теории эллипсиса *дэсў*, *нари* и т. д. являются формальными ёгэнами, выражающими предикацию, а предшествующие им слова *мидзууми*, *Комацу-доно*, *Ниидзима Мори* — предикативными (присвязочными) членами. Это означает отказ от той точки зрения, согласно которой сказуемым считается тайгэн вместе со служебным глаголом.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Остановимся подробнее на данном вопросе. Как не раз упоминалось, д-р Ямада делит ёгэны на реальные (вещественные) и формальные. Говорилось также и о том, что в то время как реальные ёгэны совмещают понятие атрибута и предикативность, формальные ёгэны не обозначают признака предмета, а обладают только предикативностью. Следовательно, с точки зрения д-ра Ямада, в тех случаях, когда сказуемым служит реальный ёгэн, в термине „предикативный член" нет никакой надобности. Однако, когда сказуемым является формальный ёгэн, этот термин, естественно, становится необходим. Иначе говоря, если в качестве сказуемого употреблен формальный ёгэн *готоси, су, ари, нари, тари, наси* (письменный язык) и *ару, най, годзару, да, дэсў* (разговорный язык), его непременно надо дополнить словом, выражающим понятие атрибута, которого сказуемое в этом случае лишено. Обратимся к примерам д-ра Ямада:

Отибана ***юки-но готоси*** (п. я.) 'Опадающие цветы **подобны снегу**'; здесь предикативный член — *юки-но*.

Ю я, варэ нандзи-ни ***куми-су*** (п.я.) 'Ю! Я **присоединяюсь к** тебе'; здесь предикативный член — *куми*.

Корэ ва сакура-но ***хана дэ иру*** 'Это (**есть**) **цветы** вишни'; здесь предикативный член — *сакура-но хана*.

Сан то го то-но ва ***ку дэ най*** 'Сумма трех и пяти **не** есть девять'; предикативным членом здесь будет являться *ку* 'девять'.

Остановимся подробнее на теории д-ра Ямада:

„Поскольку эти ёгэны обладают только предикативностью, а атрибутивного понятия лишены, практически они употребляются всегда в соединении со словом, имеющим такую понятийную часть. В предложениях *отибана юки-но готоси* и *корэ ва юки нари* словосочетания *юки-но готоси* и *юки нари* выполняют функцию высказывания о подлежащем. Из этого ясно, что помимо наличия предикативного члена, соотнесенного с субъектом, должен существовать еще предикат, объединяющий субъект и предикативный член. Слово *юки* выполняет здесь роль предикативного члена, а *готоси* и *нари* — роль предиката... Предикативный член вместе с сопутствующим ему ёгэном должен рассматриваться как один ёгэн. Ведь известно, что формальный ёгэн, обладающий чистой предикативностью и лишенный атрибутивного понятия, только в соединении с предикативным членом выполняет конкретную функцию; поэтому лишь когда эти два элемента соединены в одно, они могут выполнить ту функцию, которую выполняет реальный ёгэн"[5]. Грамматисты должны уделить серьезное внимание примерам, которые приводит и объясняет д-р Ямада, с тем, чтобы развить грамматическое мышление и укрепить грамматические позиции.

Слова, называемые д-ром Ямада формальными ёгэнами, в данной книге отнесены частично к самостоятельным глаголам, частич-

но к служебным глаголам, частично к вспомогательным глаголам и вспомогательным прилагательным, поэтому в предложении они все рассматриваются как сказуемое или часть сказуемого.

3. Сказуемое выражается наречием со служебным словом или служебным глаголом.

В разговорном языке имеются в виду следующие примеры:

Корэ ва ***сӯкоси бакари дэсӯ*** 'Этого **совсем немного**'.

Матта но ва ***сибараку дакэ дэсйта*** 'Ждал **совсем недолго**'.

В этих примерах *сӯкоси* 'немного', *сибараку* 'недолго' — наречия, а слова, следующие за ними — *бакари*, *дакэ* — наречные служебные слова; *дэсӯ*, *да* — служебные глаголы-связки. Взятые вместе, они в каждом случае составляют одно сказуемое. Наречные служебные слова с последующей связкой присоединяются не только к наречиям, но и к тайгэнам и к ёгэнам, образуя сказуемое, как это видно из следующих примеров:

Митинори ва вадзука нири ***бакари дэсӯ*** 'Пути **всего лишь** две мили'.

Сйкэн-но ханъи ва хатидзю̄ пэ̄дзи ***мадэ нари*** 'К экзамену нужно подготовить **до** восьмидесятой страницы'.

Карэ-но эйго-но дзицӯрёку ва карбдзитэ токухон-га ёмэру ***курай дэ ару*** 'С его знаниями в английском языке он едва в состоянии читать хрестоматию, **не более**'.

Наречные служебные слова вместе со служебными глаголами-связками, присоединяясь к слову, как бы выполняют роль суффиксов, сообщающих слову свойства адъективного глагола. Поэтому сказуемые, которые образуются при этом, всегда обозначают свойство, состояние или степень.

Коно ббси ва ватакӯси-но атама-ни ***тё̄до дэсӯ***. 'Эта шляпа **как раз** по моей голове'.

Коно ханаси ва ***хонтō да*** 'Этот рассказ — **всерьез**'.

Кийтэ мирэба ***маттаку дэсӯ нэ*** 'Когда я спросил [оказалось, что] **и вправду так**'.

Тё̄до дэсӯ, *хонтō дэсӯ*, *маттаку дэсӯ* следует объединить в группу недостаточных адъективных глаголов. Необходимо также помнить выдвинутое д-ром Ямада положение, что *дэсӯ да*, *нари* и др. формальные ёгэны, будучи употребленными с предикативным членом, выполняют ту же роль, что и реальные ёгэны. Приведем несколько примеров (взяты у д-ра Ямада):

... вакару то хйто ни ***мию бакари нари*** (Кокинсю) '... что расстаемся [это] **только кажется** людям'.

Миватасу кагири ***хана бакари дэ ару*** 'Куда ни посмотришь — кругом **только** цветы'.

Тётто мбсиагэтэ ***мита бакари дэ годзаимасӯ*** 'Я **только попытался** сказать об этом'.

Ватакӯси ва сорэ-о тётто ***мита дакэ дэсӯ*** 'Я **видел** это **только** мельком'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Сорэ ва ***омои дани сэнӯ*** *кото нари* (п. я.) ‘Это такое дело, что **и не** подумаешь’.

4. Сказуемое выражается предложением.

Предложение, имеющее в своем составе и подлежащее и сказуемое, может в свою очередь стоять в положении сказуемого. В данной книге оно именуется сказуемостным членным предложением (дзёдзугосэцу 述語節) [6].

Дзō ва ***карада дайнари*** (п. я.) ‘У слона (букв. ‘слон’) **туловище большое**’.

Карэ ва ***атама га ёй*** ‘У него (букв. ‘он’) хорошая голова’ (букв. ‘голова **хороша**’).

Кōин ва ***мидзу-но нагаруру-га готоси*** (п.я.) ‘Время **подобно тому, как** течет **вода**’.

Ватакӯси ва якю̄-га ***сӯки да*** ‘Я люблю бейз-болл’ (букв. ‘Я **бейз-болл** нравится’).

III. СОПОЛОЖЕНИЕ СКАЗУЕМЫХ

В одном предложении с одним подлежащим могут соотноситься два (или более) сказуемых. Такое явление называется соположением сказуемых.

Гэккō ва кцёку, уцӯкӯси (п. я.) ‘Лунный свет чист (и) прекрасен’.

Ватакӯси-но мура ва сидзука дэ, хэйва дэсӯ ‘В моей деревне тихо [и] мирно’.

При наличии соположенных сказуемых предложение может быть разделено на два (или более) первоначальных отдельных предложений с теми же сказуемыми, например:

Гэккō ва кцёку, гэккō ва уцӯкӯси.

В приведенных примерах первое сказуемое представляет собой срединную форму спрягаемого слова, а в нижеследующих примерах первое сказуемое имеет заключительную форму.

Карэ ва урэсиса-но амари одориагарэри тобимаварэри (п. я.) ‘От радости он заплясал и запрыгал’.

Корэ ва кисэмоно да, никуй яцу да ‘Это шарлатан, отвратительный тип’.

Ниже приводятся примеры, в которых между двумя сказуемыми вставлено служебное слово или союз.

Эндзоцу ва омосироку ***кацу*** *кёкунтэки дэ атта* ‘Речь была интересная и поучительная’.

Кими ва юку но ка, ***сорэтомо*** *иканай но ка* ‘Ты идешь **или** не идешь?’

Анохйто ва такакӯтэ фӯоттта иру ‘Он высокий и полный’.

Кōгун ва курусий ***си****, цурай* ‘Поход и тягостен и труден’.

В этих случаях служебные слова, будучи словами формаль-

ными, не обладают способностью составлять синтаксическую единицу, ввиду чего они входят составной частью в первое сказуемое. Однако союз, как уже указывалось в разделе о соположенных подлежащих, есть знаменательное слово и поэтому он может составить самостоятельную синтаксическую единицу. Следовательно, союз нельзя отнести ни к одному из равноправных сказуемых, а надо считать его так называемым независимым членом предложения. Такая точка зрения вполне приемлема, но если придерживаться того взгляда, что равноправные сказуемые образуют комплексное сказуемое (дзюцугодан 述語團), то можно считать, что союз включен в его состав. В этом случае следует обратить внимание, что равноправные сказуемые образуют однопозиционное сочетание ёгэнов, а не определительное. Например, в предложениях *коноха арасои оцу* (п. я.), *котори сидзукани наку* (п. я.) ёгэны *арасои*, *сидзукани* употреблены в приёгэнной форме, а эта форма по функции может быть понята и как форма срединного сказуемого, и как наречная форма. Принимая ее за срединную форму, мы будем иметь соположение сказуемых; при наличии же наречно-определительной функции, мы будем иметь не сказуемые, а определения. В неясных случаях нужно восстановить первоначальные предложения, в которых каждый ёгэн имеет свое подлежащее. Если это сделать можно, значит налицо соположение сказуемых, если нет, то первый ёгэн надо считать определением сказуемого.

Коноха арасоу 'Листья спорят' (бессмысленно); *Коноха оцу* 'Листья опадают'.

Котори сидзука нари 'Птичка тиха' (при соединении с последующим бессмысленно); *Котори наку* 'Птичка щебечет'.

Следовательно, можно признать, что *арасои* (глагол) и *сидзукани* (адъективный глагол) являются не срединными сказуемыми, а наречными определениями к последующему сказуемому, и эти предложения значат: 'Листья наперебой опадают', 'Птичка тихо щебечет'. Это станет еще более понятным, если провести сравнение со следующими примерами:

Сёси ва ёрокоби исамэри (п. я.) 'Офицеры обрадовались [и] приободрились': (*сёси ва ёрокобэри* 'офицеры обрадовались', *сёси ва исамэри* 'офицеры приободрились').

Юки ва сироку киёси (п. я.) 'Снег бел [и] чист' (*юки ва сироси* 'снег бел', *юки ва киёси* 'снег чист').

Однако бывают случаи, когда возможно и двоякое понимание.

Кадзэ саваякани фуку. Яма такаку собию.

В этих предложениях *саваякани* и *такаку* могут рассматриваться либо как наречные определения — тогда эти предложения будут означать: 'Ветер свежо дует', 'Горы высоко высятся', — либо как срединные сказуемые, однородные конечному сказуемому: *Кадзэ саваяка нари* 'Ветер свеж', *Кадзэ фуку* 'Ветер дует'; *Яма такаси* 'Горы высоки', *Яма собию* 'Горы высятся'. В этом слу-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

чае различение надо проводить другим способом — перестановкой. Если при такой перестановке смысл полностью сохраняется, значит налицо соположение сказуемых. Но в данных примерах после перестановки возникает другой смысл: следовательно, здесь *савакани* и *такаку* являются наречными определениями к сказуемому. В примерах же на равноправные сказуемые, приведенных выше, перестановка не меняет смысла и поэтому возможна, например:

Сёси ва ёрокоби исамэри — сёси ва исами ёрокобэри.

Юки ва сироку киёси — юки ва киёку сироси.

Следует отметить, что такого рода равноправные сказуемые рассматриваются некоторыми не как соположенные сказуемые, а как одно целое сказуемое. Например, Ямада Ёсио рассуждает таким образом:

„*Мотидзуки-но кагэ киёку саякэси* 'Свет полной луны чист [и] ясен'.

В этом примере *киёку* и *саякэси* находятся в равноправных отношениях и вместе указывают на свойства *мотидзуки-но кагэ*. Поскольку эти два ёгэна употреблены совместно для раскрытия свойств „лунного света" посредством слитного значения обоих, то первый ёгэн стоит в приёгэнной форме. Ввиду того, что два ёгэна соединены на равноправных началах и употреблены как один, связь между ними я называю однопозиционным сочетанием ёгэнов (дōкаку-рэнъё 同格連用). Так как первый из ёгэнов, образующих однопозиционное сочетание, имеет приёгэнную форму, может возникнуть сомнение, не есть ли это простая последовательность сказуемых, т. е. параллелизм. Однако, если учесть грамматическое положение этих слов, т. е. их синтаксическую позицию, различие между параллелизмом и однопозиционным сочетанием станет ясным, а именно: при параллелизме каждая из приёгэнных форм имеет свою особую синтаксическую позицию; в однопозиционном же сочетании слова занимают одну синтаксическую позицию. Иначе говоря, когда ёгэны рассматриваются как элементы, заключенные в пределах одной синтаксической позиции, мы будем иметь дело с однопозиционным сочетанием ёгэнов. Отсюда ясно, чем этот случай отличается от того, когда налицо параллелизм нескольких синтаксических позиций. Таким образом, исходя из фактов языка, можно сказать, что однопозиционное сочетание ёгэнов имеется тогда, когда две приёгэнные формы по значению равноправны и занимают совместно одну синтаксическую позицию. Например, *киёку саякэси* равноправны и слитно *образуют одно сказуемое*"[7].

Конечно, в этом рассуждении есть доля правды, но в настоящей книге я присоединяюсь к следующей точке зрения Хасимото Синкити, раскрытой им на примерах:

Карэ ва гака дэ, сидзин датта 'Он был художник [и] поэт'.

Кэси но хана ва акакӯтэ, бкий 'Цветы мака красные [и] большие'.

„Предложения этого типа ... можно рассматривать также поиному. А именно, можно считать, что *гака дэ* и *сидзин датта* не представляют собой двух отдельных сказуемых, что сказуемым является *гака дэ сидзин датта* и состоит оно из равноправных *гака дэ* и *сидзин датта* (из словосочетания). Точно так же считают, что *акакӯтэ бкий* не представляют собой двух равноправных сказуемых, а что эти два равноправных слова составляют одно сказуемое. При подобной трактовке предложения *Тарō то Дзирō га э-о кайтэ иру* 'Таро́ и Дзиро́ рисуют картину' *Таро* и *Дзиро* не рассматриваются как два подлежащих, а считается, что они образуют одно подлежащее *Тарō то Дзирō*.

Такая трактовка в известной мере правильна и в некоторых случаях даже удобна. Но в данной книге мы отказались от нее по следующим причинам.

1) В предложении *Карэ ва гака дэ сидзин датта* из слов *карэ ва гака дэ* уже понятно, что 'он — художник', а из слов *сидзин датта* еще и то, что 'он был поэт'. Таким образом, нашему языковому сознанию более соответствует точка зрения, согласно которой *гака дэ*—одно сказуемое, а *сидзин датта* — другое. В частности общепризнанно, что в предложении *Ани ва гака дэ, отōто ва сидзин датта* 'Старший брат был художник, а младший — поэт' *гака дэ* является сказуемым, но *гака* здесь и по форме и по значению ничем не отличается от *гака* в предыдущем предложении. Поэтому мы считаем более удобным считать *гака дэ* отдельным сказуемым.

2) Подобного рода сказуемые могут иметь при себе подчиненные члены.

Карэ ва юмэ́йна гака дэ идайна сидзин датта 'Он был знаменитый художник и великий поэт'.

Кэси но хана ва хидзё́ни акакӯтэ канари бкий 'Цветы мака очень красные и довольно большие'.

Если в этих предложениях *гака дэ сидзин датта* и *акакӯтэ бкий* считать одним сказуемым, то трактовка определений *юмэ́йна, идайна, хидзё́ни, канари* окажется затруднительной. С другой стороны, если признавать здесь наличие двух сказуемых, объяснить наличие определений при каждом из них будет довольно просто.

Из этих соображений указанные случаи рассматриваются не как одно сказуемое, составленное из двух слов, а как два сказуемых. Однако несовершенство такой трактовки видно из следующих примеров:

Гака дэ сидзин датта карэ-но ани ва... 'Его брат, который был художником и поэтом...'

акакӯтэ бкина хана ... 'Красные и большие цветы...'

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Рассматриваемые слова выступают здесь в роли определений, и ясно, что в данном случае их следует рассматривать не как два отдельных определения, а как одно (Это ясно видно из сравнения *акакӯтэ бкина хана* и *акай, бкина хана*)"[8].

Далее, все сказанное о соположении подлежащих приложимо и к соположению сказуемых, а именно·

Нихон но ни-дайсимбун ва Асахи-симбун то Майнити-симбун то дэсӯ 'Две крупнейшие газеты Японии — это Асахи и Майнити'.

Здесь сказуемыми являются два тайгэна. Но чтобы стало ясно, что .они не представляют собой соположенных сказуемых, а вместе составляют одно сказуемое, следует привести рассуждение о подлежащих в обратном порядке: высказывание относительно темы данного предложения может быть осуществлено только тогда, когда его компоненты будут слиты воедино. Если это высказывание разделить надвое, задача, возложенная на сказуемое, не будет полностью выполнена.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Сказуемое называют также *сэцумэйго* 說明語.
[2] Мацусита, III, стр 642—643.
[3] Все эти примеры позаимствованы у Мицуя, I, стр. 439—440.
[4] Хасимото, IV, стр. 122—124.
[5] Подробнее о предикативном члене см. Ямада, IX, стр. 698—727.
[6] Поскольку это — предложение (бун 文), неудобно называть его сказуемым-словом (цзюцуго 述語).
[7] Ямада, IX, стр 849—850
[8] Хасимото, IV, стр. 125—128.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Определение

I. СУЩНОСТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Определение (сюсёкуго 修飾語) — это слово, которое стоит перед определяемым словом и определяет его. Понятие „определять" возникает здесь из подчинения одного знаменательного слова другим Подчинение — это процесс, совершающийся на основе отношений между главным и подчиненным. При сравнении предложе́ний *хана саку* 'цветы цветут' и *хана мо саку* 'и цветы цветут' видно, что во втором предложении добавлено *мо*. Причем, совершенно ясно, что *мо* добавлено к подлежащему, а не к сказуемому. Оно придает подлежащему *хана* определенное значение, характер которого выясняется при сравнении обоих предложений. Таким образом, *мо*, будучи присоединено к подлежащему, добавляет к нему какое-то новое значение, но не определяет его. Не определяет же *мо* подлежащее потому, что оно является формальным словом; оно придано подлежащему *хана*, но не подчиняется ему. То же самое можно сказать и о тех случаях, когда знаменательному слову придано формальное слово другого типа — служебный глагол Таково же и отношение к знаменательному слову префиксов и суффиксов. Короче говоря, отношение подчинения (дзю́дзоку-канкэй 從屬關係) и отношение „приданности" (фудзоку-канкэй 附屬關係) грамматически надо строго различать. Отношение подчинения представляет собой отношение зависимости, существующее между знаменательными словами. Отношение подчинения в широком смысле слова можно признать существующим и между подлежащим и сказуемым, что подтверждается на основании сказанного по этому поводу в главе шестой при определении подлежащего (можно считать, что подлежащее подчиняется сказуемому). Однако все же отношения между подлежащим и сказуемым не рассматриваются как отношения подчинения. Следовательно, естественно, они не рассматриваются и как определительные отношения. Д-р Хасимото пишет. „Если понимать слово „определять" в том смысле, как говорилось выше, то, пожалуй, можно прийти к тому выводу, что поскольку в предложении *канэ-га нару* 'звонит колокол' слово *канэ-га* 'колокол' уточняет, что́ именно 'звонит', то оно является определением. И для этого, собственно, есть основания. По правде говоря, и мне

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

представляется, что между подлежащим, с одной стороны, и словом-объектом, дополнением и определением — с другой, в их отношениях с последующим словом коренного отличия нет. Несмотря на это, я все же думаю, что слово, которое на основании ранее изложенного критерия считается подлежащим, лучше рассматривать не как определение, а как подлежащее"[1]. Это высказывание касается вопроса о внутреннем характере определения, о чем будет речь ниже, но его можно распространить и на отношение подчинения.

Далее, „определять" — значит уточнять значение определяемого слова. Под „значением определяемого слова" имеется в виду его словарное значение. „Уточнять значение" означает следующее (приведем два предложения):

Хана саку (п. я.) 'Цветы цветут'.

Акаки хана уцӳкусйку саку (п. я.) 'Красные цветы красиво цветут'.

Во втором из этих предложений к слову 'цветок' добавлено значение 'красный', к слову 'цветет' — 'красиво'. Добавить значение — значит уточнить значение. А уточнить значение слова — это означает сузить широкое значение, конкретизировать и разъяснить неясное значение. Если сказать только *хана саку* 'цветы цветут', останется неясным: какие цветы, как они цветут. А если сказать: *акаки хана уцӳкусйку саку*, то устанавливается, что это именно красные цветы и никакие иные и что они не просто цветут, а цветут красиво. Вот это и будет уточнением значения. Разумеется, в высказывании *хана саку* уже заключено свое отличное от других высказываний значение, например от таких, как *хана тиру* 'цветы опадают', *тори наку* 'птицы поют'. Но в предложении *акаки хана уцӳкусйку саку* установление значения происходит посредством добавления другого рода значений.

Акаки бара-но хана ханадзоно-ни уцӳкусйку саку (п. я.) 'Красные цветы розы красиво цветут в саду'.

Если сказать так, то станет ясно, какие именно цветы и где цветут.

Дайнару акаки бара-но хана итирин ханадзоно-ни уцӳкусйку саку (п. я.) 'Большой красный (один) цветок розы красиво цветет в саду'.

Если сказать таким образом, то значение становится еще более точным, ясным и вместе с тем суженным. В этом предложении слова *дайнару* 'большой', *акаки* 'красный', *бара-но* 'розы' и *итирин* 'один', *ханадзоно-ни* 'в саду', *уцӳкусйку* 'красиво' являются определениями, а *хана* 'цветок' и *саку* 'цветет' — определяемыми.

Когда говорят, что определение добавляется для того, чтобы ограничить какое-либо значение, или для того, чтобы придать ясность понятию, обозначаемому словом, или чтобы сделать зна-

чение еще более точным, — это согласуется с изложенным выше. Собственно говоря, определение — это слово, которое соответствует термину западноевропейских грамматик modifier. Термин „ограничение“ (гэнтэй 限定) имеет тот же смысл[2]. Однако, как указал д-р Хасимото, если придерживаться буквального смысла слова „ограничение“, то оно в ряде случаев перестает соответствовать значению „определение“. Некоторые грамматисты понятие „определять“ объясняют понятием „ограничивать“. Когда говорят *канэ-га нару* ‘звонит колокол’, то это приложимо к любому колоколу и любому звону. Но если добавить определения и сказать *О-тэра-но канэ-га касўкани нару* ‘Еле слышно звонит храмовый колокол’, — это уже не будет относиться ни к какому колоколу, кроме храмового, и ни к какому звону, кроме еле слышного. Таким образом, мы видим, что при помощи определения сужается область определяемого, поэтому определение и называют „ограничением“. Такое объяснение приложимо к большинству случаев, однако встречаются случаи, когда оно не подходит. Например, в предложениях *анохйто ва* ***табун*** *куру дарō* ‘Он, **вероятно**, придет, *Сонна кото ва* ***кэссйтэ*** *най* ‘Этого, **безусловно**, нет’ слова *табун* ‘вероятно’, *кэссйтэ* ‘**безусловно**’, разумеется, являются определениями, однако нельзя сказать, что при помощи слова *табун* ограничивается значение *куру дарō*, а при помощи *кэссйтэ* ограничивается значение *най*. Конечно, в самом *куру дарō* уже заложено значение вероятности и при помощи *табун* оно становится яснее, в *най* тоже содержится значение категоричности, а *кэссйтэ* его подчеркивает. Таким образом, понятие „уточнять“ содержит в себе уяснение и подчеркивание значения определяемого слова, но в понятие „ограничивать“ эти значения не входят. В таком случае лучше и говорить не „ограничивать“, а „уточнять“[3].

Вряд ли нужно повторять, что железным законом японского языка является правило: определение всегда стоит перед определяемым. Определения в зависимости от характера определяемого делятся на два типа: адъективное определение и наречное определение. Такие определения, как *дайнару* ‘большой’, *акаки* ‘красный’, *бара-но* ‘розы’, определяют тайгэн, поэтому они называются адъективными определениями (кэйёситэки сюсёкуго); такие же, как *итирин* ‘один (о цветке)’, *ханадзоно-ни* ‘в саду’, *уцўкусйку* ‘красиво’, определяют главным образом ёгэны и называются наречными определениями (фукўсйтэки сюсёкуго). Адъективное определение д-р Ямада называет приименным членом (рэнтайго 連體語), а позицию, в которой оно стоит, приименной позицией (рэнтайкаку); наречное определение он называет определением (сюсёкуго), а его позицию — определительной позицией (сюсёкукаку). Д-р Хасимото называет адъективное определение приименным определением (рэнтай-сюсёкуго

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

連體修飾語), а наречное определение — приёгэнным определением (рэнъё-сюсёкуго 連用修飾語) и обосновывает это следующим образом:

„В настоящее время приняты наименования «адъективное определение» и «наречное определение». Этот термин заимствован из европейских грамматик. В западноевропейских языках признаком прилагательного является то, что оно определяет существительные и местоимения, а признаком наречия, что оно служит определением к глаголу или другому наречию, и именно в этом смысле и употребляют термин „адъективный" и „наречный". Однако предикативные прилагательные японского языка, в отличие от прилагательных западноевропейских языков, могут сами по себе служить сказуемым, чем они сходны с глаголом, а в то же время быть определением при существительном и местоимении могут не только предикативные прилагательные, но и глаголы. Таким образом, считать это признаком одних только прилагательных нельзя. Следовательно, наименование „адъективное определение" не совсем удачно для японского языка и приводит к недоразумениям. На этом основании оно заменено другим, а именно — приименное определение. Наименование „наречное определение" не всегда следует считать неподходящим; но в данной работе в состав этого определения включены так называемые слова-объекты и дополнение, так что оно охватывает гораздо больше явлений, чем в западноевропейских языках. Поэтому, считая более правильным изменить его, мы ввели название „приёгэнное определение"[4]. Однако в данной работе я решил придерживаться старых общераспространенных названий. Коренное разграничение адъективного и наречного определений основывается на различии характера их определяемого: в самой же сущности определительной функции указанных определений этого различия нет. Однако наречное определение по сравнению с адъективным характеризуется большей сложностью определительного соотношения, поэтому необходимо рассмотреть характер каждого из них в отдельности.

II. АДЪЕКТИВНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Адъективное определение (кэйётэки сюсёкуго 形容的修飾語), как уже говорилось в предыдущей главе, определяет тайгэн, и само определительное соотношение особых вопросов не вызывает. Поскольку тайгэн включает три части речи — существительное, местоимение и числительное, — то явление определения, основанное на принадлежности определяемых к различным частям речи, можно проследить на примерах:

Киёки *мидзу нагару* (п. я.) **'Чистая** вода течет' (определяемое — существительное).

Бакана *ватакуси-о сйкаттэ кудасай* 'Поругайте меня **глупого**' (определяемое — местоимение).

Кёто, Осака-но *нифу-ни рёкō-сэри* (п. я.) 'Путешествую по двум префектурам—**Киото и Осака**' (определяемое—числительное).

Дзю-тю-но *хатй-кц ва дайдзёбу дэсу* 'Восемь-девять (шансов) **из десяти** — прекрасно' (определяемое — числительное).

Между определяемым тайгэном и адъективным определением существует три типа отношений.

1. Определяемое является носителем признака, определение уточняет значение носителя признака.

Это обычное соотношение в приименной позиции; примерами служат все вышеприведенные предложения. При добавлении к определяемому такого определения общее становится специфическим, неясное приобретает ясность, к одному определенному значению привносится какое-либо новое значение; в этом случае определение носит название „ограничивающего определения".

2. Определение уточняет значение определяемого в слабой степени.

Определение как таковое не может не уточнять значения определяемого, однако степень самого уточнения слабая, определение почти не имеет ограничительного значения.

Мацусима, Хасидатэ, Ицукусима-но санкэй-о сёсэри (п. я.) 'Восхищаются «тремя видами» — Мáцусимà, Хасидáтэ, Ицукусимá'.

Корэ ва ёкомэ-татэбана-но нингэн-ни цунэни миру токоро нари (п. я.) 'Это то, что постоянно видишь у человека, имеющего глаза и нос' (букв. „у поперечноглазого и продольноносого человека").

Под названием *санкэй* 'три вида' известны именно Мáцусимà, Хасидáтэ и Ицукусимá, *ёкомэ-татэбана* 'поперечноглазый и продольноносый' означает иносказательно *нингэн* 'человек'. Эти определения не ограничивают определяемого, они только поясняют его, вследствие чего их и называют „пояснительными определениями".

3. Определяемое представляет собой формальное существительное или близкое к нему абстрактное существительное, а в определении заключен носитель реального значения. Некоторые называют такое определение „дополнительным определением".

со ва вага ***хоссуру токоро*** *арадзу* (п. я.) 'Это не **то, чего** я **хочу**'.

Оя-но он-ни ***хисубэки моно*** *ва си-но он нари* (п. я.) '**То, что можно сравнить** с благодеянием родителей, — [только] благодеяние учителя'.

Кякуго-но кото-о *хого-то йу хйто мо ару* (п. я.) 'Есть люди, которые называют **слово-объект** дополнением'.

Здесь слова *токоро, моно, кото* представляют собой формальные существительные, которые сами по себе не могут быть одним

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

из членов предложения. Поэтому, когда им хотят придать характер члена предложения, перед ними помещают знаменательное слово, сообщающее им реальное значение. Иначе говоря, поскольку данные слова обладают чрезвычайно широким значением, то при постановке перед ними адъективного определения им придается реальный смысл. Поэтому-то и считается, что носитель реального значения обозначен определением. Подобные определяемые являются, так сказать, формальными определяемыми. Их можно также назвать формальными словами, употребляющимися для придания предшествующему слову свойств тайгэна. Такого рода определяемых много и среди слов, не являющихся формальными существительными, — *тамэ*, *ходо*, *уэ*, *сйта*, *нака*, *кэн* (件), *хō* (方). Однако, разумеется, и в этом случае с грамматической точки зрения следует толковать подобные случаи в том смысле, что определяемое является носителем признака, а определение уточняет его значение. Нужно только помнить, что и уточнение бывает разным. (См. т. I, стр. 89—91). В этом отношении интересна точка зрения д-ра Ёсидзава. Он говорит, что если в словах, употребляемых при ёгэне, различается дополнение и наречное определение, то соответственно и в словах, употребляемых при тайгэне, надо различать дополнение и адъективное определение. Между тем, об адъективном определении при тайгэне обычно говорится, а о дополнении при нем никогда. Таким образом, слова, предшествующие формальным существительным, и следует рассматривать как дополнения при тайгэне. Но поскольку в данной книге не признаются дополнения при ёгэне, то, разумеется, не признаются и дополнения при тайгэне.

Далее, рассмотрим определение с точки зрения того, к какому из членов предложения оно отнесено; вернемся к примерам, которые приведены выше. Излишне говорить, что в предложении *Киёки мидзу нагару* определяемое *мидзу* 'вода' является подлежащим, а в предложении *Ося-но он-ни хисубэки моно ва си-но он нари* подлежащим следует считать *моно*, хотя оно и представляет собой формальное существительное. В предложениях *бака на ватакўси-о сйкаттэ кудасай* и *Кёто Ōсака-но ниф-у-ни рёкō-сэри* определяемые *ватакўси* 'меня' и *нифу* '(в) двух префектурах' представляют собой наречные определения.

Киригирису, итаку на наки со, аки-но ё-но нагаки омои ва варэ дзо масарэру (Кокинсю) 'Сверчки, сильно не верящите: тягучая тоска осенней ночи у меня сильнее'.

Хигураси-но, наку ямадзато-но югурэ ва кадзэ-ёри хокани тоу хйто мо наси (Кокинсю) 'В сумерки в горной деревне [где, когда] звенят цикады, кроме ветра некому [меня] навестить'.

Здесь слово *аки* 'осень' является адъективным определением к слову *ё[ру]* 'ночь', а *аки-но ё-но* как единое целое определяет *нагаки омои* 'тягучая тоска'; в последнем же сочетании *нагаки*

определяет *омои* как адъективное определение. *Хигураси-но наку* 'Звенят цикады' представляет собой единое адъективно-определительное членное предложение, определяющее слово *ямадзато* 'горная деревня', а *ямадзато* служит определением к *ёгурэ* 'сумерки'. Можно также считать, что *хигураси-но наку* подчинено *ямадзато-но ёгурэ* как целому. Из примеров видно, что адъективное определение может служить определением к другому такому же определению.

...та-га содэ фурэси нива-но ўмэ дзо мо (Кокинсю) '...слива в саду, которой касались чьи-то рукава'.

Здесь слово *ўмэ* 'слива' — сказуемое, имеющее перед собой адъективное определение *нива-но* 'сада'. (Впрочем, можно считать, что сказуемым является *нива-но ўмэ* и что определение *та-га содэ фурэси* 'прикасались чьи-то рукава' относится к нему в целом. Разумеется, и *та-га содэ фураси нива-но ўмэ* допустимо считать единым сказуемым.) Отсюда ясно, что адъективное определение может относиться также и к сказуемому. Коротко говоря, правильно утверждать, что адъективное определение может относиться ко всякому обычному члену предложения — к подлежащему, к наречному определению, к другому адъективному определению, к сказуемому, — потому что тайгэн, который является определяемым, может быть и подлежащим, и наречным определением, и адъективным определением, и сказуемым. Поэтому, строго говоря, адъективное определение определяет тайгэн как таковой; сказать же, что определение относится к тому или другому члену предложения, значит выразить это косвенно.

Далее следует подчеркнуть несколько моментов, связанных с отношениями между определением и определяемым, когда в качестве адъективного определения употреблен ёгэн.

уцўкусйки хана (п. я.) 'красивые цветы'; *хасиру ўма* 'бегущая лошадь'.

Определение здесь может стать сказуемым, если перестроить эти примеры в виде предложений *хана уцўкўси* (п. я.) 'Цветы красивы'; *ўма хасиру* (п. я) 'Лошадь бежит'.

А как обстоит дело в следующих примерах?

ва-га рёкō-сэси тихō (п. я.) 'район [по которому] я ездил';

карэ-но э-о какитару ками (п. я.) 'бумага [на которой] он написал картину';

хикōки-но тобэру сора 'небо [по которому] летит самолет'.

Как бы ни перестраивать эти примеры, не удастся добиться такой структуры, при которой в предложениях, где сказуемыми являются бывшие определения, определяемые *тихō, ками, сора* стали бы подлежащими. При изменении конструкции эти слова становятся наречными определениями: *Варэ тихō-о рёкō-сйки* (п. я.) 'Я путешествовал по району'; *Карэ ками-ни э-о какитари* (п. я.) 'Он написал на бумаге картину'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

III. ВЫРАЖЕНИЕ АДЪЕКТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Адъективное определение может быть выражено следующим образом:

1. Приименной формой ёгэна, а именно:

1) приименной формой глагола: ***саку*** *хана* '**цветущие** цветы', ***наку*** *тори* '**поющая** птица', ***нигэру*** *хэйси-га какурэру басё-о сагасйтэ иру* '**убежавшие** солдаты ищут места [где бы] спрятаться';

2) приименной формой предикативного прилагательного: ***самуки*** *фую сари*, ***ататакаки*** *хару куру* (п. я.) 'Минует **холодная** зима, настаёт **теплая** весна'; ***Мидзикай*** *дзинсэй-ни* ***нагай*** *гэйдзюцу-га сакаэру* 'В **короткой** жизни цветет **вечное** искусство';

3) приименной формой адъективных глаголов: ***Нодока нару*** *хикагэ сидзука нару каймэн-о тэрасу* (п. я.) '**Мягкий** свет солнца освещает спокойную гладь моря'; ***Ататакана*** *харуамэ-дэ* ***явараканa*** *вакамэ-га нобитэ кйта* 'После **теплого** весеннего дождя появились **нежные** молодые побеги'.

2. Приименной формой спрягаемого словосочетания-слова, образованного из ёгэна и присоединенных к нему служебных слов:

1) глаголом с служебными глаголами:

Миёсино-но· ямабэ-ни ***сакэру*** *сакурабана* (п. я.) 'Цветы вишни, **расцветшие** на склонах горы Миёсино'; *Сорэ ва дарэ-ни мо* ***сёнин-сарэнай*** *сэцу дэсу* 'Это никем **не признаваемая** теория';

2) адъективным глаголом или тайгэном с служебными глаголами: *Коккё-ни ва* ***одаяка-нарадзару*** *кадзэгумо тадлёри* (п. я.) 'На границе висят **неспокойные** тучи'; ***Ундбка нару*** *карэ ва токуни кэнко-ни рёи-сэри* (п. я.) 'Он, будучи спортсменом (букв. '**являющийся спортсменом**'), особенно следит за своим здоровьем'.

Я-но готоки *кбин икани сэмў* (п. я.) 'Что делать с временем, **подобным стреле**?'

Анохйто-га ***гакўся-на*** *хадзу ва най* 'Не может быть, чтобы он **был ученым**' [1].

3. Двумя или более ёгэнами с служебными глаголами или без них:

Кудзурэнокорэру *миньоку ни ва дво аимиру нисёгун* (п. я.) 'Два генерала, переглянувшиеся при виде **уцелевшего** домика'.

Ватакўси ва ***сугисатта*** *кото-о катаритаку най* 'Я не хочу говорить о том, что **прошло и ушло**'.

Ёку най *уваса мо ару* 'Ходят и **нехорошие** слухи'.

4. Ёгэном с относящимся к нему наречным определением:

Фурусато-то нариниси *Нара-но мияко-мо оиро ва каварадзу хана ва сакикэри* (Кокинсю) 'В столице Нара, **превратившейся в деревню**, по-прежнему цвели цветы'.

Корэ ва ***дзицӯни риппана*** *бӣэнкӗ дэсӯ нэ* 'Это, **действительно замечательный** бинокль'.

В таких случаях ёгэн вместе со своим наречным определением должен рассматриваться как один комплекс, составляющий адъективное определение. Приведем для сравнения точку зрения д-ра Ямада.

„Все слова, занимающие приименную позицию, обозначают ограничительное понятие, добавленное для того, чтобы, ограничив понятие, обозначаемое тайгэном, к которому они относятся, сделать его значение более ясным. При их добавлении те слова, к которым они относятся, и они сами (т. е. слова, занимающие приименную позицию) составляют один комплекс, а именно одно большое комплексное понятие"[5]. Таким образом, адъективное определение как член предложения поглощается тем членом предложения, к которому оно относится. На примерах это отразится следующим образом: в приведенном выше примере адъективным определением будет *„Фурусато-то нарисини"*; но *фурусато-то нарисини Нара-но мияко-ни* 'в столице Нара, превратившейся в деревню' — все в целом рассматривается как наречное определение или группа наречного определения. В примере *корэ ва дзицӯни риппана бӣэнкӗ дэсӯ нэ* слова *дзицӯни риппана* 'действительно замечательный' являются группой адъективного определения, а *дзицӯни риппана бӣэнкӗ дэсӯ нэ* — сказуемым или группой сказуемого. Такие группы членов предложения, образованные из двух или более синтаксических единиц, в отличие от подлежащего, сказуемого и определения, выраженных одной единицей, именуют группой подлежащего, группой сказуемого и группой определения.

5. Приименными:

Гогацу-но тайӗ га ***арацюру*** *кодзуэ-ни фурисосогу* 'Майское солнце льется на все верхушки деревьев'.

Иваюру *дзицюси ва гэндай-ни ойтэ хассэй-сэри* (п. я.) 'Так называемый свободный стих зародился в новое время'.

6. Тайгэном с присоединенным к нему служебным словом *но* (реже *га, цу*) или служебными глаголами-связками:

Нара-но *мияко-ни* 'в столице **Нара**', ***хару-но*** *хи* 'в весенний день' (букв. 'день весны').

Садзанами-но ***куни-цу*** *миками* (Маньёсю, 33) 'Боги страны мелких волн'.

Ё-г-а *тити ва рокудзюрокӯсай-нитэ мимакарину* (п. я.) 'Мой отец скончался в возрасте шестидесяти шести лет'.

Годзюнин-га *бун тотоноэтэ окимасйта* 'Заготовил порции на **пятьдесят человек**'.

Когда существительные выступают в функции адъективного определения, они, как правило, сопровождаются служебными

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

словами, но иногда служебные слова могут быть и опущены, как, например, ниже:

Токё-си Канда-ку Симбо-тё иттёмэ 'гор. Токио, район Канда, улица Симбо, номер первый'.

Сэйрэки гонэн дзӯнигацу тӯка 'десятое декабря пятого года по европейскому летоисчислению'.

Минамото Ёритомо (родовое и личное имя).

Надо полагать, что в древние времена между фамилией и именем вставляли *но*. Мацусита Дайдзабуро иллюстрирует такого рода примерами приименное употребление слов[6]. При невнимательном рассмотрении такие примеры могут быть приняты за приложение:

Тадасигэ Масанари (фамилия и имя), *сёсэцўка Бакин* 'романист Бакин', *бидзин Нисивару* 'красавица Нисивару', *такаяма Фудзи* 'высокая гора Фудзи' и т. п.

Кроме того, бывает иногда, что некоторые слова, не являясь тайгэнами, только на данный случай окказионально употребляются как тайгэн, принимая при этом служебное слово *но* и служа адъективным определением:

бидзу синадзу-но кўсури 'лекарство от старости и смерти' (букв. *оидзу синадзу* 'не стареть, не умирать').

мидзу-сирадзу-но танин 'совершенно чужой' (букв. *мидзу сирадзу* 'не видеть, не знать').

Исогаба маварэ-но котовадзадбри 'По пословице: если спешишь, обогни' ('обойди кругом').

Если в этих примерах есть окказиональные тайгэны, то в следующих мы встретим квази-тайгэны. Необходимо обратить внимание на то, что при исключении *но* из первых примеров приименная позиция осуществиться не может, во вторых же примерах при удалении *но* в приименной позиции не произойдет никаких изменений. Слово не может рассматриваться как квази-тайгэн, если после ёгэна (или спрягаемого словосочетания) нельзя поставить служебного слова *но*.

хана-о ***миру-но*** *ки* 'записки о любовании (букв. '**любоваться**') цветами';

гакурэй-дзидб-о ***сӯгаку-сэсимуру-но*** *гиму-о оу* (п. я.) 'нести обязанность **отдавать в школу** детей школьного возраста';

ситёсонкай-но ***гикэцу-ни ёру-но*** *кагири-ни арадзу* (п. я.) 'не находиться в пределах зависимости (букв. '**зависеть**') от решения городских и сельских собраний'.

7. Тайгэном с *но* и каким-либо промежуточным служебным словом:

Бэйкоку-ёри-но цӯти 'известия из Америки'; *тити-кара-но дэнгон* 'завет отца'; *Тӯкё-э-но ӯфуку* 'поездка в Токио и обратно'; *коко-дакэ-но ханаси* 'разговор между ними' (букв. 'только здесь');

нисяку-гурай-но нагаса ‘длина около двух сяку’; *дарэка-но нōто* ‘чьи-то заметки’.

Это *но* и *но* из предыдущего (6-го) пункта д-р Хасимото назвал квазиприименными служебными словами[7]. Следует обратить внимание, что такое *но* может быть употреблено также и при ёгэне, образуя приименную позицию:

каэру-мадэ-но хиё ‘расходы до возвращения’ (букв. ‘возвращаться’); *сёти-сйта то-но хэндзи* ‘ответ, что согласился’; *юкэ-то-но мэйрэй* ‘приказ идти’ (букв. ‘иди’); *каку-дакэ-но тэсу* ‘хлопоты только написать’; *митэ-но уэ* ‘после того, как посмотрит’.

В следующем (8-м) пункте будут приведены иллюстрации аналогичного *но*.

8. Основой предикативного прилагательного, основой адъективного глагола или наречием со служебным словом *но* (ср. т. I, стр. 246,313,511).

Основой предикативного прилагательного с *но*: *омосироно гаку-но ото* ‘звуки приятной музыки’; *насакэна-но котоба* ‘безжалостные слова’; *аясино фуруман* ‘подозрительное поведение’;

Основой адъективного глагола с *но*: *тэкитōно сёти* ‘соответствующие меры’; *хонтōно гэнъин* ‘настоящая причина’; *токусōно сэцуби* ‘особое оборудование’; *атаримаэно ханаси* ‘понятное дело’; *вадзукано сōнō* ‘незначительный доход’.

Наречием с *но*: *марэно хосомити* ‘редкие тропинки’; *сибасино иноти* ‘недолгая жизнь’; *ёмосугарано араси* ‘буря всю ночь’; *матано хи* ‘еще [один] день’; *тёттоно дзикан* ‘минутка времени’; *ёходоно дайдзи* ‘довольно серьезная вещь’; *моппарано уваса* ‘чистая болтовня’.

Если имеющимся в этих примерах словам *тэкитōно* и *вадзукано* мы придадим форму *тэкитō нару* и *вадзукана*, то получим приименную позицию адъективного глагола в приименной форме, т. е. в таком измененном виде эти слова выпадут из рассматриваемого ряда примеров.

Следует различать основу адъективного глагола с *но* и приименную форму адъективного глагола. Очевидно, именно это имеет в виду д-р Ямада, приводя примеры *вадзукано уро* ‘незначительный крюк’, *моттомоно кото* ‘справедливое рассуждение’, *дзūёно сёку* ‘важный пост’, *хидзёно ё* ‘экстренное дело’ и т. п. и отвергая как безосновательное утверждение прежних грамматистов о том, что в данных словосочетаниях *но* следует заменить словом *нару*[8]. (Однако нужно помнить, что в грамматической системе д-ра Ямада нет отдельной части речи под названием „адъективный глагол“.)

9. Некоторыми из наречий:

Вадзука *итидзицу-но тё* ‘старше **всего** на один день’; ***яя*** *хигасино хō* ‘**немного** на восток’; ***моттомо*** *минами-но куни* ‘**самая**

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

южная страна'; ***сугу́*** *тонари-э юку* 'пойти **прямо** рядом'; ***дзутто*** *маэ-о миё* 'посмотри вперед **подальше**'; ***мо́*** *микка матэ* 'обожди **еще** три дня'; ***тёдо*** *сёго-дэ ару* 'ровно полдень'; ***татта*** *итиэн-но канэ* 'денег **всего** одна иена'; ***мотто*** *мукō-э ёрэ* 'отодвинься побольше в ту сторону'; ***тайхэн*** *эмпō-кара куру* 'придти **очень** издалека'; ***тётто*** *хидаригава-но хō* '**немного** налево'; ***гоку*** *тикагороно дэкигото* '**совсем** недавнее происшествие'.

Следует обратить внимание, что в этой функции встречаются лишь наречия степени, а определяемые обозначают место, направление, время и количество.

10. Предложением в роли адъективного определения:

Миру хито мо наки *ямадзато-но сакурабана*, ***хока-но тиринаму*** *ато дзо сакамаси* (Кокинсю) 'Цветы вишни в горной деревне [где] **нет человека** [чтобы ее] **видеть**, зацветут после [того как] **другие опадут**'.

Хана-но саку *хару-га кйтэ* ***каори-но такай*** *хана-га сакимасйта* 'Пришла весна [когда] **цветут цветы**, и расцвели цветы [у которых] **запах сильный**'.

Сюи-но сидзукана *токоро-о сагасйтэ имасу́* 'Ищу место [где] **кругом тихо**'.

Это, бесспорно, адъективно-определительные членные предложения. Такое предложение определяет тайгэн как один комплекс. То, что сказу́емое в членном предложении имеет приименную форму, не означает, будто это сказуемое оторвано от подлежащего и само по себе определяет последующий тайгэн. Определительное соотношение достигается единством подлежащего и сказуемого.

IV. СОПОЛОЖЕНИЕ АДЪЕКТИВНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Если определению и уточнению подвергается один и тот же тайгэн, при нем может быть два и более соположенных адъективных определения. При этом возможны три случая:

1. Соположение адъективных определений, каждое из которых выражено ёгэном:

окий акай уцӯкӯсий хана 'большой, красный, красивый цветок'.

В этом примере слова *ōкий, акай, уцӯкӯсий* на равных основаниях, каждое в отдельности, определяют тайгэн *хана*. Поскольку эти определения равноправны, то между ними нет отношений главенства и подчинения. Доказательством этому служит возможность перемещения данных определений без ущерба для общего смысла, например:

Акай уцӯкӯси ōкий хана; акай ōкий уцӯкӯсий хана; уцӯкӯсий акай ōкий хана и т. д. Эти выражения не отличаются от предыдущего по смыслу.

В таких случаях можно все определения, за исключением непосредственно предшествующего тайгэну, употреблять не в приименной, а в срединной форме: *бкйку акаку уцўкўсий хана*. Однако следует заметить, что употребление срединной формы вместо приименной как бы скрепляет определение в один комплекс. Иначе говоря, в приименной форме каждое такое определение, как *бкий, акай, уцўкўсий*, обладает самостоятельностью и определяет тайгэн само по себе, в то время как *бкику акаку уцўкўсий* составляет один комплекс, определяющий тайгэн как целое. Итак, *бкику акаку уцўкўсий* представляет собой одно определение, а *бкий, акай, уцўкўсий* — три отдельных определения. При употреблении срединной формы между определениями могут быть вставлены служебное слово *тэ* или союзы *кацу, сйкамо*; *бкйкўтэ акакўтэ уцўкўсий хана; бкйку акаку кацу уцўкўсий хана*. В приведенных примерах *тэ* является служебным словом и поэтому входит в состав определения, в то время как союзы *кацу* и *сйкамо*, разумеется, могут рассматриваться как стоящий вне определения независимый член предложения; но если все определение рассматривается как один комплекс, то следует считать, что союз входит в состав этого комплекса. Здесь встает вопрос, претерпевает ли отношение определения к определяемому какие-либо изменения, если перед определениями, выраженными ёгэнами, есть еще одно адъективное определение, выраженное, однако, не ёгэном?

Окий акай уцўкўсий бара-но хана, или *бкику акаку уцўкўсий бара-но хана*.

Вопрос состоит в том, является ли слово *бара-но* 'розы' равноправным с предшествующими определениями? То есть, к какому типу следует отнести это соотношение: к типу А или Б?

А: 'большой, красный, красивый цветок розы' (все определения относятся к *хана* 'цветок').

Б: 'цветок большой, красной, красивой розы' (первые три определения относятся к непосредственно следующему за ним тайгэну *бара* 'роза').

Короче говоря, вопрос состоит в том, что является определяемым: комплекс ли *бара-но хана* или только *хана*. Забегая вперед, укажу, что в данной книге более правильным представляется тип Б. Дело в следующем: во-первых, находящееся непосредственно перед тайгэном определение *уцўкўсий* при появлении *бара-но* не может быть поставлено в срединной форме. Это происходит потому, что новое определение — *бара-но* — не находится в равноправных отношениях с первоначальными определениями. Если же добавить такое слово, как *сугасугасий* 'свежий', то *уцўкўсий* может принять срединную форму: *бкику акаку уцўкусйку сугасугасий хана*. Во-вторых, определение *бара-но* может быть поставлено перед уже имеющимися определениями: *бара-но бкий акай уцўкўсий хана*, но не может быть вклинено между ними, например,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

таким образом: *бкий акай бара-но уцўкўсий хана* или *бкий бара-но акай уцўкўсий хана*. Если так и можно сказать, то в другом смысле, чем имелся первоначально; эти выражения означают: 'красивый цветок большой красной розы' и 'красный красивый цветок большой розы'. Поэтому и *бкий акай уцўкўсий бара-но хана* значит 'цветок большой, красной, красивой розы'. Короче говоря, способность адъективных определений составлять один комплекс определенным образом ограничена, а именно: если относящиеся к одному определяемому адъективные определения стоят в срединной форме, они могут быть объединены в один комплекс, но если относящиеся к одному определяемому определения равноправны, они не объединяются в один комплекс. С другой стороны, адъективные определения вместе с определяемым тайгэном могут образовывать один комплекс, который в свою очередь может быть определяемым по отношению к другому адъективному определению. При рассмотрении категории адъективных определений эти два факта, как мне кажется, заслуживают внимания.

Далее, когда адъективное определение имеет при себе наречное определение и таким образом само становится определяемым, оно образует один комплекс с наречным определением и определяет тайгэн так, как определяют его адъективно-определительные членные предложения, в которых один комплекс составляют подлежащее и сказуемое.

Корэ ва ***ханахада мудзукасйки*** *мондай нари* (п. я) 'Это **очень трудный** вопрос'.

Ёку саэдзуру уцўкўсий тори-га имасў 'Вот **хорошо поющая** красивая птица'.

В первом предложении *мудзукасйки* 'трудный' — адъективное определение при слове *мондай* 'вопрос'; имея при себе наречное определение в виде слова *ханахада* 'очень', оно само является определяемым. Следовательно, *ханахада* подчинено слову *мудзукасйки* и составляет вместе с ним комплекс *ханахада мудзукасйки*, который и определяет тайгэн *мондай*. Во втором предложении *саэдзуру* 'поющая' и *уцўкўсий* 'красивая' — адъективные определения при слове *тори* 'птица'; однако они не однородны (*саэдзуру* — приименная форма глагола, *уцўкўсий* — приименная форма предикативного прилагательного), они определяют слово *тори* каждое само по себе, независимо от другого, и не могут составить одного комплекса. Слово *ёку* 'хорошо', будучи подчинено слову *саэдзуру*, составляет с ним один комплекс, а слово *уцўкўсий*, будучи подчинено слову *тори*, также образует с ним один комплекс, и между этими двумя комплексами устанавливается определительное соотношение.

2. Соположение адъективных определений, выраженных тайгэнами:

сӯгаку эйго-но сйкэн ари (п. я.) ‘проводятся экзамены по математике и английскому языку’;

гаккō то катэй то-но кёику-ни дзэнрёку-о сосогу ‘отдать все силы воспитанию в школе и семье’.

Когда несколько тайгэнов, составляющих адъективное определение, следуют один за другим, то они либо просто стоят друг за другом, либо между ними вклинивается служебное слово или союз. Однако так же, как и в предыдущем случае, хотя каждое из адъективных определений определяет последующий тайгэн, они могут рассматриваться как один комплекс, определяющий тайгэн. В этом случае служебные слова и союзы сливаются с какой-либо частью адъективного определительного комплекса. Правда, некоторые грамматисты в данном случае рассматривают союзы в отрыве от определений как независимый член предложения. (Примеры с союзами *кацу* и *сйкамо* уже были приведены раньше.) Впрочем, здесь явление несколько более сложное, чем то, которое мы имеем при адъективных определениях, выраженных ёгэнами.

Гаку-о осамэ нарабини гё-о нарау мити-ни цутомэё ‘Трудись на пути изучения науки и овладения делом’.

Аса ва хаяку оки сосйтэ ёру ва осоку нэру хйто ва мэдзурасий ‘Редко встретишь человека [который бы] вставал рано утром, а ложился поздно вечером’.

Далее нужно обратить внимание на следующее явление: когда к одному определяемому относится несколько адъективных определений и одно из них выражено тайгэном (речь идет здесь не о соположении определений), то подчиненность определения становится неясной. Например, *ано ояни нита мусӯмэ*; поскольку неясно, какому тайгэну подчинено определение *ано* ‘та’ — слову *мусӯмэ* ‘девушка’ или *оя* ‘мать’ — это предложение может иметь двойной смысл: ‘та девушка, похожая на мать’ и ‘девушка, похожая на ту мать’.

Сэнси-сйта тӣи-но ани. И здесь неясно, к какому именно слову относится адъективное определение *сэнси-сйта* ‘погибший на войне’ и поэтому возможно двоякое понимание: ‘погибший брат лейтенанта’ и ‘брат погибшего лейтенанта’. С грамматической точки зрения в этих предложениях нет никакой погрешности, но нельзя не отметить, что стилистически они не достигают цели. Поэтому, исходя из запросов практической грамматики, следует выбирать такое построение, которое не допускает ошибочного толкования.

V. НАРЕЧНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Наречное определение (фукӯсйтэки сюсёкуго 副詞的修飾語), как видно из его названия „приёгэнное определение“, служит в основном определением при ёгэне. Это его определяющий

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

признак. Однако его определяемым может быть не обязательно ёгэн.

Примеры на наречное определение к разным частям речи:

Угуису-но наку нару коэ ва ***асана-асана*** *кику* 'Звуки пения соловья слышатся **рано-рано**' (определяемое — глагол).

Ямадзато ва аки косо ***котоки*** *вабисйкэрэ* 'Горная деревня осенью **особенно** уныла' (определяемое — предикативное прилагательное).

Нацу ва яма уми мина мидорини сйтэ ***мэдзамуру бакари*** *адзаяка-нари* 'Летом горы и море — все зелено и **ослепительно** свежо' (определяемое — адъективный глагол).

Иямо, ната ва ***марудэ*** *акатян дэсу нэ* 'Нет, вы **совсем** младенец!' (определяемое — тайгэн с служебным глаголом).

Нао *сибаси кокоромиё* 'Попробуем **еще** немного' (определяемое — наречие).

Примеры на наречное определение при разных членах предложения:

Ситаба ***нокорадзу*** *иродзукиникэри* (п. я.) 'Нижние листья **до последнего** покраснели' (определяемое — сказуемое).

Омовадзу *тобидасйта но ва Тарō дэсйта* '**Внезапно** выскочивший был Таро́' (определяемое — подлежащее, составленное из ёгэна, служебного глагола и служебного слова).

Фўто *эгакидасу нацу но юмэ* '**Внезапно** вырисовывающиеся видения лета', (определяемое — адъективное определение).

Нива-га ***тайхэн*** *кирэйни хакарэтэ ару* 'Сад подметен **очень** чисто' (определяемое — наречное определение).

Ани *какару кото аран я* (п. я.) '**Тем более** немыслима такая вещь!'; ***мукаси*** *отоко аримэри* (п. я.) '**в древности** был человек'; ***Тоси фурэба*** *ёваи ва оину* (п. я.) '**Так как проходят годы** (I), по возрасту стареешь'.

В последних трех примерах наречное определение (или в последнем наречно-определительное членное предложение) определяет предложение в целом. В качестве примеров определительной позиции при фразе д-р Ямада приводит следующие предложения, поясняя, что „такого рода определения относятся к целой фразе, а не к ёгэну, являющемуся частью фразы, и не к предикату"[9].

Идэ, *варэ-о хйто на тогамэ со* (п. я.) '**Нет**, меня, люди, не обвиняйте'.

Убэ, *тиру кото-о хйто итоикэри* (п. я.) '**Да**, люди сожалели, что [цветы] опадают'.

Слова *идэ* 'нет', *убэ* 'да', по терминологии д-ра Ямада, относятся к наречиям предикации. В своей грамматической системе д-р Ямада придает важность различению того, относится ли определение при ёгэне к обозначаемому признаку или к самой предикации.

Кэдаси корэ нараму (п. я.) 'По-видимому, это и есть'.

Юмэ окотару на (п. я.) 'Никогда не ленись'.

Кэдаси 'по-видимому', *юмэ* 'никогда', согласно мнению д-ра Ямада, — так называемые определения к предикации. Они формально связывают определяемое. Если ёгэн выражает предикацию в форме, противоречащей этой связанности, то такое наречное определение теряет с ним связь; *кэдаси корэ нари, юмэ окотару* сказать нельзя.

Как видно из следующих примеров, если определяемый ёгэн — не сказуемое, а, например, адъективное определение, то наречные определения предикации к нему относиться не могут: *кэдаси корэ нару хон* (本 'книга'), *юмэ окотару му* (務 'долг') сказать нельзя.

В противоположность этому, наречные определения, уточняющие признак, обозначаемый ёгэном, формально этот ёгэн не связывают и могут служить к нему определением независимо от того, как он употреблен. Кроме того, наречные определения, уточняющие признак, обозначаемый ёгэном, не могут служить определением при таких ёгэнах, которые выражают только предикацию. Д-р Ямада в доказательство этого положения приводит следующие примеры:

самадзамани кангау (п. я.) 'всячески обдумать'; *каку иитари* (п. я.) 'так сказано'.

Поскольку *самадзама, каку* уточняют признак, обозначаемый ёгэном, они могут быть определением при нем и тогда, когда он является не сказуемым, а занимает какую-либо иную позицию:

Самадзамани кангауру мо омосироси (п. я.) 'Всячески обдумать интересно'.

Каку йу хйто ари (п. я.) 'Есть люди, которые так говорят'.

Такие слова, способные выполнять роль уточнителя признака, обозначаемого ёгэном, не могут быть наречным определением при ёгэнах, не обозначающих никакого признака; нельзя, например, сказать: *самадзамани корэ нари*.

Точка зрения д-ра Ямада заслуживает внимания. Однако я считаю, что к целому предложению в качестве наречного определения могут относиться не только так называемые наречия предикации.

* * *

В наших грамматиках к обычным членам предложения, т. е. подлежащему, сказуемому и определению (адъективному и наречному), чаще всего добавляют дополнения — слово-объект (якуго 客語) или дополнение (хого 補語), а иногда и то и другое. Я не выделяю эти члены в отдельную категорию, и все, что обычно фигурирует под этим наименованием, включаю в категорию наречного определения. Такого же взгляда придерживался уже д-р Ёсидзава. В последнее время аналогичное мнение высказывает

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

д-р Хасимото. Чтобы уяснить сущность наречного определения, необходимо предварительно рассмотреть ряд связанных с ним вопросов.

Прежде всего следует остановиться на вопросе о том, в какой зависимости находится дополнение от переходности и непереходности глаголов.

О правомерности разграничения переходных и непереходных глаголов уже говорилось в учении о частях речи (стр. 206-215). Если в учении о предложении признается необходимость рассмотрения дополнений, то это предусматривает разграничение переходных и непереходных глаголов в учении о частях речи, и наоборот, если в этом последнем не признавать необходимости разграничения переходности и непереходности глаголов, то неизбежно приходится отказаться от рассмотрения вопроса о дополнении. Поэтому целесообразно рассмотреть различные точки зрения на вопрос о дополнениях в связи со взглядами соответствующих авторов на критерии разграничения переходных и непереходных глаголов.

Прежде всего приведем основные теории тех авторов, которые в учении о частях речи признают необходимость разграничения переходных и непереходных глаголов.

1. Теория Оцуки Фумихико.

Оцуки называет словом-объектом (кякуго) у непереходных глаголов слово, обозначающее показатель, а у переходных глаголов — слова, обозначающие объект и показатель. Оцуки пишет:

„Объектные непереходные глаголы (ютай-дзидоси 有對自動詞), одноообъектные переходные глаголы (тантай-тадоси 單對他動詞) и многообъектные переходные глаголы (фукутай-тадоси 複對他動詞) в роли сказуемого требуют слова, обозначающего показатель или объект. Слово, обозначающее показатель или объект, называется словом-объектом (кякуго). Объектные непереходные глаголы — это такие непереходные глаголы, которые не могут выразить своего значения без показателя действия; например, таковы в *кагами ва кабэ-ни какару* 'зеркало висит на стене', *као ва мэ-э мукау* 'лицо обращено вперед' глаголы *какару*, *мукау* и т. п.; они требуют служебных слов *ни*, *то*, *э*, *ёри*, *кара*, *мадэ*. Одноообъектные переходные глаголы — это переходные глаголы, не требующие никакого иного показателя, кроме объекта; например, таковы в *кайко ва ито-о каку* 'шелковичный червь выделяет нить', *хати ва мицу-о камосу* 'пчела изготовляет мед' глаголы *каку*, *камосу*. Многообъектные переходные глаголы — это такие глаголы, которые, будучи переходными, требуют кроме объекта еще и иного показателя; например, таковы в *сё-о аи-ни мадзиу* 'смешать киноварь с индиго', *мидзу-о ю-то насу* 'превратить воду в кипяток' глаголы *мидзу* и *насу*. При объекте необходимо служебное слово *о*"[10].

Мидзу ва хикуки-ни цўку 'Вода стремится к низине' (объектный непереходный глагол).

Хи ва моно-о кавакасу 'Огонь сушит предметы' (однообъектный переходный глагол).

Кадзэ ва нами-о киси-ни ёсу 'Ветер прибивает волны к берегу' (многообъектный переходный глагол).

В той же главе о дополнении в связи с тем, что говорилось ранее о соотношении подлежащего и сказуемого, заслуживает внимания следующее. В нижеприводимых примерах первые два существительных — подлежащие, а вторые можно считать дополнениями или сказуемыми вместе с *нари*, *тари*:

Мидзу ва рюдобуцу тари (п. я.) 'Вода есть жидкость'.

Масанари тюсин нари (п. я.) 'Масанари есть верноподданный'.

Как уже говорилось, в данной книге слова *рюдобуцу тари*, *тюсин нари* рассматриваются в качестве сказуемых.

Мнение Оцуки, что эти существительные вместе с *нари* или *тари* можно считать сказуемыми, согласуется с его же точкой зрения на сказуемое, тогда как утверждение, что существительные перед *нари* и *тари* могут рассматриваться как дополнения или даже, вместе с предшествующим существительным, как подлежащие, противоречит его же определению дополнения и подлежащего.

Подобных взглядов придерживается и Касуга Сэйдзи. Он пишет: „Предложение в зависимости от характера предикации требует объекта или показателя действия. Слово, обозначающее объект и показатель, называется словом-объектом (кякуго) [11]. Касуга дает такие определения:

Объект — это то, на что действие направлено непосредственно. Показатель — это то, что косвенно служит предметом действия.

Касуга не упоминает слова „цель". Он приводит примеры на слова, обозначающие показатель (так называемое дополнение — хого).

1) Когда сказуемым является неполностью переходный глагол или непереходный глагол:

Хйто ***ўма-ни*** *нору* 'Человек садится на лошадь'.

Хидэёси-га ***кампаку-то*** *нару* 'Хидэёси становится **кампаку**' (титул).

Ути ***мадзусйку*** *нару* 'Дом становится **бедным**'.

Коннан нандзи-о ***тама-ни*** *су* (п. я.) 'Трудности облагораживают человека' (букв. 'Трудности делают тебя **драгоценностью**').

Карэ ва ути-о ***хироку*** *суру* 'Он расширяет свой дом' (букв. 'Он делает дом **обширным**').

Хаха-га гюнюо ***ко-ни*** *атаэру* 'Мать дает **ребенку** молоко'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

2) Когда сказуемым является либо служебный глагол-связка, либо служебный глагол сравнения, либо служебное слово:

Ину ва ***дōбуцу*** *нари* 'Собака есть **животное**'.

Цўкихи ва ***я-но*** *ё да* 'Время подобно **стреле**'.

Нандзи ва ***тарэ*** дзо (п. я.) 'Ты **кто**?'

3) Когда сказуемое имеет форму пассива:

Тарō-га ***тити-ни*** *сйкарарэру* 'Тарō ругаем **отцом**'.

Инакамоно сури-ни кинтяку-о сурару (п. я.) 'У деревенского жителя карманщик украл кошелек' [2].

4) Когда сказуемое стоит в форме каузатива:

Хаха ***ко-ни*** *нэмурасу* (п. я.) 'Мать побуждает **ребенка** спать'.

Кёси-га ***сэйто-ни*** *содоку-сасэта* 'Учитель побудил **учеников** читать текст без пояснения'.

5) Когда сказуемое выражено предикативным прилагательным, обозначающим сходство, различие или сравнение:

Кō ва ***оцу-ни*** *онадзи* 'А одинаков **с Б**'.

Санкакўэй-но найкаку-но ва (和)*ва* ***нитёккаку-ни*** *хйтосий* 'Сумма внутренних углов треугольника равна двум прямым **углам**'.

Сару ва ***нингэн-ни*** тикай 'Обезьяна близка **к человеку**'.

Сакура ва ***ўмэ-ёри*** *мо акай* 'Вишня краснее **сливы**'.

2. Теория Хага Яити[12].

Д-р Хага различает первое и второе слово-объект (якуго), а также дополнéние (хого).

1) Слово-объект.

А. Слово, обозначающее объект переходного глагола, называется словом-объектом (якуго):

Сару ***каки-о*** *отосу* 'Обезьяна сбрасывает **хурму**'.

Дзисин ***яма-о*** *кудзусу* 'Землетрясение разрушает **гору**'.

Если вместо этих предложений сказать только *сару отосу* или *дзисин кудзусу*, то будет неясно, что сброшено и что разрушено. Лишь с введением слов *каки-о* и *яма-о* смысл становится полным. Глагол, требующий наличия в предложении (кроме подлежащего и сказуемого) слóва, отвечающего на вопрос „кого, что?", называется переходным глаголом. Тайгэн, отвечающий на эти вопросы, именуют словом-объектом. Действие, выраженное такими глаголами, как *отосу* и *кудзусу*, оказывается несостоявшимся, если кроме деятеля (подлежащее) нет еще объекта, на который переходит действие (слово-объект).

Б. Некоторые переходные глаголы требуют двух слов-объектов:

Рёнин мити-о тоу (п. я.) 'Путник спрашивает дорогу'.

Тити хōби-о атау (п. я) 'Отец дает награду'.

Без указания на „того, кого спрашивают" или на „того, кому дают", действие, обозначенное глаголами *тоу*, *атау*, оказывается несостоявшимся. Следовательно, такого рода действие требует наличия не только деятеля (подлежащего) и объекта действия (слова-объекта), но также и лица, на которое направлено действие.

В вышеприведенных предложениях значение действия выражается полностью лишь при введении такого рода слов, как например *сатобито-ни* 'у местного жителя', *ко-ни* 'ребенку'.

Рёнин сатобито-ни мити-о тоу 'Путник спрашивает дорогу у местного жителя'.

Тити ко-ни хōби-о атау 'Отец дает ребенку награду'.

В этом случае *мити-о* и *хоби-о* называются первым словом-объектом, а *сатобито-ни* и *ко-ни* — вторым словом-объектом.

В. Встречается и перестановка подлежащего и слова-объекта.

а) При образовании пассива от непереходных глаголов в предложение может быть введено слово, обозначающее лицо, претерпевающее действие; оно становится подлежащим, а прежнее подлежащее превращается в слово-объект:

Хаха сину 'Мать умерла'.

Здесь подлежащее *хаха* является субъектом действия — подлежащим при глаголе *сину*.

Ко хаха-ни синару (п. я) 'У ребенка умерла мать'.

При образовании пассива от непереходного глагола *сину* лицо — *ко*, — претерпевающее это действие, стало подлежащим, а прежнее подлежащее, т. е. деятель *хаха*, в соединении с служебным словом *ни*, превратилось во второе слово-объект.

б) Перестановка слова-объекта и подлежащего происходит и при образовании пассива от переходных глаголов:

Кодомо сэми-о тораy (п. я.) 'Ребенок поймал цикаду'.

В этом примере *кодомо* — подлежащее, деятель при сказуемом (переходном глаголе) *тораy*. Если же перевести этот глагол в пассив и придать предложению вид: *Сэми кодомо-ни тораэрару* (п. я.) 'Цикада поймана ребенком', то прежнее слово-объект *сэми* превращается в подлежащее при *тораэрару*, а прежнее подлежащее, т. е. деятель *кодомо*, в соединении с служебным словом *ни* принимает форму второго слова-объекта.

в) Есть случаи, когда одно слово-объект становится подлежащим, а другое по-прежнему остается словом-объектом:

Тити ко-ни дзайсан-о юдзуру 'Отец передает имущество детям'.

В этом предложении сказуемое — переходный глагол *юдзуру*, требующий двух слов-объектов: первого — *дзайсан-о* и второго — *ко-ни*. При образовании пассива получается два варианта:

Ко тити-ёри дзайсан-о юдзурару (п. я.) 'Дети получают имущество от отца'.

Дзайсан тити-ёри ко-ни юдзурару (п. я.) 'Имущество передается от отца детям'.

В одном варианте подлежащим служит прежнее второе слово-объект *ко*, в другом — прежнее первое слово-объект *дзайсан*.

г) При образовании каузатива от переходных и непереходных глаголов вводимый в предложение побудитель действия становит-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ся подлежащим, а прежнее подлежащее превращается в слово-объект:

Тэкигун сиридзоку 'Вражеская армия отступает'.

Гэдзё моти-о яку 'Служанка печет лепешки'.

Сказуемыми являются в первом случае *сиридзоку* — непереходный глагол, во втором — *яку* — переходный глагол. Подлежащие-деятели — *тэкигун, гэдзё*. Если этим глаголам придать форму каузатива, то мы будем иметь следующее:

Тэкигун-ни сиридзокасиму (п. я.) 'Побудить вражескую армию отступать'.

Гэдзё-ни моти-о якасиму (п. я.) 'Побудить прислугу печь лепешки'.

При такой конструкции подлежащим должен быть „тот, кто обратил армию в бегство" или „тот, кто приказал служанке печь лепешки". Предложение должно иметь такой вид:

Вага гун-но кбгэки ва тэкигун-ни сиридзокасиму (п. я.) 'Наступление нашей армии побудило вражескую армию отступить'.

Сюфу ва гэдзё-ни моти-о якасиму (п. я.) 'Хозяйка побудила прислугу испечь лепешек'.

Прежние деятели *тэкигун* и *гэдзё* превратились в слова-объекты. При побудительном залоге возможна и следующая (равнозначная) форма:

Тэкигун-о сйтэ сиридзокасиму (п. я). *Гэдзё-о ситэ моти-о якасиму* (п. я.).

В зависимости от наличия *ни* или *о сйтэ* прежнее подлежащее становится первым или вторым словом-объектом.

д) Если каузатив в свою очередь принимает форму пассива, то деятели при глаголах *сиридзоку* и *яку* вновь превращаются в подлежащие, а субъект побуждения принимает служебное слово *ни* и становится вторым словом-объектом.

Тэкигун вага гун-ни сиридзокасимэрару (п. я.) 'Вражеская армия была побуждена нашей армией отступить'.

Гэдзё сюфу-ни моти-о якасимэрару (п. я.) 'Служанка побуждаема хозяйкой печь лепешки'.

е) Из-за интонации и других причин слово-объект в этих случаях соединяется не только со служебными словами *ни* или *о*; часто оно приобретает следующие особые формы:

Тэкируй вага гун-но ***тамэни*** *рякусю-сэрару* (п. я.) 'Вражеская крепость взята нашими войсками'.

Вага гун дайтай-о ***сйтэ*** *тэкйхэй-о утасиму* (п. я.) 'Наша армия побудила батальон напасть на противника'

Сюфу гэдзё-ни ***мэйдзитэ*** *моти-о якасиму* (п. я.) 'Хозяйка, **приказав**, побудила прислугу испечь лепешки'.

2) Дополнение (хого).

А. Дополнения непереходных глаголов.

В предложении *Дзбэй нару* (造營成る) 'Строительство заканчи-

вается' глагол *нару* 'становиться' — непереходный, он выполняет роль сказуемого при подлежащем *дзбэй* 'строительство'. Здесь действие полностью выявляет связь подлежащего и сказуемого. Иное дело в предложениях *кодомо нару* 'ребенок становится', *ю нару* 'кипяток становится'. Неясно, что сообщает здесь глагол *нару* о подлежащем. Это выясняется только тогда, когда предложению придают вид *кодомо отона-то нару* 'ребенок становится взрослым', *ю мидзу-то нару* 'кипяток становится [холодной] водой'.

Слово, употребленное подобно слову *мидзу-то* в последнем примере, называется дополнением (хого).

Б. Дополнения переходных глаголов.

Идзин ва дайгё-о насу 'Великие люди совершают подвиги'

Сюсё хбсин-о садаму (п. я.) 'Премьер-министр определяет курс'.

В этом предложении *насу* 'совершать', *садаму* 'назначать, определять' — переходные глаголы в роли сказуемого, и смысл предложения становится вполне ясным только из подлежащего, сказуемого и слова-объекта. Иное дело в предложениях *кбри-о насу* 'превратить лед'; *Васинтон-о садаму* 'назначить Вашингтона'. Здесь неясно, во что превратить и кем назначить. Смысл становится ясным только если сказать: *кбри-о мидзу-то насу* 'превратить лед в воду'; *Васинтон-о дайтбрё-то садаму* 'назначить Вашингтона президентом'.

Слова *мидзу-то* и *дайтбрё-то* в этом случае называются дополнением (хого).

Таким образом, и переходные и непереходные глаголы могут иметь дополнения.

В. Дополнение сопровождается служебными словами *то* или *ни*. Однако в предложениях *Ё ва* ***рокудзи-ни*** *окитари* (п. я.) 'Я встал **в шесть часов**'; *Кё Тбрё-ни тякўсу* (п. я.) 'Сегодня прибываю в Токио' слова *рокудзи-ни* и *Тбкё-ни*, хотя и сопровождаются служебными словами *ни*, но не являются дополнениями, поскольку они обозначают время и место, т. е. выполняют функции наречия. Разумеется, они не являются и словами-объектами.

Акигуса ***рамманто*** *саку* (п. я.) 'Осенние травы **буйно** цветут'.

Сакурабана ва ***кирэйни*** *сакитари* (п. я.) 'Цветы вишни **красиво** расцвели'.

Здесь тоже налицо служебные слова *то* и *ни*, однако слова, при которых они стоят, представляют собой адъективные глаголы и не являются дополнениями. Разумеется, их нельзя назвать и словами-объектами.

Сюми ***сидзэнни*** *сёдзу* (п. я.) 'Вкусы складываются **сами по себе**'; *Мицухидэ* ***кэцудзэнто***-*ситэ тацу* (п. я.) 'Мацухидэ выступил **решительно**'. В данном случае слова *сидзэнни* и *кэцудзэнто-ситэ* представляют собой наречия и не являются дополнением; разумеется, не являются они и словами-объектами.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Однако в другом месте, в главе о видах предикации, д-р Хага приводит примеры, в которых предикативные прилагательные и адъективные глаголы рассматриваются как дополнения:

*Сора **кураку** нару* 'Небо становится **темным**'.

*Фудзоку **яхини** нару* 'Нравы становятся **низкими**'.

Спорным является вопрос о том, в чем же состоит различие между этими примерами и предыдущими, в которых подобные слова нельзя назвать дополнениями.

3) Различие между словом-объектом и дополнением.

Поскольку слово-объект, как и дополнение, может сопровождаться служебным словом *ни*, нужно обратить особое внимание на то, чтобы их не смешивать. Различие между ними состоит в том, что „слово-объект, как показано выше, при перестановке может занять место подлежащего, а дополнение на место подлежащего поставлено быть не может". Так, вполне приемлема перестановка *Кодомо Сэми-о торау, Сэми кодомо-ни тораэрару* 'Ребенок поймал цикаду', 'Цикада поймана ребенком'. Но переделать *Кодомо ва отона-то нару* 'Ребенок превращается во взрослого' в *Отона ва кодомо-то нару* нельзя. Таким путем можно отличить слово-объект от дополнения.

4) Виды предикации.

Рассмотрев взгляды д-ра Хага на слово-объект и дополнение, необходимо познакомиться, как он в связи с этим классифицирует виды предикации.

А. Сказуемое выражено глаголом.

а) Полнота смысла достигается благодаря наличию подлежащего и сказуемого:

Цӯки идзу (п. я.) 'Луна выходит'.

б) Полнота предикации достигается благодаря наличию подлежащего, дополнения и сказуемого:

Кōри мидзу-то нару 'Вода превращается в лед'.

в) Полнота предикации достигается благодаря наличию подлежащего, одного слова-объекта и сказуемого:

Ёсицунэ хэйси-о (平氏を) *уцу* 'Ёсицунэ напал на Тайра'; *Санэтомо кугё-ни коросару* (п. я.) 'Санэтомо убит самураем'; *Вагагун тэки-о сйтэ тайкяку-сэсиму* (п. я.) 'Наши войска побудили противника отступить'.

г) Полнота предикации достигается благодаря наличию подлежащего, двух слов-объектов и сказуемого:

Кёси сэйто-ни бумпō-о садзуку (п. я.) 'Учитель преподает ученикам грамматику'; *Ёритомо Ёсицунэ-о сйтэ хэйси-о утасиму* 'Ёритомо побуждает Ёсицунэ напасть на Тайра'.

д) Полнота предикации достигается благодаря наличию подлежащего, слова-объекта, дополнения и сказуемого:

Бэйдзин Васинтон-о дайтōрё-то садаму (п. я.) 'Американцы назначили Вашингтона президентом'.

Б. Сказуемое выражено предикативным прилагательным или адъективным глаголом.

а) Полнота предикации достигается наличием только подлежащего и сказуемого:

Хана уцӯкӯси 'Цветок красив'; *Цӯки акирака нари* 'Луна светла'.

б) Полнота предикации достигается благодаря наличию подлежащего, дополнения и сказуемого:

Року ва сан-ёри бси (п. я.) 'Шесть больше трех'; *Касэй ва тораёри мо мō нари* (п. я.) 'Тирания свирепее, чем тигр'.

В. Если сказуемое выражено словом *готоси*, то кроме подлежащего и сказуемого обязательно наличие дополнения:

Гэссёку гин-но готоси (п. я.) 'Лунный свет подобен серебру'.

Г. Сказуемое выражено связками *нари*, *тари* или служебным словом:

Тōкē ва дайтокай нари (п. я.) 'Токио есть большой город'.

Кудзира ва уо ка 'Кит — рыба?'

В этих примерах слова *нари* и *ка* грамматически представляют собой сказуемые, однако главная часть предикации заключена скорее в тайгэне, тайгэны же приравниваются к дополнению.

В более поздней своей работе д-р Хага не разграничивает слово-объект и дополнение, а именует те и другие дополнениями и различает следующие 12 видов [13] (все примеры взяты из п. я. — *прим. Н. Ф.*):

1) *Хйто ину-о уцу* 'Человек бьет собаку'.

2) *Тити ко-ни дзайсан-о юдзуру* 'Отец передает детям имущество'.

Ко тити-ёри дзайсан-о морау 'Дети получают от отца имущество'.

3) *Ко хаха-ни нару* 'Ребенок походит на мать'.

4) *Ину хйто-ни утару* 'Собака бита человеком'.

Хаха ко-ни синару 'У матери умер ребенок'.

5) *Тарō Дзирō-ни ину-о утасу* (*Таро Дзиро-о сйтэ ину-о утасиму*) 'Тарó побуждает Дзирó бить собаку'.

6) *Кōри мидзу-то нару* 'Лед превращается в воду'.

Токӯтарō-о дзисси-то митому 'Признают Токутарó родным сыном'.

7) *Ама кураку нару* 'Небо становится темным' (предикативное прилагательное как дополнение).

8) *Китаяма-э гёкō нарину* 'проследовал в Китаяма' (Здесь дополнением служит *гёкō*). Все предыдущие примеры иллюстрируют наличие дополнения при структуре „что-либо что-то делает".

9) *Року ва сан-ёри бси* 'Шесть больше трех'.

10) *Цӯки симо-но готоси* 'Луна подобна инею' (9 и 10 — примеры на дополнение при конструкции „что-либо каково-то").

11) *Масасигэ ва тюсин нари* 'Масасигэ есть верноподданный'.

Кудзира ва уо ка? 'Кит — рыба?'

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

12) *Дзётай ва ика наран* 'Как положение?'; *Аруи ва са* (然) *арамӯ* 'Может быть и так' (Здесь дополнением являются наречия *ика* 'как', *са* 'так'; 11 и 12 — дополнения при структуре „что-либо есть что-то", A is B)..

3. Теория Окада Масами[14].

Слова, которые вводят в предложение с целью сделать смысл предложения полным и исчерпывающим, когда смысл его раскрыт не полностью, именуются „дополняющими словами" (хосокуго 補足語). Дополняющие слова бывают следующих видов:

1) «Предмет, связанный с действием, производимым главным предметом мысли, но не способный по своему характеру воспринимать это действие (т. е. неодушевленный), называется „дополнительной частью"» (хобу 補部):

Кодомо ва токухон-о ёму 'Ребенок читает хрестоматию'.

2) «Предмет, связанный с действием, производимым главным предметом мысли, и по характеру способный воспринимать это действие (т. е. одушевленный), называется „противостоящей частью"» (тайбу 對部):

Хаха кодомо-о ёбу 'Мать зовет ребенка'.

Кō оцу-ни сӯгаку осиу (п. я.) 'А. преподает Б. арифметику'.

3) «Слово с частицей *то*, которое, будучи дополнением, не является, однако, ни *хобу*, ни *тайбу*, называется „объектной частью"» (кякубу 客部):

Кō отибана-о юки-то миру 'А. смотрит на опадающие цветы, как на снег'.

Кō ва на-о Кōтарō то йу 'А. по имени зовется Котаро'[15].

В другой своей книге Окада пишет следующее:

«(Изложение теории). Существуют предложения, состоящие только из подлежащего и сказуемого, однако встречаются и такие, в которых имеется так называемое „слово-объект". Словом-объектом называется слово, обозначающее предмет, связанный с действием, существованием или состоянием предмета, составляющего главную тему предложения, например:

Сёни нидзи-о миру 'Дитя смотрит на радугу'.

Отōто то имōто то ва Уэнō-кōэн-ни юкитари (п. я.) 'Младшая сестра и младший брат ушли в парк Уэно'.

Сэйто кёси-ни кайга-о манабу 'Ученики учатся у учителя живописи'.

Фубо-но он ва яма-ёри мо такаку, уми-ёри мо фукаси (п. я.) 'Забота родителей — выше гор и глубже моря'.

(Критические замечания). Некоторые грамматисты называют словом-объектом (кякуго) лишь такие слова, как *нидзи*, *Уэно-кōэн*, *кайга* из приведенных выше примеров, т. е. слова, которые, по-видимому, имеют непосредственное отношение к действию. Слова же *яма* и *уми*, т. е. слова, которые как будто не имеют прямого отношения к действию (число таких примеров можно

пополнить; сюда относятся, например, слова *мити, нёбо-но хидза* в предложениях: *Ину мити-о хасиру* 'Собака бежит по дороге'; *Ёдзи нёбо-но хидза-ни нэру* 'Младенец спит на коленях у кормилицы'), относят к дополняющим словам (хосокуго). Термин *хосокуго* имеет в виду и такие слова, при отсутствии которых смысл предложения все же ясен, хотя и не высказан до конца. Другие грамматисты оба вида слов объединяют под одним названием „слово-объект". Эти два вида дополняющих слов в действительности разграничить нельзя, а раз так, то следует объединить их под общим наименованием. Лично я называю все их одним словом — «хосокуго». Я понимаю под данным термином такие слова, без которых смысл не полон и введение которых делает предложение по смыслу полным. Мой взгляд несколько расходится со взглядами на данный вопрос других грамматистов, так что смешивать их точку зрения с моей нельзя»[16].

Из этой цитаты видны пункты сходства и расхождения теории Окада с изложенными выше. Похоже, что термин Окада *хосокуго* в грамматиках со времени периода Мэйдзи появляется впервые.

4. Теория Ёсиока Кёскэ[17].

1) Переходный глагол для полноты предикации нуждается в указании на то, что́ подвергается этому процессу, т. е. в слове-объекте (кякуго):

Сёни ину-о уцу 'Ребенок бьет собаку'.

Мусумэ-га хана-о уру 'Девушка продает цветы'.

2) Дополнение при активном действии (нодо 能動).

Не полностью непереходные глаголы для полноты предикации нуждаются в указании на то, что́ имеет отношение к этому процессу, т. е. в дополнении (хого):

Бакудо уси-ни хокору 'Пастух гордится коровами'.

Као-га сару-ни ниру 'Лицом походит на обезьяну'.

Нёфу муни-о курума-ни посу (п. я.) 'Крестьянин грузит зерно на телегу'.

Анэ-га эхон-о имото-ни мисэру 'Старшая сестра показывает картинки младшей сестре'.

3) *Дополнение* при пассиве (сёдо 所動).

Глаголы в пассиве как не полностью, так даже и полностью непереходные для полноты предикации по отношению к подлежащему непременно требуют дополнения:

Варэ амэ-ни фурару (п. я.) 'Я настигнут дождем' (*Фуру* 'идти' — о дожде — полностью непереходный глагол).

Ума-га хито-ни норарэру 'Лошадь оседлана человеком'. (*нору* 'ехать на чем-л.' — неполностью непереходный глагол):

Хидзоку кэйси-ни тораэрару (п. я.) 'Грабители схвачены полицией (*тораэру* 'словить, схватить' — полностью переходный глагол).

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Сэйто кёси-ни сӯгаку-о осиэрару (п. я.) 'Ученики учителем обучаются арифметике' (*осиэру* 'преподавать что-либо кому-либо' — не полностью переходный глагол).

4) Дополнение при каузативе.

Глаголы в каузативе (рэйдӧ 令動) тоже для выражения полноты предикации по отношению к подлежащему непременно нуждаются в дополнении:

Кихэй-га ӯма-о хасирасэру 'Кавалерист погоняет лошадь' (*хасиру* 'бежать' — полностью непереходный глагол).

Гэдзё-га ниватори-о торигоя-ни хаирасэру 'Служанка загоняет кур в птичник' (*хаиру* 'входить' — не полностью непереходный глагол).

Кёси-га сэйто-ни ки-о уэсасэру 'Учитель побуждает учеников сажать деревья' (*уэру* 'сажать' — полностью переходный глагол).

Софу-га тити-ни иэ-о ко-ни юдзурасэру 'Дед побуждает отца уступить детям дом' (*юдзуру* 'передавать, уступать что-либо кому-либо' — не полностью переходный глагол).

5) Дополнения при предикативных прилагательных и адъективных глаголах:

Ко ва оцу-ни хйтоси (п. я.) 'А равно Б' (дополнение как объект сравнения).

Сӧкаку-га кёнэн-ёри ӧй 'Урожай больше, чем в прошлом году' (то же).

Тайхаку цӯки-ёри мо акирака-нари (п. я.) 'Венера светлее луны' (то же).

Тири-ни кураси (п. я.) 'не сведущ в географии'.

Сирёку-ни тобосий 'беден капиталом'.

Сару-ни тикай 'близок к обезьяне'.

5. Теория Вада[18].

1. Дополнение.

Когда сказуемым (ёдзи 用辭) является переходный глагол, требуется одно или два слова, указывающих на объект действия, производимого субъектом действия (подлежащим — сюдзи 主辭, букв. 'слово-хозяин'). Такие слова называются дополнением (хиндзи 賓辭, букв. „слово-гость"). При наличии в предложении двух таких слов, одно из них, сопровождаемое служебным словом *о*, именуется первым дополнением, а второе, сопровождаемое служебным словом *ни*, — вторым дополнением:

Кими ва тя-о коному 'Ты любишь чай'.

Син ва кун-ни тӯ-о итасу 'Вассал хранит верность сюзерену'.

2. Присказуемостный член (хоёдзи 補用辭).

Некоторые непереходные глаголы, будучи сказуемыми, также требуют вспомогательных слов, без которых они не способны полностью раскрыть свой смысл. Это непереходные глаголы типа *нару* 'становиться, превращаться', *мию* 'казаться', *ари* 'быть'. Если сказать только *юки-га нару* 'снег превращается'; *хйтобито*

мию 'люди выглядят'; *варэварэ ва ари* 'мы суть', то предложения будут не закончены по смыслу. Полнота смысла может быть достигнута только в том случае, если сказать:

Юки-га мидзу-ни нару 'Снег превращается в воду'.

Хйтобито таносигэни мию (п. я) 'Люди выглядят весело'.

Варэварэ кёдай-нитэ ари (п. я.) 'Мы (суть) братья'.

Поскольку слова или словосочетания *мидзу-ни*, *таносигэни*, *кёдай-нитэ* восполняют то, чего недостает непереходному глаголу, который служит сказуемым, мы называем их присказуемостным членом. Их функция заключается в том, чтобы, находясь между подлежащим и сказуемым, делать их связь более тесной.

6. Теория Мидуя Сигэмацу.

Слово-объект (кякуго) — это существительные, местоимения и т д., стоящие в позиции управления („распоряжения") (сётикаку 處置格) или в подсобной позиции (фукўкаку 副格) и являющиеся прямым или косвенным объектом при сказуемом [19]. Словом-объектом в предложении *тарэ-га дзисон-но сё-о юсэдзараму* (п. я.) 'кто может не иметь самоуважения' (букв. 'самоуважительный **характер**') служит слово *сё*, в предложении же *юки мо* ***хана-то*** *мирару* (п. я.) 'и снег кажется **цветком**' — слово *хана*. Приведем еще ряд примеров:

Варэ ва варау-о ёрокобу 'Я люблю посмеяться'.

Дайнару ва тийсаки-ни сугурэри (п. я.) 'Большое превосходит малое'.

Анохйто-но битб миги-э магарэри (п. я.) 'Кончик его носа загнут направо'.

Варэ-ва рон-ёри сёкб-б торамў (п. я.) 'Я предпочту рассуждениям доказательства'.

Аманокавая Ёсимон отоко-дэ годзару (п. я.) 'Аманокавая Ёсиэмон есть мужчина'.

«Некоторые ученые называют существительные в подсобной позиции дополнением (хого или хосокуго) и отделяют их от тех, которые стоят в „позиции распоряжения". Но поскольку я считаю, что по соотнесенности с подлежащим или сказуемым такое разделение не соответствует природе японского языка, то и объединяю их»[20].

„Определение — это слово, которое сопутствует подлежащему, сказуемому, дополнению или какому-либо другому определению и определяет их... Надо отметить, что определение без ущерба для смысла может отсутствовать, но в данной грамматике определение рассматривается как слово, наличие которого необходимо и которое ограничивает и дополняет значение другого слова. Так, например, предложения *амэ фуру* 'идет дождь' и *комакана амэ симэкани фуру* 'сыро, моросит мелкий дождь' фактически имеют общие черты, однако наличие двух определений во втором из них делает его как бы совершенно особым предложением. Сказать:

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

яма ва дзё-о насэри 'горы имеют вид'; *Хйто-но битō ва миги-э магарэри* 'Кончик носа у людей загнут направо' — почти бессмысленно, а отсюда следует, что определение вовсе не может быть опущено без ущерба для смысла. Именно тогда, когда говорят об относительной важности четырех членов предложения, указывая, что определение это то, что может быть, а может и не быть, возникают рассуждения такого рода, будто в выражении *Фудзи-но яма* 'гора Фудзи' слово *яма* 'гора' присоединено с определительной целью, а главным словом является *Фудзи*. Не следует грамматически спорные вопросы доводить до такой крайности. При решении вопроса о том, что определяет, а что является предметом определения, т. е. при установлении определения и определяемого, надо исходить из природы языка. Нельзя не признать, что когда вместо *цўкуэ-ни оку* говорят *цўкуэ-но уэ-ни оку* 'положить на стол', то слово *уэ* оказывается неполновесным. Однако в других случаях, например при невозможности сказать *мэ-ни ару* вместо *мэ-но маэ-ни ару* 'находиться перед глазами', несостоятельность таких оторванных от языка рассуждений становится очевидной [3]. Бывают случаи, когда при определении требуется еще одно определение или одно слово требует нескольких определений"[21]. Когда сказуемое само по себе не в силах выразить законченного значения, оно дополняется словами типа слова-объекта или определения; полнота смысла достигается благодаря единству сказуемого с этими словами, а сами такие слова называют дополняющими словами (хосокуго) и отделяют их от определений. Хотя эта теория разработана довольно детально, но ее нельзя назвать безукоризненной. Нечто подобное было сказано в конце главы о наречиях. (В данной главе приводятся два примера — а) *бōси-о каруку уцу* 'легонько ударить по шляпе' и б) *боси-о каруку цукуру* 'сшить шляпу легкой' — и говорится о существовании теории, согласно которой в случае „а" легким является удар, *каруку* характеризует образ действия и значит оно является наречием, а в случае „б" *каруку* характеризует не способ действия, в данном случае шитье, а саму шляпу, и поэтому оно представляет собой прилагательное при слове *бōси* 'шляпа'. Мацуя в связи с этим замечает, что многие наречия служат определениями при последующих словах и с точки зрения значения могут быть приняты за прилагательные. Однако, поскольку в *каруку уцу* легким является действие, а в *каруку цукуру* легким является предмет, на который направлено действие, то *каруку* следует считать своего рода определением. Я не могу согласиться с отнесением слова *каруку* в категорию наречий, но согласен с тем, что оно служит определением (*прим. Киэда*) [4].

Ёру нагаку нарэри (п. я.) 'Ночи стали длинные'.

Киёмаса итигун-но сё-то нару (п. я.) 'Киёмаса становится командующим армии'.

Варэ ва карэ-о касйкоку миру 'Я считаю его умным'.
Сёсэй ва дайдзёбуни сōрō (п. я.) 'Я здоров'.

В этих примерах слова *нару* 'стать', *миру* 'смотреть', *сōрō* 'быть' без дополнительных слов не могут обеспечить полноты смысла; однако выше приводились примеры, в которых отсутствие определения или слова-объекта также лишало высказывание смысла. Поэтому было бы странным считать дополнительными только последние слова. Поскольку, разумеется, нельзя эти слова включать в группу сказуемого и рассматривать все как одно сказуемое, то нет никаких оснований протестовать против термина „объектное определение" (кякўсō 客修)" [22].

Рассмотрим теперь основные взгляды на слово-объект и на дополнение, высказываемые учеными, которые в учении о частях речи не делят глаголы на непереходные и переходные.

1. Теория Ямада Ёсио.

Д-р Ямада, представив подробную классификацию глаголов по их характеру, в заключение пишет: ,Изучение переходности и непереходности глаголов и у старых наших грамматистов, и у тех, кто стремился приспособить термины европейских грамматик, в конечном счете не привело к установлению почти ни одного грамматического правила и, по-видимому, обнаружило свою ненужность"[23]. Как же Ямада смотрит на слово-объект и дополнение?

При функционировании реальных ёгэнов бывают случаи, когда одних ёгэнов для выражения значения недостаточно, и они требуют наличия других, связанных с ними понятий. Казалось бы, раз в самом реальном ёгэне заключено понятие признака, то он обладает вполне конкретным значением. Однако все же есть случаи, когда одного ёгэна недостаточно (все дальнейшие примеры Ямада дает на п. я.).

Угуису наку 'Соловей поет'.
Сэйфу ва хаккō-су 'Правительство выпускает'.
Карэ имасиму 'Он предостерегает'.
Тарō ва носэтари 'Таро́ погрузил'.

В каждом из этих примеров есть и подлежащее и сказуемое, выраженное реальным ёгэном. Однако, если в первом примере смысл выражен полностью, в следующих примерах одного глагола для полного выражения смысла недостаточно. Можно полностью выявить значение глагола, дополнив предыдущие примеры словами:

Сэйфу ва сихэй-о хаккō-су 'Правительство выпускает ассигнации'.
Карэ ва тэнъин-о имасимэтари 'Он предостерег работников магазина'.
Тарō ва курума-ни ни-о носэтари 'Таро погрузил поклажу на тележку'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Приведенные в данных примерах слова *сихэй*, *тэнъин*, *курума* и другие, подобные им, употребляются при ёгэне в качестве выразителей дополнительного понятия и их позиция называется позицией дополнения, а сами слова в такой позиции называются дополнениями (хого)[24].

Исходя из таких предпосылок, Ямада устанавливает, что для достижения полноты смысла не только глаголы, но и прилагательные, и наречия могут иметь при себе дополнение. Далее он пишет об отличии дополнения от предикативного члена.

„Предикативный член (хинго 賓語) является выражением понятия, входящего в состав самого сказуемого, и существует лишь при формальных ёгэнах или ёгэнах, которые, подобно формальным, выражают только предикацию. Дополнение употребляется при реальном ёгэне в тех случаях, когда одного такого ёгэна недостаточно для выражения обозначаемого им признака. Исходя из этого можно ввести следующее разграничение: учитывая характер формального ёгэна, предикативный член представляется словом первостепенной важности, наличие которого является совершенно необходимым, дополнение же является второстепенным, оно, конечно, тоже необходимо, но не так важно. . Если рассмотреть вопрос с точки зрения возможности эллипсиса того и другого, оказывается, что при отсутствии дополнения предложение в какой-то мере все же сохраняет функцию сообщения, но при отсутствии предикативного члена оно полностью теряет свою форму и неспособно выразить какое-либо содержание Таким образом предикативный член абсолютно необходим, а дополнение в какой-то степени может быть опущено. В этом и состоит различие между ними[25].

1) Дополнение при глаголах.

Одни глаголы требуют дополнения, другие их не требуют.

Среди глаголов, требующих дополнение, некоторые глаголы требуют одного, другие — двух дополнений. Для обозначения их позиции обычно употребляются падежные служебные слова *о*, *ни*, *э*, *то*, *ёри*, *кара*, *дэ*. Приведем примеры.

Глагол, не требующий дополнения:

Хана саку 'Цветы цветут'.

Глагол, требующий одного дополнения:

Сэйфу ва сихэй-о хаккō-су (п я.) 'Правительство выпускает ассигнации'.

Глагол, требующий двух дополнений:

Оя синдай-о ко-ни юдзуру 'Отец оставляет состояние детям'.

Глагол, требующий трех дополнений:

Тэннō мияко-о сэйкē-ёри Тōкē-э уцусасятамау (п. я.) 'Император соизволил перенести столицу из Киото в Токио'.

Примеры на употребление падежных служебных слов *э*, *то*, *кара*, *дэ*

Кэмури ва сора-э агару 'Дым поднимается к небу'.
Томо ва дэицугёка-то нарину 'Друг стал предпринимателем'.
Кёнэн-кара коко-ни сумэри 'С прошлого года живу здесь'.
Хон-дэ косираэру 'оформить в книгу'.

В нижеследующих примерах содержатся слова, обозначающие средство, орудие; они именуются дополнениями в орудийной позиции (хōбэнкаку 方便格):

Катана-сйтэ кэдзуру (п. я.) 'Обрезать ножом'.
Фунэ-нитэ кава-о ватару (п. я.) 'Переправиться через реку с помощью лодки'.
Мэ-мотэ сирасу (п. я.) 'Подавать знак глазами'[26].

2) Дополнение при предикативных прилагательных.

Предикативное прилагательное также может требовать дополнения. При сравнении на дополнение указывает *ёри;* если дополнение касается места — *ни*, если касается трудности или легкости — *ни*, если выражает уподобление — *ни* или *то*:

Примеры:

Дополнение при сравнении: *Одзи юмэ-ёри аваку, дзэнто кумо-ёри мо тōси* (п.я.) 'Прошлое более смутно, чем сон, будущее более далеко, чем облака'.

Дополнение, выражающее место: *Ватацўкибаси-ни тйкай тяя.* 'Чайный домик вблизи Ватацукибаси'.

Дополнение, касающееся трудности или легкости: *йу-ни ясуку, оканау-ни катаси* (п. я.) 'Для высказывания — легко, для исполнения — трудно' [т. е. 'Сказать легко, а сделать трудно'].

Дополнение, выражающее уподобление: *Кō-ва оцу-ни хйтосйку, хэй ва тэй-то онадзи* 'А равно Б, В одинаково с Г'.

Кроме того, вообще, когда речь идет о состоянии, то слова, обозначающие то, с чем имеют дело, ставятся в позицию дополнения:

Анохйто ва рэкйси-ни кувасий 'Он сведущ в истории'.
Синтан-но рё-ни тобосий хинка 'Дом бедняка, нуждающегося в топливе'.
Сакўся то сакўхин то-но канкэй мо корэ-то онадзи да то омоварэмасў 'Думается, что отношение между автором и его произведением таково же, как это'.

3) Дополнение при наречиях состояния:

Тайхаку цўки-ёри мо акирака нари 'Венера ярче Луны'.
Касэй тора-ёри мо мō нари 'Тирания свирепей тигра'.
Какару кото ва ё-ни марэ нарадзу 'Такая вещь в жизни не редка'.
Хйто ва мотоёри киндзю-то котонари 'Человек по существу отличается от животного'.

Д-р Ямада рассматривает все эти сказуемые как наречие, употребленное в функции предикативных членов, которое в соединении с *нари* образует один ёгэн, я же в настоящей книге рассматриваю их как адъективные глаголы.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Конна юки-но аса надо ва ***ицумо-ёри ва такўсан*** *ацумару но дэсў* 'В такие снежные утра собирается [народу] **больше обычного**'.

Это единственный из примеров Ямада, в котором дополнение стоит при наречии, обозначающем признак, т. е. относится не к адъективному глаголу, а к чистому наречию.

4) Слова, выступающие в качестве дополнения, обычно бывают тайгэнами. Однако встречается немало случаев, когда в роли дополнения выступают квази-тайгэны и объектные квази-тайгэны.

Квази-тайгэн в роли дополнения:

нэмуй-но-о кораэру 'побороть сонливость' (букв. [то, что] сонный).

утау-но-о ямэру 'бросить петь';

вараварэру-но-ни ва коматта 'был обижен тем, что осмеян'.

Объектный квази-тайгэн в роли дополнения:

Нани си-ни ику ка? 'Зачем ты туда пойдешь?' (букв. 'Идешь что делать?');

сирасэ-ни кйта 'пришел известить'[27].

5) В тех случаях, когда ёгэн, выполняющий функцию сказуемого, сопровождается дополнением, ёгэн и дополнение рассматриваются как одно сказуемое[28].

Годзю̄тэ̄ сора-ни собию (п. я.) 'Пагода высится в небе'.

Рбо тя-о сусуму 'Старуха предлагает чай'.

Хйтобито̀ камияма-э мукау 'Люди направляются в Камияма'.

По мнению д-ра Ямада, дополнение существует благодаря ёгэну, поэтому в тех случаях, когда ёгэн выполняет функцию сказуемого, вполне естественно считать дополнение частью сказуемого. Если этого не делается, то возникают трудности при объяснении роли определений и ряд сомнений синтаксического характера.

6) Случается, что приглагольные дополнения, обозначающие людей или животных, называют особым термином „слово̀-объект". Такое слово-объект сопровождается служебным словом *о* или *ни*[29].

Ину хйто-о хою (п. я.) 'Собака лает на человека'.

Тити ко-ни дзайсан-о юдзуру 'Отец оставляет детям имущество'.

Таким образом, д-р Ямада рассматривает слово-объект и дополнение (хого) не в свете необходимости разграничения глаголов на переходные и непереходные, а исходя из характера атрибутивности, т. е. из признака, обозначаемого глаголом. В связи с этим разделение на слово-объект и дополнение не является столь необходимым, как при разграничении на переходные и непереходные глаголы.

2. Теория Фудзимура Саку[30].

Точка зрения Фудзимура Саку в общем совпадает со взглядами д-ра Ямада, но она имеет и некоторые отличия. Фудзимура общим термином „дополнение" (хого) называет все слова, „дополняющие значение сказуемого и придающие полноту предикации". Это видно из следующих примеров:

Сэйто-га хон-о ёму 'Ученик читает книгу'.

Соно као сару-ни нитари (п. я.) 'Лицом он похож на обезьяну'.

Исэ-моногатари ва итимэй-о дзайго-тюдзё-никки то ёбару (п. я.) '«Исэ-моногатари» иначе именуется «Дзайготюдзё-никки»'.

Асанобу Масасигэ-о сйтэ дзоку-о фусэгасиму 'Асанобу побуждает Масасигэ обороняться против разбойников'.

Дэтти-га бантб-кара атама-о нагурарэта 'Ученик получил подзатыльник от приказчика'.

Варэра ва Нихон-дандзи нари (п. я.) 'Мы — сыны Японии'.

Соно коэ каминари-но готоси (п. я.) 'Голос его подобен грому'.

Нандзи ва икўсай ка? 'Тебе сколько лет?'

Карэ нанимоно дзо? 'Что он за человек?'

Кикб-га ататакаку натта 'Погода потеплела (стала теплой)'.

Оёбадзару ва сугитару ни масарэри (п. я.) 'Лучше не доделать, чем перехватить'.

Данные примеры охватывают также и те случаи, в которых д-р Ямада видит предикативный член и определение В этом и состоит отличие точки зрения Фудзимура от точки зрения Ямада. Кроме того, Фудзимура рассматривает *того итидзи-ёри* 'с часу дня', *коко-э* 'сюда', *эмпицу-дэ* 'карандашом', *Тбкё-кара* 'из Токио' как наречные определения.

3. Теория Мацуо Сутэдзиро.

В „New English Grammar" Суита дополнения трактуются очень широко, а именно, их насчитывается девять видов:

1) Прямой объект переходного глагола: *Нандзи дзэн-о ай-сэё* (п. я) 'Люби добро'.

2) Косвенный объект переходного глагола: *Варэра-ни цўкаи-о окосэ* 'Пошли нам посланца'.

3) Прямой объект глагола в пассиве: *Карэ ва мбсйкоми-о кё-дзэцу-сэрару* (п. я.) 'Он получил отказ [в ответ на свою] просьбу'.

4) Дополнительный объект переходного глагола: *Хйтобито Васинтон-о дайтбрё-то су* (п. я.) 'Народ избрал Вашингтона президентом'.

5) Дополнение-прилагательное при переходном глаголе: *Дзэн ва хйто-о таносйку су* (п. я.) 'Добро делает человека радостным'.

6) Дополнение-подлежащее при непереходном глаголе: *Ё ва соно хйто нари* (п. я.) 'Я и есть этот человек'.

7) Дополнение-подлежащее при глаголе в пассиве: *Напорэон кбтэй-ни эрабару* (п. я.) 'Наполеон избран императором'.

8) Дополнение-прилагательное при непереходном глаголе: *Коно иро ва аоки нари* (п. я.) 'Этот цвет зеленый'.

9) Дополнение-прилагательное при глаголе в пассиве: *Ару хйтобито ва сайвай нари то ивару* (п. я.) 'О некоторых людях говорят, что они счастливы'.

Если исключить из этого ряда прямой и косвенный объекты при переходном глаголе и прямой объект глагола в пассиве, то

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

остается то, что можно назвать дополняющим словом (хосокуго). Дополнения от наречий можно отличить следующим образом.

Слова, обозначающие тот же предмет, что подлежащее или слово-объект, являются дополнением. Слова же, которые хотя и сходны по форме с дополнением, но не обозначают тот же предмет, что подлежащее или слово-объект, представляют собой косвенно-объектное или наречное слово. Если принять это за исходное положение, нужно сделать вывод, что „дополнение — один из главных членов предложения. Оно не может быть опущено. Наречие же не является главным членом предложения. Однако практически бывает так, что и наречие становится необходимым".

Тэки-но мамори ***кэнко-ни*** *нару* 'Оборона противника стала крепкой'.

Ю мидзу-ни *нару* 'Кипяток превращается в [холодную] **воду**'.

Тэки мамори-о ***гэн-ни*** *су* (п. я.) 'Противник укрепляет оборону' (букв. 'делает оборону **твердой**').

Карэ ***сёнин-то*** *нару* (п. я.) 'Он становится **торговцем**'.

Тити ко-о ***сёнин-то*** *су* (п. я.) 'Отец делает сына **торговцем**'.

Каккоку коно куни-о ***сэйги нари*** *то митому* (п. я.) 'Все государства признают, что эта страна **права**'.

В этих примерах все выделенные слова обозначают то же, что и подлежащее или слово-объект, и являются поэтому дополняющими словами (хосокуго). Иное дело в следующих предложениях:

Ани ***отото-ни*** *сё-осиу* (п. я.) 'Старший брат объясняет **младшему** книгу'.

Амэ ***кўсаки-ни*** *суйбун-о кёсу* (п. я.) 'Дождь дает **растительности** влагу'.

Вагагун ***тэкигун-ни*** *сэмару* 'Наши войска подступают **к армии противника**'.

Выделенные слова не обозначают здесь того, что обозначает подлежащее и слово-объект, поэтому они не являются дополняющими словами. Все это наречные слова[31].

4. Теория Хосина Коити[32].

Тарō ину-о уцу (п. я.) 'Таро́ бьет собаку'.

Хикōки сора-о тобу (п. я.) 'Самолет летит по небу'.

Нэко янэ-но уэ-ёри тобиоритари (п. я.) 'Кошка спрыгнула с крыши'.

Сару-га ки-кара отйта 'Обезьяна упала с дерева'.

Кими ва гаккō-э юкитамау ка? (п. я.) 'Ты ходишь в школу?'

В данных примерах слова *ину-о*, *сора-о*, *янэ-но уэ-ёри*, *гаккō-э*, *ки-кара* обозначают либо объект действия, либо его показатель и потому именуются дополняющими словами (хосокуго).

5. Теория Ёсидзава Ёсинори.

Нэко ***нэдзуми-о*** *торау* (п. я.) 'Кошка ловит **мышей**'.

Таро ва ***кётё-то*** *натта* 'Таро стал **старостой** класса'.

Цура ва ***сару-ни*** *нитари* (п. я.) 'Лицом похож **на обезьяну**'.

Ни-но самбай ва ***року-ни*** *хйтоси* (п. я.) 'Трижды два равно **шести**'.

Тити ***иэ-о ко-ни*** *юдзуру* 'Отец оставляет **дом детям**'.

Варэ ***гэдзё-ни нива-о*** *хакасиму* (п. я.) 'Я побуждаю **прислугу вымести сад**'.

Ину ***хйто-ни*** *утару* 'Собака избита **человеком**'.

Все выделенные слова являются словами-объектами (кякуго). Однако из соображений удобства мы относим их к наречным определениям[33].

В таком подходе есть большой смысл. В конце данного раздела я вернусь к теории Ёсидзава, а выше изложил ее вкратце для удобства: суть его теории состоит в том, что он относит эти слова к наречным определениям. В другой книге[34] он приводит такие примеры наречных определений:

Амэкадзэ ***сайвайни*** *ямитари* (ц. я.) 'Дождь и ветер **к счастью** прекратились'.

Коно кёсицу ва ***тайсо*** *судзусий* 'Эта аудитория **очень** прохладная'.

Котира-э *о-агари насай* 'Войдите **сюда**'.

Хару ва курэдомо *хана сакадзу* (п. я.) '**Хотя весна пришла**, но цветы не цветут'.

И далее:

Ханако ва кётё-то натта 'Ханáко стала **старостой** класса'.

Отото ва ***ани-ёри*** *мо касйкоси* (п. я.) 'Младший брат умнее **старшего**'.

Отосан ва ***ватакуси-ни маннэнхицу-о*** *кудасаимасйта* 'Отец подарил **мне вечное перо**'.

Выделенные здесь слова также определяют ёгэн и поэтому являются наречными определениями. Тот из тайгэнов, который, будучи употреблен в качестве наречного определения при ёгэне, соединен со служебным *ни* или *о*, называется словом-объектом (кякуго).

6. Теория Танака Кэндзо[35].

Лишь в тех случаях, когда сказуемое имеет особый характер и значений одних главных членов предложений (т. е. подлежащего и сказуемого) недостаточно для выражения законченной мысли, появляется необходимость в дополнительных словах, и такие слова называют дополнениями (хого). Под особым сказуемым имеется в виду следующее:

1) Сказуемое при побудительном залоге (сиэкйсо 使役相):

Тити ва ***Таро то Дзиро то-ни*** *тэйэн-но тэирэ-о сасэта* 'Отец побудил **Таро и Дзиро** осуществлять уход за садом'.

В этом случае то, что при обычном залоге (цӯдзёно со 通常の相) было бы подлежащим, благодаря внесению другого подлежащего,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

обусловленного наличием побудительного залога, стало дополнением.

2) Сказуемое при страдательном залоге (укэмисо 受身相):

Ани ва ***хаха-ни*** *содатэрарэтэ, имо̄то ва* ***бба-ни*** *содатэрарэта.*

'Старший брат воспитывался **матерью**, а младшая сестра воспитывалась **тетей**'.

Здесь дополнением также является слово, которое при обычном залоге выполняло бы роль подлежащего.

3) Сказуемое, выраженное глаголом, который имеет значение распоряжения, управления чем-либо:

Отто̄-га ***бору-о*** *нагэтэ иру* 'Брат бросает **мяч**'.

Обасан ва имо̄то-ни ***эхон-о*** *кудасатта* 'Тетя подарила сестре **книжку** с картинками'.

Ватакўси ва карэ-ни ***сюкудэн-о*** *утимасйта* 'Я послал ему приветственную **телеграмму**'.

Дзёдзуна рёринин ва донна ***сёкухин-о*** *мо ўмаку тёри-суру* 'Искусный повар умеет изготовить любое **блюдо**'.

В этих примерах отсутствие того, что является объектом распоряжения, управления, исключило бы возможность полноты смысла. Отсутствие таких слов, которые отвечают на вопрос „где, когда, каким образом", т. е. указынают время, место, способ, приводит лишь к неясности выражения мысли, но не наносит ей прямого ущерба, в то время как опустив объект нельзя достичь полноты мысли. Часто предмет, являющийся объектом, сопровождается служебным словом *о*. Бывает, однако, что это служебное слово опускается или что оно заменяется другим служебным словом. Именно эту позицию объекта и называют позицией управления („распоряжения" — сётикаку 處置格).

4) Сказуемое, выраженное словом, значение которого без слова, означающего показатель, не завершено:

Катэй-но кайдзэн ва омони-фудзин-но тйкара-ни еру 'Улучшение домашнего хозяйства зависит главным образом от способностей женщины'.

Ватакўси ва анохйто-о сятё̄-сан да то омоимасйта 'Я считал его директором компании'.

Каппацу нару сайсин ва кэндзэнна синтай-ни ядору 'Здоровый дух живет в здоровом теле'.

Ко-га тити-ни ниру 'Ребенок походит на отца'.

Итоко ва сёи-ни натта 'Мой двоюродный брат стал лейтенантом'.

Глаголы, выполняющие в этих примерах роль сказуемого, отличаются той особенностью, что они требуют особых слов (*нани-ни* и *нани-то*) и лишь при наличии последних могут выполнять свою функцию наравне с другими глаголами. Объяснение Окада, что „значение не завершено", не исчерпывает вопроса. Следует указать, что незавершенное значение пополняется ввиду особого значе-

ния глагола, служащего сказуемым. Если это недостаточно понятно, то дополнение толкуется так широко, что теряются критерии разграничения дополнения и наречного определения.

юдзин ва кэса итибан-но рэсся-дэ Тōкē-э итта 'Товарищ уехал сегодня утром первым поездом в Токио'.

Глагол *юку* — вполне нормальный глагол, и слова *Тōкē-э* 'в Токио', *итибан-но рэсся-дэ* 'первым поездом' и *кэса* 'сегодня утром' не являются дополнениями. С точки зрения японского языка нельзя сказать, чтобы глагол *юку* был недостаточным по значению без указания времени, места и способа совершения. Дополнение следует трактовать не широко, а скорее узко. На наш взгляд, слова, указывающие время, место, направление, состояние, степень, способ, причину и т. п. являются, собственно, наречными определениями.

5) Сказуемое при сравнении:

Кйся ва дэнся-ери мо осой 'Поезд [идет] медленнее, чем трамвай'.

Здесь слово, выполняющее роль сказуемого, имеет вполне законченный смысл; однако в тех случаях, когда проводится сравнение, оно требует дополнения. В этом отношении оно отличается от сказуемых, упомянутых в пункте 4. Если сравнения нет, то и при указании на превосходную степень, даже при наличии наречного определения, такое слово не требует дополнения.

Уси-но аюми ва кивамэтэ осой 'Шаг коровы **очень** медлителен' (наречное определение).

Уси-но аюми ва ўма-но сорэ-ёри осой 'Шаг коровы медленней, чем шаг лошади' (дополнение).

7. Теория Юдзава Кокитиро

Дополнение (хого). Слово-объект, обозначающее объект действия, рассматривается как часть дополнения вообще.

В некоторых предложениях в группу сказуемого, кроме самого сказуемого, входят и другие слова.

Если в предложении *Корэ бкий нэ* 'Этот — большой', *Токэй-га томатта ка* 'Остановились часы?' внести элемент сравнения, то первое из них примет вид *Корэ ва* ***дорэ-ёри*** *мо бкий нэ* 'Этот больше, **чем любой другой**'. Если же часы останавливались и раньше, то можно сказать: *Токэй-га* ***мата*** *томатта ка* '**Опять** часы остановились?'

Слова *дорэ-ёри мо* и *мата* имеют то общее, что оба они связаны с последующим сказуемым; не касаясь пока различий в степени этой связи, укажем на два пункта различия по форме.

Первое состоит в том, что они выражены различными частями речи: *дорэ-ёри* — это тайгэн с падежным служебным словом, а *мата* — исконное наречие. Второе заключается в том, что *дорэ-ёри* может иметь при себе адъективное определение, как, например

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

саки мита 'ранее виденный' или *има-мадэно* 'прежний', а *мата* иметь при себе адъективного определения не может.

Исходя из такого различия, можно сказать, что дополнением называются тайгэны, употребляемые с падежным служебным словом и относящиеся к сказуемому.

Дайёку ва муёку-ни нитари (п. я.) 'Чрезмерность желания близка к его отсутствию' (поговорка).

Нэко ва нэдзуми-о тораю (п. я.) 'Кошка ловит мышей'.

Дайгун кава-о ватару (п. я.) 'Армия переходит реку'.

Томо ва Иноуэ-то кайсэй-сэри (п. я.) 'Друг изменил фамилию на Иноуэ'.

Кбин я-но готоси (п. я.) 'Время подобно стреле'.

Вадзаваи ва кути-кара дэру 'Несчастья исходят изо рта' (язык — источник бед).

Отбто ва доко-э иттарб 'Куда это делся братишка?'

Имбто ва инака-дэ содатта 'Сестра выросла в деревне'.

Далее, в тех случаях, когда за тайгэном следует служебный глагол-связка, он входит в сказуемое (*нари, тари,* а в разговорном языке — *да, на, дэсу*); если же есть необходимость рассматривать их изолированно, то тайгэны мы считаем дополнением.

В прошлом критерий отличия дополнения от наречного определения искали в смысловой законченности или незаконченности. Иными словами, дополнением называли „слова, восполняющие незаконченность смысла ёгэнов, слова, без которых невозможно выражение полной мысли", а наречным определением — „слова, лишь уточняющие значение ёгэна, но не имеющие отношения к его смысловой законченности или незаконченности". На первый взгляд такое разграничение представляется ясным и четким, однако оно вызывает большие трудности. И действительно, стоит лишь заглянуть в грамматики, как убеждаешься, что даже те из них, трактовка которых в определении критерия отличия совпадает, при практическом решении вопроса о том, что́ именно в каждом конкретном случае следует считать дополнением, а что наречным определением, не согласуются друг с другом. Происходит это потому, что по-разному понимаются слова „законченная мысль". Мы не будем здесь разбирать каждый отдельный случай такого расхождения; приведем лишь наиболее разительные, касающиеся тайгэнов, указывающих на время или место, с относящимися к ним падежными служебными словами.

Боку ва ицумо ***годзи-ни*** *окиру* 'Я всегда встаю **в пять часов**'.

Отбто ва ***нива-дэ*** *асондэ иру* 'Братишка играет **в саду**'.

Хаяку ***коко-о*** *сарэ* 'Немедленно уходите **из этого места**'.

В приведенных предложениях многие грамматисты, следуя за европейскими грамматистами, видят пример употребления наречных определений. Однако д-р Ямада подробно описал их природу и указал, что их следует считать дополнениями.

В настоящей книге я рассматриваю все указанные слова, исходя из формы, как изложено выше. Не я автор этой мысли, но я придерживаюсь ее по следующим причинам:

Поскольку язык существует благодаря мышлению, а грамматика — благодаря языку, то ясно, что, говоря о грамматике, нельзя забывать о мышлении. Однако, классифицируя определенные языковые факты, нужно обосновывать каждое такое деление специфическими языковыми правилами. Обойтись без этого значило бы ограничиться вопросами мышления, так и не проникнув в область грамматики. Стоя на этой точке зрения, я убежден, что для японского языка деление существительных на конкретные и абстрактные и глаголов на переходные и непереходные лишено значения. Однако заме́ним в вышеприведенных примерах *годзи-ни* 'в пять часов', *нива-дэ* 'в саду', *коко-о* 'из этого места' другими дополнениями, для всех бесспорными, например:

Отибана ва ***юки-ни*** *нитари* (п. я.) 'Опадающие цветы похожи на снег'.

Корэ ва ***нива-дэ*** *ару* 'Это есть **сад**'.

Коко-о *мура да то омоу* 'Принимать **это место** за деревню'.

Здесь *юки-ни*, *нива-дэ*, *коко-о* имеют то общее с предыдущими словами, что являются тайгэнами с падежными служебными словами, и, если их требуется уточнить в смысловом отношении, то это можно сделать посредством адъективных определений [5]. Вот почему я в данной книге отказался от классификации, которая основывается целиком на области мышления и, на наш взгляд, будет вечно вызывать споры, а обратился к рассмотрению вопроса с точки зрения формы. Однако все ли проблемы разрешаются при таком подходе? К сожалению, нет: все же возникают противоречия. Приведем примеры:

Карэ ва ***сайвайни*** *сэйкō-сэри* (п. я.) 'Он, **к счастью**, имел успех'.

Карэ ва ***мотоёри*** *гаку-ни тōдзицу-нару моно нари* (п. я.) 'Он, **конечно**, преданный науке человек' [6].

Эти члены предложения сходны с приведенными ранее тем, что состоят из тайгэнов с служебными словами, но отличаются от них тем, что не могут иметь при себе адъективного определения. Поэтому безотносительно к тому, чем выражены данные члены предложения, я рассматриваю их не как дополнения, а как наречные определения. Я предлагаю следующий критерий: „Слова, способные иметь при себе адъективное определение, являются дополнениями"[36].

Мы привели таким образом множество различных точек зрения на слово-объект и дополнение; все они исходят из различения или неразличения переходности и непереходности глаголов. Рассмотрев все эти точки зрения, мы уяснили себе прежде всего два факта. Первое: как бы подробно мы ни стремились определить слово-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

объект и дополнение и как бы мы ни старались отграничить их от других членов предложения, мы можем сделать это лишь в определенных пределах, и в конечном итоге полное и четкое разграничение между дополнениями и наречными определениями невозможно. Второе: если во что бы то ни стало разграничивать дополнения и наречные определения, то возникающие отсюда противоречия, вернее сказать, сами объяснения этого разграничения подтверждают, что слово-объект и дополнение следует признать наречными определениями. Какие бы теории на этот счет ни выдвигались, языковые явления, составляющие объект грамматической науки, сами факты языка, представляют строгую реальность. Речь идет лишь о том, как грамматически правомерно, на основе приемлемого принципа, упорядочить и объяснить эти факты.

Мидзу ва хикуки-ни цўку 'Вода стремится в низину'; *Року ва сан-ёри бй* 'Шесть больше трех'; *Рōо тя-о сусуму* 'Старуха предлагает чай'; *Ину-га мити-о хасиру* 'Собака бежит по дороге' (слово-объект? дополнение? наречное определение?). *Иэ-га мадзусйку нару* 'Дом становится бедным' (дополнение? наречное определение?); *Кадзэ-га судзусйку нару* 'Ветер становится прохладным' (наречное определение) и т. д. — нельзя оставить без внимания такие разноречивые взгляды на один и тот же член предложения. Если присоединить к тайгэну падежные служебные слова *о, ни, то, э, дэ, кара*, он становится наречным определением. Но и среди дополнений есть слова, сопровождаемые служебными словами *о, ни, то, ёри* и т. д. Отсюда возникает необходимость отличия дополнений от наречных определений. Хага Яити говорит в связи с этим следующее: „Слово-объект и дополнение также сопровождается служебными словами *о, ни, то, ёри*. Как же отличить их от наречных определений? Наречными определениями нужно считать следующие слова:

1) Слова, указывающие направление, время и кратность происходящего действия:

тōкё-ни ику 'ехать в Токио';

нампō-ни сару 'удалиться на юг';

рокугацу-ни хираку 'открыться в июне';

никай-ни харау 'заплатить дважды'.

2) Слова, обозначающие орудие или материал, при помощи которого совершается действие:

фудэ-нитэ каку 'писать кистью';

Цўкуэ ва ки-дэ цўкуру 'Столы изготовляют из дерева'.

3) Слова, относящиеся к способу совершения действия:

Тоцудзэнто-сйтэ куру 'Придти внезапно';

Нанигокоро-насини юку 'Пойти без всякого намерения'[37].

Достаточно ли этого объяснения, чтобы избежать смешения слова-объекта и дополнения с наречным определением?

Кобаяси Ёсихару, разделив определения на адъективные и наречные, пишет:

„Слово-объект и дополнение также входят в число определений:

Кодомо-га ***симбун-о*** *уттэ* иру 'Мальчик продает **газеты**'.

Цубоми-га ***хана-ни*** *нару* 'Почка превращается **в цветок**'.

Симбун — слово-объект, *хана* — дополнение.

Словом-объектом называют слово, обозначающее то, на что переходит действие, когда сказуемое — переходный глагол, т. е. обозначающее объект. Дополнением считают слово, введенное в предложение вместе со сказуемым (выраженным переходным или непереходным глаголом) для восполнения смысла, если полнота смысла не создается подлежащим, сказуемым и словом-объектом. Однако как первое, так и второе дополнение в японском языке еще не развились в отчетливую категорию, ввиду чего нет ясных критериев различения дополнения и наречного определения и нельзя провести четкой границы между словом-объектом и дополнением. Говорят, что дополнение восполняет предикацию, выражаемую сказуемым, однако чем же тогда оно отличается от определений, уточняющих значение сказуемого? Говорят, что отсутствие дополнения лишает предложение смысла, но это нередко может произойти и при отсутствии определения.

Сяти мо ***хонё-добуцу-но*** *руй-дэ ару* 'Дельфин также относится к роду **млекопитающих**'.

Тикамацу Мондзаэмон ва ***тоё-но*** *Сяо дэ ару* 'Тикамацу Мондзаэмон — Шекспир **Востока**'.

Если из этих высказываний исключить слова *хонё-добуцу-но* и *тоё-но*, то станет неясно, о чем идет речь.

Мидарини *ками-о токубэкарадзу* (п. я.) 'Не следует говорить о богах **попусту**'.

Рёко татакаэба соно икиои ***томони*** *икидзу* (п. я.) 'Если дерутся два тигра, то в результате ни один из них (букв. 'вместе') не останется в живых'.

Данные предложения имеют смысл только потому, что в них имеются слова *мидарини* и *томони*.

Некоторые ученые пытаются определить дополнение как „показатель действия". Однако можно ли в предложении *кагами-га* ***хасира-ни*** *какару* 'зеркало висит **на столбе**' назвать *хасира* показателем? И можно ли в предложении *сару-га* ***ки-кара*** *отта* 'обезьяна упала **с дерева**' назвать *ки-кара* дополнением? Если в предложении *Ватакуси ва аса хатидзи-кара гёму-ни цукимасу* 'Я приступаю к работе с восьми часов утра' *гёму-ни* 'к работе' — показатель действия, то почему нельзя назвать показателем действия и *хатидзи-кара* 'с восьми часов'?

Слово-объект появляется в предложении тогда, когда сказуемым служит переходный глагол; поэтому выявить его сравнитель-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

но легко. Однако в японском языке деление глаголов на переходные и непереходные — это деление по смыслу; его нельзя провести по форме, как это делается в немецком, английском и других языках. Если определять переходный глагол как обозначающий, что „действие управляет, «распоряжается» чем-либо" или „действие переходит на что-либо", возникают неясности. *Ки-о киру* 'рубить дерево', *ути-о татэру* 'строить дом', *ки-о уэру* 'сажать дерево'. Здесь *киру*, *татэру*, *уэру* — безусловно, переходные глаголы; *хана-о миру* 'смотреть на цветы', *онгаку-о кику* 'слушать музыку', *хон-о ёму* 'читать книгу'. Эти сочетания имеют несколько иное значение, чем „распоряжение", однако они также содержат переходные глаголы. Если признак переходности искать в форме, то он заключен в наличии служебного слова *о* Однако можно ли считать глаголы переходными в таких случаях, как *хаси-о ватару* 'переходить мост', *сора-о тобу* 'лететь по небу'?

Короче говоря, слово-объект и дополнение не развились в японском языке в особую синтаксическую категорию, а поэтому трудно говорить о дополнениях вне категории определения. Грамматисты, которые стремились следовать за европейскими образцами, находили в предложении, кроме подлежащего и сказуемого, слово-объект и дополнение. Однако, убедившись в неясности такого разграничения, решили объединить их под общим наименованием: в одних случаях — „слово-объект", в других — „дополнение". Выше уже было доказано, что и эти категории нельзя признать по-настоящему отчетливыми"[38].

Это совершенно правильно. При невозможности разграничения целесообразнее, разобравшись в причинах, разграничения не производить. Необходимо так или иначе покончить с непоследовательностью, противоречиями, промахами и разнобоем, которые существуют до сих пор. В решении этих вопросов я придерживаюсь точки зрения Ёсидзава Ёсинори, который предложил в настоящее время наиболее приемлемую теорию. Привожу ее основные положения[39].

1) Различия между прилагательным и адъективным определением.

Предикативное прилагательное — это наименование, которое дается слову как части речи, а адъективное определение — это синтаксический термин, охватывающий кроме слова еще и словосочетание-слово и членное предложение; таким образом, эти термины имеют разные основания. Далее, предикативное прилагательное, кроме функции адъективного определения, может выполнять в предложении также функцию сказуемого. Адъективное определение же может быть выражено не только прилагательным: оно может быть выражено и глаголом и наречием, и словосочетанием-словом и членным предложением.

Точка зрения д-ра Ёсидзава уже была освещена в разделах

„Определение предикативного прилагательного“ и „Выражение адъективного определения“. Поскольку нет опасности смешения адъективного определения с дополнениями и наречным определением, то ниже речь будет идти, конечно, о наречном определении.

2) Различия между наречием и наречным определением.

Наречие также является наименованием слова как части речи, а наречное определение — синтаксический термин. В этом отношении они различаются так же, как прилагательное и адъективное определение. Наречие обычно выполняет синтаксическую роль наречного определения, однако изредка оно выступает и в роли адъективного определения, например:

Татта *санри-но мити* ‘Путь **всего** в три ри’.

Сорэ-ёри ***яя*** *хигаси-ни мию яма* (п. я.) ‘Горы, которые видны **немного** к северу отсюда’.

В приведенных примерах слова *татта, яя* являются адъективными определениями. Часто в роли последнего, кроме наречия, выступают словосочетание-слово и членное предложение. В этом отношении мы находим общее с различием, которое существует между прилагательным и адъективным определением. Однако степень различия неодинакова: прилагательное реже совпадает с адъективным определением, чем наречие с наречным определением.

3) Взаимоотношения между словом-объектом, дополнением и наречным определением.

Д-р Ёсидзава в учении о частях речи не делит глаголы на переходные и непереходные, а в учении о предложении не выделяет особо слово-объект и дополнение для противопоставления их определению, а включает их в разряд наречных определений. Правда, выше говорилось, что так называемое слово-объект и дополнение он объединяет под одним названием — слово-объект, — и из соображений удобства включает их в наречные определения, но, несомненно, это делается только из соображений удобства. Суть его мысли состоит в следующем: „Поскольку и слово-объект, и дополнение в сущности определяют и уточняют сказуемое, их можно целиком включить в наречные определения“. Ниже излагаются основные положения теории Ёсидзава.

Если обратиться к различным толкованиям, рассматривающим, что такое дополнение, то критерий отличия его от наречных определений будет далеко не ясен. Авторы сами замечают эту недостаточность и добавляют. „дополнение должно быть непременно тайгэном“. Этим они хотят отличить его от наречных определений. Однако изучением природы отдельных слов занимается учение о частях речи, а в учении о предложении изучаются связи между словами, изучается, как соотносятся слова, употребленные в качестве членов предложения, т. е. связи между членами предложения. Какое же различие может существовать между так называ-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ко в японском языке есть лишь одно общее правило: „определение предшествует определяемому". Никаких иных правил относительно порядка трех обсуждаемых членов предложения не существует. Если даже порядок слов не вызывает необходимости их различения, то следует признать, что нет и возможности их различать.

Далее встает вопрос о том, что если и нет необходимости различать слово-объект (кякуго), дополнение (хого, к которому иногда причисляют также собственно косвенное дополнение, хотя здесь «хого» понимается иначе) и определение, то, может быть, нужно все-таки различать, с одной стороны, слово-объект, с другой — определение. Иначе говоря, при приобретении сказуемым формы пассива слово-объект исходного предложения может стать подлежащим, имеющим сказуемое в пассиве, в то время как дополнения и определения не обладают такой способностью. Например: *хйто ину-о уцу* (п. я) 'человек бьет собаку', *ину хйто-ни утару* (п. я.) 'собака побита человеком'. Этого касался и Хага Яити, о чем говорилось выше. Данный вопрос имеет прямое отношение к вопросу о переходности и непереходности глаголов. Необходимость различения переходных и непереходных глаголов в английском и немецком языках вызвана тем, что одни глаголы могут, а другие не могут принимать форму страдательного залога. Однако в японском языке в этом случае в различении глаголов нет нужды: форму пассива могут принимать как переходные, так и непереходные глаголы. Когда сказуемое, выраженное переходным глаголом, принимает форму пассива, слово-объект часто может стать подлежащим. Однако это возможно не всегда, например предложения *Токэй хатидзи-о хōдзу* (п. я.) 'Часы показывают восемь'; *Хйто нидзи-о миру* (п. я.) 'Человек видит радугу'; *Сёни кидзу-о кōмуру* (п. я.) 'Ребенок претерпел ушиб' не могут быть перестроены путем перевода сказуемого в пассив таким образом: *Хатидзи токэй-ни хōдзэрару* (п. я.) 'Восемь показывается часами'; *Нидзи хйто ни мирару* (п. я.) 'Радуга видима человеком'; *Кидзу сёни-ни кōмурару* (п. я.) 'Ушиб получен ребенком' [8].

Таким путем в конечном счете возможность постановки сказуемого в пассиве зависит от установившегося узуса, и не всегда даже переходные глаголы обладают этой способностью. Однако можно с достоверностью утверждать, что:

1. В способности принимать форму пассива среди переходных глаголов меньше исключений, а среди непереходных — больше.
2. Дополнение и определение при пассиве не могут стать подлежащим.

Следовательно, именно в этом и заключается основание для различения как переходных и непереходных глаголов, так и слова-объекта, с одной стороны, и дополнения и определения, с другой. В этом следует усматривать и различия в их отношении к сказу-

емому. Однако первый пункт о количестве исключений в конечном счете сводится к степени, а относительно второго пункта, который формулирует возможность превращения в подлежащее слова-объекта, следует сказать, что не всякое даже несомненное слово-объект способно стать на место подлежащего. Таким образом, даже относительно специально выделенного слова-объекта приходится говорить об исключении. С какой бы стороны ни подходить, все равно вопрос этот является весьма трудным, а следовательно, удобнее и правомернее установить наличие одной широкой категории определения, охватывающей и слово-объект, и дополнение, и собственно определение, и говорить об отдельных исключениях внутри нее. Наиболее необоснованной является та точка зрения, которая, признавая наличие слова-объекта, дополнение рассматривает отдельно.

4) Дополнение в новом смысле (атарасий ими-но хого).

Признавать дополнение необходимо. Но здесь под дополнением понимается совсем не то, о чем издавна писали многие грамматисты. Для выяснения, что именно принимается здесь за дополнение, сначала нужно остановиться на понятии неполноты смысла сказуемого. О неполноте смысла сказуемого и в прошлом говорилось более чем достаточно, однако здесь имеется в виду нечто совершенно иное, поэтому и дополнение, восполняющее неполноту, рассматривается совершенно иначе.

Обратимся к тому, как до сих пор трактовался неполный смысл сказуемого. Рассуждали обычно следующим образом: поскольку предложение *Кōри мидзу-то нару* 'Лед превращается в воду' (букв. 'становится водой') нельзя передать только словами *кōри... нару* 'лед превращается', ибо смысл его будет непонятным, введено слово *мидзу-то*, восполняющее неполноту значения сказуемого *нару*. Поэтому *мидзу-то* является дополнением. Однако, рассуждая таким образом, и в предложении *Тэнки ататакаку нару* 'Погода становится теплой' следовало бы признать слово *ататакаку* дополнением. В предложениях *Судзумэ ва дайнари* 'Воробей большой', и *Судзумэ ва сидзӯкара-ёри дайнари* 'Воробей больше синицы' слово *дайнари* не является недостаточным само по себе. Оно становится таким только в примерах подобного рода. Точно так же дело обстоит в предложениях *Хйто ари* (п. я.) 'Человек есть' и *Хйто сядзё-ни ари* (п. я.) 'Человек находится в экипаже'. Является ли слово *сядзё-ни* дополнением? Или же, поскольку *хйто ари* выражает вполне законченную мысль, оно таковым не является? Далее: *Ни то сан то ва сити нари* (п. я.) 'Два и три составляют семь'. С грамматической точки зрения здесь нет никакой ошибки. Здесь налицо смысловая ошибка. Это уже вопрос математический. Однако в чем же разница между таким случаем и отношениями, существующими между словами *сидзӯкара-ёри* и *дайнари* или *сядзё-ни* и *ари*? Считать предло-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

жение *Судзумэ ва дайнари* неполным, а *Хйто ари* полным — дело смысла. Это — вопрос логики. С грамматической точки зрения в приведенных предложениях нет никакой неполноты, никакой несообразности. Раньше грамматисты, говоря о полноте, имели в виду именно смысловую, логическую полноту, т. е. вносили в грамматику неграмматический вопрос.

Здесь имеется в виду неполнота совершенно иного рода.

Со ва омои мо какэнӯ кото нари (п. я.) 'Это совершенно непредвиденная вещь'.

Тайхэнни ки-ни итта 'Очень пришлось по сердцу'.

В данных примерах *омои мо* и *ки-ни* — дополнения, а *какэнӯ* и *итта* — слова, неполные по значению. Выражения *омои мо какэнӯ*, *ки-ни итта* обозначают соответственно 'неожиданно', 'нравиться'. Здесь слов несколько, а понятие выражается одно. Иначе, нельзя считать их сложными словами, поскольку в них вклиниваются служебные слова *мо*, *ни*, но по смыслу они, безусловно, представляют собой единое целое. Слова *какэнӯ* 'не висит', *итта* 'вошел' сами по себе не могут выразить значения 'неожиданно', 'нравиться', значит в этом случае они неполны по значению. Они обозначают только часть понятия. Конечно, эти слова не выступают здесь в своем словарно-лексическом значении. В *кбри мидзу-то нару* само по себе слово *нару* 'становиться, превращаться' вполне закончено по значению: понятие, которое им должно быть выражено, выражено полностью; только в *кбри мидзу-то нару* без *мидзу* будет неполным смысл предложения. Но здесь под неполнотой смысла понимается неспособность отдельного слова самостоятельно выразить понятие. В этом случае дополнение непременно стоит непосредственно перед дополняемым и между ними не может быть никаких иных членов предложения. В результате к такому дополнению необходимо подходить с точки зрения его местоположения. Никакой опасности смешения его с словом-объектом или определением не существует.

5) Обобщение соотношения трех терминов.

В таком смысле слово-объект, дополнение и определение подлежат разграничению. Данная здесь трактовка отличается от прежней следующим образом:

1. Все члены предложения, кроме подлежащего и сказуемого, делятся на определения и дополнения. (Поскольку об особых членах предложения еще не говорилось, они временно не принимаются во внимание).

2. Дополнение трактуется в новом, совершенно отличном от прежнего, смысле.

3. Определение — это термин, охватывающий слово-объект, дополнение и определение. Определения делятся на две противопоставляемые группы: определение и слово-объект.

4. Под словами-объектами, включаемыми в число определений, имеется в виду часть прежних слов-объектов, а именно только те, которые при переводе предложения в пассив способны занять место подлежащего.

5. Собственно определения охватывают, с одной стороны, слова-объекты, не отвечающие требованиям предыдущего пункта, с другой — прежние дополнения и прежние определения.

Теория д-ра Ёсидзава вносит ясность в вопрос о том, каково соотношение между словом-объектом, дополнением и определением. Я убежден, что в настоящее время она является наилучшей и грамматически наиболее правильной теорией.

Теория Хасимото Синкити по духу близка к вышеизложенной[40]. Она заключается в следующем:

В число приёгэнных определений входят и определения, восполняющие неполноту смысла ёгэна. Таковы слова *нэдзуми-о* и *мидзу-ни* в предложениях *Нэко ва нэдзуми-о тору* 'Кошка ловит мышей' и *Ю-га мидзу-ни нару* 'Кипяток превращается в [холодную] воду'. Дело в следующем: слова *тору* 'ловить' и *нару* 'превращаться' по своему значению предполагают, что „что-то" ловят и „во что-то" превращаются; поэтому, если в предложении нет слов, на это указывающих, создается впечатление, что чего-то недостает. Такими словами, называющими это „что-то", то есть воспо́лняющими неполноту смысла, и являются *нэдзуми-о* и *мидзу-ни*. В этом смысле их и называют дополнениями. В нашей кни́ге они включены в категорию определений (приёгэнных), однако другие определения не имеют такого характера, а именно, не являются необходимыми с точки зрения значения определяемых. (По смыслу для слова *канэ* 'колокол' не обязательно нужно определение, например *о-тэра-но* 'храма'.) В этом отношении дополнения отличаются от других определений. Однако вовсе нет необходимости выделять дополнения отдельно... В старых грамматиках устанавливали категории слова-объекта, дополнения и определения, однако в последнее время чаще стали признавать, с одной стороны, дополнение, объединяющее в себе то, что ранее называлось словом-объектом и дополнением, а с другой — определение. (Некоторые ученые объединяют дополнение и слово-объект и противопоставляют их определению под названием слово-объект.) Однако встречается немало случаев, когда отличить определение от дополнения практически невозможно: один и тот же пример трактуется по-разному: одни находят в нем дополнение, другие определение, так что остановиться на том или другом толковании оказывается затруднительным.

Термины „слово-объект", „дополнение" и „определение" заимствованы из европейских грамматик и применены к японскому языку. В европейских языках употребление этих терминов опирается на разграничение по языковой форме, оно не являет-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ся лишь смысловым. Исходит ли в японском языке разграничение из языковой формы?

Говорят, что слово-объект — это слово, обозначающее объект действия. Обычно в японском языке в таких случаях употребляется служебное слово *о* (*хана-о миру* 'видеть цветы', *дзи-о каку* 'писать иероглифы', *табако-о коному* 'любить курение' и т. п.). Однако не всегда при употреблении служебного слова *о* мы имеем дело со словом-объектом. По-видимому, в таких случаях, как *сора-о тобу* 'лететь по небу', *ути-о дэру* 'выходить из дому' и т. п., слово, употребляемое со служебным словом *о*, рассматривается чаще всего как определение. Но в таком случае оказывается, что единственным критерием разграничения слова-объекта и определения должен являться смысл, а в самом языке, как таковом, этого разграничения нет.

С точки зрения языковой формы от определения нередко бывает трудно отличить и дополнение. Например, в предложении *Кадзэ-га хагэсйку нару* 'Ветер становится крепким' слово *хагэсйку* является дополнением, а в *Кадзэ-га хагэсйку фуку* 'Ветер дует крепко' слово *хагэсйку* — определение, хотя никакого формального различия между ними не существует. Некоторые относят к дополнению всякий тайгэн, при котором стоит падежное служебное слово, все же остальные случаи они рассматривают как определения, то есть исходят из отнесенности к определенной части речи. При таком подходе в предложении *Ю-га мидзу-ни нару* 'Кипяток превращается в [холодную] воду' *мидзу-ни* будет дополнением, а в предложении *Ю-га цумэтаку нару* 'Кипяток стал холодным' слово *цумэтаку* будет определением, то есть различения по смыслу не получается.

Ввиду этого нам представляется, что фактическая трудность разграничения слова-объекта, дополнения и определения в конечном счете означает, что такое разграничение основано целиком на значении и не имеет выражения в языковой форме. Разграничение же по значению, не имющее выражения в языке, для грамматики интереса не представляет. Следовательно, можно отказаться от него и рассматривать все три категории как одну. И, как уже было указано, эту единую категорию можно считать определением, а поскольку такие определения обычно употребляются при ёгэне или при том, что выступает наравне с ёгэном, то их можно назвать приёгэнными определениями. (Объединенную категорию назвал определением еще Ёсидзава Ёсинори. Сугитоси Катаси объединил эти слова под общим названием слово-объект, что является только терминологическим различием.)

В прошлом определением считали слова, уточняющие значение тайгэна и ёгэна, а дополнением — слова, восполняющие то, чего недостает в значении сказуемого. Поскольку природа слов, к которым соответственно относятся определение и дополнение, раз

лична (а именно : определение относится к частям речи — к тайгэнам и ёгэнам, а слово-объект и дополнение — к члену предложения — сказуемому), то может показаться, что трактовать их наравне неправомерно; однако такое рассуждение представляет одно из заблуждений старой грамматики, поскольку слово-объект и дополнение могут относиться не только к сказуемому, но и просто к ёгэну или тому, что выступает наравне с ёгэном. В предложениях *Нэко-га нэдзуми-о тору* 'Кошка ловит мышей' и *Ю-га мидзу-ни натта* 'Кипяток стал [холодной] водой' слова *нэдзуми-о* и *мидзу-ни* действительно относятся к сказуемому, но если сказать *нэдзуми-о тору нэко* 'кошка, ловящая мышей' и *мидзу-ни натта ю* 'кипяток, превратившийся в [холодную] воду', те же слова будут относиться к приименным определениям *тору* и *натта*. Поскольку слова *нэдзуми-о* и *мидзу-ни* в обоих случаях относятся к словам *тору* и *натта*, то есть к ёгэнам, их можно без колебаний назвать приёгэнными определениями.

VI. ВЫРАЖЕНИЕ НАРЕЧНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Наречное определение может быть выражено:

1. Наречием:

Карэ ва ***омомурони*** *хэнтō-но кути-о хиракйтари* (п. я.) 'Он **неспеша** приготовился отвечать'.

Кбги-га ***дандан*** *омосйроку наттэ кйта* 'Лекции **постепенно** стали интересными'.

2. Наречием со служебным словом:

Канарадзу я *дзитай акка-сэму* (п. я) 'Положение **непременно** ухудшится'.

3. Наречной формой предикативных прилагательных и адъективных глаголов:

Кбин ***мунасйку*** *сугисарэри* (п. я.) 'Время пролетело **впустую**'.

Сора-га ***кирэйни*** *харэвататта* 'Небо **начисто** прояснилось'.

Мидзу ***киёку*** *нагару* 'Вода **прозрачно** течет'.

Кабэ-о ***сироку*** *нуру* 'покрасить стену **бело**' ('выбелить стену').

Слова *киёку*, *сироку* некоторые авторы рассматривают не как наречные определения, а как признак предшествующего тайгэна. Однако в настоящей книге все эти слова отнесены к наречным определениям, что уже было обосновано в учении о частях речи (см. стр. 249—252). Ясность вносит также Мицуя Сигэмацу, чья точка зрения освещена в предыдущем параграфе. О том, что *мунасйку* не наречие, а приёгэнная (наречная) форма предикативного прилагательного, а также о том, что *кирэйни* не наречие, а приёгэнная (наречная) форма адъективного глагола, уже подробно говорилось в первом томе, в главах о предикативном прилагательном и об адъективном глаголе.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Д-р Хасимото пишет:

«Среди наречий, а также приёгэнных форм прилагательных, употребленных в качестве приёгэнного определения, некоторые могут рассматриваться как дополнения. Сюда относятся следующие случаи: *кибун-га* ***хогаракани*** *натта* 'на душе стало **легко**', *сэйсйцу-га* ***онвани*** *миэру* '[его характер] кажется **мягким**' и т. п. Эти предложения имеют значение *хогаракана кибун-ни натта*, *онвана сэйсицу-ни миэру*. Поскольку слова *нару* и *миэру* по смыслу недостаточны и вызывают вопрос: „чем становиться?" или „выглядеть каким?", то предшествующие им слова следует считать дополнениями»[41] (Дополнения же д-р Хасимото трактует как один из видов приёгэнных определений.)

4. Наречием, образованным из существительного:

Сайвай *хондзицу ва нитиёби нари* (п. я.) '**К счастью**, сегодня воскресенье'.

Хаха ва ***мёнити*** *каэттэ куру дэсё* 'Мама **завтра**, вероятно, вернется'.

Го-он-о ***цую*** *васуруру кото накарэ* (п.я.) '**Ничуть** не забывай об оказанном тебе благодеянии'.

Поскольку речь идет здесь о наречиях, данные примеры можно было бы рассмотреть под первым пунктом, но так как среди них имеются слова, переход которых из существительных в наречия некоторыми учеными не признается, они выделены в особый пункт (Об этом см. т. I, стр. 317—318).

5. Числительным:

Санкбсё-о ***сансацу*** *каитари* (п. я.) 'Купил **три** справочника'.

Сйкин-га ***нисэнъэн*** *хицуё дэсу* 'Нужен капитал в **две тысячи** иен'.

6. Тайгэном со служебным словом:

Сэми ***кодомо-ни*** *цукамаэрару* (п.я.) 'Цикада поймана **ребенком**'.

Ко ***тити-ни*** *ниру* (п. я.) 'Ребенок похож **на отца**'.

Кэса ***Тбкё-ни*** *цўкимасйта* 'Сегодня утром прибыл **в Токио**'.

Ани ва ***дзи-о*** *нараи, отбто ва* ***э-о*** *манабу* 'Старший брат учит **иероглифы**, младший учится **рисованию**'.

Хикбки ***сора-о*** *тобу* 'Самолет летит **по небу**'.

Карэ ***тби-то*** *нару* (п. я.) 'Он делается **поручиком**'.

Кбка-ни Мансю-э *икб* '**В отпуск** поедет **в Манчжурию**'.

Ти ва ***мидзу-ёри*** *кой* 'Кровь гуще **воды**'.

Ватакўси ва ***Кббэ-ёри*** *дэёсэн-симасу* 'Я поеду пароходом **из Кобэ**'.

Сару мо ***ки-кара*** отиру 'И обезьяна **с дерева** падает'.

Ё ва ***дзбдзи-мадэ бдзин-о*** *матэри* (п. я.) 'Я ждал **друга до десяти**'.

Тэгами ва ***мбхицу-дэ*** *каки-насай* 'Письмо напишите **кистью**'.

Дзасси-о иссацу дакэ *каттэ кой* 'Купи мне **один экземпляр журнала**'.

Из сравнения с примерами других грамматистов, которые цитированы выше, видно, что среди тайгэнов с служебными словами много так называемых слов-объектов и дополнений.

7. Ёгэном или спрягаемым словосочетанием, ядром которого является ёгэн, со служебным словом.

Пример на приёгэнную форму глагола, употребленную как определение:

Ифуку-о ***исоги*** *кау* (п. я.) '**Спеша переменить** одежду'.

Примеры на ёгэны с служебным словом или служебным глаголом и служебным словом:

Ватакўси ва ***ясуй но-о*** *каимасё* 'Я куплю **дешевый**'.

Киттo ***дэкинакатта но-ни*** *тигаинай* 'Не иначе как **не смог**'.

Атауру ва ***укуру-ёри мо*** *сайвай нари* (п. я.) 'Давать большее счастье, **чем брать**'.

Кокё-э ***тобу-га готокуни*** *каэрэри* (п. я.) 'Вернулись на родину, **как будто летя**'.

Идзэнто-сйтэ *кётай-о сон-су* 'Сохраняют **по-прежнему** старый вид'.

Ватакўси ва ***акиру мадэ*** *митэ ита* 'Я смотрел, **пока не надоело**'.

Карэ ва ***куу дакэ*** *касэгимасў* 'Он зарабатывает только на то, **чтобы есть**'.

Следующие примеры отличаются от предыдущих тем, что в них определение по отношению к определяемому выражает условие или причину:

Кё-но ханси ва ***мудзўкасикўтэ*** *вакаранакатта* 'Сегодняшний рассказ **труден и** [потому] я его не понял'.

Карэ-но икэн ва ***датб да кара*** *сёнин-сарэ* 'Его мнение, **так как** [оно] **приемлемое**, может быть признано'.

Ситтэ мо оконаванакэрэба *яку-ни татанай* '**Если не осуществляешь, хоть и знаешь**, толку нет'.

Относительно наречных определений, употребленных в этих предложениях, могут быть различные точки зрения Например, в предложении *Карэ-но икэн ва датб да кара сёнин-сарэ* слова *датб да кара* могут рассматриваться не как наречное определение, а как сказуемое при подлежащем: *Карэ-но икэн ва*, т. е. *Карэ-но икэн ва датб да кара* (*карэ-но икэн ва*) *сёнин-сараё*. Однако это предложение надо отличать от следующего: *Карэ-но икэн ва датб дэ гбритэки да* 'Его мнение приемлемо и рационально'. Здесь *датб дэ* — явно такое же сказуемое, как и *гбритэки да*. Следовательно, надо признать, что в предыдущем примере *датб да кара* наречно определяет сказуемое, так же, как в предложении *Сора-га уцўкусйку харэтэ иру* 'Небо красиво прояснилось' сказуемое определяется словом *уцўкусйку*.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

В связи с наречными определениями, выраженными ёгэном с союзным служебным словом, встает следующий вопрос: при рассмотрении предложений *миягэ-о мотйкаэру* 'привезти подарок' и *миягэ-о моттэ каэру*, букв. 'вернуться, имея подарок', *иэ-но маэ-о хасирисугиру* 'пробежать мимо дома' и *иэ-но маэ-о хаситтэ сугиру* букв. 'Миновать бегом дом' вряд ли найдутся возражения против того, чтобы рассматривать *мотикаэру* и *хасирисугиру* как сложный глагол, но вместе с тем как правильней рассматривать их, что́ считать сказуемыми: *моттэ каэру* и *хаситтэ сугиру* или только *каэру* и *сугиру*, а *моттэ* и *хаситтэ* принять за наречные определения при них? В *мотикаэру* слова *моцу* и *каэру* полностью слились в один глагол и между ними нельзя вставить другого слова, но *моттэ* и *каэру* не слились в один глагол, а между ними вклинилось союзное служебное слово *тэ*. Рассматривать неполностью слившиеся слова как одно слово нельзя, поэтому *моттэ* надо рассматривать как наречное определение при *каэру*. Даже если между не полностью слившимися словами не вклинивается другое слово, все равно их надо рассматривать отдельно. *Сёмоцу-о курикаэси ёму* 'Читать книгу повторно'; здесь *курикаэси* (приёгэнная форма глагола *курикаэсу* 'повторить') — — наречное определение, но такие слова, как *тобицўку* 'прилетать', *сугисару* 'миновать' — полностью слившиеся сложные глаголы и вставлять между ними *тэ* не представляется возможным.

Тори-га ёй коэ-дэ найтэ иру 'Птица поет красивым голосом'.

Цўкуэ-но уэ-ни хон-га ойтэ ару 'На столе положена книга'. Здесь глаголы *наку* и *оку* стоят в приёгэнной форме с служебным словом *тэ*, а за ними следуют глаголы *иру*, *ару*, так что первые можно принять за наречные определения ко вторым, но это неверно: как уже говорилось ранее, *иру* и *ару* — это вспомогательные глаголы, их знаменательность слаба; и следовательно, *найтэ иру*, *ойтэ ару* надо рассматривать как сказуемые.

В целом все это можно представить так:

мотикаэру — полное слияние, сказуемое.

моттэ каэру — неполное слияние; *моттэ* — наречное определение, *каэру* — сказуемое,

курикаэси ёму — то же;

найтэ иру — полное слияние, сказуемое.

Таким образом, различие заключается в разной степени слияния двух слов.

8. Предложением в роли наречного определения.

Речь идет о так называемом наречно-определительном членном предложении:

Юки фурэба *киното-ни хана дзо сакиникэру* (Кокинсю) **'Так как выпал снег**, то на каждом дереве расцвели [белые] цветы'.

Тэнки-га варукўтэ мо *энсоку ва оконаварэру дэсё* 'Экскурсия будет проведена, **даже если будет плохая погода**'.

Оōсся-га ōката нодэ *карэ ва сайё-сарэнакатта* '**Так как желающих было много**, он не был принят'.

Хэйси ва ***ики ёёто*** *сюссэй-сйта* 'Солдаты **с бодрым духом** отправились в поход'.

VII. СОПОЛОЖЕНИЕ НАРЕЧНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

В некоторых случаях при одном и том же определяемом имеется несколько равноправных наречных определений Это называется соположением однородных наречных определений.

Уми киёку куроку *мию* (п. я.) 'Море отливает **зеленым, черным**'.

Сакан кабэ-о ***сироку уцўкусйку*** *нуру* 'Маляр красит стену **бело, красиво**'.

Здесь налицо соположение наречных определений, выраженных наречными формами предикативных прилагательных. Поскольку слово *кабэ-о* тоже является наречным определением к *нуру*, то следует считать, что и оно сополагается с *сироку* и *уцўкусйку*.

Мати-га ***риппани саканни*** *натта* 'Город стал **прекрасным, оживленным**'.

Это — соположение наречных определений, выраженных наречными формами адъективных глаголов.

Хокурику ва ***мада наканака*** *самуй* 'В Хокурику **еще очень** холодно'.

Здесь представлено соположение наречных определений, выраженных наречиями.

Фурухон-о ***сансацу дзōэн-дэ*** *катта* 'Купил подержанные книги, **три — за десять** иен'.

Здесь мы имеем соположение наречных определений, выраженных числительными.

Ватакўси ва ***ōгата-ни Тōкё-э*** *цуйта* '**Под вечер** я прибыл в **Токио**'.

Сюдзин ***гэдзё-о цўкаи-ни*** *цўкавасэри* (п. я.) 'Хозяин послал **прислугу с поручением**'.

Это примеры на соположение наречных определений, выраженных тайгэном со служебным словом.

Атауру томо укуру томо *кими-га и-но мама нари* (п. я.) '**Хоть дай, хоть возьми** — в твоей воле'.

Найтэ мо савайдэ мо *сёбу ва оватта* '**Хоть, плачь, хоть шуми**, — все равно состязание окончено'.

Это примеры на соположение однородных наречных определений, выраженных глаголами с служебными словами.

Во всех приведенных примерах сополагаются однородно выраженные определения. В реальных предложениях обычно встре-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

чаются в сложном смешении различно выраженные наречные определения.

Гогацу-но тайё ва хогаракани, тикарадзуёку, намиуцу мугибатакэ-ни одори, кагиринаки кибо то эйко-о дэнъэн ни тодзуру. 'Майское солнце радостно и бодро пляшет на полях колышущейся пшеницы и проливает на поля и сады беспредельный свет и надежду'.

Адзора-ни уроко-но ёни тийсаку гунсэй-суру сирой кумо ва дзокуни сабагумо-то ииасу 'Белые облачка, которые мелко, как чешуя, скучиваются на небе, в просторечии называют макрелью'.

В тех случаях, когда между соположенными наречными определениями вклинены союзы, последние можно рассматривать как независимые члены; когда же определения образуют отдельный наречно-определительный комплекс, союзы можно считать входящими в этот комплекс, подобно тому, как это делалось при рассмотрении соположения других членов предложения.

Попутно с вопросом о соположении наречных определений рассмотрим вкратце и случай наречного определения при самом наречном определении.

Уже говорилось о том, что адъективные определения при тайгэне образуют вместе с ним один комплекс. Например, в предложении *Уцўкўсий хана-га сайта* 'Расцвели красивые цветы' *уцўкўсий* — является адъективным определением при *хана*, а *хана-га* — подлежащим при *сайта*. В то же время *уцўкўсий хана* можно рассматривать как один комплекс, т. е. как группу подлежащего. В таком случае *уцўкўсий* может иметь при себе еще определение, например:

Тайхэн уцўкўсий хана-га сайта 'Расцвели очень красивые цветы'.

Можно одновременно признавать, что слова *тайхэн уцўкўсий* составляют одну наречно-определительную группу, которая определяет *хана-га* и, с другой стороны, что *тайхэн уцўкўсий хана-га* представляет собой один комплекс — группу подлежащего. Так же можно рассматривать наречное определение при наречном же определении.

Хана-га уцўкусйку сайта 'Красиво расцвели цветы'.

Здесь *уцўкусйку* — наречное определение при *сайта*. В то же время можно считать, что *уцўкусйку сайта* составляет один комплекс — группу сказуемого. В таком случае *уцўкусйку* может иметь при себе наречное определение:

Хана-га тайхэн уцўкусйку сайта 'Цветы расцвели очень красиво'.

С одной стороны, можно полагать, что наречно-определительная группа определяет глагол *сайта*, а с другой — *тайхэн уцўкусйку сайта* можно рассматривать как один комплекс — группу

сказуемого. Иными словами, зависимое наречное определение может рассматриваться вместе с главным наречным определением как один комплекс, а ёгэн, имеющий наречное определение, вместе с относящимися к нему определениями можно рассматривать как комплекс, составляющий один член предложения.

Короче говоря, можно сказать, что возможность наречных определений образовать один комплекс имеет определенные границы; и что когда какой-либо член предложения распространяется путем присоединения к нему подчиненного члена предложения и образования группы, то в конечном счете и группу адъективного определения, и группу наречного определения нужно включать в состав либо группы подлежащего, либо группы сказуемого (о группе обособленных членов предложения речь будет идти в следующей главе). Однако, поскольку предложение состоит из определенных единиц, то принимая эти единицы (бунсэцу) за основу, мы даем им наименование подлежащего, сказуемого и определения (адъективного и наречного).

Ниже следуют примеры, в которых трудно выяснить, к чему относится наречное определение.

Ватакўси мо дбёни юку кото-о кономимасэн.

В этом примере трудно понять, к чему относится наречное определение *дбёни* 'так же, таким же образом' — к *юку* 'идти' или к *кономимасэн* 'не нравится', т. е. означает ли оно 'мне не хочется идти так же' (т. е. таким же образом) или 'мне также (как еще кому-то) не хочется идти'.

Кё сўкоси бакари омосирой ханаси-о кикимасйта.

Неясно, к чему относится *сўкоси бакари* 'немного'—к *омосирой* 'интересный' или к *кикимасйта* 'слышал', т. е. значит ли это 'Сегодня я слышал малоинтересный рассказ' или 'Сегодня я немножко слышал интересный рассказ'.

Иная неясность имеется в следующих случаях:

маттаку сйкарадзу может иметь два значения: *маттаку* 'совершенно' может относиться только к *сйкари* 'так', тогда смысл этого предложения можно выразить так: *Маттаку сб дэ най то мо иэнў* 'Нельзя сказать, чтобы было совершенно не так' (*Тасё сбйу кото га ару* 'В некоторой степени это все же так'). Но *маттаку* может относиться и к *сйкарадзу* в целом, и тогда смысл предложения можно выразить так: *Маттаку сб дэ най* 'Совершенно не так' (*Дзэндзэн сонна кото ва най* 'Этого совершенно нет').

Два значения имеет и *тасйкани сирадзи*: если *тасйкани* относится только к знаменательной части слова *сирадзи*, то предложение будет означать: 'вряд ли знает', т. е. 'знает, но, вероятно, неточно'. Если же *тасйка* относится к *сирадзи* в целом, то это значит 'наверняка не знает', т. е. 'наверняка известно, что он не знает'.

Здесь встает вопрос о соединении слов по форме и по значению[42].

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Хасимото, IV, стр. 134.
[2] А также *сōтэй* 装定.
[3] Хасимото, IV, стр. 132—133.
[4] Там же, стр. 135—136.
[5] Ямада, IX, стр. 755.
[6] Мацусита, III, стр. 492.
[7] Хасимото, II, стр. 63-64.
[8] Ямада, IX, стр. 771—772.
[9] Там же, стр. 779.
[10] Оцуки, I, стр. 65—68 и 253—254.
[11] Касуга, Новая грамматика родного языка для средней школы, (III), стр. 146—148.
[12] Хага, III.
[13] Хага, IV, стр. 146—151.
[14] Окада, I, стр. 19—26 и 58.
[15] Окада называет *хобу*, *тайбу* и *кякубу* в случае отсутствия „сопроводительных слов" (тэнкаго 添加語) (под чем он понимает адъективные определения) соответственно *хого*, *тайго*, *кякуго*.
[16] Окада, Критическая японская грамматика (II), ч. II, стр. 178—180.
[17] Ёсиока, цит. соч., стр. 322—325.
[18] Вада, Лекция по японской грамматике, стр. 262—264.
[19] *Кяку* (客) 'объект...' противопоставляется *сю* (主) 'субъект...'
[20] Мицуя, I, стр. 440—441.
[21] Там же, стр. 441—442.
[22] Там же, стр. 444—445.
[23] Ямада, IX, стр. 244—245.
[24] Там же, стр. 737—738.
[25] Там же, стр. 371—372.
[26] Эти примеры приведены из Ямада, VIII, стр. 837—838.
[27] Эти примеры приведены из Ямада, I, стр. 287.
[28] Ямада, VII, стр. 352—353; I, стр. 262—263; IX, стр 742—743.
[29] Ямада, VII, стр. 353; I, стр. 263, IX, стр. 743. Эта точка зрения сходна с изложенными выше взглядами Окада Масами.
[30] Фудзимура, Новая японская грамматика.
[31] Мацуо, I, стр. 57—106.
[32] Хосина, III.
[33] Ёсидзава, Новая грамматика для средней ступени (V), стр. 115—116.
[34] Ёсидзава, Новая грамматика для женских школ (XI), стр. 134—135.
[35] К. Танака, Теоретическая и практическая грамматика родного языка, стр. 266—270.
[36] Юдзава, VI, стр. 282—288.
[37] Хага, III, ч. 3, стр. 27—28.
[38] Ё. Кобаяси, I, стр. 587—591.
[39] Ёсидзава, VI, Синтаксис, гл. I, стр. 147—159.
[40] Хасимото, IV, стр. 136—140.
[41] Там же, стр. 145—146.
[42] По этому вопросу см. глубокосодержательную статью Токиэда Мотоки, Формальное и смысловое соединение слов (II).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Независимый член

I. СУЩНОСТЬ НЕЗАВИСИМОГО ЧЛЕНА

Подлежащее, сказуемое и определение (адъективное и наречное), о которых шла речь в предыдущих главах и которым было дано название „общие“ или „обычные“ члены предложения, противопоставляются „особым членам предложения“. Общим названием для всех „особых членов предложения“ является „независимый член“ (докурицуго 獨立語). „Особый член предложения“ не связан ни с одним из обычных членов предложения, а если он и обнаруживает какую-либо косвенную связь с ними, то все же обособлен от них и независим. Между подлежащим и сказуемым существует тесная субъектно-предикативная связь, определение атрибутивно подчинено определяемому. Особый же член предложения не находится в такого рода прямой связи ни с подлежащим, ни со сказуемым, ни с определением, он стоит в сравнительно обособленной, самостоятельной позиции. Вот почему особый член носит название „независимый член“. Правда, нередки случаи, когда независимый член имеет при себе определение. Однако и в этом случае он не вступает в тесную связь с главными членами предложения и в этом отношении ничем не отличается от независимого члена, не имеющего при себе определения.

Сясё-сан, тётто кйтэ кудасай ‘Кондуктор, на минутку подойдите’.

Дэнся-но сясё-сан, тётто кйтэ кудасай ‘Кондуктор трамвая, на минутку подойдите’. Будет ли независимый член — здесь обращение *сясё-сан*—иметь при себе определение *дэнся-но* или нет, его отношение к предложению *Тётто кйтэ кудасай* не изменится.

Как указывалось в главе пятой, существует шесть видов независимых членов:

1. Союзный член, 2. Приложение, 3. Междометийный член, 4. Обращение, 5. Слово-ответ, 6. Выделенное слово.

II. СОЮЗНЫЙ ЧЛЕН

Как уже говорилось выше, когда союз (сэцудзокўси) стоит между членами предложения, он является независимым членом, а именно — союзным членом (сэцудзокуго 接續語).

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Хару корэри. ***Сарэдо*** *самуса мада сарадзу* (п.я.) 'Пришла весна. **Однако** холода еще не прошли'.

Аригатō годзаимасу. ***Сйкаси*** *макотони сомацуна пйано дэ, сорэни гакуфу мо годзаимасэн га...* 'Благодарю. **Но** пианино, право, плохое, да и нот нет...'

Ямасиро, Ямато ва кōто-но ти нари. ***Юэни*** *мэйсё-кōсэки сукобуру бси* (п.я.) 'Ямасиро и Ямато — места древних столиц. **Поэтому** там очень много достопримечательностей и памятников старины'.

Сасоку-о цукō-субэси. ***Тадаси*** *гунтай ва коно кагири-ни арадзу* (п.я.) 'Проезжать левой стороной. **Однако** к войскам это ограничение не относится'.

Все вышеизложенные примеры иллюстрируют такое употребление союза, при котором он может рассматриваться только как независимый член.

В нижеследующих примерах *союз* можно рассматривать и как независимый член, и как один из обычных членов предложения.

Конгōсэки ***оёби*** *кōгёку ва хōсэки нари* (п.я.) 'Бриллиант **и** рубин — драгоценные камни'.

В данном примере союз *оёби* может быть включен в одно комплексное подлежащее: *конгōсэки оёби когёку ва.*

Рёкōтай ва Мансю ***нарабини*** *Хокўси-о сйсацу-сйта* 'Группа экскурсантов осмотрела Маньчжурию, **а** также Северный Китай'.

В этом примере союз *нарабини* можно рассматривать как составную часть комплексного наречного определения: *Мансю нарабини Хокўси-о.*

Нацўкасйку ***мата*** *сйтавасйки кокё-но ти* (п.я.) 'Дорогие **и** любимые родные места'.

Здесь союз *мата* можно считать составной частью комплексного адъективного определения: *нацўкасйки мата сйтавасйки.*

Иттай коно яри ва нагай но ка ***сорэтомо*** *мидзикай но ка?* 'А это копье длинное **или** короткое?'.

Здесь *сорэтомо* можно рассматривать как составную часть комплексного сказуемого: *нагай но ка сорэтомо мидзикай но ка.*

Исключив случаи употребления союза, допускающие возможность толкования его и в качестве независимого члена и в качестве обычного члена предложения, необходимо заняться выяснением следующего вопроса: какие союзы считать независимым членом — те ли союзы, которые соединяют два предложения, формально совершенно между собой не связанные (как это показано в первых примерах), или только те, которые входят в сочиненное предложение (как в примерах, приведенных ниже). Я полагаю, что учитывая знаменательный характер союзов, так можно рассматривать и те и другие.

Синтай мо дзёбу да си ***соноуэ*** *атама мо ёй* 'И здоровье у него крепкое **и вдобавок** голова хорошая'.

Цўки акирака-ни ***сйкасйтэ*** *хоси марэ нари* (п. я.) 'Месяц ясен, **а** звезд мало'.

В грамматической системе д-ра Ямада союз рассматривается как один из видов наречий и не признается самостоятельной частью речи, поэтому его точка зрения, конечно, отличается от нашей, изложенной в данной книге.

„Модификацией или особым случаем определительной позиции является союзная позиция. Ее функция состоит в том, чтобы, находясь между словами или предложениями, их соединять. Хотя довольно трудно признать наличие определительной позиции у союзов, соединяющих слова, но союзы, соединяющие между собой предложения, несомненно, представляют один из видов определительной позиции. Таким образом, союзы, соединяющие слова, вместе с самими словами, которые они соединяют, грамматически можно рассматривать как один комплексный член, например:

Миватасу кагири яма ***мата*** *яма* 'Куда ни посмотришь — горы **и** горы'.

Бун ***аруива*** *бу-о осаму* (п. я.) 'Взяться за перо **или** за меч'.

Союз может служить средством связи двух тайгэнов или вставляться между ёгэнами, образующими однопозиционное сочетание.

Нива ва тада сампё. Дарэка йу, сймаку сйтэ ***кацу*** *ро нари то* (п.я.) 'Сад всего в 3 хё. Тесен **и** плох, говорит кто-то'.

Варэ ва сё-о ёми ***мата*** *модзи-о каку* (п. я.) 'Я читаю книги **и** пишу иероглифы'.

Союз может ставиться также и между двумя сказуемыми:

«Фуги-ни сйтэ томи ***кацу*** *татбки» ва варэ-ни ойтэ укигумо-но готоси* 'Во мне все еще звучит [фраза]: „Нечестно разбогател **и** стал уважаем"'.

Здесь союз служит средством связи в однопозиционном сочетании ёгэнов, выступающем как квази-тайгэн

Сё-о ёми ***матава*** *бун-о цўкуру кото-о манабу* (п.я.) 'Учиться читать книги **и** писать сочинения'.

Здесь союз служит средством соединения в однопозиционном сочетании ёгэнов, стоящих в позиции определения.

Наблюдается два случая употребления союза в качестве средства для связи предложений:

Ми-но такэ такаку ***кацу*** *тйкара акумадэ цуёси* (п.я.) 'Рост высок, **и** силы очень много'.

Здесь союз стоит между двумя предложениями, формально явно соединенными.

Кокородзаси катаси. ***Кацу*** *нодзоми тбси* (п.я.) 'Воля крепка. **И** желания большие'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Кō оёби оцу куру. ***Сйкасйтэ*** *тэй ва корадзу* (п.я.) 'А и Б придут. **А** В не придет'.

Здесь союз стоит между предложениями, формально между собой не связанными, и указывает на смысловую связь между ними [1]. Такая позиция союза служит для указания смысловой связи между предложениями и не имеет отношения к формальной связи. Встает вопрос, к какому же предложению грамматически следует отнести союз — к первому или ко второму? Я думаю, что поскольку позиция союза должна рассматриваться как своего рода определительная позиция, то он входит в состав второго предложения. Поэтому в тех случаях, когда между первым и вторым предложением не существует формальной связи, следует считать, что союз входит во второе предложение"[1].

Следовательно, точка зрения д-ра Ямада отличается от нашей тем, что он считает союз стоящим в особого рода определительной позиции. Кроме д-ра Ямада союз как наречие рассматривает и ряд других грамматистов, в частности такой точки зрения придерживаются Мацусита Дайдзабуро и Мацуо Сутэдзиро.

III. ПРИЛОЖЕНИЕ

О тех случаях, когда в составе одного предложения встречается два или несколько однородных членов предложения, уже говорилось при рассмотрении вопроса о соположении членов предложения. Из указанных двух типов так называемого „сложного члена предложения" — 1) один член предложения в какой-либо позиции составлен из нескольких слов; 2) в одинаковой позиции находится несколько членов предложения, — здесь имеется в виду второй. В известном смысле, пожалуй, можно назвать их однопозиционными членами. Однако приложением (дōкакуго 同格語, букв. „однопозиционное слово") мы не называем простое соположение членов предложения; только когда два члена предложения, стоя в одинаковой позиции, обозначают при этом один и тот же предмет, так называется первое слово по отношению ко второму.

Нихон-но кото (吉都) *Нара-о кэнгаку симасйта* 'Мы осмотрели город Нара — **древнюю столицу Японии**'.

Тōсин-ни сйтэ кōси нару моно ва ***Масасигэ-но ко*** *Масаюки нари* (п.я.) 'Верноподданый и почтительный к родителям — это Масаюки, **сын Масасигэ**'.

Нихон-но дайити мэйдзан *Фудзи-сан-но на ва сэкай-ни хибикэри* (п.я.) 'По всему миру гремит имя горы Фудзи — **самой знаменитой горы в Японии**'.

В этих предложениях слова *Нихон-но кото* 'древняя столица Японии' являются приложением к наречному определению *Нара*, слова *Нихон-но дайити мэйдзан* 'самая знаменитая гора в Япо-

нии' — приложением к адъективному определению *Фудзи-сан*, слова *Масасигэ-но ко* 'сын Масасигэ' — к сказуемому *Масаюки* и т. п. Словом, приложение не связано с каким-либо определенным типом членов предложения, оно может встречаться при любом члене. Причем главным носителем смысла является не приложение, а слово, следующее за ним; приложение же обозначает дополнительные признаки. Поэтому между приложением и словом, к которому оно относится, можно вставить падежное служебное слово *но* и таким образом превратить приложение в поясняющее определение. Однако, само собой разумеется, что со вставкой *но* приложение перестает быть приложением.

Между приложением и словом, к которому оно относится, можно поставить союз *сунавати* 'то есть', 'а именно':

Кō-ти то Оцу-ти то-но кē ри-ва итири ***сунавати*** *сандзю̄рокутē нари* (п.я) 'Расстояние между пунктом А и пунктом Б составляет одно ри, **т е.** 36 тё'.

Хати ва госин-но ки ***сунавати*** *кэн-о ю̄су* (п я.) 'Пчела имеет орудие самозащиты, **а именно** жало'.

В таких случаях *сунавати* является союзным членом, т.е. независимым словом.

Из вышеприведенных примеров ясно, что приложение может иметь при себе определение. В этих случаях определение и приложение могут рассматриваться вместе как одно приложение.

Приложение не следует смешивать с так называемым „подсобным словом" (фукукакуго 副格語) д-ра Ямада.

Дзō ва карада дайнари (п.я.) 'У слона (букв. 'слон') тело большое'.

Д-р Ямада рассматривает здесь *карада* 'тело' как подсобное слово.

Хйто цўку уси-оба кадо-о кири, хйто куу ўма-оба мими-о киру (п.я.) 'Бодливой корове (букв. 'корову') рога отпиливают, кусающейся лошади (букв. 'лошадь') уши отрезают'.

В данном примере подсобными словами являются *кадо-о* 'рога' и *мими-о* 'уши'.

Има мукаси тэндзику-ни фўками яма-но хора-ни хйтоцу-но сиси сумикэри (п.я.) 'Давным-давно в Индии в глубокой горной пещере жил лев'.

Здесь подсобным словом служит *фукаки яма-но хора-ни* 'в глубокой горной пещере'.

Все эти примеры заимствованы у Ямада: и первое и второе слово стоят в предложении в одной позиции. В этом смысле они находятся в тех же отношениях со словом, к которому относятся, что и приложение. Однако „приложением" принято считать название предшествующего слова, „подсобное же слово"—это название последующего слова. Приложение выражает с особой стороны признаки слова, к которому

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

оно относится, а подсобное слово обозначает часть того целого, которое обозначается предшествующим словом; значит последние находятся в отношении зависимости друг от друга, у приложения же этого не бывает. Кроме того, подсобное слово чаще всего имеет при себе такое же падежное служебное слово, как и слово, которое ему предшествует; приложение же совершенно не имеет при себе такого служебного слова. В этом и состоит особенность подсобного слова, как называет его д-р Ямада, однако в настоящей работе существование приложения мы признаем, но существования подсобного слова не признаем. Одни подсобные слова здесь рассматриваются как соположенные члены предложения, другие же — как члены членного предложения.

IV. МЕЖДОМЕТИЙНЫЙ ЧЛЕН

Слова из состава междометий, выражающие эмоции и называемые междометийными членами (кандōго 感動語), отделяются от обычных членов предложения.

Аварэ, *котоси-но аки мо инумэри* (п.я.) 'Увы, и осень этого года уйдет'.

Аппарэ, *исамасйки бусябури ка на* (п. я.) 'Ого, у него вид смелого воина!'

Сора, *мо хйтоики да дзо! Осоэ, осоэ!* 'Ну, еще одно усилие! Нажимай, нажимай!'

Ара, *Ямамото-сан дэсӯ ка? Биккури-симасйта ё* 'Ах, это Ямамото-сан? [Я] поражен'.

Обычно в разряд междометийных членов принято включать слова, употребляемые при ответе или обращении к другому лицу, например: *хай* 'да', *ина* 'нет', *сйкари* 'да, так', *ой* 'эй'. В данной книге эти слова выделены из разряда междометийных слов в разряд ответных слов.

Д-р Ямада в „Учении о частях речи" рассматривает междометия как один из видов наречия и не признает их отдельной частью речи. В „Учении о предложении" он говорит, что междометийные наречия стоят в позиции определения к фразе и, заранее предвещая ее смысл, вводят в нее.

Не только междометие, но и тайгэн со служебным словом или без него, когда он является объектом выражения эмоций, рассматривается как особый член предложения — междометийный член.

Фуруикэ я. *Кавадзу тобикому мидзу-но ото* (Басё) 'О, старый пруд! Всплеск воды [когда] прыгает лягушка'.

Коно мити я. *Юку хйто наси-ни аки-но курэ* (Басё) 'О, эта дорога! Осенние сумерки без единого прохожего'.

Эти слова с первого взгляда сходны с междометийными словами, но в поэзии «макура-котоба» и «дзёси» (序詞) [2] следует рассматривать как адъективные определения.

V. ОБРАЩЕНИЕ

Слово, которое адресовано к предмету или лицу и которое стоит в так называемой звательной позиции, называется обращением (ёбикакэго 呼掛語). Слово в звательной позиции, формально не находящееся ни в каких отношениях с обычными членами предложения, совершенно независимо. Поэтому, согласно правилам пунктуации, обращение должно выделяться знаком препинания. Этим оно отличается от других особых членов предложения. Междометийный член и слово-ответ также могут быть отделены знаком препинания, но поскольку они не лишены тех особенностей, которые позволяют д-ру Ямада называть их междометийными наречиями, их нельзя ставить в один ряд с обращением. Обращением может служить только тайгэн. Подчеркивая эту особенность, д-р Ямада пишет следующее:

„В звательной позиции, как уже говорилось выше, может стоять только тайгэн. Хотя ранее указывалось на то, что квази-тайгэн может употребляться наравне с тайгэном, однако он никак не может находиться в звательной позиции. Таким образом, единственной позицией, присущей только чистому тайгэну, является именно звательная. Действительно, можно считать, что звательная позиция является основной формой употребления тайгэна и что основная форма употребления тайгэна и есть эта звательная позиция. Поскольку все остальные возможные для тайгэна позиции являются соотносительными, и, кроме того, они возможны и для знаменательных слов другого рода, то допустима формулировка, что функциональная особенность тайгэна как такового заключается именно в звательной позиции. Значит если нужно отличить тайгэны от других частей речи с точки зрения употребления, то для этого достаточно принять за критерий способность слова стоять в звательной позиции. Поэтому и можно сказать, что стоять в звательной позиции может только тайгэн, и наоборот, специфической для тайгэна позицией является только звательная“[2].

В функции обращения тайгэн может употребляться как один, так и со служебным словом. Из последних чаще всего употребляются междометийные служебные слова *ё* и *я*.

Киригирису, итаку на наки со... (Кокинсю) ‘Сверчки, не верещите сильно...’

Идзя кодомо, хама-э... ‘Ну, дети, скорее к берегу...’

Митико я, тётто коко-э о-йдэ ‘Митико! Подойди на минутку сюда’.

Сиро ё, кой, кой ‘Сиро! Иди сюда, иди!’

В предложениях, где имеется обращение, подлежащее часто бывает не выражено. Нередко обращение и подлежащее реально совпадают, поэтому подлежащее подвергается эллипсису. Подле-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

жащее появляется только в тех случаях, когда объект, к которому обращаются, отличается от подлежащего, например:

Сёнагон ё, корэ-минэ-но юки ва ика нарамў? (Макура-но сōси) 'Сёнагон! А как снег на пике Коро?'

Ямамото-сан! Аната ва доко-э ику но дэсў ка? 'Яматомото-сан! Куда вы идете?'

Важно не смешивать обращение с подлежащим.

Обращение кажется похожим на подлежащее, потому что оно часто употребляется в повелительном и запретительном предложениях: такие предложения по своему характеру обращены к собеседнику, поэтому подлежащее в них обычно опускается. Однако употребление обращения, безусловно, не может быть ограничено только повелительными и запретительными предложениями.

VI. ОТВЕТНОЕ СЛОВО

Ответное слово (ōтōго 應答語)— это наименование такого слова из числа междометий, которое употребляется в предложении при ответе или зове и отклике. О причинах выделения таких слов в составе междометий уже говорилось в учении о частях речи.

***Икани**, Моринага, варэ-оба сутэтэ идзуку-э юку дзо* (Хэйкэ-моногатари) '**Как**, Моринага, оставив меня, куда пойдешь?'

***Сйкари**, дзитай ва масўмасў сэппаку-сэри* (п.я.) '**Да**, положение все более обостряется'.

***Са**, корэ-э о-сувари кудасай* '**Ну**, садитесь здесь'.

*Сорэ ва хонсин-дэ йу но ка? **Хай**, синдзицу дэ годзаимасў* 'Ты это всерьез говоришь? **Да**, это правда'.

*Васи ва Фурансу-э кйтэ иру-но ка? **Йя**, го-хонкоку-ни ирасэрарэмасу* 'Я уже во Франции? — **Нет**, Вы извольте быть у себя на родине'.

***Моси-моси** иссэн гохяку кюдзюбан дэсў ка?* '**Алло**, это номер 1590?'

***Тётто**, кими, сорэ ва икура ка на* '**Минутку**, приятель, это сколько стоит?'

VII. ВЫДЕЛЕННОЕ СЛОВО

Бывает, что по стилистическим причинам необходимо особо подчеркнуть какое-либо слово в предложении. Это слово изымается со своего нормального места и переносится в начало предложения или туда, где оно более заметно. Выделенное таким образом слово называется выделенным словом (тэйдзиго 提示語). Выделенное слово в том месте, где оно первоначально должно было быть, непременно заменяется местоимением, причем и местоимение и выделенное слово всегда стоят в одинаковой позиции. В этом смысле выделенное слово по смыслу связано с обычными членами следующего за ним предложения. Однако,

поскольку оно не связано ни с одним из обычных членов предложения (ни с подлежащим, ни с сказуемым, ни с определением), в котором оно находится, оно является независимым членом.

Синобадзу-но икэ, сидзин ва ***корэ-о*** *Кониси-ко то йу* (п.я.) 'Пруд Синобадзу, поэты называют **его** озером Кониси'.

Хйто тару моно ва гиму ва ***корэ-о*** *хатаси, сэкинин ва корэ-о оубэси* (п.я.) 'Настоящий человек — долг [он] его должен выполнять, ответственность — [он] ее должен нести'.

Хонкай но дзиму ва кандзи-га ***корэ-о*** *сёри-суру* 'Делопроизводство нашего общества, **им** занимается секретарь'.

Касё-ёри мо гунсё-ни канасий Ёсино-яма, ***соко-ни*** *сэнко-но* (千古の) *намида-га хисондэ иру* 'Гора Ёсино, известная печалью не столько в поэзии, сколько в книге битв, **там** таятся слезы тысячелетий'.

Сёва дзюнинэн ситигацу нанука, нисси-дзикэн ва ***коно*** *хи ни тан-о хасситари* (п.я.) '7 июля 1937 года, в **этот** день началась японо-китайская война'.

Фудзи-сан, ***сорэ-га*** *Ниппон-но дайити-но мэйдзан-дэ ару* 'Гора Фудзи, **вот она** — самая знаменитая гора в Японии'.

Из этих примеров видно, что выделенным словом может стать и подлежащее и адъективное определение и наречное определение. Поэтому при одинаковом по форме выделенном слове замещающее его местоимение может находиться в различных позициях.

Касё-ёри мо гунсё-ни канасий Ёсино-яма, ***соно*** *сакура ни сэнко-но намида-га хисондэ иру* 'Гора Ёсино, известная печалью не столько в поэзии, сколько в книге битв — **ее** вишни тают слезы тысячелетий'.

Фудзи-сан, ***сорэ-о*** *Ниппон ва дайити-но мэйдзан-то ситэ иру,* 'Гора Фудзи, **ее** Япония считает самой знаменитой горой'.

Сопоставив эти два примера с предыдущими, можно заметить, что выделенное слово замещается разными местоимениями: вместо *соко-ни* употреблено *соно*, вместо *сорэ-га* — *сорэ-о*. Это также свидетельствует о том, что выделенное слово не зависит от членов следующего за ним предложения.

Далее следует отметить, что хотя вынесение вперед выделенного члена является некоторого рода нарушением обычного порядка слов, но оно отличается от общепринятого понятия инверсии, поскольку оно не выносится в своей прежней форме, а имевшиеся при нем служебные слова отпадают или к нему присоединяются другие. (При инверсии членов предложения меняется только порядок слов, форма же их остается неизменной). Кроме того, выделенное слово замещается местоимением, чего при обычной инверсии тоже не бывает.

Некоторые относят к выделенному слову так называемое общее подлежащее, но в данной книге такая постановка вопроса не считается правильной.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Дзō-ва карада дайнари (п.я.) 'У 'слона (букв. 'слон') тело большое'.

Здесь *дзō* 'слон' — подлежащее, а не выделенное слово. Во-первых, в предложении нет такого места, из которого это слово могло бы быть вынесено, во-вторых — нет местоимения, которое замещало бы вынесенное слово на этом месте. Далее, *дзō* непосредственно связано с членами предложения как подлежащее всего предложения, во всех же предыдущих примерах выделенное слово с членами предложения непосредственно не связано и не может служить в нем ни подлежащим, ни сказуемым, ни определением. В этом следует видеть различие между выделенным словом и другими, сходными с ним, но им не являющимися словами. О различии между так называемым общим подлежащим и выделенным словом Фукуи Кюдзо пишет следующее:

„За него (общее подлежащее) легко может быть принято выделенное слово. Выделенное слово выносится в начало предложения в тех случаях, когда слово, представляющее собой объект сказуемого, надо особо подчеркнуть. Например, таково слово *кайтё* 'председатель' в следующем предложении:

Кайтё ва кайин ***корэ-о*** *сэнкё-су* (п.я.). 'Председатель, **его** избирают члены общества'.

Подлежащим является *кайин* 'члены общества' и первоначальным видом предложения было: *кайин ва кайтё-о сэнкё-су* 'члены общества избирают председателя'. Однако с целью большего подчеркивания того, что речь идет о выборах председателя, слово *кайтё* вынесено в начало предложения, а в предложении заменено указательным словом *корэ-о* ('его'). Следовательно, слово *кайтё* не есть общее подлежащее.

Итидзи-ни канэ хякуэн-о осамуру моно ва ***корэ-о*** *сюсин* (終身) *кайин-то насу* (п.я.) 'Лица, внесшие единовременно сумму в 100 иен, **их** считают пожизненными членами'.

Часть предложения, оканчивающаяся *моно ва*, представляет собой выделенное слово. В предложениях с выделенным словом указательное слово *корэ-о* нередко опускается; обычно опускается и подлежащее, если оно может быть понято из контекста.

Майгэцу кайги-о осамуру моно ва цӯдзё кайин-то су (п.я.) букв. 'Лица, вносящие взносы ежемесячно, считают обычным членом общества'. ('Что касается лиц.., то их считают...')

В этом предложении сокращено подлежащее *хонкай ва* 'это общество'. Выделенная часть на первый взгляд представляется подлежащим, однако в действительности она не является темой сказуемого. 'Обычным членом' общества считает этих лиц именно само общество. В предложении *хако ва ки-дэ цӯкуру* 'ящики делают из дерева' подлежащее *хако* 'ящик' не есть производитель действия 'делать'. Если это предложение привести в вид: *хако ва ки-дэ цӯкурару* 'ящики делаются из дерева', то согласование между

подлежащим и сказуемым будет налицо, однако такая страдательная конструкция исстари не свойственна японскому языку. Так как ящики делают всегда столяры и плотники, то нет необходимости в особом выявлении этого согласования, поэтому обычной конструкцией и является та, где оно не выявлено. Следовательно, предложение *хако ва ки-дэ цўкуру* не есть ошибка. Однако, поскольку между словами *хако* и *цўкуру* в этом предложении нет логических связей, то *хако* по отношению к сказуемому удобно трактовать как условное подлежащее"[3].

Кстати, относительно термина „условное подлежащее" в книге Фукуи дается такое объяснение:

„Одной из особенностей выражения мысли, присущей нашему народу, является стремление уклониться от прямого указания на лицо высшее и уважаемое и упомянуть о нем косвенно. В лексике это видно хотя бы в употреблении слов *ананта*, *доно* и *сама* [3], проявляется это также и в синтаксисе. Например, даже в повествовательном тексте недостаточно с точки зрения вежливости сказать *дэнка-га гунтай-о синъэцу-су* 'его величество делает смотр войскам'. Употребляют вежливые слова *синъэцу-сэрару* или *арасэрарэру* и одновременно с этими вежливыми формами подлежащее *дэнка-га* превращают в дополнение *дэнка-ни ва*. Такое слово я называю косвенным подлежащим.

При пассиве бывает аналогичная конструкция. Например, в предложении: *сорэ-га ватакўси ни ва уннун-то миэру* 'это мне кажется так-то' *ватакўси-ни ва* является дополнением, но если подлежащее *сорэ-га* 'это' опустить и придать предложению вид *ватакўси-ни ва уннун-то миэру*, то без настоящего подлежащего *ватакўси-ни ва* займет его место. Такое подлежащее я называю условным подлежащим (кари-сюго 假主語 или кари-бунсю 假文主). В японском языке, в тех случаях, когда в этом нет особой необходимости, эллипсис подлежащего является обычным явлением. Поэтому условное подлежащее употребляется очень часто. Такое подлежащее не стоит в логической связи со сказуемым, но в момент употребления между ним и сказуемым психологически возникает субъектно-предикативная связь. Исходя из этого, я называю его психологическим подлежащим. Далее рассмотрим такое предложение:

Амадзакэ ва кōдзи нитэ цўкуру (п. я.) 'Сладкую водку (букв. 'сладкая водка') изготовляют из солода'.

Конечно не сама сладкая водка себя изготовляет, разумеется, водку делают люди из солода. Поэтому, если это предложение представить в распространенном виде: *Амадзакэ ва кōдзи нитэ хйто-га корэ-о цукуру* 'Сладкая водка —из солода люди ее изготовляют', то с первого же взгляда видно, что *амадзакэ ва* — выделенное слово. Если же слова *хйто-га* 'люди' и *корэ-о* 'ее' опущены, то *амадзакэ*, будучи психологическим подлежащим, являет-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ся так называемым условным подлежащим. Если же для согласования субъектно-предикативной связи предложение перестроить так: *Амадзакэ ва кбдзи нитэ цукурару* (п.я.) 'Сладкая водка изготовляется из солода', то это не будет соответствовать духу японского языка. Далее рассмотрим следующие примеры:

Букка-ни кбтэй-га ару 'В ценах есть колебания'.

Бунгаку-ни кёкай-га най 'Для литературы нет границ'.

Сёкугё-ни хисэн-га най 'Среди профессий нет низких'.

Слова, снабженные служебным словом *ни*, не могут быть поставлены после слов, снабженных служебным словом *га*. Это не обычные дополнения. Создается впечатление, что именно слова, к которым относятся *га ару* 'имеется', и *га най* 'не имеется', находятся в подчинении у предшествующих слов — 'для литературы', 'среди профессий'. Заменив *ни* на *но*, можно сразу установить, какое слово играет более важную роль. Если после служебного слова *ни* употребить еще *ва*, то получится, конечно, условное подлежащее.

Таким образом, в вежливом обороте, в пассиве и при выделении употребляется условное подлежащее"[4].

Д-р Хасимото следующим образом объясняет различие между выделенным словом и сходными с ним словами:

„Среди независимых слов есть такие, которые могут быть приняты ошибочно за другой член предложения. Это — выделенное слово. Не следует думать, что всякое выделенное слово — независимый член. Как неоднократно указывалось, независимый член не связан ни с подлежащим, ни со сказуемым, ни с определением. Поэтому, если в предложении какое-либо слово по значению и по форме напоминает независимый член, но по связи с другими членами предложения отличается от него и кажется другим членом предложения (т.е. подлежащим, сказуемым или определением — *прим. Киэда*) мы не считаем его независимым членом.

Нацу ва анохйто-га каэттэ куру 'Летом (букв. 'лето') он вернется'.

Здесь *нацу ва* кажется независимым членом, но поскольку в связи с последующими словами оно может быть понято как *нацу-ни ва* 'летом', мы рассматриваем его как приёгэнное определение.

Сакэ ва боку ва номанай 'Водку (букв. 'водка') я не пью'.

Поскольку *сакэ ва* по отношению к *номанай* может быть понято как *сакэ-о* 'водку', мы рассматриваем это слово как приёгэнное определение.

В предложении *кудзира ва уо-дэ най* 'кит — не рыба' *кудзира ва* по форме и значению похоже на независимый член, но так как по отношению к *уо-дэ най* 'не есть рыба' это слово может рассматриваться как подлежащее, мы не относим его к независимым членам"[5].

Опираясь на способы различения рассматриваемых слов, предложенных д-ром Хасимото, можно, по-видимому, считать, что и

теория об опущенных и сохранившихся членах предложения также не является ошибочной.

Теория д-ра Фукуи об условном подлежащем не лишена интереса, но нам казалось бы, что лучше решать этот вопрос проще, непосредственно оперируя установившимися понятиями подлежащего, сказуемого, определения и обособленного от них независимого члена, не вводя нового термина[6].

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Ямада, IX, стр. 793—795.
[2] Там же, стр. 673—674.
[3] Фукуи, Высший курс грамматики родного языка, стр. 56—57.
[4] Там же, стр. 83—85.
[5] Хасимото, IV, стр. 162—163.
[6] Интересным предметом изучения являются вопросы, поставленные в связи с этим в статье Хонъида Сигэми „Подлежащее и выделенное слово" (II).

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Общее подлежащее

1. СУЩНОСТЬ ОБЩЕГО ПОДЛЕЖАЩЕГО

Первым, кто выдвинул положение о так называемом общем подлежащем (сōсюго 總主語)[1], был Кусано Киёудзи.

Подобно тому, как глагол и предикативное прилагательное могут иметь свое подлежащее, так и целое предложение, в составе которого уже есть подлежащее и сказуемое, может иметь еще одно подлежащее, например:

Дзō ва карада дайнари (п. я.) букв. 'Слон тело большое'.

Кума ва тйкара цуёси (п. я.) букв. 'Медведь сила крепка'.

В этих предложениях слова *дзō* 'слон', *кума* 'медведь' служат подлежащим при предложениях *карада дайнари*, *тйкара цуёси*. Если изъять их из предложений, то оставшаяся часть, хотя и сохранит полностью грамматическую форму предложения, но будет недостаточной со стороны смысла. Следовательно, только при наличии этих слов, т.е. главной части высказывания, будет обеспечена законченность смысла предложения. Сходным явлением можно считать и случаи превращения отдельных предложений в прилагательные, которые в практической речи требуют подлежащего, хотя сами возникли из подлежащего и сказуемого, например: *ураямасий* 'завидно' из *ура* 'душа', *ямаси* 'болит', *тэгатаси* 'твердый, надежный' из *тэ* 'характер', *гатаси* 'тверд' и др. Если естественным является, что в предложении *фуки ураямаси* 'богатство и знатность завидны' при прилагательном *ураямаси* имеется подлежащее *фуки*, то вряд ли можно считать странным, что при *карада дайнари*, *тйкара цуёси* слова *дзō* и *кума* рассматриваются как подлежащие. Такого рода вторичное подлежащее именуется общим подлежащим (сōсю 總主).

Однако не следует ни в коем случае смешивать общее подлежащее с дополнением.

Если после общего подлежащего употребить служебное слово *ни*, предложение примет иной характер:

Кума-ни ва тйкара цуёси (п. я.) 'У медведя сила крепка'.

Здесь слово *тикара* 'сила' становится подлинным подлежащим, а *кума* занимает позицию дополнения. Поэтому может показаться, что когда они стоят в позиции общего подлежащего, это объясняется эллипсисом служебного слова, такого, например,

как *ни*. Однако это — ошибочное представление, поскольку в действительности существуют не только примеры, в которых совершенно правильно не употреблено *ни*, но и примеры, в которых употребление *ни* вызывает изменение смысла всего предложения, ввиду чего вводить в предложение *ни* не следует. В предложении *Сина ва дзинкō бси* (п. я.) 'Китай многонаселен' (букв. 'Китай население многочисленно') главным словом является слово 'Китай', а в предложении *Сина-ни ва дзинкō бси* 'В Китае население велико' главным словом является 'население'. Отождествлять эти два предложения нельзя. Поэтому и в первом предложении нельзя видеть эллипсис служебного слова, и таким образом общее подлежащее ни в коем случае не следует смешивать с дополнением.

С другой стороны, общее подлежащее нельзя отождествлять с обычным подлежащим:

Сакэ ва гай ари (п. я) 'Водка вредна' (букв. 'Водка вред есть').

Слово *сакэ* 'водка', а также *Сина* 'Китай' в приведенном несколько выше примере интуитивно ощущаются как сходные с общим подлежащим всего предложения в целом. Однако необходимо принять во внимание, что, во-первых, при сказуемом *ари* и *бси* существуют свои подлинные грамматические подлежащие *гай* 'вред' и *дзинкō* 'население' и, во-вторых, если сказать только *сакэ ва ари* 'водка есть' и *Сина ва бси* (непереводимо), то значение резко изменится. Из этого ясно, что *сакэ* и *Сина* не могут рассматриваться как подлежащие при тех сказуемых, к которым относятся слова *гай* и *дзинкō*. Отсюда становится ясной и целесообразность введения особого термина „общее подлежащее" для отличия его от обычного подлежащего.

„Как явствует из сказанного выше, общее подлежащее, по участию в формировании японского предложения, наряду с обычным подлежащим и дополнением, выполняет свою особую задачу и является категорией большой грамматической важности. И не странно ли, что ученые до сих пор не обмолвились о нем ни словом. Вероятно, ученые старого склада, на практике признавая указанное построение предложения, не сумели построить теорию из-за свойственного им небрежного отношения к примерам, а грамматисты западного толка, не умея выйти за рамки близких их душе западных грамматик, либо ошибочно принимали общее подлежащее за дополнение, либо смешивали его с обычным подлежащим. Мало того, простительным было бы, если бы дело ограничилось ошибочной трактовкой, но дело доходит до того, что предложение *Цӯкуэ ва ки-нитэ цӯкуру* 'Столы изготовляют из дерева' грамматисты рассматривают как искажение предложения *Цӯкуэ ва ки-нитэ цӯкурару* 'Столы изготовляются из дерева', и об этом уже смолчать нельзя. Разумеется, не приходится спорить, что *Цӯкуэ ва ки-нитэ цӯкурару* — грамматически правильное предложение (в котором *цӯкуэ* служит подлежащим); однако по-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

сколько оно противоречит многочисленным, с давних пор существующим примерам привычной конструкции, его нельзя назвать чисто японским. (Можно ли это сделать вопреки тому, что со времен Минамото и Тайра рассматриваемая конструкция приобретает все большее распространение?) Поэтому легкомысленно отвергать предложения типа *Цўкуэ ва ки-нитэ цўкуру*, употреблявшиеся в нашем языке с древнейших пор, — такое заблуждение надо считать в высшей степени опасным. Короче говоря, источником заблуждения является непонимание того, что *цўкуэ* является общим подлежащим, и приравнивание его к обычному подлежащему..."

„Слово, стоящее в начале предложения, быстрее всего воспринимается зрением и на слух; естественно, что оно оказывает первоначальное воздействие и на мысль. Ввиду этого в предложении, т.е. в разговоре, подлежащее, играющее важную роль указателя субъекта высказывания, занимает обычно первое место, а в разного рода инверсированных оборотах вместо подлежащего вперед выносятся те главные в данном высказывании слова, ради которых производится инверсия, и таким образом через посредство зрения и слуха к этим словам привлекается особое внимание. Например, в таком обычном предложении, как *Варэ юку-о хоссэдзу* (п. я.) 'Я не хочу идти' слово *варэ* 'я' как главное занимает первое место, а в инверсированном предложении *Юку-оба варэ хоссэдзу* (п. я.) 'Идти я не хочу' на первом месте ставится требующее особого внимания слово *юку* 'идти', чем и достигается нужная цель. Однако на практике часто нет необходимости указывать грамматическое подлежащее, и более того, наличие подлежащего мешает плавности речи и тормозит мысль. Когда подлежащими служат такие слова, как *хйто* 'человек, люди', *сэдзин* 'люди, народ' или личные местоимения, в японском языке их обычно не включают в предложение. И таким образом, когда в предложении встречается другое важное слово, то оно занимает освободившееся место подлежащего. Так как введение этого слова достигает своей цели, предложение надо считать прекрасно построенным. В японском языке использование для других слов места подлежащего разрешается. такое употребление встречается часто.

Сакэ ва номадзу (п. я.) 'Водку (букв. 'водка') не пью'.

Ай ва сэккō-но сан-о рёхин-то су (п. я.) 'Индиго — лучшей считается продукция из Чже-цзян'.

Дзōрансй ва тэ-о фуруру-о юрусадзу (п. я.) 'Посетителям (букв. 'посетители') руками трогать не разрешается'.

Во всех этих примерах на место ненужного подлежащего умело поставлено другое важное слово, и благодаря этому создается соответствующее воздействие на восприятие. Таким образом, общее подлежащее возникло благодаря использованию освободив-

шегося от подлежащего места. Появление свободного места означает изменение интонации и числа слов в предложении, но ни в коем случае не говорит о фактическом исчезновении подлежащего. Поэтому раз была признана правильной структура *сакэ ва номадзу*, то нельзя не признать правильным и предложение типа *сакэ ва варэ номадзу* 'водку (букв. 'водка') я не пью' и *дзо ва карада дайнари* 'у слона (букв. 'слон') тело велико', в которых выражено одновременно и обычное и общее подлежащее".

Такова суть теории Кусано об общем подлежащем, опубликованная им в 1899 г. В то время это была совершенно новая точка зрения, вызвавшая много споров[2].

Изложим наиболее показательные теории по данному вопросу и рассмотрим, как следует их понимать и насколько они приемлемы с грамматической точки зрения.

II. РАЗЛИЧНЫЕ ТЕОРИИ ОБЩЕГО ПОДЛЕЖАЩЕГО

1. Теория Симмура Идзуру:

Эта теория заключается в следующем[3].

Общее подлежащее д-ра Кусано вовсе не является вторичным подлежащим предложения. В предложении *дзо ва карада дайнари* слово *дзо* по отношению к предложению *карада дайнари* является, конечно, подлежащим, однако считать его вторичным подлежащим неправильно. Если *дзо* является „общим подлежащим", то и *карада дайнари* следует назвать „общим сказуемым". *Карада* — подлежащее при сказуемом *дайнари*, *дзо* — подлежащее при сказуемом *карада дайнари*. Слово *дзо*, как и слово *карада*, стоит в позиции подлежащего, однако эти подлежащие имеют различную соотнесенность: они не относятся одновременно к одному и тому же сказуемому *дайнари*, но имеют разные сказуемые, а именно: для *дзо* сказуемым будет *карада дайнари*, а для *карада* — *дайнари*. Поэтому и нельзя считать *дзо* вторичным подлежащим. Иначе говоря, подлежащее *дзо* и подлежащее *карада* не соотносятся. Если, согласно теории Кусано, считать *дзо* общим подлежащим (в смысле подлежащего предложения в целом), то сказуемым при нем должно быть *карада дайнари*. Однако Кусано, который, следуя букве определения сказуемого, считает, что сказуемое непременно должно быть выражено отдельным словом, забывает, что сказуемое может быть выражено и предложением. В простом предложении подлежащее, сказуемое и дополнение выражаются одним словом (или словосочетанием, не составляющим предложения), но в сложном предложении одно из соединяемых предложений теряет самостоятельность и подчиняется главному предложению, становится его членом, членным предложением. Такое потерявшее самостоятельность предложение являет-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ся второстепенным и конечно может занимать место подлежащего, сказуемого или дополнения (т.е. то место, которое в простом предложении занимают отдельные слова). Таким образом, в рассматриваемом примере *карада дайнари* представляет собой предложение-сказуемое, которое и является высказыванием о подлежащем *дзō*. Следовательно, „общее подлежащее" Кусано входит в главное предложение и его никак нельзя рассматривать как вторичное подлежащее во второстепенном предложении.

Если сказуемому *дайнари* дать подлежащее *дзō*, то чем же тогда явится *карада*? Нельзя же, следуя европейской школе японской грамматики, считать в этом случае *карада* определением при *дайнари*. *Карада дайнари* входит в предложение *дзō ва карада дайнари* как целое предложение, как часть главного предложения, как его сказуемое. Поэтому слово *дзō* является, несомненно, подлежащим главного предложения.

Согласно точке зрения д-ра Симмура, общее подлежащее Кусано представляет собой обычное подлежащее.

2. Теория Хага Яити[4].

Тарō ва сэйсйцу онгаку-ни тэкйсу (п. я.)' [У] Таро́ характер подходящий для занятий музыкой'.

В этом предложении *тэкйсу* 'подходящий', букв. 'подходит' — сказуемое, а *сэйсйцу* 'характер' — подлежащее. Однако при предложении *сэйсйцу онгаку-ни тэкйсу* есть еще слово *Тарō*, которое можно принять за подлежащее всего предложения. В японском языке немало подобного рода конструкций. Особо выделяют тему всего предложения, а затем высказывают о ней мысль[5].

Усаги ва мими нагаси (п. я.) 'У зайца (букв. 'заяц') уши длинные'.

Отибана кокоро ари, нагарэмидзу ани насакэ накаран я (п. я.) 'У опавших цветов (букв. 'опавшие цветы') есть душа, так тем более в журчащем потоке (букв. 'журчащий поток') есть чувства!'.

Такая конструкция широко употребительна, когда сказуемое, как в приведенных примерах, представляет собой предикативное прилагательное, адъективный глагол или глагол *ари*. При этом, если принять все предложение за одно целое, подлежащим в котором является первое слово, то настоящее подлежащее уподобится дополнению. Однако не следует смешивать такие предложения со случаями выделения дополнения, например:

Дайсугаку ва ё мада манабадзу (п. я.) 'Алгебру (букв. 'алгебра') я еще не изучал'.

3. Теория Мицуя Сигэмицу[6].

Дзō ва хана нагаси (п. я.) 'У слона (букв. 'слон') хобот длинен'.

В этом примере *хана нагаси* составляет целое предложение, однако оно не самостоятельно, а образует группу сказуемого (Мицуя делит предложение на группу подлежащего и группу ска-

зуемого), в связи с чем его можно назвать сказуемостным членным предложением (дзёдзюцўку 叙述句). Слово *дзб* как главное слово всего предложения можно назвать главным подлежащим (букв. подлежащим самостоятельного предложения — бунсю 文主), а *хана* как главное слово членного предложения — подчиненным подлежащим (букв. подлежащим членного предложения — кусю 句主). Такова картина, если рассматривать предложение начиная с конца, т. е. с группы сказуемого; если же вести анализ начиная с группы подлежащего, то *дзб* следует назвать просто подлежащим (сю 主), а *хана* — дополнительным подлежащим (хосокўсю 補足主). Дополнительное подлежащее — это дополнительное слово. поскольку *Дзб ва нагаси* 'Слон длинен' по смыслу неполноценно, то для дополнения вводится слово *хана* 'хобот'.

В этом суть точки зрения д-ра Мицуя В своей работе он излагает различные теории общего подлежащего и критикует их. Все теории общего подлежащего представляются ему неприемлемыми. Приведем эти теории и критику их д-ром Мицуя.

1) Общее подлежащее.

Нельзя согласиться с тем, что при *нагаси* имеется два подлежащих: *дзб* и *хана*.

2) Приравнивание подчиненного подлежащего к дополнению.

Возможно для европейских языков и древнекитайского, но не приложимо к японскому языку.

3) Приравнивание главного подлежащего (бунсю) к дополнению.

Хотя и не противоречит реальному смыслу высказывания, все же отличается тем, как выражен смысл, чего нельзя упускать из виду. *Дзб-**ни** ва хана нагаси* 'У слона хобот длинен' по-японски не говорят.

4) Приравнивание главного подлежащего (бунсю) к определению при подчиненном подлежащем (кусю).

Предложения *Дзб ва хана нагаси* 'У слона (букв. 'слон') хобот длинен' и *Дзб-но хана нагаси* 'Хобот слона длинен' расходятся по смыслу.

5) Приравнивание главного подлежащего (бунсю) к определению при сказуемом.

Это — толкование типа *Хана ва дзб-ни ойтэ нагаси* 'Хобот у слона длинен'. Поскольку такое предложение может быть построено и без главного подлежащего, т е. с настоящим обычным подлежащим, то незачем рассматривать оба типа вместе

6) Приравнивание подчиненного подлежащего (кусю) к определению.

Если в предложении *Ханси-иттё-но* (半紙一帖の) *атаи дзётб-га ёнсэн нари* (п. я.) 'Цена дести японской бумаги высшего сорта (букв. 'высший сорт') четыре сены' *дзётб-га* 'высший сорт' заменить словами *дзётб-но токоро-нитэ* 'в высшем сорте', то перед

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

нами действительно будет определение. Однако если сохранить дух предложения, то оно будет иметь вид *дзёто̄-но ханси-га* 'японская бумага высшего сорта', т. е. обязательно будет употреблено настоящее подлежащее.

В итоге шесть приведенных теорий дают следующую картину:

варэ ва	*рёсин*	*ари* (п. я.)
'У меня' (букв. 'я')	'родители'	'есть'
1. Общее подлежащее	малое подлежащее	сказуемое
2. Подлежащее	дополнение	сказуемое
3. Дополнение	подлежащее	сказуемое
4. Определение к *рёсин*	подлежащее	сказуемое
5. Определение к *ари*	подлежащее	сказуемое
6. Подлежащее	определение	сказуемое

В противоположность всем этим теориям Мицуя выдвигает следующую: *варэ* представляет собой подлежащее, *рёсин ари* — сказуемостное предложение, в котором *рёсин* является подлежащим при *ари*, а вместе с тем в предложении в целом *рёсин* выступает как дополнительное подлежащее.

4. Теория Ямада Ёсио[7].

Дзо̄ ва карада дайнари (п. я.) 'У слона (букв. 'слон') тело большое'.

Коно хйто ва тоси битари (п. я.) 'Этот человек по возрасту (букв. 'возраст') стар'.

Карэ ва рёган мэкура-сэри (п. я) 'Он [на] оба глаза ослеп'.

В приведенных примерах первое слово выделяет целое, второе слово обозначает часть. Такое положение невозможно в восклицательных предложениях и имеет место только в повествовательных. Указанное соотношение наблюдается особенно часто, если сказуемым является предикативное прилагательное (или иное слово, обозначающее состояние). Происходит это в связи с тем, что прилагательное по своей сути обозначает постоянный признак. Однако каждый предмет обладает не только одним каким-либо признаком, а целой совокупностью признаков, составляющих понятие данного предмета. Иначе говоря, предмет обладает одновременно целым рядом постоянных признаков. Когда мы желаем выразить все эти признаки в словах, мы не в состоянии выразить их все одновременно. Поэтому в большинстве случаев мы говорим о каком-либо одном из признаков. Но при этом может возникнуть опасность непонимания, о каком именно признаке идет речь в данном случае. Мы говорим о тематическом слове, однако лишь об одном его признаке. Отсюда и возникла такая структура Однако в тех случаях, когда признак является наиболее приметным для человеческого глаза или хорошо известным практически, то из соображений удобства описанная структура оказывается невыраженной.

Коно сакэ ва амаси (п. я.) 'Эта водка сладкая'.
Коно коромо ва акай 'Это платье красное'.
Здесь опущены слова *адзи* 'вкус', *иро* 'цвет', поскольку и без того ясно, о чем идет речь. Однако в предложениях:
Коно ину ва нагаси (п. я.) 'Эта собака длинен'
Канохйто ва маруси (п. я.) 'Он круглое'
остается неясным, что́ именно длинно и что́ кругло. Поэтому необходимо дополнить слово *ину* 'собака' словом *о* 'хвост', а *канохйто* 'он' словом *као* 'лицо'. При этом дополнительно введенные слова находятся в одной позиции с предыдущим словом.

Приведенные примеры касаются только субъектной позиции, но аналогичное явление наблюдается и в позиции дополнения. Вот примеры:

Цуми омоки моно-оба куби-о киру (п. я.) 'Тем (букв. 'тех'), кто совершил тяжкие преступления, отрубят голову'.

Хйто цўку уси-оба цуно-о кири, хйто куу ўма-оба мими-о киру (п. я.) 'Бодливой корове (букв. 'бодливую корову') рога отпиливают, кусающейся лошади (букв. 'кусающуюся лошадь') уши режут'.

Исси-о (一枝を) *ору моно ва исси-о* (一指を) *кираму* (п. я.) 'Тому (букв. 'того'), кто обломит ветку, отрежут палец'.

В этих примерах оба дополнения стоят в одной позиции. В нижеприведенных примерах последующие слова обозначают количество предыдущего, из чего ясно, что они выполняют подсобную роль. Однако с точки зрения формы они стоят в той же позиции, что и предыдущий член предложения:

Вага кёдзин ва гонин юкину (п. я.) 'Наших земляков (букв. 'наши земляки') пятеро пошли'.

Нэдзуми-о сампики коросйтари (п. я.) 'Убил крыс три штуки'.

Кодомо саннин-ни вакатиатау (п. я.) 'Раздать троим детям'.

Одинаковая позиция наблюдается и в следующих случаях:

Ниппон дайити-но мэйдзан Фудзи-сан-ни нобору (п. я.) 'Взбираться на Фудзи — самую знаменитую гору Японии'.

Хати ва госин-но ки сунавати кэн-о юсу 'Пчела имеет орудие защиты, а именно жало'.

Такова суть теории д-ра Ямада в „Нихон-бумпорон", но в более поздних трудах последнюю группу примеров он отделяет от всех предыдущих и трактует таким образом:

„Бывает, что в одной фразе перед подлежащим или перед дополнением в том же положении ставится слово, обозначающее тот же предмет или то же явление. В подобных случаях последующее слово считается настоящим подлежащим или дополнением, а предыдущее называется приложением".

О первых двух группах примеров (*цўки омоки* и т. д., *вага кёдзин* и т. д.) Ямада говорит следующее:

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

термин „общее подлежащее", нужно было бы ввести и термин „общее дополнение". Однако, употребляя термин „общее подлежащее", мы утверждаем, что настоящим подлежащим является именно то, которое обозначает часть. Такая теория ставит факты вверх ногами.

Хорошо продумав приведенные выше примеры, мы приходим к тому выводу, что настоящим подлежащим является подлежащее, обозначающее целое. Поэтому, когда необходимо разграничить эти два подлежащих терминологически, лучше всего слово, обозначающее целое, назвать собственно подлежащим или собственно дополнением, а слово, обозначающее часть — подсобным подлежащим или подсобным дополнением, а вместе назвать их подсобным словом.

5. Теория Ёсиока Кёскэ[9].

В некоторых предложениях в качестве сказуемого выступает членное предложение, обладающее своим подлежащим и сказуемым, например: *Дзō ва мэ-га тийсай* 'У слона (букв. 'слон') глаза маленькие'.

Такое членное предложение, служащее сказуемым, составляет частичное высказывание о подлежащем; поэтому его подлежащее обозначает часть того, что обозначает подлежащее всего предложения, и сказуемое соотносится с этой частью. Так, воспользовавшись приведенным примером, можно представить следующий ряд:

Дзō ва	*карада-га окий*	'тело большое'.
'У слона'	*хана-га нагай*	'хобот длинный'
(букв. 'слон')	*мэ-га тийсай*	'глаза маленькие'.

Из этого видно, что могут быть различные высказывания о слоне: *мэ* 'глаза' — часть тела слона, а *тийсай* 'маленькие' — высказывание об этой части. В подобных предложениях такое слово, как *мэ*, называется подсобным подлежащим (фукўсюго 副主語), а в противоположность ему такое слово, как *дзō*, — главным подлежащим (хонсюго 本主語).

Главное подлежащее, как правило, обозначает предмет, а членное предложение, служащее сказуемым, выражает в большинстве случаев постоянный признак. Предмет обладает одновременно многими постоянными признаками. Мы не в состоянии говорить о всех признаках предмета сразу, да в этом и нет надобности, вследствие чего признаки рассматриваются обычно каждый в отдельности. Однако, если при этом не указать точно, о каком из них идет речь, то мысль не будет выражена полностью. Следовательно, необходимо характеризовать каждую из частей предмета особо. Поэтому и возникла особая грамматическая конструкция. Однако в тех случаях, когда часть предмета можно легко себе представить, она может и не быть выра-

женной. Например, в предложении *Дзō ва карада ōкий* можно выпустить слово *карада* 'тело' и сказать *Дзō ва ōкий* 'Слон большой'. Однако встречаются и другие случаи. Вместо предложения *Дзō ва мэ-га тийсай* нельзя, опустив *мэ* 'глаза', сказать *Дзō ва тийсай* 'Слон мал'. В этом примере слово *мэ* не может быть опущено, поскольку станет неясно, что́ именно мало. Основное подлежащее, как правило, обозначает предмет, поэтому оно выражается обычно конкретным существительным, а членное предложение выражает постоянный признак его части и поэтому сказуемым в нем служит чаще всего предикативное прилагательное или адъективный глагол.

Далее Ёсиока устанавливает наличие главного слова-объекта и подсобного слова-объекта, а также, хотя об этом не говорится прямо, главного определения и подсобного определения. Во-первых, он имеет в виду те случаи, когда в одном предложении представлено два или более слов-объектов, из которых одно обозначает целое, а другое, непосредственно дополняя значение сказуемого, обозначает его часть; в таком случае оно называется „подсобным словом-объектом". Например:

Хйто цўку ўма-оба цуно-о кири, хйто куу ўма-оба мими-о киру (п. я.) 'Бодливой корове (букв. 'бодливую корову') рога отпиливают, кусающейся лошади (букв. 'кусающуюся лошадь') уши отрезают'.

Микан ва ми-о табэ, кинкан ва кава-о табэру 'У микана (букв. 'микан' — сорт мандарина) едят плод, у кинкана (букв. 'кинкан' — сорт мандарина) едят кожуру'.

Следующий пример должен быть, по-видимому, иллюстрацией главного и подсобного определения:

Гаккō ва дзицугё-гаккō-ни хаиру-о токўсаку-то су (п. я.) 'Что касается школы (букв. 'школа'), разумнее поступить в коммерческое училище'.

В отношении числительных и обозначений мер, употребленных после тайгэна перед ёгэном, Ёсиока придерживается уже изложенной нами точки зрения Ямада, а именно, в предложении типа *Аната хйтори-га таёри дэсў* 'Вы один [моя] опора' он считает оба первых слова подлежащими; в предложении *Усаги-о самбики икэдотта* 'Словил зайцев три штуки' он считает первые два слова словами-объектами и т. п.

Числительное и обозначения мер могут следовать непосредственно за тайгэном или за тайгэном с присоединившимся к нему служебным словом:

Карасу мива (三羽) *эда-ни томарэри* (п. я.) 'Три вороны (букв. 'вороны три') сели на ветку'.

Усаги-о самбики икэдотта 'Поймал зайцев три штуки'.

Они могут следовать непосредственно за тайгэном, а служебное слово может присоединяться к ним:

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Усаги самбики-о икэдотта 'Зайцев (букв. 'зайцы') поймал три штуки'.

В этом случае они как члены предложения совершенно равноправны с предшествующим словом и ни в коем случае не являются наречными определениями. Однако существуют иные примеры:

Карэ ва санри окурэтари (п. я.) 'Он отстал на три ри'.

Здесь уже слово *санри* 'три ри' — наречное определение.

Примеры другого рода:

Коко-ни ацумаритару ва ***субэтэ*** *коно кай-но кайин нари* (п.я.) '**Все** здесь собравшиеся — члены этого общества'.

Ано кёдай ва ***минна*** *ёй хйто дэсў* 'Эти братья **все** хорошие люди'.

Ками-о ***сўкоси*** *касйтамаэ* 'Одолжи бумаги **немного**'.

Здесь слова *субэтэ*, *минна*, *сўкоси* — не наречные определения к ёгэну; они занимают ту же позицию, что и предшествующий тайгэн, и поскольку они и сами имеют характер тайгэна, это вполне допустимо.

В изложенной выше точке зрения Ёсиока „на числительные и обозначения мер, употребленные после тайгэна перед ёгэном", есть один момент, с которым, исходя из существа процесса определения, трудно согласиться. А именно, можно признать, что в следующих ниже примерах подчеркнутые слова с грамматической точки зрения занимают ту же позицию, что и тайгэн:

Усаги ***самбики-о*** *икэдотта* 'Поймал зайцев **три** штуки'.

Кодомо ***гонин-ни*** *вакатиатау* (п. я.) 'Раздать **пятерым** детям'.

Аната ***хйтори-га,*** *таёри дэсў* 'Вы **один** [моя] опора'.

Однако возьмем другой пример: *усаги-о самбики икэдотта*. Чем слово *самбики* синтаксически отличается от *санри* 'три ри' в предложении *Карэ ва санри окурэтари* (п. я.) 'Он отстал на три ри?' Поскольку *санри* — наречное определение, то и *самбики* тоже нужно считать наречным определением. Особенно глубокое заблуждение думать, что слова *субэтэ*, *минна*, *сўкоси* из вышеприведенных примеров занимают такую же позицию, как предшествующий тайгэн, т. е. являются подлежащим или словом-объектом. Как уже говорилось в главе о числительных, именно особенностью числительных является их способность служить наречными определениями. Поскольку числительное, будучи тайгэном, может стоять иногда в той же позиции, что и предшествующий тайгэн, следует каждый раз проверять, является ли оно наречным определением или нет. Теория Ёсиока — такое же заблуждение, как различная трактовка слова *каруку* в предложениях *бо̄си-о каруку ууу* 'легко ударить по шляпе' и *боси-о каруку цукуру* 'сделать шляпу легкой' (букв. 'легко'): в первом предложении *каруку* считают наречным определением при *ууу*, а во втором — не наречным определением при *цўкуру* 'сделать', а адъективным определением при *бо̄си* 'шляпа'.

Однако с синтаксической точки зрения и это *каруку* также является наречным определением при последующем сказуемом. Равным образом и слова *субэтэ, минна, сўкоси*, бесспорно, представляют собой наречные определения при последующем сказуемом. Считают, будто эти слова стоят в той же позиции, что и предшествующий тайгэн, и так же, как и он, являются подлежащим или словом-объектом потому, что они (не говоря уже о словах такого рода, как *минна* 'все', которое является тайгэном по происхождению, но и такие наречия, как *субэтэ, сўкоси*) употребляются как тайгэны, например: *субэтэ-о васурэру* 'забыть все', *сўкоси-но ниндзу* 'немногочисленный персонал', т. е. как бы приобретают тот же двойственный характер, что и числительные.

Однако в нашей работе, которая проводит точку зрения д-ра Ёсидзава, состоящую в том, что слово-объект и дополнение входят в одну категорию с наречными определениями, можно признать, что числительные стоят в одной и той же синтаксической позиции со словами-сбъектами.

6. Теория Кобаяси Ёсихару[10].

Кобаяси рассматривает общее подлежащее как вид „выделенной части". Обратимся поэтому прежде всего к его объяснению данного термина.

В предложении существуют логические и психологические отношения, причем последние представляют собой отражение эмоций в структуре предложения. „Выделенная часть" представляет собой четкое проявление потребности самой структурой предложения выразить эти психологические отношения в языке.

Тōкё ва *мукаси Эдо-то иимасйта* 'Токио в прошлом назывался Эдо' (букв. 'Токио в прошлом говорили как Эдо').

Здесь слово *Тōкё* — выделенная часть предложения. Оно кажется подлежащим, но на самом деле грамматическим подлежащим не является. Логическое подлежащее данного предложения остается в сфере понятий и в нем не выражено.

Хйто-га ***Тōкё-о*** *мукаси Эдо то иимасйта* 'Люди называли Токио в прошлом Эдо'.

При перестройке этого предложения результатом которой явилось первое предложение, слово *Тōкё* подверглось особому подчеркиванию и поэтому было выделено и вынесено в начало предложения. Служебное слово *ва* имеет значение усиления выделенного предшествующего слова. Аналогичны примеры:

Пан ва комуги-дэ косираэру 'Хлеб изготовляют из пшеницы'.

Сакэ ва итадакимасэн 'Водки (букв. 'водка') не пью'.

Выделенной частью может стать не только объект действия, но и другие определения.

Ёкан ва Фудзимура-га хёбан дэсў 'Мармеладом (букв. 'мармелад') славится Фудзимура'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Микан ва ми-о табэ, кинкан ва кава-о табэру 'У микана (букв. 'микан') едят плод, а у кинкана (букв. 'кинкан') едят кожуру'.

В тех случаях, когда выделенная часть обозначает объект действия, в письменном языке она вторично выражается словом *корэ-о* 'его, ее' и т. д.

Тэйкоку-гикай ва майнэн ***сорэ-о*** *сёсю-су* (п. я.) 'Имперский парламент, **его** созывают ежегодно'.

Кобаяси рассматривает общее подлежащее как частный случай выделенной группы. «В тех случаях, когда часть целостно воспринимаемого образа, выделившись, становится темой высказывания и выполняет роль психологического подлежащего, эта часть именуется „выделенной частью" (тэйбу 提部). Термин „общее подлежащее" — результат отдельного рассмотрения того случая, когда выделенной частью становится слово, которое должно было бы быть подлежащим или определением при сказуемом. Что касается формы, то можно прийти к следующему выводу: когда в начале предложения стоит слово, сопровождаемое служебными словами *ва, мо, дзо, наму, ка, я, косо* и др., а за ним следует другое подлежащее, то это слово является выделенной частью»[11]: Часть „выделенной части", взятая без определений, называется выделенным словом.

Таким образом, „выделенная часть" Кобаяси по существу представляет собой то же, что и выделенное слово, о котором говорилось в предыдущей главе. Отсюда ясно, что Кобаяси рассматривает общее подлежащее как выделенное слово. Однако следует обратить внимание на то, что, в отличие от нашей трактовки последнего, Кобаяси толкует выделенную часть более широко: он включает сюда и те случаи, когда выделенное слово не дублируется последующим местоимением:

Сорэ ва ватакуси-га кайта 'Это написал я' (выделенная часть — объект действия).

Нигэру моно ва куби-о киру 'Убежавшим (букв. 'убежавшие') отрубят голову' (выделению подверглось одно из двух равнопозиционных определений, обозначающих объект действия).

Кё ва кадзэ-га самуй 'Сегодня ветер холодный' (выделенная часть — определение).

Юки ва иро-га сирой 'Снег по цвету (букв 'цвет') белый' (выделено одно из подлежащих Это так наз. общее подлежащее)

Ватакуси ва аси-га варуй 'У меня (букв. 'я') ноги слабые' (то же, что и предыдущий).

Хйто ва мэйё-га тайсэцу-дэ ару 'Людям (букв. 'люди') дорога честь' (выделено определение при сказуемом; оно также называется общим подлежащим).

Анохйто ва кодомо-га саннин ару 'У него (букв. 'он') трое детей' (то же).

7. Теория Юдзава Кокитиро[12].

Юдзава считает, что в предложении *дзб ва хана нагаси* слово *дзб* является подлежащим, *а хана нагаси* — сказуемостным членным предложением Подлежащее, сказуемое которого выражено членным предложением, называется общим подлежащим К общему подлежащему присоединяется служебное слово *ва*, а в сказуемостном членном предложении сказуемое выражено прилагательным, адъективным глаголом или глаголом, имеющим значение сравнения. По этому поводу Юдзава пишет:

„Среди грамматистов ведется много споров относительно общего подлежащего и сказуемостного членного предложения. Окончательно установившейся точки зрения на данный предмет пока не существует. В нашей книге мы придерживались мнения, высказанного большинством учебных пособий, однако в этих пособиях взгляды ученых на границы общего подлежащего далеко не совпадают. Например, в предложении *Тōкē ва дзинкō ōси* (п. я.) '[В] Токио население многочисленно', где *Тōкē ва* можно толковать как *Тōкē-ни ва* 'в Токио' некоторые ученые считают *Тōкē* общим подлежащим; мне пришлось даже прочитать в одной книге, что в предложении *Хару ва хана саки, аки ва ха оцу* (п. я.) 'Весной (букв. 'весна') цветы растут, а осенью (букв. 'осень') листья опадают' как общие подлежащие рассматриваются слова *хару* и *аки*. В данной книге я стою на точке зрения общего подлежащего и сказуемостного членного предложения, однако те случаи, когда возможно добавление *ни ва* или *нитэ ва* я отношу к выделению дополнения, а не к общему подлежащему. Поэтому часть предложения, служащая сказуемостным членным предложением, делится на обычное подлежащее и обычное сказуемое. Конкретнее это выглядит так: *Тōкē* (*-ни*) *ва* (дополнение) *кōсэки* (подлежащее) *ōси* (сказуемое) '(в) Токио много памятников старины'.

8. Теория Фукуи Кюдзо[13].

При раскрытии содержания широкой темы удобно отдельно указывать на части содержания. Так, например, характеризуя какой-либо фрукт, мы перечисляем его цвет, запах и вкус, а характеризуя юношу, мы говорим:

Коно сэйнэн ва синтай-но хацуику ёку, сэйсицу онкони-сйтэ хинкō тадаси (п. я.) 'У этого юноши (букв. 'этот юноша') физическое развитие хорошее, характер добрый, поведение образцовое'.

В приведенном предложении высказывание разбито на три части, причем каждая часть имеет свое подлежащее и свое сказуемое. Однако вместе с тем каждая часть высказывания подчинена одному подлежащему, которое относится ко всему предложению в целом, и благодаря связи с этим подлежащим образуется законченное высказывание. Такого рода подлежащее называется

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

общим подлежащим. Поскольку подлежащие каждой части высказывания представляют собой только частичные подлежащие, мы их так и называем — частичное подлежащее (бунсю分主). Общее и частичное подлежащие являются особенностью японского языка. А если предложение с такими подлежащими изменить по образцу некоторых других языков, например придав ему вид *ано сэйнэн-но сэйсицу* 'характер этого юноши', то оно станет формой совершенно другого высказывания. Общее подлежащее сопровождается служебным словом *ва*. Встречается немало случаев, когда в подобном предложении представлена только одна группа сказуемого, например:

Хоккоку ва кион-га хикуй 'В северных странах (букв. 'северные страны') температура низкая'.

Камогава ва мидзу киёси (п.я.) 'В реке Камогава (букв. 'река Камогава') вода прозрачна'.

Многие грамматисты считают неправомерным выделять в таких предложениях общее и частичное подлежащее, считая, что в предложении имеется в виду *хоккоку-ни ойтэ ва* 'в северных странах'. Однако второе предложение по форме сходно с первым, но не может быть истолковано как *Камогава-ни ойтэ ва*. Кроме того, в первом предложении главное *хоккоку* 'северные страны', а не *кион* 'температура'. Если изменить это предложение, например:

Кион ва хоккоку-ни ойтэ ва хикуй га нанти-ни ойтэ ва такай 'Температура в северных странах низка, а на юге высока', то станет ясно, что перед нами совершенно иная форма выражения. В связи с этим мы считаем, что даже при наличии только одной группы сказуемого целесообразно пользоваться терминами „общее и частичное подлежащее".

9. Теория Хасимото Синкити[14].

Сказуемостное членное предложение — это членное предложение, выполняющее функцию сказуемого. Приведем пример:

Фудзисан ва катати-га ёй 'У горы Фудзи (букв. 'гора Фудзи') форма красивая'.

В данном предложении говорится о том, какова гора Фудзи, поэтому *катати-га ёй* выполняет функцию сказуемого. И поскольку слова *катати* и *ёй* связаны между собой как подлежащее и сказуемое, то *катати-га ёй* представляет собой членное предложение-сказуемое. Некоторые ученые в предложении *Нихондзин ва кэ-га курой* 'У японцев (букв. 'японцы') волосы черные' *кэ-га курой* рассматривают не как сказуемостное членное предложение, а как подлежащее и сказуемое самостоятельного предложения, перед которым ставится еще одно подлежащее — *нихондзин ва*, именуемое общим подлежащим. В нашей работе мы не считаем нужным придерживаться указанной точки зрения и рассматриваем *нихондзин ва* как подлежащее, а *кэ-га курой*

как сказуемое. Мы полагаем, что сказуемое выражено в данном случае членным предложением, имеющим в качестве сказуемого *курой*, а в качестве подлежащего при этом сказуемом — *кэ-га*. Нам кажется, что это самое естественное толкование такого типа предложений.

В приведенных примерах подлежащее весьма напоминает по форме независимый член, однако независимым членом именуется тот член предложения, который нельзя принять за подлежащее, сказуемое или определение. В данном случае *нихондзин ва* можно трактовать как подлежащее. Следовательно, его и нужно рассматривать в качестве подлежащего.

10. Теория Ёсидзава Ёсинори.

Ёсидзава рассматривает общее подлежащее как выделенное слово. Суть его теории заключается в следующем:

„Теория общего подлежащего имеет две разновидности. Обычно одни считают общее подлежащее подлежащим, другие — выделенным словом. Первую разновидность представляют собственно теория общего подлежащего, теория главного подлежащего, теория сопутствующего подлежащего, теория подсобного подлежащего и т. п.

Я рассматриваю общее подлежащее как один из видов выделенного слова. Подобно тому, как Ямада различает разновидности подсобных слов, так и я считаю, что бывают различные виды выделенного слова. Одним из таких видов выделенного слова и является общее подлежащее. Оставив в стороне вопрос о том, насколько близка моя теория к другим теориям о выделенном слове, я коснусь прежде всего всех тех причин, которые побудили меня воспользоваться самим термином „выделенное слово".

Эти причины чрезвычайно просты. Рассматривая эти слова как подлежащие, мы тем самым нарушим закон о соотносительном окончании (какаримусубихо).

Среди ученых, относящих выделенное слово к подлежащему, правильно, на мой взгляд, подходят к этому вопросу с точки зрения формы д-р Хага и д-р Симмура. Согласно их объяснению слово *дзо ва* 'слон' является подлежащим предложения *карада дайнари* 'тело большое', а слово *Сина ва* 'Китай' — подлежащим предложения *дзинко оси* 'население многочисленно'. При таком объяснении предложения *карада дайнари* и *дзинко оси* становятся членами предложений, подлежащими в которых являются слова *дзо ва* и *Сина ва*; иначе говоря, *карада дайнари* и *дзинко оси* становятся сказуемостными членными предложениями.

Известно, что закон соотносительного окончания распространяется лишь на те слова, которые входят в состав данного предложения. Отсюда вытекает, что те соотносительные служебные слова, которые согласуются с заключающими предложение формами *дайнари* и *оси*, должны быть присоединены к членам,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

составляющим то предложение, где сказуемым являются слова *дайнари* и *бси*. Иначе говоря, в предложениях *Дзō ва карада дайнари* и *Сина ва дзинкō бси* только те соотносительные служебные слова, которые присоединяются к словам *карада* и *Сина*, могут требовать согласования с *дайнари* и *оси*: ведь *дзō ва* и *Сина ва* действительно подлежащие предложений *карада дайнари* и *дзинкō бси*, а не подлежащие при словах *дайнари* и *бси*. Следовательно, *дзō ва* и *Сина ва* не являются и членами тех предложений, сказуемыми которых служат *дайнарэ* и *бси*. Значит, если сказать *дзō* ***косо*** или *Сина* ***косо***, как будто нет оснований для появления формы согласования *дайнари* и *окэрэ*. Однако фактически соотносительные служебные слова употребляются в согласовании с заключительным словом так называемого сказуемостного членного предложения. Это видно хотя бы из такого примера:

Рёдзюн косо ёгай кэнго нарэ (п. я.), букв. 'Порт-Артур крепость сильна'.

Если бы мы стали отстаивать теорию подлежащего, то вынуждены были бы считать такие случаи согласования исключением или пересмотреть правила соотносительного окончания, но и то и другое было бы нелепо. Чтобы избежать противоречия, остается одно: признать, что *дзō ва* и *Сина ва* входят в состав предложений *карада дайнари* и *дзинкō бси*. Таким образом, я отношу такие слова, как *дзō ва* и *Сина ва*, к одному из видов выделенного слова и рассматриваю их в качестве членов предложения, имеющего подлежащим *карада*, сказуемым *дайнари*, подлежащим *дзинкō*, а сказуемым *бси*. Иначе говоря, признавая их выделенными словами, я устраняю противоречие с правилами соотносительного окончания[15].

III. ТРАКТОВКА ОБЩЕГО ПОДЛЕЖАЩЕГО

Настоящий раздел посвящен выяснению отношения автора данной книги к различным теориям общего подлежащего, изложенным выше.

1) Теория Кусано Киёудзи.

Нужно выразить глубокую признательность Кусано за то, что, обратив внимание на особую грамматическую форму выражения, присущую японскому языку, он ввел в обиход новый термин „общее подлежащее“ и осветил грамматические особенности этой формы. Понимание того, что при предложении, состоящем из подлежащего и сказуемого, может иметься еще одно подлежащее, является осознанием непреложного языкового факта, составляющего основу теории общего подлежащего. Однако, как правильно отметил д-р Симмура, утверждение, что общее подлежащее представляет собой вторичное подлежащее, в некотором смысле чревато опасностью неправильного истолкова-

ния. Неудачным оказалось само слово „вторичное". Д-р Кусано прав, утверждая, что общее подлежащее не следует смешивать с дополнением (в нашей книге это наречное определение). Он прав и в том отношении, что общее подлежащее нельзя считать подлежащим при сказуемом последующего предложения. Можно также согласиться и с объяснением происхождения общего подлежащего, данного д-ром Кусано.

2) Теория д-ра Симмура.

Я согласен с д-ром Симмура, возразившим д-ру Кусано в том пункте, что общее подлежащее является не вторичным подлежащим, а настоящим подлежащим. Он совершенно прав, утверждая, что общее подлежащее является подлежащим для всего предложения в целом, а сказуемое может быть выражено не только отдельным словом, но и предложением. Жаль только, что этому предложению он дал наименование „второстепенное предложение", по-видимому, следуя европейскому термину Nebensatz. Поскольку общее подлежащее мы называем нашим термином, то и предложению-сказуемому с точки зрения японской грамматики лучше было бы дать какое-либо новое наименование. Но во всяком случае, я согласен с тем, что общее подлежащее Кусано— это подлежащее всего предложения в целом.

3) Теория Хага Яити.

Д-р Хага назвал общее подлежащее иным термином — *бунсю* (文主), т. е. 'подлежащим при предложении'. Этим он сделал интересную попытку отразить в самом термине тот факт, что при указанном подлежащем сказуемое выражено предложением. Видимо поэтому он не счел нужным называть особым термином само сказуемое, выраженное предложением. Справедливо также его замечание о недопустимости смешения такого подлежащего с выделенным дополнением. Я не вижу необходимости вводить термин *бунсю* и нахожу, что скорее следует подумать об особом термине для сказуемого, по форме представляющего собой предложение.

4) Теория д-ра Мицуя Сигэмацу.

Правильным является наименование *дзёдзюцўку* 'сказуемостное членное предложение' для сказуемого, выраженного предложением. Однако введя такой термин, вряд ли нужно подлежащее при таком сказуемостном предложении называть *бунсю* (文主). Излишне также употреблять термины *кусю* 'подлежащее членного предложения' и *хосокўсю* 'дополнительное подлежащее'. Заслуживает внимания и критика д-ра Мицуя в адрес других теорий об общем подлежащем.

5) Теория Ямада Ёсио.

Д-р Ямада не согласен с мнением о том, что за подлежащим следует сказуемое, имеющее форму предложения. Он считает, что в предложении *Дзб ва карада дайнари* слово *карада* является

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

подсобным подлежащим. А следовательно, по его мнению, *дзō ва* — это подлежащее при сказуемом *дайнари* и, наоборот, *дайнари* — сказуемое при *дзō ва*. Причем, поскольку слово *карада* обозначает частичный признак подлежащего, оно стоит в той же позиции, что и подлежащее. Исходя из этого Ямада называет его подсобным словом. Д-р Ямада утверждает далее, что подобное явление наблюдается не только в позиции субъекта, но и в тех случаях, когда в одном предложении несколько слов занимают одинаковую позицию дополнения. Это — интересная теория, но я не могу согласиться с тем, что *дайнари* является сказуемым при *дзō ва*, а *дзō ва* — подлежащим при сказуемом *дайнари*. Поскольку я рассматриваю *карада дайнари* как комплексное сказуемое, то не считаю, что *дзō ва* и *карада* стоят в позиции субъекта в одной плоскости, т. е. являются двумя подлежащими одного общего сказуемого *дайнари*. Что же касается отношений между *дзō ва* и *карада*, то хотя мнение о главенстве первого и подчиненности второго может на первый взгляд показаться правдоподобным, но если вдуматься в разницу между формальным их соединением и смысловым, то трудно рассматривать это отношение как простое подчинение.

6) Теория Ёсиока Кёкэ.

Утверждение, что сказуемое представляет собой членное предложение, правильно. Правильно также, что Ёсиока признает существование общего подлежащего всего предложения в целом. Но в таком случае незачем было вводить термин *хонсюго* 'главное подлежащее' и *фукӯсюго* 'подсобное подлежащее'. Сомнительна и необходимость применения терминов „главное дополнение" и „подсобное дополнение". Относительно числительных и счетных слов, употребленных после тайгэна перед ёгэном, уже говорилось в предыдущем разделе.

7) Теория Кобаяси Ёсихару.

Трудно согласиться с тем, что общее подлежащее — это выделенное слово или выделенная группа слов. Прежде всего спорным являются границы категории выделенного слова. То, что в грамматиках называют выделенным словом, всего лишь часть категории выделенного слова в понимании Кобаяси. В предложении *Тэйкоку гикай ва майнэн корэ-о сёсӯ-су* (п. я) 'Имперский парламент его созывают ежегодно' слово *тэйкоку-гикай* действительно является выделенным словом. Слово, которое для усиления переносится со своего обычного, всегда занимаемого им места, на другое место, где оно звучит сильнее, не может не быть именно выделенным словом. Местоимение *корэ-о* заполняет место перемещенного слова. (В приведенном примере выделенным словом является так называемое слово-объект, именуемое в нашей работе наречным определением, но, разумеется, выделены могут быть и подлежащие, и дополнения — последние в на-

шей книге также отнесены к наречным определениям.) Ямада следующим образом определяет выделенное слово:

„Бывает, что во фразе слово, являющееся центром мысли, выносится вперед. Такое слово называют выделенным словом. Одни из них имеют связь с последующей фразой, другие этой связи не имеют, но и те, и другие непременно замещаются во фразе местоимением"[16].

Не подходящие под данное определение слова не являются выделенными. Это видно из следующих примеров: *Сина ва дзинкō га бй* или *Юки ва иро-га сирой*. В приведенных примерах неясно, откуда перемещены в начало предложения слова *Сина ва, юки ва*. Поэтому нельзя согласиться и с Кобаяси, который отождествляет общее подлежащее с выделенным словом. Это подкрепляется точкой зрения Хасимото (см. выше, п. 9).

8) Теория Юдзава Кокитиро.

Я согласен с тем, что сказуемое выражено сказуемостным членным предложением, но, как неоднократно упоминалось, не нахожу нужным подлежащее такого сказуемого называть общим подлежащим. Хорошо, что Юдзава указывает на недопустимость смешения выделенного наречного определения с общим подлежащим, однако, поскольку мы расходимся в определении того, что именно следует считать выделенным словом, это замечание требует дальнейшего изучения.

9) Теория Фукуи Кюдзо.

С его ходом рассуждений в общем можно согласиться. Однако мне кажутся излишними термины „общее подлежащее" и „частичное подлежащее". Я полностью присоединяюсь к указаниям, касающимся отличий общего подлежащего от сходных явлений. Заслуживают внимания также расхождения с точкой зрения Юдзава, изложенной в предыдущем пункте.

10) Теория Хасимото Синкити.

Я целиком разделяю его точку зрения, ввиду чего не буду останавливаться на деталях.

11) Теория Ёсидзава Ёсинори.

Отличается от позиции данной книги тем, что относит общее подлежащее к выделенным словам. В самом понимании выделенного слова у нас есть расхождения. Однако, что касается вопроса о соотносительном окончании, то, стоя на позиции признания подлежащего, его нельзя объяснить грамматически. Невозможность объяснения должна бы повлечь за собой отказ от теории, утверждающей, что эти слова являются простыми подлежащими, однако мы в настоящее время стоим на таких позициях:

Дзō ва карада дайнари: 1. *Дзō косо карада дайнарэ.*
2. *Дзō ва карада косо дайнарэ.*

Сина ва дзинкō бси: 1. *Сина косо дзинкō бкэрэ.*
2. *Сина ва дзинкō косо бкэрэ.*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Не вызывают сомнений вторые предложения, так как соотносительные служебные слова, следуя за подлежащим членного предложения, обусловливают соответствующее изменение в его сказуемом. Вся проблема заключена в первых предложениях, поскольку слова *дзō ва* и *Сина ва* не являются непосредственными подлежащими при *дайнарэ* и *ōкэрэ*. Значит ли это, что если вместо *дзō ва* и *Сина ва* сказать *дзō косо* и *Сина косо*, то мы совершим ошибку? Нет, этого не будет. Мы всего лишь заменяем одно соотносительное служебное слово (*ва*) другим (*косо*). Весь вопрос состоит в том, что стоящее в конце слово при *ва* может находиться в заключительной форме, а *косо* требует наличия завершенной формы. Из объяснений, данных д-ром Ямада, ясно, что соотносительные служебные слова примыкают к словам, связанным с ёгэнами, которые выражают предикацию и оказывают влияние на эту предикацию. Из всех частей речи лишь ёгэны (по теории д-ра Ямада — и формальные ёгэны) способны выражать предикацию; значит в наших двух примерах ее могут осуществлять только слова *дайнари* и *ōси*. Если исходить из того, что *дайнари* и *ōси* являются сказуемыми при *карада* и *дзинкō*, а *карада дайнари* и *дзинкō ōси* представляют собой комплексное сказуемое, то, поскольку предикация не может выразиться в подлежащем, она должна выразиться в словах *дайнари* и *ōси*. Пусть *дзō ва* и *Сина ва* не являются подлежащими при *дайнари* и *ōси*, однако поскольку их сказуемое включает в себя подлежащее, т. е. имеет вид *карада дайнари*, *дзинкō ōси*, то не естественно ли, что общее подлежащее обусловливает соотносительное окончание у сказуемого такого членного предложения.

Это видно также на примерах д-ра Хасимото, добавившего в число сказуемостных членных предложений следующий тип:

Ано ото ва дэнся-но тōру но да 'Тот звук [это] проходит трамвай'.

Коно сё ва Кōси-но цўкурэру нари 'Эту книгу написал Конфуций' (букв. 'Эта книга есть написанное Конфуцием') [2].

Однако все сказанное, по-видимому, может служить лишь негативным объяснением, а не решением проблемы, поставленной Ёсидзава.

* * *

В заключение привожу выводы, к которым мы пришли после рассмотрения общего подлежащего.

1. Общее подлежащее — это просто подлежащее. Я не пользуюсь термином *сōсю* или *бунсю* (文主).

2. Предложение, выполняющее роль сказуемого при таком подлежащем, рассматривается как сказуемостное членное предложение. Оно является одним из видов членных предложений, которые вообще могут — об этом говорится в следующей главе —

быть членами предложения: подлежащим, определением, сказуемым, иногда даже независимым членом. Поэтому я не называю подлежащее такого предложения особыми терминами *кусю*, *хосокўсю фукўкакуго*, *фукўсюго* и *бунсю* (分主).

3. Необходимо остерегаться смешения рассматриваемого подлежащего с выделенным словом. Выделенное слово является особым членом предложения, независимым членом, а такое подлежащее представляет собой обычный член предложения. Если в предложении *Дзб ва карада дайнари* считать *дзб ва* выделенным словом, это будет простым предложением. Когда же это слово рассматривается как подлежащее, а *карада дайнари* как сказуемостное членное предложение, то такое предложение в целом я считаю сложным [3].

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Данная теория была развита в статье К у с а н о, Особенности японской грамматики — общее подлежащее, 1900, II, однако еще в 1898 г. Кусано высказал свою точку зрения в статье „Мнение" (III), употребляя термин карибунсю (假文主).

[2] В том же 1899 г. были опубликованы следующие работы: О к а д а Масами, Общее подлежащее предложения в грамматике (III); С и м м у р а Идзуру, О теории общего подлежащего (IV), О к а д з а в а Сёдзиро, Об общем подлежащем (II); С и м м у р а Идзуру, Вопросы к г-ну Окадзава по поводу теории общего подлежащего (V), О к а д з а в а Седзиро, Ответ г-ну Симмура (III). Отсюда ясно, какая дискуссия была вызвана статьей Кусано.

[3] Эта теория изложена в статьях Симмура, указанных в прим. 2, которые были помещены затем в книге С и м м у р а, II, стр. 395—409.

[4] Х а г а, III, ч. III, стр 17—18.

[5] В этом случае тема именуется *бунсю* (文主).

[6] М и ц у я, I, стр. 588—600

[7] Я м а д а, III, стр. 132—133; VII, стр. 454; I, стр. 341—342; IX, стр. 1007—1012. В трактовке этого вопроса между „Бумпōрон" и последующими трудами есть частичное расхождение.

[8] Я м а д а, IX, 48.

[9] Ё с и о к а, цит. соч., стр. 348—356.

[10] Ё. К о б а я с и, I, стр. 597—604.

[11] Там же, стр. 604.

[12] Ю д з а в а, VI, стр. 314—316.

[13] Ф у к у и, цит. соч., стр. 54—56.

[14] Х а с и м о т о, IV, стр. 190—192.

[15] Ё с и д з а в а, Пересмотренный учебник японской грамматики для средней школы (XIII), стр. 150—151; Ё с и д з а в а, VII, стр 171, а также статья „Памятка о теории общего подлежащего" (XIII), стр. 128—130.

[16] Я м а д а, I, стр. 343—344.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Членное предложение, подчиненное словосочетание и группа члена предложения

I. СУЩНОСТЬ ЧЛЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Излишне говорить, что будь то обычный член предложения — подлежащее, сказуемое, определение, — будь то особый член предложения — независимое слово, функциональное ядро этого члена заключается в знаменательном слове, которое и составляет синтаксическую единицу. Даже если к знаменательному слову присоединены формальные слова и благодаря их присоединению знаментельному слову придано особое значение, все равно способность сделать знаменательное слово членом предложения заключена в нем самом. На протяжении нескольких предыдущих глав были рассмотрены члены предложения, представляющие собой синтаксическую единицу, ядром которой является знаменательное слово. Иначе говоря, были разъяснены различные функции членов предложения, зависящие от позиции слова. Однако бывает, что подлежащим, сказуемым, определением, независимым словом служат два или более членов предложения, образующих комплекс синтаксических единиц (бунсэцугун 文節群). Функции такого комплекса членов предложения совпадают с функциями какого-либо одного члена, т. е. они несут функции подлежащего, сказуемого, определения, независимого члена и никаких иных. В этом смысле комплекс членов предложения является не чем иным, как расширением одного члена.

Комплексы членов предложения в зависимости от их характера делятся на три вида:

1. Членное предложение;
2. Подчиненное словосочетание;
3. Группа члена предложения.

Предложение, потерявшее самостоятельность и ставшее частью другого предложения, именуется членным предложением (сэцу 節) [1]. Поскольку оно представляет собой предложение, то, если только оно не является особым предложением, оно должно состоять по крайней мере из двух членов — подлежащего

и сказуемого. „То, что представляет подлежащее и сказуемое и равно предложению, но составляет часть другого предложения, именуется членным предложением". Д-р Хасимото обосновал это определение следующим образом: „Такое определение необходимо, поскольку оно устраняет все возражения против того, чтобы считать членными предложениями и такие слова, как *отто-но катта* 'купил брат' в *отто-но катта хон ва...* 'книга, которую купил брат...' Если исходить только из того, что в смысловом отношении *отто-но катта*, ввиду невыраженности объекта, неполноценно, то считать его членным предложением уже не придется. Но нам кажется, что проще и удобнее рассматривать его как предложение, поскольку здесь представлены и подлежащее и сказуемое, хотя и имеется некоторая неполнота со стороны смысла, а поэтому мы и даем вышеприведенное определение"[1]. Ранее было сказано — „потерявшее самостоятельность", — но мне кажется, что и в словах *отто-га катта* 'брат купил' выражена законченная мысль. Таким образом, членное предложение в том отношении, что соединением двух или более слов или словосочетаний в нем выражается законченная мысль, не отличается от самостоятельного предложения (бун 文); однако, будучи равно ему, оно не может называться самостоятельным предложением, поскольку стало частью другого, а называется членным предложением (сэцу 節). В членном предложении мы видим расширение члена предложения, состоящего из одной единицы.

Кōин-но сугиюку ва хакку-но (白駒の) *сūки-о сугуру-га готоси* (п. я.) 'То, как проходит время, подобно тому, как конь перескакивает расселину'.

Здесь в первой части до *ва* включительно находим подлежащее *кōин* и сказуемое *сугиюку*, но в целом *кōин-но сугиюку ва* выполняет функцию подлежащего, т. е. является частью другого предложения — членным предложением; такова же вторая часть — членное предложение, несущее функцию сказуемого.

Мукō-ни ***хана-но сайта*** *мори-га миэру* 'Вот там виднеется роща, где **расцвели цветы**'.

Здесь *хана-но* — подлежащее, *сайта* — сказуемое, а сочетание *хана-но сайта* выполняет функцию адъективного определения к *мори*, т. е. представляет собой членное предложение. Как говорилось в гл. X, и в предложении *Дзō ва хана га нагай* слова *хана-га нагай* служат по отношению к *дзō* сказуемым, а следовательно, представляют собой членное предложение. Короче говоря, членное предложение — это то, что в обычной форме представляет собой нормальное предложение, но являясь при этом частью другого предложения, выполняет в нем функцию какого-либо члена предложения [2]. В английской грамматике ему соответствует термин clause[2].

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

II. ВИДЫ ЧЛЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Виды членных предложений и их наименования у разных грамматистов различны.

1. Обычная классификация.

При обычной классификации различают три вида членных предложений: субстантивное, адъективное и адвербиальное.

1) Субстантивное членное предложение (мэйсисэцу 名詞節) выполняет роль существительного и называется также именным членным предложением (тайгэнсэцу 體言節):

Сакура-но саку ва *сигацу нари* (п. я.) 'Цветение вишен (букв. '**вишни цветут**') бывает в апреле'.

Сицу-но ёй но ва *атаи-га такай* '**То, что хорошо по качеству**, дорого по цене'.

Анохйто ва ***дзибун-га бака-дэ ару но-о*** *сиранай* 'Он не знает, **что он глуп**'.

2) Адъективное членное предложение (кэйёсисэцу 形容詞節) выполняет роль прилагательного (адъективного определения):

Хана саку *хару кйтарэри* (п. я.) 'Пришла весна [когда] **цветут цветы**'.

Хана-но саканай *ки ва най* 'Нет дерева, [на котором] **не цветут цветы**'.

3) Адвербиальное членное предложение (фукўсисэцу 副詞節) выполняет роль наречия (наречного определения).

Мйдзу цумэтакэрэба *уо содатадзу* (п. я.) '**Так как вода холодна**, рыба не разводится'.

Тйкара ва цуёкўтэ мо нбрёку накаттара *нингэн ва дамэ да* '**Хотя сила большая, но если ума нет**, человек никуда не годится'.

2. Классификация вышеупомянутых трех видов предложений с добавлением сказуемостного членного предложения.

Сказуемостное членное предложение (дзёдзюцўсэцу 叙述節) называют также ёгэнным (ёгэнсэцу 用言節). Под этим подразумевают членное предложение, служащее сказуемым к так называемому общему подлежащему, о котором говорилось в гл. X.

Усаги ва ***дзэнсоку-га мидзикай*** '**У зайца** (букв. 'заяц') **передние ноги коротки**'.

3. Классификация вышеупомянутых видов с добавлением сочиненных членных предложений.

Сочиненными членными предложениями (букв. 'противопоставленными' — тайрицўсэцу 對立節,) называются такие, которые образуют предло-

жение, находясь в равноправных отношениях, так что ни одно из них не является ни главным, ни подчиненным. Их называют также параллельными (хэйрицўсэцу 並立節)[3].

Хана ва саки, тори ва утау (п я.) 'Цветы цветут, птицы поют'; *Тити ва хйдоку ватакўси-о сйкари, хаха ва хидзёни ватакўси-о сэмэсйта* 'Отец ужасно меня бранил, мать очень меня укоряла'.

4. Особая классификация.

По этой классификации членные предложения делятся на главные, подчиненные и сочиненные. Подчиненные делятся на субстантивные, адъективные, адвербиальные и сказуемостные. Под главным и подчиненным понимается следующее:

Аки-га курэба *коноха-га кбё-суру* '**Когда приходит осень,** листва краснеет'. Здесь *коноха-га кое-суру* представляет собой главную часть предложения и поэтому является главным членным предложением, а *аки-га курэба* — подчиненным.

Карэ ва ***из ютака-нари*** (п. я.) 'У него (букв. 'он') **дом богатый**'. Здесь подчиненным, а именно сказуемостным членным предложением является *из ютака нари*, а главным членным предложением — все предложение в целом.

Разве в этом нет противоречия? Если членные предложения делятся на главное и подчиненное, то ведь и то и другое — членные предложения. Но если в последнем примере сказуемостное предложение действительно членное, то главное предложение должно быть не членным, а самостоятельным предложением. Оно вовсе не является частью другого. Не могут же границы членного предложения и границы целого предложения совпадать. Если бы они совпадали, то не было бы надобности в термине „членное предложение". Ведь именно только такое предложение, которое утеряло самостоятельность и стало частью другого, именуется членным.

Карэ ва из ютака-нари — в целом это настоящее самостоятельное предложение, имеющее в своем составе членное — *из ютака нари*. Следовательно, „подчиненное членное предложение" означает здесь не подчинение главному членному предложению, а подчинение самостоятельному предложению в целом. Поэтому *Аки-га курэба коноха-га кбё-суру* надо анализировать так: это самостоятельное предложение; *аки-га курэба* является в нем подчиненным членным предложением, служащим наречным определением, *коноха-га* — подлежащим, *кбё-суру* — сказуемым. В предложении *Карэ ва из ютака-нари* имеется подлежащее *карэ ва* и подчиненное предложение, служащее сказуемым — *из ютака нари*. Поэтому в термине „главное членное предложение" нет надобности. Правда, если из таких предложений, как ***Амэ-но фуру*** *хи ва инки-дэ ару* 'В дни, **когда идет дождь,** мрачно'; ***Хига курэру то*** *тити ва кэру* '**Когда смеркается,** отец приходит

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

домой', убрать подчиненные членные предложения, останутся формально полные предложения. Если же убрать подчиненное членное предложение из *Карэ ва иэ ютака нари*, то не останется ничего, что было бы похоже на предложение. В этом состоит разница между данными типами предложений, но вряд ли можно считать, что именно по этой причине все предложение *Карэ ва иэ ютака нари* утратило самостоятельность. Разница заключается не в том, что все предложение является членным, а в том, что членное предложение имеет совершенно иную синтаксическую позицию. А именно: подчиненные членные предложения *амэ-но фуру* 'идет дождь' и *хи-га курэру* 'смеркается' стоят в предложении в позиции определения, поэтому при их устранении в предложении все же останутся подлежащее и сказуемое, которые могут образовать предложение. Однако подчиненное членное предложение *иэ ютака нари* занимает в предложении позицию сказуемого и, следовательно, если его убрать, целого предложения не получится. Поэтому незачем устанавливать вид главного членного предложения.

В таком случае возникают сомнения и относительно термина „сочиненные членные предложения".

Если рассматривать *хана саки* и *тори утау* в качестве членных предложений, то где же то целое предложение, в состав которого эти членные предложения входят? На это отвечают так: под параллелизмом имеют в виду не параллелизм членных предложений, а то, что членное предложение не занимает позицию ни подлежащего, ни сказуемого, ни определения. Но все же, где самостоятельное предложение, включающее в себя членное предложение? *Хана саки* не подчинено *тори утау*, а *тори утау* не включает в себя *хана саки*. На это опять отвечают так: наименование „сочиненное членное предложение" следует прилагать не к *хана саки* и *тори утау*, а только к той части, которая содержит сказуемое, стоящее в срединной форме, т.е. к *хана саки*, тогда вторая часть, имеющая сказуемое в заключительной форме, будет не членным, а самостоятельным предложением. В этом есть доля правды[4]. Но поскольку нельзя, убрав *хана саки*, рассматривать как целое предложение одно *тори утау*, я думаю, что сочиненными членными предложениями надо считать обе части. При устранении же обоих сочиненных членных предложений не остается ничего. Это объясняется тем, что оба они, противостоя друг другу, находятся во взаимозависимости одно от другого. Точно так же, если из предложения *Кбин-но сугиюку ва хаккю-но сўки-о сугуру-га готоси* убрать членные предложения, то в остатке не будет ничего. *Кбин-но сугиюку ва* — подчиненное членное предложение, выполняющее функцию подлежащего, *хаккю-но сўки-о сугуру-га готоси* — подчиненное членное предложение, служащее сказуемым; подлежащее же и сказуемое никогда не

находятся ни в определительном отношении, ни в отношении подчиненности, оба они — главные члены предложения. Поэтому при устранении их исчезает и предложение.

Кроме того, в данной классификации рядом с морфологическими названиями членных предложений — „субстантивное", „адъективное", „адвербиальное", — поставлено и синтаксическое название — „сказуемостное членное предложение", что как смешение оснований деления неправомерно. Об этом еще будет идти речь в следующем разделе.

5. Классификация Ёсиока Кёкэ[5].

Ёсиока делит членные предложения на придаточные (фудзокўсэцу 附屬節), подчиненные (дзюдзокўсэцу 從屬節) и сочиненные (хэйрицўсэцу 並立節). К придаточным он относит те, которые несут функции главных членов предложения. Они подразделяются на два разряда: квази-тайгэнные членные предложения, которые употребляются наравне с тайгэном, т.е. служат подлежащим, дополнением и словом-объектом (в данной книге дополнение и слово-объект отнесены к наречным определениям), а в сочетании со связкой или служебным глаголом сравнения могут служить сказуемым, и сказуемостные члены предложения, предикативно выражающие признак части основного подлежащего. Первые соответствуют субстантивным членным предложениям обычной классификации, вторые — сказуемостным членным предложениям. Подчиненные членные предложения делятся на два разряда: кэй ёсисэцу и гэнтэйсэцу, из которых первый соответствует адъективным, а второй — адвербиальным членным предложениям обычной классификации. Сочиненными предложениями называются два или более членных предложения, соединенные на началах равноправия.

Членное предложение какого-либо вида, включающее в себя членное предложение другого вида, Ёсиока называет смешанным (конгбсэцу 混合節).

Во всех этих терминах также смешаны морфологические и синтаксические наименования.

Кроме того, Ёсиока различает адъективное членное предложение и адъективное словосочетание; вот примеры второго:

«Хонобоното» тойу но ва ***Хитомаро-га ёнда*** *ута да* '«Хонобоното» — это стихотворение [которое] **сложил Хитомаро**'.

Ватакўси-га кбтб-гаккб-дэ кокуго-о осиэта *сэйто ва мб дайгаку-о соцугё-симасйта* 'Ученики [которым] **я в школе преподавал родной язык**, уже окончили университет'.

Вследствие наличия подлежащего и сказуемого, с первого взгляда может показаться, что в обоих случаях перед нами член-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ные предложения, но поскольку они не содержат других членов предложения — в первом нет слова-объекта, а во втором нет дополнения — они неполные, а значит не являются членными предложениями. Но рассуждать так значит перемудрить. Как уже было сказано ранее, при отсутствии подлежащего или сказуемого мы имеем, разумеется, слово или словосочетание, но когда представлены и подлежащее, и сказуемое, то и без других членов предложения можно говорить о членном предложении. Поэтому в вышеприведенных примерах мы имеем адъективно-определительные членные предложения, определяющие слова *ута* и *сэйто*.

III. СИНТАКСИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЧЛЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В вышеприведенных классификациях было смешано деление в плане частей речи и в плане членов предложений, т. е. отсутствовало единое основание деления. Как уже говорилось выше, членное предложение представляет собой расширенный член предложения, поэтому в основу классификации членных предложений должен быть положен синтаксический признак. Классификацию надо производить исходя из того, какую позицию занимает в предложении то членное предложение, которое вошло в него на правах члена. Поэтому и для их наименования уместно пользоваться названиями членов предложения, примером чего может служить термин „сказуемостное членное предложение“ (дзёдзюцўку) из вышеприведенных классификаций. Мы встречаем название „субстантивное“ или „тайгэнное“ членное предложение, однако функции тайгэна состоят не только в том, чтобы служить подлежащим или так называемым дополнением, тайгэн может быть и адъективным и наречным определением, может служить и сказуемым. Говорят: „адъективное“ и „адвербиальное“ членное предложение; однако предикативные прилагательные могут служить и наречным определением, и сказуемым, а наречия — адъективным определением. Я думаю, что в традиционной классификации смешение оснований деления объясняется тем, что членным предложениям дали наименования, исходя из деления на части речи.

В данной книге, исходя из синтаксического критерия, членные предложения разделяются следующим образом:

1. Подчиненные членные предложения
   - подлежащные членные предложения
   - сказуемостные членные предложения
   - определительные членные предложения
     - а) адъективные
     - б) наречные

2. Сочиненные членные предложения
3. Независимые членные предложения[6]

Перехожу к объяснению каждого вида в отдельности.

I. Подчиненные членные предложения.

Это наименование дается, в отличие от наименования „сочиненные", членным предложениям, выполняющим функцию подлежащего, сказуемого или определения в другом предложении. Под подчинением имеется в виду подчинение предложения, представляющего собой член предложения, предложению в целом. Иначе говоря, когда членное предложение является частью другого, определяется, функцию какого из членов предложения оно выполняет. И поскольку существует три вида членов предложения — подлежащее, сказуемое и определение, — то членные предложения также делятся на эти три вида.

1) Подлежащное членное предложение.

Членное предложение, несущее функцию подлежащего, называется подлежащным (сюгосэцу 主語節):

Хана-но тиру ва *тё-но мау-ни нитари* (п. я.) '**То, как облетают цветы**, похоже на то, как порхают бабочки'.

Карэ-но ёрокобу но ва *кодомо-но ё да* 'Он радуется, как ребенок' (букв. '**То, как он радуется**, подобно ребенку').

В членном предложении может находиться определение, которое в таком случае является его членом.

Ёсино-яма-но сакўра-но уцўкусйку сакиидэтару косо *Ниппонъити-но нагамэ-то ва йубэкэрэ* (п. я.) '[Когда] **вишни на горе Ёсино красиво расцветают — вот это** может назваться лучшим пейзажем в Японии'.

2) Сказуемостное членное предложение.

Членное предложение, несущее функцию сказуемого, называется сказуемостным (дзюцугосэцу 述語節):

Сина ва ***дзинкб-га бй*** 'В Китае (букв. 'Китай') **население большое'**.

Итадо уцу ва ***арарэ-но фуру нари*** (п. я.) 'Бьет в дверь [это] **идет град'**.

В предыдущей главе уже говорилось, что подлежащее при сказуемостном предложении некоторые именуют общим подлежащим. В прежней своей работе[7] я как пример сказуемостного членного предложения привел следующее: *Мандзан-но касўми ва* ***хана-га сайта ё да*** 'Дымка на горе, **как будто расцвели цветы'**; это пример того же типа, как второй из приведенных выше. Д-р Хасимото делит сказуемостные членные предложения на два разряда: к первому относятся предложения, несущие функцию сказуемого в обычном предложении без всяких изменений, ко второму — имеющие после приименной формы сказуемого

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

связку *да*, *дэсў* (разг. яз.), *нари* (п. я.) или, вместо них, — *дэ ару*, *дэ годзаимасў* (разг. яз.), *нитэ сōрō* (п. я.) и т. п. Причем в разговорном языке между ними обычно вставляется *но*.

Относительно этого второго разряда Хасимото дает такое разъяснение:

„Я думаю, что вряд ли многие разделяют мою точку зрения на сказуемостные членные предложения второго разряда.

А. *Ано ото ва дэнся-но тōру но да* 'Тот звук [это] проходит трамвай'.

Б. *Коно сё ва Кōси-но цўкурэру нари* (п. я.) 'Эту книгу написал Конфуций (букв.: 'эта книга есть написанное Конфуцием').

В обычной трактовке в примере А *но* перед *да* рассматривается как просубстантивное слово. Далее, считается, что в примере Б после *цўкурэру* опущен тайгэн. Поэтому *дэнся но тōру* и *Кōси-но цўкурэру* рассматриваются в качестве приименных определительных членных предложений или же считается, что *дэнся-но тōру но* и *Кōси-но цўкурэру* представляют собой субстантивные членные предложения, к которым присоединены *да* и *нари*. Такая трактовка правильна, и в особенности вполне правомерна теория субстантивных членных предложений. Но если считать, что это субстантивное членное предложение с *да* или *нари*, то оно будет равно существительному с *да* и *нари*, например: *варэ-варэ ва нихондзин да* 'мы японцы', *варэ ва отоко нари* (п.я.) 'я мужчина'. Однако поскольку в этой книге *нихондзин да* и *отоко нари* не делятся на *нихондзин* и *да*, *отоко* и *нари*, а рассматриваются как один член предложения — сказуемое, то и *дэнся-но тōру но да*, *кōси-но цўкурэру нари* тоже приравниваются к сказуемому. А поскольку в последних имеются подлежащее и сказуемое, они рассматриваются как сказуемостные членные предложения. *Да* и *нари*—присловные слова, самостоятельно они не употребляются, поэтому их надо рассматривать вместе с предшествующим членным предложением как одно целое"[8].

В данной книге, стоя на своих прежних позициях, я тоже считаю *ѐ да* и *нари* служебными глаголами, т. е. формальными словами, а значит приданными тому члену предложения, который состоит из знаменательного слова. Примеры, приведенные д-ром Ёсидзава[9], должны быть объяснены с этой же точки зрения.

Таки-но ото ва ***хякурай-но нарихатамэку-га готоси*** (п.я.) 'Шум водопада подобен тому, как **грохочут раскаты грома**'.

Нисйки-но сйтонэ-то омотта-но ва ***момидзи-га титтэ иру но дэ атта*** 'То, что я принял за парчевый тюфяк, это опавшая (букв. **'опала'**) **красная листва**'.

3) Определительное членное предложение.

Членное предложение, несущее функцию определения, называется определительным (сюсёкугосэцу 修飾語節). Различают-

ся адъективно-определительное (сокр. кэйсюсэцу 形修節) и наречно-определительное (сокр. фукуусюсэцу 副修節) членные предложения. Первое называют также приименным определительным членным предложением.

А. Адъективно-определительное членное предложение:

Ми ёки каки минорэри (п.я.) 'Созрели вкусные персимоны' (букв.'[у которых] **вкус хороший**').

Хана-но саку *хару-га кйта* 'Пришла весна, [когда] **цветут цветы**'.

Адъективно-определительные предложения называются иначе приименно-определительными (рэнтай-сюсёкуусэцу 連體修飾節).

Б. Наречно-определительное членное предложение:

Хана сакэба *накадзариси тори мо кинакину* (п.я.) '**Так как** цветы расцвели, то и не певшие птицы прилетели и запели'.

Фую-га кйта нони *юки-га фуранай* '**Зима пришла,** а снег не идет'.

Хана-но тйру-но ва ***тё-но мау-но ни*** *нитэ иру* 'То, как облетают цветы, похоже **на то, как порхают бабочки**'.

Некоторые делят наречно-определительные членные предложения на следующие три разряда:

а) Предложения, сказуемое которых имеет наречную форму:

Карэ ва ***тикара наку*** *татиагарину* (п.я.) 'Он **бессильно** поднялся'.

Окина ва ***кокоро сидзукани*** *ёдзё-о таносимэри* (п.я.) 'Старец **со спокойствием в душе** наслаждался последними годами жизни' [3].

б) Предложения, сказуемое которых имеет приименную форму с присоединением служебных слов *ни*, *о* и т. п.:

Кунси ва ***рикō-но хōка-о*** (邦家を) ***куцугаэсу-о*** *никуму* (п.я.) 'Достойному мужу ненавистно (букв. 'достойный муж ненавидит'), **что краснобаи разваливают страну**'.

Дзō-но хана-но нагай но-ни *дарэ мо одоройта* 'Все поразились **тому, что у слона длинный хобот**'.

в) Предложения, у которых к сказуемому присоединено союзное служебное слово:

Сёку сугурэба *кэтай окору* (п.я.) '**Если еда чрезмерна,** возникает лень'.

Мибун-га иясйкуутэ мо *кокоро-га тадасий* '**Хотя происхождение низкое**, душа правильная'.

Однако необходимо обратить внимание на то, что членное предложение, в котором сказуемое соединено с союзным служебным словом, не всегда бывает наречно-определительным, например:

Дэнся мо арэба, *кися мо ару* '**Есть и трамвай**, есть и поезд'.

Яма мурасаки-ни сйтэ *мидзу киёси* (п.я.) '**Горы лиловые,** вода прозрачна'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Кадзэ мо фуку га, *амэ мо фуру* '**И ветер дует**, и дождь идет'.

Это зависит от того, какое мы имеем предложение — сложное или сочиненное. Во всяком случае, когда в предложении имеется наречно-определительное членное предложение, оно является сложным.

Поскольку в данной книге слово-объект и дополнение отнесены к наречному определению, в ней не устанавливается и разряда дополнительных членных предложений.

II. Сочиненные членные предложения.

Они отличаются от подчиненных членных предложений следующим: если два или более членных предложения соединяются на равноправных началах и вместе образуют одно самостоятельное предложение, каждое из них именуется сочиненным (тайрицўсэцу 對立節 или хэйрицўсэцу 並立節);

Мацу аоку суна сироси (п.я.) 'Сосны зелены, песок бел'.

Хикки-сйкэн ва санкамоку, кбтб-сйкэн ва иккамоку дэсў 'Письменный экзамен по трем предметам, устный экзамен по одному'.

Как видно из этих примеров, последнее членное предложение по форме является самостоятельным, однако другое (или другие), предшествующее ему и соединяющееся с ним, имеет обычно формальный признак того, что оно является предшествующим, поэтому, хотя оно и не подчинено следующему, оно все же не может быть названо самостоятельным. Почему же в таком случае последнее предложение, хотя оно и самостоятельное, тоже называется членным? А дело в следующем: поскольку перед ним имеется другое членное предложение, надо считать, что вместе они образуют одно самостоятельное предложение. В таком случае и последнее составляет часть этого самостоятельного предложения и значит не может рассматриваться как самостоятельное. *Суна сироси* — самостоятельное предложение, но *мацу аоку суна сироси* в целом — также самостоятельное предложение, а *суна сироси* в нем является членным предложением. Таков смысл наименования „сочиненное членное предложение".

Некоторые вместо наименования „сочиненные" употребляют название „независимые членные предложения" (докурицўсэцу 獨立節), но такое наименование употребляется в данной книге в приложении к членному предложению, несущему функцию независимого члена, поэтому в первом значении оно здесь не применяется.

Некоторые классифицируют сочиненные членные предложения по категориальной природе сказуемых:

1. Сказуемое — глагол.

Амэ мо ями кадзэ мо осамару 'И дождь перестал и ветер утих'.

2. Сказуемое — предикативное прилагательное.

Яма такаку тани фукаси (п.я.) 'Гора высока, долина глубока'.

3. Сказуемое — адъективный глагол.

Сэйсйцу ва одаяка дэ карада ва сбкэн да 'Характер мягкий, здоровье цветущее'.

4. Сказуемое — тайгэн.

Тити ва гундзин дэ ани ва сэйдзика дэсў 'Отец военный, а старший брат политический деятель'.

III. Независимые членные предложения.

Членное предложение, несущее функцию независимого слова, именуется независимым (докурицўгосэцу 独立語節 или докурицўсэцу). Из всех разнообразных видов независимого слова членное предложение, по-видимому, несет функцию только выделенного члена; такое членное предложение именуется выделенным (тэйдзигосэцу 提示語節).

Кора-но муцумадзики, со ва *дзицуни иппуку-но когадай* (好畫題) *нари* (п.я.) 'Дружба детей — это прекрасный сюжет для картины'.

Ната-га кэссэки-суру нантэ, сорэ ва *дзицуни мэдзурасий кото дэсў нэ* 'Вы не пришли, это поистине удивительно'.

Хана-га сайта нони, *кими ва* ***сорэ-о*** *сирадзуни иру но ка?* 'Хотя цветы расцвели, ты этого и не знаешь?'

Как видно из приведенных примеров, сказуемое независимого членного предложения стоит в приименной форме со служебным глаголом, служебным словом или без него.

Цўка мо угокэ, *ва-га наку коэ ва аки-но кадзэ* (Басё) 'Могила, сдвинься! Голос моих рыданий — осенний ветер'.

Аки судзуси, *тэготони мукэ я ури насуби* (Басё) 'Осень прохладна, попадайте в руки всем дыни и баклажаны'.

В старых работах это приводилось как пример независимых членных предложений. На первый взгляд их можно принять за предложение-обращение или предложение-междометие, но по существу они имеют иной характер, чем слова-обращения и междометийный член. Здесь скорее налицо примыкание двух самостоятельных предложений. В этой книге такие предложения рассматриваются не как членные, а как совершенно отдельные и самостоятельные.

IV. ПОДЧИНЕННОЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЕ И ГРУППА ЧЛЕНА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Подлежащее, сказуемое и определение могут состоять из одной синтаксической единицы или иметь при себе еще одну или несколько синтаксических единиц в виде определения, о чем уже говорилось в главах, посвященных этим членам. В предложении *Сакура-но хана уцўкусику саку* 'Цветы вишни красиво

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

цветут' при подлежащем *хана* мы имеем адъективное определение *сакура-но*, при сказуемом *саку* — наречное определение *уцӯкусйку*, а в предложении *Ёсино-но сакурано хана ито уцӯкусйку саку* 'Цветы вишни на Ёсино очень красиво цветут' при адъективном определении *сакура-но* в свою очередь имеется определение *Ёсино-но*, а при наречном определении *уцӯкусйку* — определение *ито*. Таким образом, предложение постепенно усложняется, и в таком случае *Ёсино-но сакура-но* рассматривается как комплексное адъективное определение (кэйсюдан 形修團) при тайгэне *хана*, а *ито уцӯкусйку* — как комплексное наречное определение (фукусюдан 副修團) при ёгэне *саку*. Такое комплексное определение (состоящее из нескольких единиц предложения), подчиненное другому члену предложения, именуется подчиненным словосочетанием (рэнку 連句) [4]. Иначе говоря, подчиненное словосочетание — это наименование нескольких, составляющих один комплекс, синтаксичеких единиц, служащих определениями. Поскольку подчиненное словосочетание представляет собой определительный комплекс, оно, конечно, не может выражать законченной мысли. В этом его отличие от другой комплексной единицы — членного предложения (в том смысле, что в последнем имеется подлежащее и сказуемое).

Сэйто-ни бумпӧ-о осиэру кёси-га ару 'Есть учитель, [который] **преподает ученикам грамматику**' — здесь налицо адъективно-определительное словосочетание.

Кёси-га сэйто-ни бумпӧ-о осиэру *дзикан-га таранай* 'Не хватает времени на то, чтоб **учитель преподавал ученикам грамматику**' — здесь мы имеем адъективно-определительное членное предложение.

Вернемся к первому примеру. *Сакура-но хана* или *Ёсино-но сакура-но хана* называется группой подлежащего, а *уцӯкусйку саку* или *ито уцӯкусйку саку* — группой сказуемого. Говоря вообще, подлежащее со своим определением называется группой подлежащего (сюбу主部), а сказуемое со своим определением — группой сказуемого (дзюцубу 述部). Выражено ли определение словом или словосочетанием, не имеет значения. Некоторые грамматисты признают и группу определения (сюсёкубу修飾部), но в этой книге определение из любого числа синтаксических единиц именуется подчиненным словосочетанием (рэнку), поэтому я данным термином не пользуюсь (впрочем, раньше я его применял просто для удобства.)

Из сказанного выше можно заключить, что и независимый член с относящимися к нему определениями именуется группой независимого члена (докурицӯбу 獨立部).

Хару-но амэ ва уцўкўсий хана-ни ютакана уруои-о сидзукани атаэру 'Весенний дождь тихо дарит красивым цветам обильную влагу'.

Здесь до *ва* — группа подлежащего, за ним следует группа сказуемого, а *уцўкўсий хана-ни* 'красивым цветам' и *ютака-на уруои-о* 'обильную влагу' — наречно-определительные словосочетания.

Короче говоря, членное предложение (сэцу), подчиненное словосочетание (рэнку) и группа члена предложения (бу) являются наименованиями комплексов членов предложения, основанными на характере соединения этих членов, и различие их основывается на том, как определяются границы соединения.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Хасимото, IV, стр. 186—187. Такой же точки зрения придерживается и Юдзава, VI, стр. 316—317.

[2] Ёсидзава и Мицуя называют членное предложение ку (句). При наличии для единицы предложения термина *бунсэцу* термин *сэцу* может внести некоторую путаницу, но в этой книге он используется как традиционный.

[3] Д-р Ёсидзава называет термином *сэцу* именно этот вид членных предложений, другие же он именует *ку*. Мицуя такой вид называет *тюсику* (中止句).

[4] В свое время я сам выдвинул эту теорию; см. *Киэда*, V, стр. 606—607.

[5] Ёсиока, цит. соч., стр. 399—408.

[6] В прежней своей работе (Киэда, VI, стр. 998) я установил разряды выделенного членного предложения и междометийного членного предложения. У Ёсидзава, помимо подлежащных, сказуемостных, адъективно-определительных и наречно-определительных членных предложений, имеются еще наименования „выделенное членное предложение" и „членное предложение-обращение" (Ёсидзава, VII, стр. 172—173); у Хасимото появляется название „независимое членное предложение" (Хасимото, III, стр. 64 и IV, стр. 198—199).

[7] Киэда, VI, стр. 998.

[8] Хасимото, IV, стр. 192—194.

[9] Ёсидзава, VII, стр 172.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Место и эллипсис членов предложения

I. МЕСТО ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Местоположение членов предложения определяется, в зависимости от характера каждого языка, установленными правилами: это так называемый порядок слов (word-order — годзё 語序). Сравнивая, например, предложения на японском, китайском или английском языках, в каждом из них можно обнаружить особый порядок слов. Сравнивая разные формы выражения в одном и том же языке, можно наблюдать определенные правила взаимоотношения членов предложения, согласно которым они располагаются в предложении. Место членов предложения определяется прямым или инверсированным порядком слов.

1. Прямой порядок слов.

Правильная расстановка членов предложения называется прямым порядком слов (сэйдзёхō 正序法). Прямой порядок слов в японском языке определяется следующими правилами:

1) Подлежащее предшествует сказуемому, сказуемое следует после подлежащего.

Сказуемое обычно стоит в конце предложения, но подлежащее не обязательно находится в начале предложения. Если применить термин „группа", то группа подлежащего стоит впереди, группа сказуемого — позади.

2) Определение стоит перед определяемым, определяемое — после определения.

Это правило одинаково распространяется и на адъективное и на наречное определение, на определяемое подлежащее, сказуемое, независимое слово и другое определение.

Если к одному слову, к одной единице предложения относятся два или более определений, их порядок определяется смыслом и интонацией.

3) Союзы стоят между соединяемыми членами.

4) Приложение стоит перед тем членом, к которому оно относится.

5) Междометийный член обычно стоит в начале предложения.

6) Обращение также обычно находится в начале предложения.

7) Независимый член стоит в начале предложения.

8) Ответное слово стоит в начале предложения.

2. Инверсированный порядок слов.

Бывает, что из-за стилистической потребности подчеркнуть значение, усилить интонацию, выразить эмоцию прямой порядок слов изменяется. Измененный порядок слов именуется инверсированным порядком слов (тōдзёхō 倒序法). Для того чтобы уяснить построение предложения, то есть соотношение его членов, необходимо вернуть их к прямому порядку.

1) Инверсия (тōти 倒置) подлежащего и сказуемого:

Умаси куни дзо, ***Акицусима Ямато-но куни ва*** (п.я.) 'Замечательная страна! — **Акицусима, страна Ямато**'.

Донна кадзэ дэсйта, ***сёбу-но ёсу ва*** 'Как ветрено было, **погода на матче**'.

2) Инверсия адъективного определения:

Корэ-га ромбун дэсу ка? ***аната-но*** 'Вот это и есть сочинение? **ваше**'.

Сорэ ва усо дарō, ***ицумо-но*** 'Это ложь, **всегдашняя**'.

3) Инверсия наречного определения:

Каминари-но ото, матасйтэмо, осоросйку, тодорокиватару, ***янэ-но мауэни*** 'Гром опять ужасно гремит, **прямо над крышей**'.

Ёки хи ва акэну, ***саваякани*** (п.я.) 'Хорошая заря занялась, **ясно**'.

Нани-о *кими ва кау но дэсу ка* 'Что ты покупаешь?' [1].

4) Инверсия независимого слова:

Кинтё-сэё, ***сёкун*** 'Слушайте, **господа**!'

Тōтō коварэтэ симатта ка? ***а, а!*** 'Совсем разбилось? **Ах, ах!**' [2].

II. ЭЛЛИПСИС ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Бывает, что в зависимости от ситуации высказывания тот или иной член предложения подвергается эллипсису. Однако значение эллипсиса (сēряку 省略) не должно быть понято превратно. Если считать, что предложение должно состоять по крайней мере из подлежащего и сказуемого, то при отсутствии одного из них мы будем иметь эллипсис; и в таком случае предложения типа: *Охаё* 'С добрым утром', *Го-кигэн ё* 'Будьте здоровы' и т. п. будут представлять собой эллипсис. Однако уже раньше говорилось, что это особые предложения, законченные по смыслу без всякого дополнения к ним. Но вот мы имеем еще одно предложение — *О-каэри-насай*! (букв. 'Возвращайтесь!' — форма приветствия члену семьи при его возвращении домой): трудно различить, особое ли это предложение, представляющее собой приветствие и имеющее законченный смысл, или же это сказуемое, обращенное к собеседнику как повеление, а подлежащее при нем опущено. Калешки

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

говорит (что уже цитировалось в гл. IV): „Представляет ли данная форма выражения эллипсис или нет, это следует определять только с точки зрения слушающего. Если к данной форме выражения можно прибавить одно или несколько слов, это еще не будет эллипсисом. Только когда для полного понимания слушающим сказанного н е о б х о д и м о что-то прибавить, форма выражения является эллиптической". Значит об эллипсисе членов предложения следует говорить только после того, как будет выяснена ситуация высказывания. Однако выяснение ситуации высказывания — дело истолкователя, но не грамматиста. Поэтому поскольку в основе грамматики лежит установленная привычная форма выражения, следует оставить в стороне так называемые особые предложения и рассматривать как эллипсис отсутствие тех членов предложения, которые должны были бы наличествовать в пределах обычных предложений. Например, поскольку в *о-каэ-ри-насай*, рассматриваемом как обычное предложение, подлежащее отсутствует, я буду говорить об эллипсисе подлежащего. Д-р Ямада указывает, что об эллипсисе можно говорить только в том случае, если следы его грамматически явственны, и этим определяются границы грамматических воззрений по данному вопросу. Эллипсисом признают только то, что д о л ж н о б ы т ь дополнено, а то, что м о ж е т б ы т ь дополнено, эллипсисом не считают. То же, что „должно быть дополнено" — определяется не учетом положения говорящего и слушающего в каждом отдельном случае, а формальным толкованием. (В этом скрыт важный вопрос об отношении грамматики к своему объекту, но в данной книге я не буду его касаться). В этом смысле я присоединяюсь к следующему рассуждению д-ра Ямада:

„Наконец, надо коснуться эллипсиса. При объяснении его, говоря о том, что опущено слово, я исхожу из грамматических и логических моментов, а не из того, имел ли место данный процесс фактически. Некоторые близорукие теоретики считают, что эллипсис мы имеем тогда, когда построено полное предложение и затем в нем опущено слово, что неверно. Я говорю об эллипсисе как явлении грамматическом, логическом, а было ли фактически что-либо опущено или нет, значения не имеет. Только в том случае, когда при соответствии логической правильности то, что должно иметься, не выражено, наличествует эллипсис. Это не означает, что опускается что-либо в том, что уже выражено как предложение, не означает, что сначала строится предложение, а потом в нем что-то опускается, как бывает при сокращении предложения. Эллипсис происходит обычно в уме говорящего еще прежде, чем сложилось предложение, и предложение с самого начала выражается в той форме, в которой уже имеется эллипсис. Более внимательно рассмотрев этот вопрос, можно сделать вывод, что эллипсис не совершается в уме сознательно;

сама мысль при своем появлении уже имеет эллиптическую форму и в таком виде выражается в предложении, но все же с точки зрения грамматики можно говорить об эллипсисе. Короче говоря, об эллипсисе можно говорить, когда не выражено то, что логически должно быть выражено"[1].

Приведем простые примеры на эллипсис различных членов предложения:

1. Эллипсис подлежащего.

В повелительных и запретительных предложениях подлежащее часто опускается, в японском языке оно часто опускается во всех случаях, когда в нем нет необходимости для восприятия смысла:

(*Хйтобито*) *ацумарэ* '(Люди) собирайтесь!'

(*Ната ва*) *доко-э икимасу ка*? 'Куда (вы) идете?'

(*Хйтобито ва*) *коно дотэ-ни ноборубэкарадзу* '(Людям; букв. 'люди') всходить на эту дамбу воспрещается'.

(*Варэварэ ва*) *са, дэкакэмасё*! '(Мы) ну, пойдем!'

(*Кёва*) *ий о-тэнки дэсу нэ!* '(Сегодня) хорошая погода, правда?'

(*Ватакуси ва*) *васурэмасйта* '(Я) забыл'.

2. Эллипсис сказуемого:

Сэнри-но мити ипно-ёри (*хадзимару*) 'И путь в тысячу миль (начинается) с одного шага' (поговорка).

Дотира-э (*о-коси дэсу ка*)? 'Куда (перебираетесь)?' (подлежащее тоже опущено).

Тётто соко-мадэ (*маиримасу*) 'На минутку туда (ухожу)' (подлежащее тоже опущено).

Мэйгэцу я! икэ-о мэгуритэ ёмосугара (*самаёу*) (п.я) 'Светлая луна! Вокруг озера всю ночь (брожу)' (Басё).

3. Эллипсис определения:

Варэ канарадзу омоку (*нандзи-о*) *сёсэн* (п.я.) 'Я непременно щедро награжу (тебя)'.

Тити-га (*ватакуси-ни*) *корэ-о курэмасйта* 'Это (мне) дал отец?'

Вакаранай хйто ва (*вакаранай тэн-о*) (*ватакуси-ни*) *тадзунэтэ кудасай* 'Кто не понял, спросите (у меня) (то, что не понято)'.

4) Если в одном предложении слово можно употребить повторно, часто наличествует только одно слово, другое же опускается.

С этим надо сопоставить соположение подлежащих и сказуемых. Если при нескольких подлежащих имеется одно сказуемое, то перед нами не эллипсис сказуемого, а соположение подлежащих; эллипсиса сказуемого может не быть и в том случае, когда при одном комплексном подлежащем имеется одно сказуемое. Точно так же, если при нескольких сказуемых имеется одно подлежащее, мы будем иметь не эллипсис подлежащего, а соположение сказуемых; без эллипсиса может быть и комплексное ска-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

зуемое при одном подлежащем. Однако четвертый пункт говорит о другом, например.

Томо аритэ (*соно томо*) *эмпō-ёри китару* (п.я.) 'Есть друг, (этот друг) пришел издалека'.

Хана сакитарэдомо (*хана-но*) *иро уцўкусйкарадзу* (п.я.) 'Хотя цветы расцвели, окраска (цветов) некрасива'*.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

[1] Ямада, IX, стр. 147—148.

* В скобках указаны слова, в предложении опущенные, т. е. не повторенные.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Типы предложений

I. ВИДЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО СТРУКТУРЕ

Виды предложений можно рассматривать с двух сторон: со стороны их структуры и характера. Со стороны структуры различаются следующие виды.

1. Простое предложение.

Предложение, в котором соотношение „подлежащее — сказуемое" грамматически осуществляется однократно, именуется простым предложением (тамбун 單文). Оно соответствует понятию, которое по-английски именуется simple sentence.

Хана саку (п. я.) 'Цветы цветут'.

Сакура-но хана уцӯкусӣку саку (п.я.) 'Цветы вишни красиво цветут'.

Яэно сакура-но хана уцӯкусӣку мандзан-ни саку (п. я.) 'Цветы махровой вишни красиво цветут по всей горе'.

Аваки иро-но яэно сакура-но хана уцӯкусӣку касуми-ни цӯцумарэтару мандзан-ни саку (п.я.) 'Бледнорозовые цветы махровой вишни красиво цветут по всей горе, окутанной дымкой'.

При однократном соотношении „подлежащее — сказуемое" простое предложение будет оставаться таковым, сколько бы ни прибавлялось определений к этому подлежащему и сказуемому.

Хон-о ёму кото ва тайсэцуна кото да 'Читать книги — важная вещь'.

В этом примере подлежащее и сказуемое выглядят несколько иначе, но, разумеется, — это простое предложение.

Никкō ва нэцу-о атаэ, хикари-о атау (п.я.) 'Солнечные лучи дают тепло, дают свет'.

Здесь налицо соположенные сказуемые, но поскольку соотношение „подлежащее — сказуемое" устанавливается однократно, предложение является простым.

Отоко-но ко мо онна-но ко мо ута-о коному (п. я.) 'И мальчики и девочки любят песни'.

Здесь мы находим соположенные подлежащие, и это предложение на том же основании является простым.

Отоко-но ко мо онна-но ко мо ута-о кономи ōги-о айсуру (п я.) 'И мальчики и девочки любят песни и обожают игры'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

В данном предложении представлено два подлежащих и два сказуемых, но они совместно общие, а предикативное соотношение осуществляется однократно, поэтому предложение является простым. Это предложение надо строго отличать от следующего *Отоко-но ко ва ута-о кономи онна-но ко ва ӯги-о айсуру* 'Мальчики любят песни, девочки обожают игры'.

Дзӯ ва карада дайнари 'У слона (букв слон) тело большое'.

Простое это предложение или нет? Этот вопрос решается в зависимости от того, как рассматривать *карада дайнари*: если считать это предложением, тогда в целом мы будем иметь не простое предложение. Но если, согласно мнению д-ра Ямада, рассматривать *дзӯ ва* как подлежащее, а *карада* — как подсобное слово, то, разумеется, данное предложение будет являться простым. В настоящей книге в главе об общем подлежащем приводилась трактовка этого предложения, согласно которой *карада дайнари* представляет собой сказуемостное членное предложение. А поскольку во всем предложении субъектно-предикативное соотношение один раз осуществляется в предложении в целом и один раз — в членном предложении, т. е. в одном предложении двукратно, все оно будет являться не простым предложением, а сложным, а какого типа сложным, мы скажем ниже. Поэтому некоторые дают следующее определение простого предложения.

Предложение, в составе которого нет членных предложений, именуется простым предложением.

Это — правильное определение. Однако некоторые грамматисты, признавая *карада дайнари* сказуемостным членным предложением, тем не менее все предложение в целом относят к простым. Они обосновывают это следующим образом. В данном предложении соотношение „подлежащее — сказуемое" осуществляется только один раз. Ведь в нем, как в целом, субъектно-предикативное соотношение уже налицо (*дзӯ ва* — подлежащее, *карада дайнари* — сказуемое), и следовательно, выхватывать отсюда сказуемостное членное предложение и снова устанавливать в нем соотношение между подлежащим и сказуемым неправильно. Сказуемостное членное предложение нельзя мыслить вне основной линии предложения, и прибавлять предикативное соотношение в таком предложении к предикативному соотношению в основном логически противоречиво. Однако на это можно возразить следующее Поскольку признается существование элемента, именуемого членным предложением, то какой бы член предложения этот элемент ни заменял, нельзя отрицать, что в нем однократно осуществляется соотношение подлежащее — сказуемое. И поскольку это членное предложение несет по отношению к стоящему перед ним подлежащему функцию сказуемого, естественно, что между данным подлежащим и сказуемостным

членным предложением еще раз особо устанавливается предикативная связь. А если таким образом предикативная связь осуществляется явно двукратно, то считать рассматриваемое предложение не простым (т. е. сложным предложением) вполне правомерно И, с другой стороны, относить все предложения, содержащие другого рода членные предложения, к сложным, а в то же время предложения, в которые входит сказуемостное членное предложение, считать исключением и относить к простым, неправильно.

Рассмотрим теперь такои пример'

Имото ва ахиру-но унда тамаго-о ниватори-ни каэсасэру 'Сестра подложила курице яйца, которые снесла утка'.

Некоторые считают, что соотношение между подлежащим и сказуемым осуществляется здесь дважды, но поскольку в *ахиру-но унда* '[которые] снесла утка' не хватает слова-объекта, то предложение *в целом должно* быть простым. Однако, как уже говорилось в главе о членных предложниях, *ахиру-но унда*, — несомненно и есть членное предложение, а поэтому все предложение в целом здесь, разумеется, не простое, а сложное.

2. Сложное предложение.

Предложение, которое содержит в себе одно или более подчиненных членных предложений, и в котором соотношение „подлежащее—сказуемое" осуществляется два или более раза, именуется сложным предложением (фукубун 複文). Предложения, имеющие в своем составе членное предложение, но соположенное или независимое, не называются сложными. *Фукубун* соответствует английскому complex sentence. Вот примеры таких предложений.

Дзо ва хана-га нагай 'У слона (букв. 'слон') хобот длинный' (сказуемостное членное предложение).

Кэйки-но ёй но ва Ниппон санкэй дэсу 'Где хороши виды (букв. 'то, где виды хороши') — это „три вида Японии"' (подлежащное членное предложение).

Хана-но саку хару-га кйта 'Пришла весна [во время которой] цветут цветы' (адъективно-определительное членное предложение).

Мидзу киекэрэба уо сумадзу (п.я) 'Так как вода чиста, рыба не водится' (наречно-определительное членное предложение).

Карэ-но бэндзэцу ва мидзу-но нагаруру-ни само нитари (п я.) 'Его красноречие похоже на то, как течет вода' (наречно-определительное членное предложение).

3. Сочиненное предложение.

Предложение, содержащее два или более соположенных членных предложений, называется сочиненным предложением

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

(тёбун 重文). Иначе говоря, предложение, в котором в порядке соположениия соединено два или более простых предложений, является сочиненным. Оно соответствует английскому compound sentence.

Яма ва такаку мидзу ва киёси (п.я.) 'Горы высоки, вода чиста'.

Кокю̄ ва сэппаку-суру си, хара ва хару си, ватакӯси ва хирō-но кёку-ни тасйта 'Дыхание прерывается, живот подвело, я дошел до предела усталости'.

Между соположенными простыми предложениями бывают союзы:

Мэйбуцу мо ари ***мата*** *мэйсё мо ару* 'Есть и достопримечательности, **а сверх того** есть и замечательные места'.

Атама мо ёй си, карада мо кэнкō да си, ***сорэни*** *конки мо ару* 'Голова ясная, здоровье крепкое, **к тому же** есть энергия'.

Таким образом, с точки зрения структуры существует три вида предложений:

Простое предложение — не имеющее в своем составе членного предложения.

Сложное предложение — имеющее в своем составе подчиненное членное предложение.

Сочиненное предложение — имеющее в своем составе соположенные членные предложения.

Однако фактически в контексте предложения бывают не так просты, как примеры в грамматике, и с первого взгляда часто нельзя определить, какова структура предложения. Но поскольку имеется всего три вышеуказанных вида предложения, то следует разобраться, каким образом они могут переплетаться. Покажем случаи усложнения на нескольких примерах.

1. Сочиненное предложение, части которого состоят из сложных предложений:

Амэ-га фурэба кимоти-га варуку, кадзэ-га фукэба кокоро-га отйцӯканай 'Если идет дождь, настроение плохое, если дует ветер, на душе не спокойно'.

2. Сложное предложение, в состав которого входит сочиненное предложение:

Кадзэ ва хагэсйку нами ва аракӯтэ мо, фунэ ва сюппан-суру дэсё 'Хотя ветер резкий и волнение сильное, все же корабль, вероятно, выйдет в море'.

3. Сочиненное предложение, части которого состоят из сложных предложений, в состав которых в свою очередь входят сочиненные:

Хана-га саки тори-но наку хару ва таносйку, юки-га фури кадзэ-но фуку фую ва варуй 'Весной, когда цветут цветы и поют птицы, радостно, зимой, когда идет снег и дуют ветры, худо'.

4. Сложное предложение, в состав которого входят сочиненные, части которых в свою очередь состоят из сложных предложений.

Хана саку хару ва таносйку, цўки суму аки ва аварэнарэдо ацўса хагэсйки нацу ва итовасйку, юки фуру фую ва кономасйкарадзу (п.я.) 'Хотя весной, когда цветы цветут, радостно, а осенью, когда луна светла, прелестно, но летом, когда сильная жара, тяжко, а зимой, когда идет снег, неприятно'.

Таким образом, предложение может все более усложняться. Усложненные предложения называют иногда „смешанными предложениями" (комбун 混文 или конкобун 混淆文), но в этом наименовании нет необходимости. Главное — аналитически разобраться в том, каким путем предложение было построено [1].

С обычной структурной классификацией предложений расходится классификация д-ра Ямада[1]. Он делит предложения на простые и сложные, а сложные подразделяет на сочиненные, слитные и подчиненные.

1. Простое предложение.

Простое предложение — это предложение, состоящее из одной фразы (ку句). Фразой называется языковое выражение мысли, организованной одним актом процесса апперцепции.

2. Сложное предложение.

Предложение, выражающее сложную мысль путем соединения двух или более фраз и организованное со стороны языковой формы как одно целое, именуется сложным предложением. В зависимости от формы усложнения оно подразделяется на три вида: сочиненное, слитное и сложноподчиненное.

1) Сочиненное предложение (тэ̄бун 重文) (отношение параллелизма).

Сложное предложение, в котором имеется две или более равноправных фразы, соединенных в одно целое, именуется сочиненным.

Хана саки, тори наку (п.я.) 'Цветы цветут, птицы поют'.

Первая и вторая фразы со стороны значения кажутся разделенными, но со стороны формы они соединены и образуют одно предложение.

2) Слитное предложение (гō бун 合文) (отношение слитности).

Цўки киэкуба нива-ни идэтэ нагамэмў (п.я.) 'Если луна ясна, пойдем в сад и посмотрим'.

Хана ва сакўтомо, тори ва накадзараму (п.я.) 'Пусть цветы и цвели бы, птицы не пели бы'.

Относительно слитных предложений д-р Ямада говорит следующее:

„Подразделение слитного предложения на три вида, в частности выделение слитных предложений в отдельный вид, принадлежит автору. Раньше слитные и сложноподчиненные предложения вместе я называл сложными и ограничивался тем, что признавал два вида предложений — сложные и сочиненные, а первую часть слитных предложений называл наречной фразой. Однако первая фраза отнюдь не определяет смысла второй фразы.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Только вторая фраза представляет заключение мысли. В таких предложениях фразы так сказать взаимозависимы, первая и вторая фразы объединенно выражают одну большую мысль".

3) Сложноподчиненное предложение (ю̄дзокубун 有屬文) (отношение подчиненности).

Фраза, имеющая в предложении такую же синтаксическую позицию, как и слово, именуется придаточным предложением (фудзокӯку 附屬句). Предложение же, в состав которого входит придаточное предложение, называется сложноподчиненным предложением. В таком предложении главное и придаточное находятся в отношении главного и подчиненного, одна фраза является главной, другая занимает в ней такое же положение, как сло́во.

Коно ти-но сёгё окорэру ва *кӯгё̄-ни онадзи* (п.я.) 'В этой местности такой же подъем торговли, как и промышленности' (**то, как происходит подъем торговли,** подобно подъему промышленности'); позиция подлежащего.

Коно нива ва ***сэкитӯрӯ-но хайти-га умай*** 'В этом саду (букв. 'этот сад') **каменные фонари расположены со вкусом**' ; позиция сказуемого.

Карэ ва ***кӯдзин сора-о оу*** *кацугэкидзё̄рини хайрикӣтарэри* (п.я.) 'Он вошел во время бурной сцены, [при которой] пыль стояла столбом' (букв. **'пыль покрывала небо'**) — приименная позиция.

„Сложное предложение" по классификации д-ра Ямада имеет иное значение, чем этот термин в данной книге; в нашей книге сложным предложением именуется и слитное и сложноподчиненное предложение по классификации Ямада. Д-р Ямада включает в сложные предложения сочиненные и различает, кроме того, слитные и сложноподчиненные. Правомерно ли такое разделение? Посмотрим следующие примеры д-ра Ямада:

Хана ва саку-ни тори ва мада накадзу (п.я.) 'Хотя цветут цветы, птицы еще не поют' — слитное предложение.

Росэй кари-но готоку ни варэ ва тётан-о кудару (п.я.) 'Плеск весел подобен диким гусям, мы спускаемся по зеркальной глуби' — сложноподчиненное предложение.

Хана ва сакэдомо тори ва накадзу (п.я.) 'Хотя цветы цветут, птицы не поют' — слитное предложение.

На ёгорэтэ ва буси-но мити ва татадзу (п.я.) 'Когда имя запятнано, то назначение воина невыполнимо' — сложноподчиненное предложение[2]

По-видимому, нельзя найти внешний критерий, определяющий отнесение одного предложения к слитным, другого — к сложноподчиненным. Надо только обратить внимание на то, что предложения, которые д-р Ямада называет слитными, не подлежат включению в число сложных предложений только ввиду наличия союза.

Хосина Коити тоже делит предложения на четыре вида: простое, сложное, сочиненное, слитное[3], причем сочиненное и слитное он разграничивает таким образом:

Сочиненное предложение состоит из соединения двух или более равноправных предложений, например:

Амэ ва фури кадзэ ва самуй (п.я.) 'Дождь идет, ветер холодный'.

Уми мо тйкай си бэнри мо ёй 'И море близко, и по удобству хорошо'.

Слитное предложение состоит из соединения двух неравноправных предложений, например:

Амэ-га футтэ ти-га катамару 'Пройдет дождь, затвердеет земля' (поговорка).

Нацу ва судзусий га фую ва самуй 'Летом прохладно, а зимой холодно'.

В вышеприведенных предложениях первая и вторая части при разных значениях равноправны. Поэтому, разумеется, перед нами сочиненное предложение. Что же касается тех предложений, которые названы слитными, то когда первая и вторая части их неравноправны, то первая представляет собой наречно-определительное членное предложение, а в данной книге такое предложение отнесено к сложным. Я полагаю, что соединение двух предложений, соединенных неравноправно и вместе с тем без подчинения одного другому, немыслимо. Правда, Хосина ограничил сложное предложение следующим определением: „ .. такое предложение, в подлежащем, дополнении или сказуемом которого содержится предложение". Оно не повторяет собой определения слитного предложения, поэтому с такой позиции классификация представляется правомерной. Однако в данной книге классификация строится с иных позиций.

Как трактуется с точки зрения структуры предложения независимый член и независимое членное предложение? Поскольку с формальной стороны они не имеют никакого отношения к предложению, то в отношении структурной классификации предложений о независимом члене и независимом членном предложении нечего беспокоиться.

Яманобори, *со ва вага токуни коному токоро нари* (п.я.) **Восхождение на гору** — это то, что я особенно люблю'.

Ямамото-кун, *тётто кйтэ кудасай* '**Ямамото-кун**, подойди на минутку'.

Это простые предложения с независимым членом.

Сэкай но мэйдзан, *Фудзи-сан-но вага куни-ни ару ва сэкай-ни тайсуру хокори нари* (п.я.) '**Что касается мировых знаменитых гор**, то мы гордимся перед всем светом, что гора Фудзи находится в нашей стране'.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Сёва дзюнинэн ситйгацу ситинити *нисси-дзихэн-га окотта но ва коно хи-дэ атта* **'7-ое августа 12-го года Сёва, японо-китайская война началась в этот день'.**

Это сложные предложения с независимым членом.

Карэ-га хантай-суру нантэ, *соно ёна кото-га ару моно ка* **'Он протестует, что ли — возможна ли подобная вещь?'**

Это — простое предложение с независимым членным предложением.

II. ВИДЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ХАРАКТЕРУ

Характер предложения — это значение, выражаемое предложением в целом; если классифицировать предложения с такой точки зрения, то насчитывается четыре вида (все они будут названы ниже). Каждый из видов касается содержания предложения и поэтому сам по себе не может быть предметом грамматики. Но если характер предложения выражается и внешне, в его структуре, то грамматика должна интересоваться им. В вопросительных предложениях употребляются служебные слова, выражающие вопрос, в повелительных применяется повелительная форма ёгэна, а в письменном языке имеются особые правила соотносительного окончания, играющего роль одного из способов подчеркивания, так что характер предложения тоже является грамматическим вопросом. Но является ли классификация предложений по характеру вопросом учения о предложении, — эта проблема требует особого рассмотрения. Следует обратить внимание, что данная классификация и структурная классификация, о которой шла речь в предыдущем разделе, не имеют одна к другой никакого отношения. Существуют и простые повествовательные предложения, и сложные, и сочиненные, то же относится и к вопросительным предложениям и к другим видам.

1. Повествовательное предложение (хэйдзётай-но бун 平叙體の文) [2].

Предложения, в которых выражено заключение, предположение, пассив... и т. д., т. е. обыкновенное изложение, называются повествовательными; они могут быть и положительными и отрицательными.

Нацу ва ацўку фую ва самуси (п.я.) 'Летом жарко, зимой холодно'.

Ко тити-ни хомэрарэтари (п.я.) 'Ребенок похвален отцом'.

2. Вопросительные предложения (гимонтай-но бун 疑問體の文).

Предложения, выражающие вопрос или иронию, называются вопросительными.

Кумо-но идзукони цўки ядорураму? (п.я.) 'Где в облаках живет луна?'

Сонна бакана ханаси-га ару моно ка? (п.я.) 'Бывает ли такая глупая история?'

В вопросительных предложениях обычно употребляется местоимение, или наречие, или служебное слово, выражающее вопрос.

3. Повелительные предложения (мэйрэйтайно бун 命令體の文).

Предложения, выражающие повеление или запрещение, называются повелительными.

Ёку манаби, ёку асобэ (п.я.) 'Хорошо учись, хорошо играй'.

Саку-но нака-э хайттэ ва икэмасэн 'За ограду входить нельзя'.

Обычно считается, что в повелении содержится и совет, и увещевание, и желание. В повелительном предложении обычно применяется повелительная форма ёгэна или слово, выражающее это значение, или форма, выражающая запрещение. В повелительном предложении подлежащее обычно опускается.

4. Эмоциональные (восклицательные) предложения (кандōтайно бун 感動體の文).

Микаса-но яма-ни идэси цўки камо! (п.я.) 'О луна, взошедшая над горой Микаса!' *О, кё-но ацуй кото!* 'Ну и жарко сегодня!'

В эмоциональных предложениях в начале или в конце их часто встречаются слова, выражающие эмоции; кроме того, нередко встречается и эллипсис членов предложения или инверсия. Далее, поскольку междометие называют даже „словом-предложением", то излишне говорить, что эмоциональное предложение может состоять из одного междометия.

Посмотрим теперь, проведена ли данная классификация по синтаксическому признаку. Какая синтаксическая разница между повествовательным и вопросительным предложением? Есть ли различие в структуре между повелительным и эмоциональным предложением? Короче говоря, это деление по значению, а не по форме и потому оно не входит в область грамматики. Некоторые считают, что основанием для деления может служить форма сказуемого и следовательно это вопрос грамматики. В самом деле, в приведенных ниже четырех примерах возможно деление по форме сказуемого:

Кадзэ-га хагэсйку ***фуйтэ иру*** 'Ветер сильно дует'.

Кадзэ-га хагэсйку ***фуйтэ иру ка?*** 'Ветер сильно дует?'

Кадзэ ё, хагэсйку ***фукэ!*** 'Ветер, дуй сильно!'

Кадзэ-га хагэсйку ***фуйтэ иру кото!*** 'Ветер сильно дует!'

Однако здесь мы имеем различие самих форм сказуемого, различие, касающееся учения о частях речи; в нем нет ничего, что касалось бы сказуемого как члена предложения. Имеется ли заключительная форма служебного глагола, присоединено ли служебное слово с вопросительным значением, дана ли повелительная форма глагола, поставлено ли в конце слово с восклицательным значением — все эти различия рассматриваются в уче-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

нии о частях речи и на сказуемое как на член предложения никак не влияют. Если проводить подобную классификацию в каждом предложении в отдельности, то, например, в повествовательных предложениях можно провести разделение согласно тому, что нам дано — предположение или отрицание, пассив, каузатив или потенциальность и т. п. Если допустить, что такая классификация может стать предметом синтаксиса, то это означает, что с ней соприкасаются явления инверсии и эллипсиса членов предложения. Однако в таком случае нужно рассматривать подобные явления как инверсию и эллипсис, но проводить из-за этого классификацию предложений по значению нет ни малейшей надобности. Вероятно, классификация по значению представляет собой буквальный перевод терминов западных грамматик: declarative sentence, exclamative sentence, interrogative sentence, imperative sentence. В западных языках в подобных предложениях наблюдаются различные положения подлежащего и сказуемого, поэтому такая классификация необходима, однако в японском языке это явление не обязательно, а следовательно и в такой классификации необходимости почти совсем нет.

И даже если провести классификацию предложений по значению, относя каждое к указанному из четырех видов, все же разнести все предложения по этой схеме невозможно. Значит классификация предложений по одному только значению несовершенна. Этот пункт требует дальнейшего серьезного изучения, а пока что в данной книге я последовал общепринятому взгляду. При развитии философии японской грамматики данный вопрос должен непременно привлечь внимание грамматистов.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Ямада, IX, стр. 1055—1069.
[2] Примеры заимствованы у Ямада, VII.
[3] Хосина, Японская грамматика периода Сёва (III), стр. 205—210.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Согласование в предложении

1. СОГЛАСОВАНИЕ СЛОВ И СЛОВОСОЧЕТАНИЙ

Слово и словосочетание, употребляющееся в предложении, каким бы членом предложения оно ни являлось, находится в отношениях согласования с последующим словом или словосочетанием, зависящим от характера этих слов или словосочетаний, т.е. последующее слово или словосочетание несет соответственно требованиям предшествующих известные обязательства в отношении значения или формы. Такое явление называется согласованием слов и словосочетаний (гоку-но коо 語句の呼應), а в обычных грамматиках — „согласованием в предложении" (бун-но коо 文の呼應). Однако более правильно говорить не о согласовании в предложении, а о согласовании слов в предложении. Следовательно, и данное явление, подобно вопросу о классификации предложений по значению, о котором шла речь выше, хотя и может быть предметом грамматики, но имеет мало оснований к тому, чтобы рассматриваться как вопрос непосредственно синтаксический. Однако, поскольку этим вопросом занимаются многие обычные грамматики, мы останавливаемся на нем вкратце, чтобы изложить существо вопроса. Различаются следующие четыре вида согласования слов:

1. Согласование соотносительного окончания.
2. Согласование наречного определения.
3. Согласование условия.
4. Согласование слов вежливости [1].

II. СОГЛАСОВАНИЕ СООТНОСИТЕЛЬНОГО ОКОНЧАНИЯ

Согласование соотносительного окончания называется иначе согласованием служебных слов и представляет собой правила о соотносительном окончании, изложенные в первой части (стр. 560—574). Эти правила применимы только к письменному языку, в разговорном языке они не соблюдаются, причем, в письменном языке они касаются только повествовательных и вопросительных предложений. Тот или иной род служебного слова, употребленного в предложении, обусловливает ту или иную форму ёгэна, могущую заканчивать предложение. Если же за этим ёгэном следует другое служебное или самостоятельное слово, то обусловленность отпа-

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

дает. Следовательно, такая обусловленность распространяется только на те случаи, когда ёгэн действительно заключает собой предложение.

1. Окончание в виде заключительной формы.

Это — нормальное окончание, встречающееся тогда, когда в предложении нет соотносительных служебных слов *дзо*, *наму* (*нан*), *я*, *ка*, *косо* и т. п. Так как особенность соотносительных служебных слов состоит в управлении высказыванием, то хотя здесь нет требования какой-либо особой формы спряжения, все же надо признать сам факт наличия согласования соотносительного окончания.

Томо эмпō-ёри китару (п.я.) 'Друг пришел издалека'.

Гэккэй ва сора-ни киёси (п.я.) 'Свет луны на небе ясен'.

2. Окончание в виде приименной формы.

Если в предложении употреблено одно из четырех служебных слов *дзо*, *наму* (*нан*), *я*, *ка*, предложение оканчивается ёгэном в приименной форме.

Яма какўсу хару-но касўми ***дзо*** *урамэсйки* (п.я.) 'Досаден весенний туман, скрывающий горы'.

Хикагэ ***наму*** *нодока нару* (п.я.) 'Солнечный свет мягок'.

Хару ***я*** *тōки*, *хана* ***я*** *осоки* (п.я.) 'Весна далека́, цветы поздние'.

Идзурэно токи-ни ***ка*** *васуруру* (п.я.) 'Когда (букв. 'в какое время') это забуду?'

Общеизвестно, что Мотоори Норинага причислял к соотносительным словам *дзо*, *но*, *я*, *нани* (ぞ, の, や, 何の係). Примеры на *дзо* и *я* даны выше, а относительно *но* и *нани* нужно некоторое пояснение. *Нани* — слово, выражающее вопрос; *тарэ* 'кто?', *нани* 'что'?, *идзурэ* 'который'? (из нескольких), *доко* 'где?', *икага* 'как?' и т. д. — все это местоимения и наречия, имеющие вопросительное значение. Когда они являются соотносительными служебными словами, предложение заканчивается ёгэном в приименной форме.

Идзурэ оторэру, идзурэ сугурэру (п.я.) 'Который уступает, который превосходит?'

Однако по этому поводу Оцуки говорит следующее:

„В стихотворении, которое Мотоори привел как доказательство в «Котоба-но таманоо», в том месте, где говорится о *нани*, имеется *ка*, вследствие чего это *ка* и является соотносительным служебным словом, а то, что окончанием служит приименная форма, не имеет никакого отношения к *нани*.

Ицу ***ка*** *ва юки-но киюру токи ару* (п.я.) 'Когда время таяния снега?';

Дарэ ***ка*** *ва хару-о урамихатэтару* (п.я.) 'Кто озлобился на весну?' и несчетное число других примеров.

Когда предложение заканчивается прииенной формой без наличия в нем *ка*, это значит, что в середине или в конце его *ка* опущено. *Нани* 'что?', *тарэ* 'кто?', *идзурэ* 'который?' (из нескольких), *ицу* 'когда?', *надо* (*надзо*) 'почему?' и т. д. — все это искони вопросительные слова, поэтому есть основания считать, что *ка* при них опущено. Так как согласно правилу ёгэн сочетается с *ка* в прииенной форме, то тот факт, что и без *ка* окончанием служит прииенная форма, несомненно, должен рассматриваться как след эллипсиса *ка*. Когда *ка* не требуется, окончанием часто служит заключительная форма. Это доказывает, что *нани* не является соотносительным служебным словом. И поскольку *надзо* и *икага* представляют собой сокращения от *нани дзо* и *икани ка*, то опускать за ними *ка* нет оснований.

Кано хана ва ***идзура*** *иникэру* (*ка*) *то бсэрару* (Исэ-моногатари) 'Говорит: **куда** ушли те цветы?' (*иникэру* — прииенная форма).

Авадзи-сима каёу тидори-но наку коэ-ни ***икуя*** *нэдзамэну*... (Кинъёсю) '**Сколько** ночей [я] просыпался от звуков пения птиц тидори, посещающих остров Авадзи?' (*нэдзамэну* — заключительная форма)"[1].

Из примеров видно, что *нани* не следует считать соотносительным служебным словом.

Относительно *но* Норинага полагал, что оно является соотносительным словом, так как во многих стихотворениях при наличии *но* окончание дано в прииенной форме.

...*Икома-но гакэ-ни юки-***но*** какарэру* (Синкокинсю) 'На пике Икома лежит снег'.

По поводу этого Оцуки пишет:

„Общеизвестно, что при употреблении в „танка" *но* в качестве соотносительного служебного слова, танка оканчивается прииенной формой; теория, которая объясняет это явление тем, что во всех таких случаях конец стихотворения опущен, в результате чего создается так называемая суггестивность (ёдзё 餘情), весьма убедительна... Ибо в танка, состоящей всего из пяти стихов, высказывается безграничная мысль; поэтому секретом танки и служит ее построение, которое требует, чтобы в ней была невыраженная в словах суггестивность; следовательно, примеров на недоговоренность должно быть множество.

*Иканараму коёи-но амэ-ни токонацу-но кэса дани цую-***но*** омогэ нарицуру* (*моноо*) (Госюисю) 'Как же это? От дождя сегодняшнего вечера даже в утро вечного лета роса тяжелеет!' (*нарицуру* — прииенная форма).

*Фуку кадзэ-но сасоу моно-то ва сиринагара тиринуру хана-***но*** сийтэ коисiки* (*кото кана*) (Госэнсю) '(О, как) понапрасну милы [мне] опадающие цветы, когда знаю, что их унесет дующий ветер' (*коисiки* — прииенная форма).

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Когда мысль выражена полностью без суггестивности, в конце обычно стоит заключительная форма:

*Тамаван-ни намида-но какару кокоти-сйтэ сигуруру сōрō-ни кари-**но** наку нари* (Синкокинсю) 'Кажется, будто в яшмовой чаше висят слезы, [так] в моросящем небе кричат гуси'.

В прозе в этом случае предложение чаще всего заканчивается заключительной формой. По-видимому, это происходит потому, что поскольку в прозе количество иероглифов не ограничено, в создании суггестивности мало необходимости. Последнее тоже может служить подтверждением, что в стихах она есть.

*Ко кадзэ ва тацу-**но** фукасуру нари* (Такэтори-моногатари) 'Этот ветер задул дракон' (*нари* — заключительная форма).

С теорией, утверждающей, что два рода окончаний предложения при наличии в нем *но* объясняются разницей в степени их легкости (или тяжести), нельзя согласиться; вряд ли можно сказать, что в прозе всегда требуется легкость"[2].

Из этого видно, что и *но* не является соотносительным служебным словом.

3. Окончание в виде завершенной формы.

Если в предложении употреблено соотносительное служебное слово *косо*, предложение заканчивается ёгэном в завершенной форме.

*Ари то **косо** миюрэ* (п я.) 'Кажется, что есть'.

*Цўки мирэба тидзини моно **косо** канасикэрэ* (п я.) 'Когда смотрю на луну, все и вся кажется печальным'.

*Кино **косо** санаэ торисйка* (п.я.) 'Вчера собирали рисовые побеги'.

4. Замечания по поводу соотносительного окончания.

1) Согласование соотносительного окончания в современном разговорном языке почти исчезло. Только *косо* еще встречается иногда в таком употреблении, как показано выше, но это заимствование из письменного языка, которое нельзя назвать хорошим стилем разговорного языка.

*Го-бусата **косо** сйтэ **ирэ**, васурэтэ ва оримасэн* '[я] именно не писал, а не забыл'.

*Кикō **косо** варуку ва **арэ**, ниндзё но ёй токоро дэсў* 'Климат-то скверный, но приветливое место'.

2) Встречается и неправильное окончание:

*Онорэ-га цума **косо** токомэдзурасйки* (Манъёсю) 'Вот моя жена замечательная'.

*Коромо **косо** фўтаэ мо ёки* (Нихонсёки) 'Вот платье и двойное хорошо'.

В приведенных примерах в конце стоит прииименная форма. Это объясняется тем, что в то время завершенной формы предикативных прилагательных еще не существовало.

Таби касанарикэру **дзо** *аясйки надо, моротомо-ни* **косо** *вараитэки* (Кагэро-никки) 'Многократное повторение было странно, и все смеялись'.

Момидзиба ва осйки нисйки-то мисйкадомо сигўрэ-то томони фуритэ **косо** *киси* (来し) (Госэнсю) 'Красная листва кажется дорогой парчей, но вместе с осенним дождем она опала'.

В данных примерах, несмотря на наличие *косо*, в конце мы находим не завершенную форму, а заключительную (в первом) и приименную (во втором). Может быть, это объясняется ограничением в счете слогов в танка, может быть, вызвано благозвучием, а возможно, это описка автора. Как бы то ни было, это неправильность, которую надо рассматривать как исключение.

3) Изредка встречается два соотносительных служебных слова при одном окончании:

Хана-о **наму**, *соно хана-о* **наму** *варэ ва васурэнў* (п.я.) 'О, цветы, о, эти цветы я не забуду' (приименная форма).

Такасаго-но минэ-но мацу-то **я** *ёнонака-о мамору хйто-то* **я** *варэ ва наринаму* (п.я.) 'Я стану либо сосной на вершине Такасаго, либо человеком, сторожащим мир' (приименная форма).

4) И, наоборот, случается, что с одним соотносительным служебным словом согласуется два окончания:

Хйто **косо** *ва кё-то мо ивамэ гу-то мо осирамэ* (п.я.) 'Человек, [он] и назовет безумием, и похулит как за глупость'.

5) Соотносительное окончание предложения заканчивает это предложение и не распространяется на следующее. Данный вопрос уже затрагивался в главе об общем подлежащем.

Ке кики надо суру-ни мо мэ-о кубаринагара миитару **косо** *«цуми* **я** *эрамў» то обоюрэ* (п.я.) 'Когда при слушании сутр смотришь по сторонам, то кажется, что видишь „приобрету прегрешение"'.

Эраму 'приобрету' — приименная форма, *обоюрэ* 'кажется' — завершенная форма, как и должно быть. Согласование внутри и вне предложения, как показано ниже, — ошибка:

«Мада ё-ни **косо** *овасу» нарэ* (п.я.) 'Еще пребывать в этом мире', *овасу* 'пребывать' — заключительная форма, *нарэ* (связка) — завершенная форма (следовало бы наоборот).

6) Бывает, что ёгэн, согласующийся с соотносительным служебным словом, не заканчивает собой предложения, тогда согласование нарушается. Это бывает тогда, когда за ёгэном следуют служебные слова (кроме *то, томо, тотэ*) или другие слова. Такое явление называется „опрокинутым окончанием" (коробимусуби 轉結).

Катати **наму** *ито ёкариси хйто нари* (п.я.) '[Это] человек, [у которого] внешность-то была очень хороша' (*ёкариси* — приименная форма).

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Наодзарини ***косо*** *сугиси мукаси о* (п.я.) 'О, старина, ушедшая в забвение!' (*сугиси* — приименная форма).

В стилистике указанное явление именуется attraction 'притяжение': ёгэн, который должен был бы заканчивать предложение, меняет форму, притягиваясь к следующему за ним слову. Это так называемый idiom японского языка. Следует заметить, что поскольку *наму* требует, чтобы окончание стояло в приименной форме, и ту же форму требует следующий за ёгэном тайгэн, то в первом из приведенных примеров в одном ёгэне совмещается и соотносительное окончание и определение.

При применении приема *какэкотоба* [2], если даже употребленному для этого ёгэну предшествует соотносительное слово, согласование с ним не производится:

Саётидори коэ ***косо*** *тйкаку* ***нару****мигата* 'Вечерние чайки [их] голоса звучат близко к Нарумигата'.

Авадэ цўкиби ***я суги*** *фўкэру ио* 'Без встречи проходят дни и месяцы, [о] келья, где стареет дерево су́ги'.

III. СОГЛАСОВАНИЕ НАРЕЧНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Вид наречного определения, употребленного в предложении, может обусловливать форму конечного ёгэна и присоединяемого к нему слова. Это именуется согласованием наречного определения.

1) О т р и ц а н и е:

Сарани *отодзурэ мо* ***сэдзу*** (п.я.) '**Совершенно не** навещает'.

Юмэ *васуруру* ***накарэ*** (п.я.) '**Никогда не** забывай'.

Мандзара сираны́ *кото дэ мо* ***най*** 'Это **не совсем** неизвестная вещь'.

Масака *сонна бакана кото мо* ***сумай*** '**Вряд ли** сделает такую глупость'. (Также *кэссйтэ, таэтэ, цую, исасакамо, титтомо, сўкосимо, иккй, тотэмо, саппари* и др. — все имеют значение 'ничуть', 'нисколько' и т. п.). *Тотэмо* в современном разговорном языке употребляется также и утвердительно, в значении 'очень, весьма', но грамматически такое употребление является сомнительным. По данному пункту я согласен с мнением д-ра Игараси[3].

2) У т в е р ж д е н и е:

Маттаку *сйкари* (п.я.) '**Совершенно** так'.

Дзицўни *коматтта кото да* '**Поистине** затруднительное дело'. (Также *тёдо* 'как раз' и др.).

3) В р е м я:

Има *варэ коко-ни* ***ари*** (п.я.) '**Теперь** мы находимся здесь'.

Тадаима *каэримасйта* '**Только что** вернулся'.

(Также слова *сакунэн* 'в прошлом году', *райнэн* 'в будущем году', *кацӯтэ* 'некогда', *масани* 'вот-вот' и т. п.).

4) Вопрос:

Икани *ёмоитамаэру?* (п.я.) '**Как** вы думаете?'

Надзэ *бэнкё-синай ка?* '**Почему** не занимаешься?'

(Также *надзо* 'почему', *дӧситэ* 'почему', *ицу* 'когда' и т. п.).

5) Предположение:

Осораку *дайдзи-ни ва итарадзару**бэси*** (п.я.) '**Вероятно**, до большого дела не дойдет'.

Табун *асйта ва каэрэру **дэсё*** '**Вероятно**, завтра сможет вернуться' (также *аруива*, *кэдаси*, *садзо*, *садамэтэ* и др. — все они имеют значение 'вероятно', 'наверно', 'пожалуй' и т. п.).

6) Риторический (и иронический) вопрос:

Ани *фӯтагокоро арамӯ я* (п.я.) '**Разве** существует двоедушие?'

Икадэ *футӯ-но кокоро ару**бэки*** (п.я.) '**Как** же [у него] может быть неверная душа?'

Нандэ *дзитто сйтэ орарэё* '**Как** же [я] могу быть спокойным?'

7) Предположительное условие:

Моси *утэн нараба тӯси субэси* (п.я.) 'Если будет дождь, надо будет прекратить'.

Ёсимба *оя ва дӧ **ицӧ томо*** *ватакӯси-га сётй-симасэн* 'Что **бы** родитель **ни** говорил, я не соглашусь'.

(также *татои... томо*, *ёси...томо*, *манъити...нараба*).

8) Желание:

Нэгавакува *хана-но сйта-нитэ варэ синаму* (п.я.) '**Хотел бы** я умереть под цветами'.

Нанитодзо *камбэн аритаси* (п.я.) 'Прошу прощения' (букв. 'хочу чтоб было прощение').

Дӧдзо *о-юруси кудасай* '**Пожалуйста**, простите'.

9) Естественное долженствование:

Ёросйку *кокуи-о сэнъё-суб**эси*** (п.я.) '**Надлежит** поднять мощь государства'.

Киндзӯ сура он-о сиру, ***иванъя*** *нингэн-ни **ойтэ ося*** (п.я.) 'Даже звери и птицы чувствуют благодарность, **кольми паче** (**тем более**) человек!'

(также *субэкараку... бэси*).

10) Причина:

Ика-то нарэба *гаку асаку тобосикэрэба нари* (п.я.) '**Потому что** знания поверхностны, способности скудны'.

Надзэ ка то иэба *дзэнтай но кэйтӧ-га вакаттэ инай **кара дэсӯ*** '**Потому что** происхождение в целом неизвестно' (также *нанто нарэба... юэ нари*).

11) Сравнение:

*Ракка ва **адакамо** юки-но **готоси*** (п.я.) 'Осыпающиеся цветы **совсем подобны** снегу'.

(также *само... нитари*, *тёдо... ё дэсӯ*).

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

IV. СОГЛАСОВАНИЕ УСЛОВИЯ

Условие и следствие (факт) должны быть взаимно согласованы. Если в начале встречается предположительное условие, за ним следует изложить согласованный с ним еще неопределенный факт, если в начале имеется достоверное условие, за ним должен следовать установленный факт. Это согласование условий можно представить двояким образом.

Во-первых:

1. Предположительность — прямая связь / обратная связь
2. Достоверность — прямая связь / обратная связь

Во-вторых:

1. Прямая связь — предположительность / достоверность
2. Обратная связь — предположительность / достоверность

Дальнейшее изложение строится по первой схеме.

1. Предположительность (катэй 假定).

Союзное служебное слово *ба*, присоединяясь к незавершенной форме ёгэна (в разговорном языке — к условной), выражает предположительное условие. Такое условие выражается в том случае, когда за ним должно быть прямое следствие. Если же к соответствующей форме ёгэна присоединяется союзное служебное слово *то* или *томо* (в разговорном языке, кроме того, — *тэ*, *тэ мо*), то таким образом будет выражаться условие, за которым последует обратное следствие.

1) Прямая связь (дзюнсэцу 順說) [3]:

Хару ***китараба*** *хана сакаму* (п.я.) ‘Когда наступит весна, расцветут цветы’.

Мидзу ***киёкуба*** *ядорэру цўки мо сумаму* ‘Если вода будет чистая, то и отражение луны будет ясное’.

Енонака-ни таэтэ сакура-но ***накарисэба*** *хару-но кокоро ва нодокакарамаси* (Кокинсю) ‘Если б на свете совсем не было вишен, то настроение весной было бы безмятежным’.

Ёмитакэрэба, касб ‘Если захочешь прочесть [я тебе] дам’.

Нацу-ни ***нарэба*** *уми-э икб* ‘Когда наступит лето, поедем к морю’.

Кюка-ни ***наттара*** *яманобори-о сиё* ‘Когда наступят каникулы, поднимемся в горы’.

2) Обратная связь (гякўсэцу 逆說) [4].

*Нэгау**томо** юрусарэдзи* (п. я.) ‘**Хотя бы** и попросил, вероятно, не разрешат’.

*Икани тōкў**томо** икадэ ямадзи* (п. я) ‘**Как бы ни** было далеко, пойти надо’.

*ўмэ-на ка-о содэ-ни уцусйтэ **тодомэтэба** хару ва **сугутомо** катами* (形見) *нарамаси* (Кокинсю) ‘**Если бы** слива оставила свой аромат на рукавах, то **хоть** весна **и** пройдет, он останется памятью [о ней]’.

*Доннами хаяку**томо** микка ва какару дарō* ‘**Как бы ни** было быстро, **а** дня три потребуется’.

*Сўкосигурай варукў**тэ мо** симбō-сиē* ‘**Хоть** и немного плохо, потерпим’.

Обычно за предположительным условием следует предположение, как показано в вышеприведенных примерах, однако случается, что с предположительным условием согласуется достоверный факт. Иными словами, и условие может быть достоверным, и последующий факт может быть достоверностью.

Ёсиока выразился по этому поводу так: „Говорить о еще несовершившихся событиях, как о совершившихся“.

*Кēдай каки-ни арасо**ваба** хока канарадзу тэки-ни ау* (п.я.) ‘Если братья у себя в доме ссорятся, во вне [они] непременно столкнутся с врагами’ (поговорка).

*Кē каēби на**раба** асйта суйēби нари* (п.я.) ‘Если сегодня четверг, то завтра пятница’.

*Бēки-га наот**тара** китто маиримасў* ‘Когда поправлюсь, непременно приду’.

*Дзўнō то кэнкō **саэ ёкэрэба,** нанигото дэмо сэйкō-суру* ‘Если **только** голова и здоровье в порядке, во всем будет успех’.

*Хикōки ёку тобу**томо** гэккай-ни ва итару атавадзу* (п я) ‘**Хоть** самолет **и** летит хорошо, а луны достичь не может’.

*Ками икў**томо** ё ва икадзу* (п.я.) ‘**Даже если** ты пойдешь, я не пойду’.

*Синдэ **мо** го-он ва васурэмасэн* ‘**Хоть** умру, а как вам обязан, не забуду’.

*Канэ ва накў**тэ мо** тиэ ва ару* ‘**Пусть** денег нет, а ум есть’.

2. Достоверность (какўтэй 確定).

Присоединением союзного служебного слова *ба* к завершенной форме ёгэна (в разговорном языке присоединением *то* к заключительной, *кара* и *нодэ* к заключительной и приименной формам) выражается достоверное условие, высказанное при прямом следствии. Присоединением же союзного служебного слова *до* или *домо* к завершенной форме или *ни, о, моно, мононо* к приименной форме (в разговорном языке — *кэрэдо, кэрэдомо* к заключительной форме или *нони, га, токорога* к приименной форме) выражается то же достоверное условие, но высказанное уже при обратном следствии [5].

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

1) Прямая связь.

Кё ва нитиё ***нарэба*** *кбэн ва нигиваэри* (п.я.) **'Так как** сегодня воскресенье, в парке людно'.

Мидзу киё ***кэрэба*** *тайгё сумадзу* (п.я.) **'Так как** вода чистая, крупная рыба в ней не водится'.

Токё ва амари ацуй ***нодэ*** *Каруивадза-э нигэдасйта* **'Так как** в Токио слишком жарко, [я] сбежал в Каруивадза'.

Иро-га уцўкўсий ***то*** *ёку урэру* **'Когда** окраска красива, то хорошо продается'.

2) Обратная связь.

Кикэ ***домо*** *кикоэдзу, мирэ* ***домо*** *миэдзу* (п.я.) 'Слушает, **а** не слышит, смотрит, **а** не видит'.

Уси ва тйкара цуё ***кэрэдомо****, аюму кото ососи* (п.я.) **'У** быка сила большая, **но** шаг медленный'.

Миру-ни ва мита но да ***кэрэдомо,*** *нан да ка вакаранакатта* 'Видеть видал, **но что** это, не разобрал'.

Наннимо най ***нони*** *ару то иттэ иру* 'Ничего нет, **а** говорит, что есть'.

Икура хаситта ***токорога*** *оицўкэнай* 'Как ни бежал, **но** не мог догнать'.

Как показано в этих примерах, с достоверным условием согласуется достоверный факт, но случается, что с ним согласуют и еще не установленный факт [6]:

Кондзё-ни (今生に) *ва аимиму кото мо катак* ***эрэба****, има ва икйтэ мо нани ка сэ* ***мў*** (п. я.) 'В этой жизни встретиться нам трудно, как теперь, хоть и буду жив, что я **буду** делать?'

Хоннэн ва го-тайтэн ***арэба*** *кэйки мо кайфўку-* ***субэси*** (п.я.) **'Так как** в этом году **будет** коронация, дела **должны** будут пойти лучше'.

Мэ куморитё миэ ***нэдомо,*** *тасйкани карэ ва тэки нару* ***бэси*** (п.я.) **'Хотя** глаза затуманились — не вижу, **но** это, **наверное**, враг'.

Тэки ва хидзёни цуёй ***кара*** *бини кэйкай сиё* **'Так как** враг чрезвычайно силен, **будем** очень бдительны'.

Хи-но тэ ва агатта ***га,*** *руйсё ва сурумай* 'Огонь распространился, **но** здесь **вряд ли** загорится'.

V. СОГЛАСОВАНИЕ СЛОВ ВЕЖЛИВОСТИ

Это явление именуется также „согласованием обращения" (тайгу-но коб 待遇の呼應) и состоит в том, что по отношению к уважаемым людям, предметам, явлениям употребляют слова, выражающие почтительность, а при обстоятельствах, требующих выразить скромность, применяют слова, выражающие скромность:

Котё-сан-га о-миэ-ни наримасйта 'Показался директор'.

Го-сюдзин-сама ва мада о-каэри-дэ годзаимасэн 'Хозяин еще не вернулся'.

Аната ва ицу го-сюппацу насаимасу ка? 'Когда вы уезжаете?'

Ватакуси ва мёнити о-укагаи итасимасу 'Я зайду к вам завтра'.

Боку ва наннимо сиримасэн 'Я ничего не знаю'.

Кроме того, слова вежливости употребляются просто для того, чтобы сделать речь вежливой:

Арэ ва ину дэ годзаимасу 'Это собака'.

Дзётю-га о-мукаэ-ни маиримасита 'Навстречу вышла служанка'.

Таку-но кодомо ва итадзура бакари итасимасу 'Дети у меня только и знают, что шалить'.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Очуки, II, стр. 110—118
[2] Там же, стр. 110—114.
[3] Игараси, В защиту родного языка.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Послесловие

Со времени начала работы над изданием русского перевода грамматики Киэда Масуити прошло несколько лет. Между тем именно за последние три-четыре года в японской науке о японском языке обнаружились новые тенденции, представляющие большой интерес и для изучающих японский язык, и для тех лингвистов других специальностей, которые ознакомятся с данной книгой. Мы считаем необходимым вкратце охарактеризовать эти тенденции как ввиду того, что они интересны сами по себе, так и потому, что они заставляют по-новому взглянуть на данную книгу.

Коротко говоря, одно из основных положений японской грамматики — трактовка всех служебных элементов языка как отдельных слов, — вызывавшее наиболее принципиальные возражения со стороны советского японоведения, подвергается сейчас существенному пересмотру. Мы укажем здесь для примера только несколько фундаментальных коллективных языковедческих работ, появление которых характерно для второй половины нашего десятилетия и свидетельствует о высоком уровне развития японской лингвистики. В капитальном труде „Языки мира", составленном рядом крупнейших японских лингвистов, в грамматике японского языка, написанной Киндайти Харухйко, в числе „служебных глаголов" (дзёдоси) названы только два: *да* и *расий*; все остальные рассматриваются как глагольные окончания. Парадигмы спряжения глагола — не перечень пяти основных форм: *ема*, *ёми*, *ёму*, *ёмэ*, и т. п., а двадцать пять форм видов, залогов и т. д. [1] В другом коллективном труде „Современная наука о родном языке", составленном рядом более молодых авторов, в статье Сакакура Токуёси „Спряжение в японском языке" элементы, именовавшиеся служебными глаголами, рассматриваются как суффиксы[2]. В этом же труде в статье „Части речи в японском языке" Мидзутани Сидзуо трактует как морфемы, а не как слова, и дзёдоси и дзёси[3]. В шеститомной серии „Серия: японский язык" в статье Окуда Ясуо „Сочетаемость слов" служебные слова рассматриваются как морфемы и у существительного признается агглютинативное склонение [4].

---

[1] „Сэкай гэнго-гайсэцу" под ред. Итикава Санки и Хаттори Сиро, изд. 2-е, 1958, т. II, стр. 171-172.

[2] „Гэндай кокугогаку", изд. Тикума-сёбо, 1957, т. II, стр. 189-215, в частности стр. 214.

[3] Там же, стр. 127-155, в частности стр. 151.

[4] Кодзэ: Нихонго, изд. Опуки сётэн, 1956, т. I, стр. 131-144.

Не подлежит сомнению, что новая трактовка в известной мере принята под влиянием европейских грамматических представлений, с которыми японские лингвисты особенно широко ознакомились за последние 10—15 лет благодаря наличию переводов почти всех значительных иностранных лингвистических трудов. Однако по существу это влияние привело к распространению тех положений, к которым японские грамматисты давно пришли сами: в комментариях к первому тому мы уже упоминали, что еще в 1908 г. д-р Ямада все дзёдоси, за исключением связки, определил как окончания (стр. 662) и что еще в 1924 г. Мацусита Дайдзабуро трактовал все служебные элементы как морфемы (стр. 644). Однако до пятидесятых годов эта точка зрения не находила приверженцев, и только сейчас она начинает распространяться все шире и шире.

Теоретическое обоснование новой трактовки еще недостаточно. Частные вопросы ее — например деление на части речи, система парадигм глагола, типы прилагательных, структура предложения и пр. — трактуются отдельными авторами совершенно различно. Устоявшихся общепризнанных новых положений еще не выработано.

В свете такого поворота в развитии японской грамматической науки следует, как нам кажется, взглянуть на книгу проф. Киэда Масуити с новой точки зрения. А именно, можно сказать, что она вводит в японскую науку о японском языке, давая (позволим себе сказать: с добавлением сведений в комментариях об отдельных взглядах японских грамматистов за время после выхода этой грамматики до 1955 г.) в сжатой форме представление об итогах целого периода — периода, начальной вехой которого является грамматика Оцуки (1897 г.) и который в пятидесятые годы, видимо, закончился. В грамматических статьях не раз нами цитированной „Энциклопедии отечественного языкознания" (1955 г.) некоторые принципиальные расхождения с традиционной концепцией уже освещаются, хотя еще не отстаиваются, и в то же время многими своими статьями она свидетельствует о начале нового направления (а первое издание вышеупомянутого труда „Языки мира" вышло тоже в 1955 г.). Будучи в таком смысле показательной для целого периода, грамматика проф. Киэда представляет собой интерес сама по себе, а кроме того по сравнению с ней становится нагляднее дальнейшее развитие японской науки о японском языке.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Комментарии

Глава вторая

К стр. 16 [1]

Мукō происходит от глагола *мукау* 'быть обращенным (в какую-либо сторону)'. Не сохранившиеся в современном языке древние глаголы, от которых произошли второе и третье существительное, тоже имели на конце слоги *рау*, *мау*.

К стр. 16 [2]

Прилагательные в этой форме не превращаются в полноценное существительное; сам автор показал это на стр. 14 на примере *тōку*.

К стр. 17 [3]

Следует обратить внимание, что во второй группе примеров все существительные, за исключением последнего, представляют собой канго, так что изменению подвергается корневая морфема, «он». По существу же все примеры, приведенные в пп. 3 (превращение в глагол) и 4 (превращение в предикативное прилагательное), представляют собой не результат конверсии, а производные слова, образованные, однако, непродуктивными суффиксами.

К стр. 18 [4]

За исключением слова *цую*, которое будучи существительным означает 'роса', а наречием с отрицанием — 'ничуть, ни капельки', и наречия *токидоки* 'по временам', образованного путем редупликации от существительного *токи* 'время', все остальные слова не меняют своего значения, что автор показал сам на стр. 10—11 на примере слова *асйта*.

К стр. 18 [5]

Намусан — сокращение от буддийского термина *намусамбо* (南無三寶), обозначающего приверженность к „трем сокровищам" (*самбō*) — буддизму, буддийскому закону и монашеству; в общем языке как существительное это слово совершенно не употребляется. *Тйкўсē*, употребляемое в качестве существительного 'скот, скотина', первоначально было наименованием обитателей одного из кругов ада по буддийским представлениям.

Глава третья

К стр. 25 [1]

В настоящее время более распространен термин «хасэйго» (派生語).

К стр. 28 [2]

Среди приведенных автором примеров имеются такие, где компонент, именуемый префиксом, соединен не со словом, а с корневым компонентом китайского происхождения (он'ом); таковы в группе 8 слово *мунō*, в группе

10 — *итимоцу*, в группе 15 — *дабэн*. Приведенные автором префиксы весьма различны по своей продуктивности. Например, продуктивен и свободно присоединяется к существительным *эсэ* (гр. 7), не столь свободны *ма* (гр. 2), *о*, *ко* (гр. 5), *хацу* (гр. 6), *фу*, *му* (гр. 8), *ката* (один из пары), совершенно непродуктивны *ити* (гр. 10), *ия* (гр. 11), *ихэ* (гр. 14), *до* (гр. 15) и т. д. Гонорифические префиксы *о*, *го*, *ми*, сохраняя свое значение, не образуют стойких слов, а если образуют, то теряют это значение; ср. т. I, стр. 647, прим. 10.

К стр. 30 [3]

Из перечисленных в этой группе суффиксов продуктивны *сама*, *сан* (гр. 1), *мэ* (гр. 2), *ра*, *тати*, *гата* (гр. 3), все так наз. вспомогательные числительные (за исключением *ри*, *тари*, *цу*, *ти*, гр. 8), *мэ* (гр. 9). Однако они не образуют устойчивых слов (за исключением соединения *ра* с местоимениями места, но в таком соединении этот суффикс утратил свое значение). *Сэнсэй*, *тидзи*, *кōтё* и т. п. (гр. 1) — это слова, употребляющиеся самостоятельно; *бан* (番), *го* (號), *тō* (等), *кю* (級) — словообразовательные компоненты — он'ы. Все остальные суффиксы групп 5, 6, 7 непродуктивны и содержатся только в давно образованных словах.

К стр. 31 [4]

Из этих суффиксов продуктивны и образуют устойчивые существительные суффиксы *са*, *ми*, *тэ*, *гэ*, причем вполне свободно употребляется первый. Непродуктивными являются *мэ*, *ка*, *э*. *Ка* и *э* не употреблялись самостоятельно даже в древнем языке. *Э* первоначально произносилось *пэ*, озвонченно *бэ* (оно содержится, например, в словах *хамабэ* 'побережье', *умибэ* 'взморье', но имеет здесь значение места, а не направления), впоследствии — *хэ* и наконец — *э*.

К стр. 32 [5]

Из этих суффиксов продуктивны и образуют устойчивые слова *гару*, *буру*, *мэку*, *дзимиру*; последние три широко употребляются и в окказиональном словообразовании, причем чаще в определительной форме... *мэйта*, ... *бутта*, ... *дзимита*. Имеются только в давно образованных словах *бу* (в древности очень продуктивный), *сабу*, *дацу*, *баму*, *нау*, *ягу*.

К стр. 32 [6]

О суффиксах, образующих предикативные прилагательные, см. т. I, стр. 658, прим. 7.

К стр. 33 [7]

Вполне свободно присоединяется к основе предикативных прилагательных *сō*; определительные формы: приименная — *сōна*, приглагольная — *сōни*.

К стр. 34 [8]

Следует заметить, что термин «дзюкуго» (熟語) имеет и другое значение: под ним понимаются еще и устойчивые словосочетания более или менее идиоматического характера.

К стр. 35 [9]

Как слово *кўсаки*, так и все примеры на составные слова в этой главе представляют собой слова, составленные из японских простых слов или основ (или служебных частиц); однако *фубо* и *сандзуй* — канго, составленные из корневых компонентов — он'ов; и ниже (гр. 1 б) в слове *сорэся* он'ом является *ся*. Таким образом, вопроса о словообразовательной природе канго автор

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

совершенно не касается. Эти вопросы освещены в диссертациях О. П. Петровой, Японская военно-морская лексика. Историко-лексикологический анализ, 1947 и А. А. Пашковского, Словообразование в современном японском языке, 1954.

К стр. 39 [10].

В древнем японском языке нынешнему *х* соответствовало *п*, отсюда озвончение — *б*.

К стр. 39 [11].

В слове *коэ* последний слог — *хэ* — при изменении конечного гласного в *а* дает *ха*, а этот слог после гласного замещается слогом *ва* (ср. т. I, стр. 654, прим. 18).

Глава четвертая

К стр. 41 [1].

Оцуки понимает «бунсё» (文章) как синоним «бун», т. е. «предложение», но гораздо более распространено употребление термина «бунсё» в другом значении — как семантически законченное высказывание любой продолжительности.

К. стр. 42 [2].

Подробно эта концепция Ямада освещена у М. Ф. Лепешко, Учение о предложении японского языка профессора Ямада Ёсио в свете истории японской грамматики, 1955 (диссертация).

К стр. 51 [3].

Определительное соотношение между *кавадзу тобикому* 'лягушка прыгает' и *ото* 'звук' передано в русском переводе словом 'когда' условно; полнее оно может быть раскрыто как 'оттого, что'.

Глава пятая

К стр. 54 [1].

„Пустота" означает здесь отсутствие всяких привязанностей, страстей и т. п., т. е. высшую духовную чистоту и свободу.

К стр. 58 [2].

Мацусита определяет это отношение так: „Когда представление о каком-либо обстоятельстве расчленяется на два понятия — объекта и того, что остается за вычетом понятия объекта, и эти понятия вторично объединяются в одном акте сознания, отношение между ними именуется объектным отношением. То, что обозначает первое понятие, именуется «кякуго» (слово-объект), а то, что обозначает второе понятие — «кйтякуго» (歸著語)" (Мацусита, III, стр. 635). Последний термин создан самим Мацусита; значение его разъяснено по-русски в тексте.

К стр. 60 [3].

За последние два десятилетия вопрос о минимальной синтаксической единице привлекает внимание ряда японских грамматистов. Определение Хасимото до последнего времени пользовалось наиболее широким признанием, и по существу ему отвечают понятия единицы, выдвинутые в работах других авторов под иными терминами (например «ку» или «гоку» 語句 у Дзимбо, «госэцу» 語說 у Киндайти, «бунсо» 文素 — перевод-калька термина „синтаксема" — у Саэги). Самый вопрос этот был поставлен под влиянием концепции синтагмы в понимании Р. Якобсона, однако в виду того, что

японские грамматисты рассматривают все те служебные элементы языка, которые во всяком случае соответствуют по функции суффиксам, как отдельные лексические единицы, то понятие минимальной синтаксической единицы у этих авторов оказывается фактически наполненным иным содержанием, нежели понятие синтагмы Так, то самое, что Хасимото именует „бунсэцу", Мацусита значительно ранее назвал „отдельным словом" (танси 単詞), в качестве синтаксической единицы (что не соответствует термину «тангo» 単語 в общепринятом толковании), противопоставляя его словосочетанию-слову («рэнси» 連詞, что, наоборот, равнозначно термину «рэнго» 連語 в общепринятом толковании; см. М а ц у с и т а, III, стр 19—21). Принципиально иную, новую концепцию синтагмы, которая названа «ку» 句, но совершенно в ином значении, чем у Дзимбо, выдвинул Токиэда Мотоки, подвергнув при этом критике понятие «бунсэцу» у Хасимото; см Т о к и э д а, цит соч., стр. 246—256.

Глава шестая

К стр. 64 [1].

В последнем предложении *сёнин* как то новое, что сообщается о психологическом субъекте, конечно, — психологический предикат, что как раз согласуется с грамматической функцией этого слова. В японском языке грамматическое выражение вообще часто согласуется с психологическим содержанием предложения в этом смысле. С одной стороны, смысл структуры типа *киита но ва дзюнса дэсйта* 'спросивший был полицейский', *ватакўси га соко-э каэтта но ва аки дэсита* 'вернулся я туда осенью', которую можно назвать „обратной" по отношению к вещественно равнозначным предложениям с „прямой" структурой *дзюнса-га кикимасйта* и *ватакўси ва соко-э ва акини каэримасйта* (ее нельзя назвать инверсированной, так как ее члены предложения стоят на своих нормальных местах), состоит в том, чтобы психологический предикат (понимая под этим то „новое", что сообщается в предложении) — здесь *дзюнса* 'полицейский и *аки* 'очень' — был вместе с тем и грамматическим предикатом. Иначе при твердом порядке слов эти слова не могли бы стоять в конце предложения и произноситься с предикативной интонацией С другой стороны, способность глагола в страдательном залоге выражать не только прямую, но и косвенную направленность на подлежащее и даже просто касательство к подлежащему позволяет ставить в позицию грамматического подлежащего психологический субъект (понимая под ним „исходное" в предложении) — здесь *карэ* 'он' — в таких случаях, как *карэ ва сайфу-о нусумарэта* 'у него украли кошелек', *карэ ва томодати-ни корарэта* 'к нему пришли товарищи', *карэ ва тити-ни синарэта* 'у него умер отец' и. т. п. Наконец, структуры с так наз. „выделенным словом" («тэйдзигo») и „общим подлежащим" («сбсюго» — см ниже гл IX и X) дают возможность уподобить психологическое подлежащее грамматическому, т. е. поставить соответствующее слово на том же месте — а именно, в начале предложения, — в той же форме — а именно, форме основы, — с той же частицей — а именно, *ва* — как если бы это было обычное грамматическое подлежащее. И кстати, роль самой частицы *ва* состоит именно в выделении всех тех членов предложения, которые входят в психологический субъект, т е. тех, которые составляют исходную часть предложения; грамматической функции *ва* не несет.

Глава седьмая

К стр. 73 [1].

Согласно теории Токиэда Мотоки, объективные понятия выражаются знаменательными словами, субъективные — частицами, и так как предикация представляет собой отражение в языке суждения, т е. субъективного

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

момента, то и она выражается частицей, а именно связкой. Поскольку же в предложении, где сказуемым служит егэн — глагол или предикативное прилагательное — связка отсутствует, а допустить возможность выражения предикации самим знаменательным словом значило бы вступить в противоречие с этой теорией, Токиэда постулирует в таких случаях выражение предикации нулевой связкой (рэйкиго-но тиндзюцу-хёгэн 零記號の陳述表現); см. Токиэда, цит. соч., стр 257—261.

При противоположности выводов эта теория и теория Ямада имеют общее в отправной точке: в них обоих именное предложение предстает как модель предложения вообще. Но тогда как в теории Ямада на первый план выдвинута роль присвязочного члена и в ёгэне определяется слитность предикации и выражаемой этим членом знаменательности, Токиэда, тоже исходя из раздельности этих моментов в именном предложении, создает концепцию, так сказать, нулевой раздельности их при сказуемом-ёгэне.

Глава восьмая

К стр. 92 [1]

Слово *хадэу*, которое в современном языке употребляется только служебно для выражения долженствования и объективной вероятности, с формальной стороны представляет собою имя. Поэтому предшествующие ему слова — глагол (с которым преимущественно употребляется *хадэу*) и имя — принимают определительную форму (*хадэу* может также предшествовать местоимение *сонна* 'такой'). Однако в последнем случае имя обычно принимает суффикс *но*, а не *на*. Об именной природе *хадэу* свидетельствует как определительная форма предшествующего слова, так и его роль подлежащего при последующем сказуемом *ару* или *най*, т. е. оборот *хадэу ва ару*, *хадэу га най*, а также и такие устойчивые словосочетания из старого языка, как *хадэу-о авасэру* 'предвидеть' ('согласовать с ожидаемым, с должным') и т п.

К стр. 104 [2]

О пассиве с удержанным прямым дополнением см. комм., т. I, стр. 663, прим. 6.

К стр 114 [3]

Уэ-ни означает 'на', 'над', так как нормально вещи кладут на стол, то *уэ-ни* может быть опущено; достаточно формы дательного-местного падежа, которая сама по себе, в зависимости от лексического значения существительного, означает 'в' или 'на'. Иное дело *маэ-ни* 'перед' во втором примере здесь без этого слова дательно-местный падеж как раз означал бы 'в', и пример значил бы 'находиться в глазу'. Из лексической полновесности *маэ* Мацусита делает вывод о его синтаксическом отношении к предшествующему слову, а именно, он считает *маэ* определяемым. Однако лексическое значение само по себе не служит достаточным доказательством: значение это не предметное, оно выражает пространственное соотношение. См. об этом статью об отыменных послелогах, указанную в комментариях, т. I, стр 649, прим. 22

К стр. 114 [4]

О примерах *каруку уцу* и *каруку цўкуру* см. комм., т. I, стр. 657, прим. 4

К стр. 125 [5]

Автор изложил мысль Юдзава Кокитиро не вполне ясно. Следовало бы добавить. „Значит отличие между *годзи-ни*, *нива-дэ* и *коко-о* в первой группе примеров и *юки-ни*, *нива-дэ* и *коко-о* во второй группе примеров касается

только смыслового соотношения с глаголом, а выше уже говорилось, что этот критерий, как относящийся к области мышления, отвергается Вот почему..." и т. д.

Нельзя не заметить, кстати, что Юдзава не прав, считая, будто в последних трех примерах имеются „для всех бесспорные дополнения". Во втором предложении *нива-дэ* в сочетании с *ару* рассматривается некоторыми грамматистами, например Ямада, как предикативный член, другими, например Киэда, как часть самого сказуемого.

К стр. 125 [6]

Наречие *мотоёри*, имеющее два значения — 1) 'с самого начала, искони', 2) 'конечно, разумеется', — этимологически состоит из существительного *мото* 'начало, основа' и суффикса исходного падежа *ёри*.

К стр. 130 [7]

Не следует забывать, что японское прилагательное подчиняется глаголу *нару*, о чем свидетельствует наречная (приегэнная) форма и что не отражается в русском переводе, где прилагательное в этом случае согласуется с подлежащим.

К стр. 131 [8]

Ср. прим 22 в комментарии к т. I, стр. 655.

Глава девятая

К стр 147 [1]

Вопрос о способах связи самостоятельных предложений разработан И Ф. Вардулем в статье „О сцеплении самостоятельных предложений в японском языке", Сб „Труды ВИИЯ", 7, 1955.

К стр 149 [2].

«Макура-котоба» (букв. „слово-изголовье") в японской поэзии VIII—XIII вв. — начальное слово стихотворения, занимающее его первую строку и образующее устойчивый элемент стилистической структуры некоторых словосочетаний, в которых выражен главный образ или тематический стержень всего стихотворения в целом или его начальной части. В этой структуре ма́кура-котоба́ выступают то как смысловой, то как экспрессивный, то как ритмический элемент целого, синтаксически же — всегда как определение. Самой важной является, однако, только их ритмическая роль, поскольку смысловая и экспрессивная связь с последующим словом может отступить на задний план, иногда не осознаваться и даже по существу отсутствовать (пример ниже)

«Дзе» или «дзеси» (букв 'предварение') — вступительная часть стихотворения, которая может занимать не только одну первую строчку, а и всю первую часть танки, т е. три строки из пяти. Поэтическая их роль состоит в подведении к последующему слову с помощью ассоциативных образов, в одних случаях связанных со смыслом последующего слова реально, в других — чисто формально Синтаксически они всегда служат определением Пример:

Асйхикино ямадори-но о-но сидарио-но нагаки нагас-о хйтори камонэму

Основное содержание стихотворения выражено в последних двух строчках. 'долгую, долгую ночь [я] один просплю?'. К сложному слову *нагае* 'долгая ночь', помимо тавтологического интенсифицирующего определения *нагаки* 'долгая', определением служат первые три строки, из которых вторая и третья значат 'свешивающийся хвост фазана', а первая — *ма́кура-котоба́* к слову *яма* 'гора', входящему в слово *ямадори* 'фазан'. Словарь

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

„Гэнкай“ поясняет, что *асйхики* произошло от *оисигэки* ‘густо-заросший’, почему и прилагается к слову *яма* ‘гора’ (так как в Японии горы обычно покрыты лесом, и само слово *яма* употребляется в значении ‘лес’). Это пример такого ма́кура-котоба́, в котором реальная смысловая связь с определяемым отсутствует, во-первых, из-за непонятности самого определения (*асйхики* 足引き по написанию состоит из *аси* ‘нога’ и *хики*, от глагола *хику* ‘тянуть’), во-вторых, оттого, что оно относится не к определяемому в целом, т. е. к *ямадори* ‘фазан’ (букв. ‘горная птица’), а к части его — *яма*. Дзёси же в целом передает параллельный образ: свешивающийся хвост фазана, длинный, как долгая ночь.

Большинство слов, являвшихся в древней поэзии ма́кура-котоба́, как, например, *хисакатано* ‘вечно-прочный’ к слову *ама* ‘небо’ или *хикари* ‘блеск’, *амасакару* ‘далекий, как небо’ к слову *хина* ‘деревня’, встречается только в этой поэзии и только в этой роли; значение же их нередко позабылось уже несколько сот лет назад и служит предметом специальных исследований (так, например, *асйхйкино*, как указано выше, традиционно пишется 足引きの, что делает его значение непонятным, а вышеприведенное объяснение его значения в словаре „Гэнкай“ — одно из предположительных толкований). Характерно, что такие серьезные толковые словари, как „Кодзирин“ д-ра Канадзава (1931) и „Кодзиэн“ д-ра Симмура (1955), обычно не раскрывают их значения, а только дают помету: ма́кура-котоба́ к таким-то словам. По-видимому, забвение самостоятельного значения ма́кура-котоба́ и привело к тому, что некоторые рассматривают их как междометия, против чего автор и возражает.

К стр. 154 [3].

Первоначальное значение слова *аната* — ‘та сторона, там’, слова *доно* ‘покои, дворец’ (жилище высокопоставленного лица), слова *сама* — ‘вид, облик’; *аната* превратилось в вежливое местоимение второго лица, *доно* и *сама* — вежливые суффиксы к личным именам.

Глава десятая

К стр. 165 [1].

Это соотношение рассмотрено в статьях А. А. Холодовича, Партитивный атрибут в японском языке, „Известия АН СССР“, Отд. лит. и яз., 1948, т. VII, вып. 1, и Н. И. Фельдман, О паратаксисе целого и части в японском языке, „Известия АН СССР“, Отд. лит. и яз., 1949, т. VIII, вып. 2.

К стр. 178 [2].

Особенность этих предложений состоит в том, что после сказуемого, выраженного глаголом, следует связка; в первом предложении она предваряется просубстантивной частицей *но*, во втором глаголе стоит одновременно в сказуемостной и именной форме; см. о них также стр. 179.

К стр. 179 [3].

Структура предложения, рассмотренная в этой главе, и отчасти структуры, рассмотренные в разделе VII предыдущей главы, являются предметом статьи Н. И. Фельдман, Именительный самостоятельный в современном японском языке, труды ВИИЯ, 1945, № 1.

Глава одиннадцатая

К стр. 180 [1].

Сам по себе термин „членное предложение" принадлежит А. А. Бобровникову, который в своей „Грамматике монгольско-калмыцкого языка", Казань, 1849 применил его к тем подчиненным предложениям, где „само причастие принимает частицу падежа и таким образом предложение становится членом другого предложения" (стр. 249). Здесь данному термину придано расширенное значение — он распространен на любое несамостоятельное предложение, а использован для передачи японского термина «сэцу» на том основании, что и автор и многие другие японские грамматисты, независимо от формы сказуемого таких предложений, функционально уподобляют их членам предложения.

К стр. 181 [2].

Определяя членное предложение как „то, что в обычной форме представляет собой нормальное предложение", автор, видимо, имеет в виду два момента: возможность в членном предложении нескольких таких форм сказуемого и такой формы подлежащего (с *но*), какие невозможны в самостоятельном предложении.

К стр. 189 [3].

Предложениями были бы *тикара най* 'силы нет', *кокоро сидзука-нари* 'сердце спокойно'. Здесь сказуемые приняли наречную форму — *наку*, *сидзукани*, — а сами эти и им подобные комплексы превратились в устойчивые словосочетания, несущие функцию наречий.

К стр. 192 [4].

Термин «рэнку» (連句) в сущности непереводим из-за многозначности компонента «ку» (см. например, стр. 41, 48, 60, 193), поэтому использован оставшийся вакантным русский термин „словосочетание", который с добавлением термина „подчиненный" отвечает по существу определению автора.

Глава двенадцатая

К стр. 195 [1].

При прямом порядке слов вопросительные слова *нани* 'что', *доко* 'где' и т. п. стоят на том же месте, которое обычно занимает соответствующий член предложения. В данном примере прямой порядок слов: *кими ва нани-о кау но дэсу ка*?

К стр. 195 [2].

При том типе инверсии, который показан автором в примерах, предложение оказывается интонационно разорванным: после части, предшествующей инверсированному члену, следует пауза (что в пунктуации обязательно обозначается запятой), и последнее слово ее произносится с интонацией законченности; слово же, отодвинутое на конец предложения, произносится с интонацией дополнительного пояснения. Такая инверсия в связной повествовательной речи не встречается. Но вынесение вперед дополнения, т.е. до подлежащего, не нарушает связности предложения, так как представляет собой явление иного типа.

Глава тринадцатая

К стр. 203 [1].

Нельзя не обратить внимания на полную схематичность приведенных примеров сложных и усложненных предложений. Реальные тексты подымают

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

много других вопросов, см. об этом И. Ф. Вардуль, Наблюдения над синтаксисом японского сложного предложения по материалам Кобаяси Такидзи, М., 1953 (диссертация).

К стр. 206 [2].

Заслуживает быть отмеченным, что в самом наименовании «хэйдзетай» благодаря компоненту «тай» кроется определение этих категорий не как грамматических, а как стилистических (ср. «камбун-текуякўтай», «гэмбун-иттитай» и т. п.).

Глава четырнадцатая

К стр. 209 [1].

Первый и третий вид согласования касаются синтаксических, второй — лексико-синтаксических, четвертый — стилистических явлений.

К стр. 214 [2].

«Какэкотоба» — один из приемов игры слов, используемый в японской поэзии и состоящий в том, что слово или часть слова в одном значении выступает по отношению к предыдущим словам, в другом — по отношению к последующим. Этот прием используется отнюдь не для комического эффекта, а для создания дополнительных сопутствующих ассоциаций. В приведенных примерах содержатся такие два смысла: в первом примере *коэ косо тйкаку нару* 'голоса близко **звучат**", но то же *нару* входит в название ***Нарумигата*** букв. 'залив **шумящего** моря'. Во втором *цўкиби я* ***суги*** 'дни и месяцы **проходят**', но то же *суги* употреблено как название дерева, к которому имеется сказуемое *фўкэру* букв. '[дерево] **суги** дрянлеет'. Пример на такую игру слов, где использовано слово *кйта* в значении 'север' и как прошедшее время от глагола *куру* 'приходить', здесь 'прилетать', см. в т. I, стр. 456.

К стр. 216 [3].

В японской грамматике модальная категория предположительности и временна́я категория будущего времени тесно связаны. Это, в частности, находит свое выражение в том, что одна и та же форма глагола, например *емубэси* в старом, *емо* в современном языке, несет обе функции. Поэтому в группе 1, т.е. под названием „прямая предположительная связь", у автора соединено выражение и чисто временно́й связи в достоверном будущем времени (первый пример и последние два), и условно-временно́й связи в будущем времени (второй пример с начала и третий с конца), и вневременно́й условно-предположительной связи (пример из „Кокинсю").

К стр. 216 [4].

Обратная предположительная связь — иначе говоря, уступительная связь, причем в этой группе объединены и условно-уступительные (первые три примера), и уступительно-противительное (последний пример) предложения.

К стр. 217 [5].

Достоверное условие при прямом следствии или прямой связи — это, иначе говоря, причинная связь, а достоверное условие при обратном следствии или обратной связи — это уступительно-противительная связь.

К стр. 218 [6].

Под „еще не установленным фактом" понимается предположительность в настоящем времени, как в третьем предложении, и будущее время, как в остальных.

Список источников примеров и памятников, упоминаемых в тексте[1]

Адзума-кагами 東鑑, конец XIII в., историческое сочинение.
Адзума-ута 東歌 — один из разделов „Манъёсю“ (см.)
Амакӯсабон Исоппо-моногатари 天草本伊會保物語, 1593 г., перевод басен Эзопа, изданный в латинской транскрипции.
Амакӯсабон Хэйкэ-моногатари 天草本平家物語, 1592 г., издание „Хэйкэ-м.“ (см.) в латинской транскрипции.
Басё 芭蕉, 1644—1694, поэт.
Бунго-моногатари 豊後物語, XVII в., повесть.
Вагокухэн 倭(和)玉篇, 1491 г., японский словарь китайских иероглифов.
Ваго-тōроку 和語燈錄, 1274 г., буддийское сочинение.
Вадзи-сэйкэнсё 和字正濫鈔, 1693 г., лингвистическое сочинение Кэйтю (см. т. I, стр. 646, прим. 2).
Гекуесю 玉葉集, 1312 г., поэтическая антология.
Госэнсю 後撰集, 951 г., поэтическая антология.
Госюисю 後拾遺集, 1088 г., поэтическая антология.
Гукансё, 愚管抄, 1222 г., историческое сочинение.
гунки [-моногатари] 軍記[物語], название жанра XII—XIV вв., военная эпопея.
Гунсёруйдзю 群書類從, собрание памятников древней литературы, опубликованное в 1782 г.
Гэмпэй-сэйсуйки 源平盛衰記, 1160—1185, историческая эпопея.
Гэндзи-моногатари 源氏物語 , 1002 г., роман.
Дзикёсю 字鏡集, 1245 г., японский словарь китайских иероглифов.
Дзиккинсё 十訓抄, 1252 г., сборник рассказов.
Дзиннō сётōки 神皇正統記, 1339 г., историческое сочинение.
Дзохё-моногатари 雜兵物語, 1683 г., рассказы.
Домэ-сёин 童蒙頌韻, 1109 г., пособие по китайскому стихосложению.
Ёакэмаэ 夜明前, 1932 г., исторический роман (автор Симадзаки-Тосон).
ёкёку 謠曲, название жанра XIV—XV в., лирическая драма.
Ёсино-сюи 吉野拾遺, 1358 г., сборник рассказов.
Ёситака-сю 義孝集, X в., сборник стихов.
Ёситада-сю 好忠集, X в., сборник стихов
Идзуми-сикибу-моногатари 和泉式部物語, XI в., повесть.
Исса 一茶, 1763—1827, поэт.
Исэ-моногатари 伊勢物語, нач X в., повесть с большим числом вставных стихотворений.
Кагура-ута 神樂歌, VIII—IX в., народные обрядовые песни.
Кагэрō-никки 蜻蛉日記, конец X в., дневник.
Канда-кōхицу 閑田耕筆, 1799 г , записки.

1 Датировка памятников указана по разделу „Хронология японского языка“ в „Лингвистической энциклопедии“ (Кокугаку дзитэн 1955 г., стр. 1039—1106), а памятников, отсутствующих в этом приложении, — по „Японской литературной энциклопедии“ (Нихон бункаку дайдзитэн, 1937).

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Канкинсю 閑吟集, 1518 г., поэтическая антология.
Канва-хосйки 漢和法式, 1498 г., сборник стихов (рэнга).
кёгэн 狂言, название жанра XIV—XV в., фарс.
Кёгэнки 狂言記, сборники кёгэн (см. выше), выходили в 1660, 1662, 1699, 1700, 1730 гг.
Кёрай 去來, 1651—1704, поэт.
Кинкайсю 金槐集, 1213 г., сборник стихов.
Кино ва кё-но моногатари きのうはけふの物語, 1624 г., рассказы.
Кинъёсю 金葉集, 1127 г., поэтическая антология.
Кириситан-бунгаку дампэн 吉利支丹文學斷片, сборник памятников христианской литературы с середины XVI до середины XVII вв.
Кодзики 古學記, 712 г., историческая хроника; написана по-китайски, но в ней имеются стихи, считающиеся образцами древнейшей японской поэзии.
Кокинсю 古今集, 922 г., поэтическая антология.
Кокинсю-токагами 古今集遠鏡, XVIII в., комментарий к „Кокинсю" (см. выше) Мотоори Норинага (см. т. I, стр. 641, прим. 14)
Кокон-тёмонсю 古今著聞集, 1254 г., сборник рассказов.
Кондзяку-моногатари 今昔物語, 1106 г., сборник рассказов.
Кудзи-конгэн 公事根源, 1422 г., исследование по истории дворцовых церемоний и ритуалов в VIII—XI вв.
Лунь-юй 論語, древняя классическая книга китайского конфуцианства.
Макура-но сёси 枕草子, конец X в., записки.
Манъёсю 萬葉集, середина VIII в., поэтическая антология. Часть стихотворений относится к народной поэзии более ранних веков.
Масукагами 增鏡, 1376 г , историческое сочинение.
Мокюсё 蒙求抄, 1529 г., антология китайской поэзии в японском переводе.
Мороудзи-сю 師氏集, X в., поэтическая антология (точное название Амано-тэкурасю 海人手古良集) .
[Мудзю] дзодансю [無住] 雜談集, 1305 г., сборник рассказов.
намбаммоно 南蠻物, название вида средневековой литературы: христианская литература преимущественно с середины XVI до середины XVII в.
Нихонги 日本記, 720 г., историческая хроника; написана по-китайски, но в ней имеются японские стихотворения.
Нихонсёки 日本書記 — см. Нихонги.
Оан-моногатари おあん物語, 1600 г., повесть.
Одзё-сиёсё 往生至要抄, конец XIII в., буддийское сочинение,
Окагами 大鏡, XII в., историческое сочинение.
Окику-моногатари お菊物語, 1615 г., повесть.
Отйкубо-моногатари 落窪物語, 1012 г., повесть.
Сагоромо-моногатари 狹衣物語, середина XI в., повесть.
Сайюки 西遊記, 1835 г., путевые записки.
Самбукё-онги 三部經音義, 1549 г., словарь.
Самукава-нюдо-хикки 寒川入道筆記, 1613 г., записки.
Санукиносукэ-но никки 讚岐典侍日記, 1110 г., дневник.
Сарасина-никки 更級日記, 1059 г., дневник.
Сацума-ута 薩摩歌, начало XVIII в., пьеса.
Сёбо-гэндзо 正法眼藏, 1250 г., буддийское сочинение.
сёномоно 抄物, название вида литературы XIV—XVI в.: записи лекций по китайской литературе.
Сйка-но макифудэ 鹿の卷筆, 1686 г., сборник народных рассказов и сказок.
Сйка-нюкай 四河入海, 1534 г., одна из комментаторских книг буддийской монастырской литературы (так. наз. 五山文學) XIV—XVI вв.
Сйкасю 詞花(華)集, 1144 г., поэтическая антология.
Сйкйсё 史記抄, 1477 г., японский комментарий к „Ши-цзи" („История Сыма Цяня", I в. до н. э.).
Синдзоку-Кокинсю 新續古今集, 1439 г , поэтическая антология.

Синкокинсю 新古今集, 1205 г., поэтическая антология
Сога-моногатари 會我物語, начало XIII в., военная эпопея.
Сосэки 宗碩, ум. в 1533 г., поэт.
Сумиёси-моногатари 住吉物語, первая пол. XIII в., повесть.
Сэйсуйсэ 醒醉笑, 1623 г., сказки.
Сэнсайсю 千載集, 1187 г., поэтическая антология.
Сэцуёсю 節用集, 1474 г., японский толковый словарь.
Сюисю 拾遺集, 1001 г., поэтическая антология.
Сясэкйсю 沙石集, 1283 г., сборник рассказов.
Тайкёдзи-мукасигоёми 大經師昔暦, 1715 г., пьеса.
Тайхэйки 太平記, 1371 г., историческая эпопея.
Такэтори-моногатари 竹取物語, IX в., повесть-сказка.
Тоса-никки 土佐日記, 935 г., дневник.
Тогэнсю 挑源集, 1655 г., сборник рассказов.
Торикаэбая-моногатари とりかへはや物語, XIII в., повесть.
Удзи-сюи-моногатари 宇治拾遺物語, 1218 г., *сборник рассказов.*
Уцубо-моногатари 宇津保物語, конец X в., повесть.
Фугасю 風雅集, первая пол. XIV в., поэтическая антология.
Хидзакурига 髭髴毛, 1802—1822 г., повесть.
Хобуцусю 寶物集, конец XII в., сборник рассказов.
Хогэн-моногатари 保元物語, 1181 г., военная эпопея.
Ходзёки 方丈記, 1212 г., записки.
Хоккэкё-онкуи 法華經音訓, 1386 г., *японский словарь китайских иероглифов.*
Хорикава-хякусю 堀川百首, 1182 г., сборник стихов.
Хоссинсю 發心集, 1216 г., сборник рассказов.
Хэйдзи-моногатари 平治物語, 1186 г., военная эпопея.
Хэйкэ-моногатари 平家物語, 1219 г., историческая эпопея
Цураюки-сю 貫之集, середина X в., поэтическая антология.
Цурэдзурэгуса 徒然草, 1330 г., записки.
Цуцуми-тюнагон моногатари 堤中納言物語, XI в., повесть.
Эйтё-нинэн тококу утаавасэ 永長二年東谷歌合, 1097 г., поэтическое состязание.
Экиримбон сэцуёсю 易林本節用集, 1597 г., издание словаря „Сэцуёсю" (см.).
Энкэйбон Хэйкэ-моногатари 延慶本平家物語, 1309 г., список „Хэйкэ-м". (см).
Ява 野坡, 1663—1740 г., поэт.
Ямато-моногатари 大和物語, X в., повесть.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Указатель цитированной литературы

В указатель включены японские авторы нового времени. Имена старых японских авторов (до периода Мэйдзи), а также иностранных и названия их работ, на которые сделана ссылка, даются на языке оригинала и в национальной графике непосредственно в примечаниях автора.

Литература в указателе расположена в алфавитном порядке по фамилиям авторов (в редких случаях по названиям, когда ссылка традиционно дана без указания автора). Труды каждого автора расположены в порядке первой цитации. Римская цифра перед фамилией автора обозначает условный номер труда, на который дается ссылка в примечании. Буквы после названий обозначают : Вв. — Введение, П.т. — Первый том, Вт. т. — Второй том, Комм. — Комментарии; цифры указывают: римские — номер главы, арабские — номер примечания автора, где сделана ссылка; в первом из этих примечаний приведен русский перевод названия.

Андо Масацугу 安藤正次
I 國語學通考, 1931, Вв. 21, П. т. I 3; XI, 108.
II 『都良ク』, 『去良ク』 などにつての考, 日本文學論誌, 1932, П. т. IV 80.

Асáно Син 浅野信
I 所謂指定の『なり』と詠嘆の『なり』, 『國學院雜誌』, 1933; сентябрь, П. т. XI 80.
II 日本文法辭典・口語篇, 1944, комм. к П. т., стр. 665, прим. 19.

Вáда Мáнкити 和田萬吉・日本文法講義, 1908, Вт. т. VIII 18.

„Гайкокуго уцусйката "外國語の寫し方, 臨時國語調査會, 1926, П. т. I 4.

„Гэнкон фуцӯ бумпō кайтэйан тēса хōкоку" 現今普通文法改定案調査報告之一, 國語調査委員會編纂, 1906, П. т. V 12; VI 26; XI 16, 33, 34, 82; XII 23, 27, 49, 51, 58, 59, 76.

Дзáмбо Кáку 神保格・言語學概論, 1922, Вв. 39, П. т. XII 3; Вт. т. IV 19; V 4, 7; VI 3,4.

Ёсидзава Ёсинори 吉澤義則
I 國語說鈴, 1931, Вв.. 12.
II 國語史概說, 1931, Вв. 15, 16, 17, 28; П.т, IV 70, 72; XI 106, 107.
III 日本文章史, 國語科學講座, 1934, Вв. 27.
IV 國語國文の研究, 1927, П. т. IV 49, 51 (用言の活用); XII 30 (萬葉集に用ひられたる助詞ユリ, ユ, ヨリ, ヨについて).
V 中等新國文典, 1924, П. т. VIII 33.
VI, 中等新國文典別記, 1926, П. т. IV 49, VIII 5; Вт. т. II 1, 3; VIII 39.
VII 高等國文法, 1934, П.т. IV 75; Вт. т. X 15; XI 6,9.
VIII 所謂形容動詞に就いて, 國語國文, 1932 январь, П.т. VI 3, 4.
IX 所謂『ヲ』に通ずる助詞『が』に就いて, 金澤博士還曆記念『東洋語學乃研究』, 1933, П. т. XII 21.
X 『雨夜の品定』の一節, 國語國文, 1934, ноябрь, П. т. XII 68.
XI 女子新國文典, 1926, Вт. т. VIII 34.
XII 改定中等日本文法參科書, 1920, Вт.т. X 15.
XIII 總主語說覺書, 藤村博士功績記念會編『國文學と日本性神』, 1935, Вт. т. X 15.

Ёсиóка Кёскэ 吉岡郷甫・文語口語對照語法, 1926, П. т XI 45; XII 11; Вт.т. III 6: VIII 17; X9; XI 5.
Игарáси Цутóму 五十嵐力・國語の愛護, 1938, Вт. т. XIV 3.
Икэда Хэйдзи 池田併治
I 萬葉集もみづ活用再考, 國語國文, 1933, август, П. т IV 44.
II 禁止表現法史, 國語國文, 1935, сентябрь , П. т. XI 92.
Имаидзуми Тадаёси 今泉忠義
I 自動詞の受動態に就いて, 學苑, 1936, январь, П. т. IV 60.
II 助動詞キの連體形, 金澤博士還曆記念『東洋語學乃研究』, 1933, П. т. XI 34.
Исида Харуáки 石田春昭・希望の『コソ』は動詞てあつた, 國語漢研究錄, 1930, сентябрь, П. т. XII 53.
Исидзакá Сёдзó 石坂正蔵・書紀古訓の『ハヘリ』,『ハムヘリ』の解釋, 國語と國文學, 1933, август, П. т. IV 66.
Итикáва Мúки 市河三喜・數詞について, 藤岡博士功績記念言語學論文集, 1935, П. т. III 5.
Итикáва Хирóси 市河寛・言文一致の更生とその發達, 國語國文の研究, 1927, апрель, май, июнь, сентябрь, Вв. 28.
Кагэяма Наохáру 景山直治・侍りと候や, 國語と國文學, 1934 мэрт, П. т. IV 66.
Кадосáки Синъúти 門前眞一・國語及び文法といふ用語の考察, 國語國文, 1933, август,
Камэда Дзиро 龜田次郎・國語學概論, 1909, Вв 12; П. т. III 5, IV 40.
Канадзáва Сёсабуро 金澤庄三郎
I 日本文法新論, 1912, Вв. 28; П. т. IV 40, XII 28.
II 形容詞考, 教育學術界 П. т. V 9.
Кáсуга Мáсахару 春日政治
I 敬語動詞マラスルについて, 國語國文の研究, 1928, декабрь, П. т., XI 102.
II マイスルといふ語, 九大國文學, 1931, сентябрь, П. т. XI 104.
III 新體中等國文法, 1923, Вт. т. VIII 11.
Кикудзáва Суэó 菊澤季生・文法論上の根本問題, 言語文化體系, Вт. т. IV 9.
Кинда́ити Кёскэ 金田一京助
I 國語音韻論, 1935, П. т. VI 23.
II 新國文法, 1941, Комм. к П. т., стр. 659, прим. 5.
Кúэда Масуúти 木枝增一
I 文語法精說, 國語科學講座, 1933, Вв. 10.
II 文法の立體的研究, 松井古稀博士記念論文集, 1932, Вв. 11.
III 文法的決定への疑問, 京都帝國大學國文學會記念論文集, 1933, Вв. 41; П. т. V 16; Вт. т. IV 25.
IV 語性移動論, 國語と國文學, 1936, октябрь, П. т. V 17; VIII 3; Вт. т. II 2.
V 高等國文法講義, 1929, П. т. VI 14; Вт. т. XI 4.
VI 高等口語法講義, 1931, П. т VI 14; 16; Вт. т. XI 6,7.
VII 語格と解釋の一關係, 國語國文, 1934, август, П. т. XII 62.
VIII『の』に關する二つの疑問, 國語國文, 1934 ноябрь, П. т. XII 77.
IX 文法に於ける意味, 日本諸學振興委員會研究報告, 第三篇 1939, сентябрь, Вт. т. IV 28.
Кобаяси Ёсихару 小林好日
I 國語國文法要義, 1927, Вв. 12, 15; П. т. IV 80; XI 22, 42; XII 13, Вт. т. VIII 38; X 10, 11.
II 日本文法史, 國語科學講座, 1933, Вв. 17; П.т. IV 41; V 14; 27; XI 14, 22.
Кобаяси Хидэó 小林英夫
I 文法の原理, 國語科學講座, 1934, Вв. 3,4; Вт. т. IV 18.
II 批判的解說『一般文法の原理』, 1932, Вв. 6, 7,17, 19,20.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

III 一般文法成立の可能性について，京城帝國大學文法學會第二部論纂四輯分册，1932，П. т. IV 10.
IV 言語學方法論考，1935，Вт. т. IV 27.
V 言語研究態度篇，1937，Вт т. IV 27.
VI言語學通論，1927，Вт. т. IV 27.
„Когохо“『口語法』，國語調查委員會編纂，1916，Вв. 30; П. т. VIII 7, XII 9, 57.
„Когохо-бэкки“『口語法別記』，то же，1917，Вв. 17, 26; П.т. IV 30, 37, 59,65,67,74; V 28, 29, 30, 31, 32, 33; XI 98,114, 115, 119; XII 40, 65.
„Кокугогаку дзитэн“『國語學字典』，1955 г. Комм. к П. т., стр. 650, прим. 4, стр. 655, прим. 19, стр. 659, прим. 5.
„Корэкарано кэйго“『これからの敬語』，文部省發行，1952，Комм. к П. т. стр. 647—648, прим. 9, 11, стр. 650, прим. 4, стр. 665, прим 27.
Кумадзáва Рю 熊澤龍 • 主部述部の原理的考察，國語創刊號，1936，июль, Вт. т. IV 21.
Кусáно Киёýдаи 草野清氏
I 日本文法，1891，П.т. V 23, 24; IX 1; XI 36; Вт. т. IV 3.
II 國語の特有せる語法一總主，帝國文學，1899，май，Вт. т. X 1.
III 所見，帝國文學，1898，май，июнь，Вт. т. X 1.
Мáцумура Акира 松村明 • 主格表現に於ける助詞『が』と『は』の問題，現代日本語の研究，1942，Комм. к П. т., стр, 668, прим. 16.
Мáцуо Сутóдзиро 松尾捨次郎
I 國文法論纂，1928，Вв. 12，П. т. I 2; XI 100, XII 54, 66.
II 國文法概論，1933，Вв. 12.
III 國話法論考，1936，П. т. XI 4, 48, 68, 71, 78, 101; XII 38, 55, 60, 66, 67.
Мáцусйта Дайсабýро 松下大三郎
I 標準日本口語法，1930，Вв. 22; П. т. II 3; VI 20, 22; VII 8, 15; VIII 2; IX 1; XI 93, 94, 95, 110, 111; XII 16, 73; Вт. т. III 3.
II 標準日本文法，1924，Вв. 40，П. т. VII 15.
III 改撰標準日本文法，1928，Вв. 44, 57, П. т. I 5; II 3, IV 9, 62, 78, 81; VII 6,15; VIII 11; IX 1, 3; XI 79; Вт. т. IV 20; V 2; VII 2; VIII 6.
IV 漢譯日本口語文典，П. т. VIII 2.
Мúцуя Сигэмáцу 三矢重松
I 高等日本文法，1934，Вв. 12; П т. V. 36, 37; VI 7, 10; XI 47, 49, 50, 54, 61, 62, 63,66,76,81,87; XII 5,10,20,52; Вт. т. IV 5; VII 3; VIII 20, 21, 22; X 6.
II 國語の新研究，1932，П. т. IV 80.
III 文法論と國語學，1932，П. т VII 11.
IV ごとし，國學院雜誌，1907，январь，П. т. XI 66.
V 古事記に於ける特殊なる訓法の研究，1925，Вт. т. II 5.
Мия́да Ваитиро́ 宮田和一郎 • 源氏物語から見た平安朝時代の形容詞，京都帝國大學國文學會記念論文集，1933，П.т. V 6.
Мия́кэ Такэро́ 三宅武郎 • 音聲口語法，國語科學講座，1934，Вв. 5.
Моримóто Харуёси 森本治吉『萬葉集』第三卷 • 解釋，萬葉集講座，1933，П. т. XI 31.
Нагáта Ёситаро́ 永田吉太郎
I いはゆる形容詞の整理，國語と國文學，1932 г., январь, П. т. IV 10.
II 動詞の名稱とその分類，там же, 1933, февраль, П. т. IV 11.
III 動詞の相に關する考察，там же, 1931, август, П. т. IV 63.
Накáмура Мúтио 中村通夫 • デスの語史について，國語と國文學，1936，март, П. т. XI 114, 115.
Накáнэ Сюку 中根淑 • 日本文典，1876，Вв. 52, П. т. XI 7.
Окáда Мáсами 岡田正美
I 日本文法 • 文章法大要，1900，Вт. т. IV 2; VIII 14.
II 解說批評日本文法，1902，Вт. т. VIII 16.
III 文法に於ける文章の總主 • 本主語，正主語，提部，帝國文學，1899，июнь，июль，Вт. т. X 2.

Окадзáва Масахáру 岡澤鈕治・言語學的日本文典, 1932, Вв. 58, Вт. т V 3.

Окадзáва Сёдзиро 岡澤鈕次郎
I 岡倉氏の語學上の二論文を讀みて所見を述ぶ, 言語學雜誌, 1900, №№ 4, 5, 6, 9, П.т. IV 80.
II 總主辯, 帝國文學, 1899, август, сентябрь, Вт. т. X 2.
III 新村氏に答へる, 帝國文學, 1899, декабрь, Вт. т. X 2.

Окáкура Юдзабурó 岡倉由三郎
I 語尾の『く』に就いて, 言語學雜誌, 1899, № 1, П. т. IV 80.
II 主格を示す本來の辭, 帝國文學, 1900, январь, П. т. XII 32.

Окафудзи Гэндзó 岡藤源藏・上一段活用は如何にして出來たか, 國語國文, 1935, июнь, П. т. IV 51.

Оригýти Нобуó 折口信夫・形容詞論, 金澤博士還曆記念『東洋語學の研究』, 1933, П. т. V 6.

Óсима Мáсатакэ 大島正健・形容詞組織考, 早稻田文學, П. т. V 9.

Отиáи Наобýми 落合直文・文章誤謬, 皇典講研究所講演十一, 1889, П. т. XII 50

Óцуки Фýмихико 大槻文彦
I 廣日本文典, 1897, Вв. 54, П. т. XI 8, 59, 74, 96; XII 7; Вт. т. IV 1; VI 1; VIII 10.
II 廣日本文典別記, 1897, Вв. 17; П. т. II 4, III 1; IV 7,8,42, 52, 53, 55; VI 1, 5; VIII 8; XI 45, 56,60, 70, 75, XII 8, 35, 53; Вт. т. XIV 1, 2.
III 語法指南, 言海, 1891, П. т. VII 3.

Óя Тóру 大矢秀. 假名遣及假名字體沿革史料, 1909, П. т. IV 50.

Сáкума Канáэ 佐久間鼎・現代日本語の表現と語法, 1936 (пересмотр. изд. 1952 г.), Комм. к П. т., стр. 650, прим. 3.

Сато Цурукити 佐藤鶴吉・『なし』を接辭とする形容詞, 國語國文, 1933, май, П. т. V 38.

Сабóги Умóтомо 左伯梅友
I 萬葉集の『已』の字の訓について, 文學. 1933, сентябрь, П. т. II 2.
II 萬葉集品詞概說, 萬葉集講座, 言語研究篇, 1933, П. т. XI 15, 90.
III 上古の國語, 國語科學講座, 1934, П.т. XI 15.
IV 萬葉集の助詞二種, 國語國文の研究, 1928, июнь, П. т. XII 22.
V『秋風も吹かなは』, 國文學詩 1931 октябрь, П. т. XII 48.

Симмура Идзýру 新村出
I 規範的對歷史的日本文典, 國語學講習錄, 1934, Вв 2,8,12.
II 東方言語史叢考, 1927, П.т. III 5; XII 82; Вт.т. X 3.
III 東亜語源志, 1930, П.т. XI 116.
IV 總主の說に就きて, 帝國文學, 1899, июнь, Вт.т. X 2.
V 總主の說に就きて岡倉氏一質す, там же, 1899, ноябрь, Вт. т. X 2.

Сиратóри Куракити 白鳥庫吉・數詞に就いて, 史學雜誌二十篇第一號, П.т. III 5.

Такахаси Тáцуо 高橋龍雄・國語學原論, 1934, Вв. 60; П.т. VII 17.

Такэда Юкити 武田祐吉・形容詞の論, 金澤博士還曆記念『東洋語學の研究』, 1933, П.т V 5.

Танáка Ёсикадо 田中義廉・小學日本文典, Вв. 51; П. т. IV 21; XI 6.

Танака Кэндзо 田中健三・國語國文法の理論と演習, 1930, Вт. т. VIII 35.

Татибана Масáкадзу 橘正一・方言學概論, 1927, Вв. 34.

Татибанá Мунэтóси 橘宗利・所謂延言『ク, ラク, マク』考, 國學院雜誌, 1936, май, П т. IV 80.

Тóдзё Мисаó 東條操
I 方言學概說, 國語科學講座, 1934, Вв. 33.
II 我が國の方言區劃, 國語教育, 1921, июнь, Вв 32.
III 國語の方言區劃, 1927, Вв. 32.
IV 大日本方言地圖, изд. 育英書院, 1927, Вв. 32.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Тóкиэда Мотóки 時枝誠記
I 語の意味の體係的組織は可能であるか，京城帝國大學文學會編纂第二輯『日本文學研究』，1936, II т. V 22.
II 語の形式的接續と意味的接續，國語と國文學，1937, август, Вт. т. VIII 42.
III 日本文法，口語篇，1950, Комм. к II. т., стр. 653, прим. 5, стр. 655, прим. 19, стр. 663, прим. 1, Вт. т. стр. 212, прим. 3.
Тóкуда Акигóэ 德田秋聲・明治小說文章變遷史，文藝百科要義，т. I, 1914, май, т. II, 1921, июнь, Вв. 28.
Тóкуда Киёси 德田淨
I 國語法概說，1936, П.т. V 6, 36; VI 24; VIII 15; IX 7; XI 5,13, 44, 51, 58, 64,69; XII 6, 36,37,74,79.
II 連體詞と形容動詞，國學院雜誌，1934, декабрь, П. т. VI 24; VII 12,19.
Удá Кадзутóси 上田萬年
I 國語のため，1895, Вв. 31; П.т. V 4.
II 形容詞考，『國語のため第二』，1903, П.т. V 9.
Фудзимура Сáку 藤村作・日本新文典，1921, Вт. т. VIII 30.
Фукуи́ Кюдзó 福井久蔵・新修商等國文典，1933, Вт. т. IX 3; X 13.
Хáга Яи́ти 芳賀矢一
I 國文學歷代選，1928, Вв. 25.
II 日本文獻學文法論歷史物語，1928, П. т. V 26; VIII 6.
III 中等教科『明治文典』，1904, П.т. VI 2; XII 80; Вт. т. IV 4; VIII 12, 37; X 4.
IV 文法論 (см. II), П.т. XII 15; Вт.т. III 7; VIII 13.
Хасимóто Сúнкити 橋本進吉
I 國語學概論，岩波講座『日本文學』1933 (отд. изд. 1946), Вв. 28.
II 國語法要說，國語科學講座，1934, Вв. т. 36, 38, 42, 61, П. т. II 3, IV 22, 38, 39,; VII 18; XI 3; XII 18, 19,46; Вт. т. III 1,2; IV 7; V 5, VIII 7.
III 新文典上級用，1933, П.т. IV 19; Вт.т. II 4; XI 6.
IV 新文典別記上級用，1935, П. т. I 1; IV 19; VIII 1, 3; IX 4,5; XI 53, 109; XII 4; Вт. т. IV 6; VI 7; VII 4,8; VIII 1, 3, 4, 40, 41; IX 5; X 14; XI 1, 6, 8.
V 上代の文獻に存する特殊の假名遣と當時の語法，國語と國文學，1931, сентябрь, II. т. IV 43.
VI 上代に於ける波行上一段活用に就いて，國語國文，1931, октябрь, П. т. IV 48.
VII 新文典初年級用，1931, П.т. IV 69.
VIII 國語の形容動詞について，藤岡博士功績記念言語學論文集，1935, П. т. VI, 11,12,13,15,18.
IX 助動詞の分類について，國語と國文學，1936, октябрь, П. т. XI 9, 10.
X 奈良朝語法研究の中から，там же, 1925, январь, П.т. XI 87.
XI 國語法研究，1948, Комм. к П. т., стр. 658, прим. 2.
Хóнъидэн Сигэёси 本立田重美
I 形容詞の語幹につく接尾語『み』に就いて，帚木，1936, октябрь, П. т. XII 81.
II 主語と提示語と，國語國文，1935 октябрь, Вт.т. IX 6.
Хóсина Кóити 保科孝一
I 國家語の問題について，東京文理科大學文科記要第六卷，1933, май, Вв. 29.
II 日本口語法，1911, Вв. 35, П.т. X 1; XI 99, 120.
III 昭和日本文法，Вт.т. VIII 32; XIII 3.
Хосóэ Úкки 細江逸記
I 動詞時制の研究，1932, П.т. XI 24, 25, 26, 27, 39.
II 動詞敍法の研究，1933, П.т. XI 28.
Цýруда Цунэёси 鶴田常吉
I 革語の分類に關する私見，國文學攷，1935, сентябрь, Вв. 37, 62; П. т. VII 13; XII 17.
II 日本口語法，1924, П.т. II 3; VI 25; VII 13.

Цутифу́ти Эй 土淵英・形容詞本質論, 國學院雜誌, 1935, июнь, июль, август, сентябрь, П.т V 7.
Эндо Ёсимото 遠藤嘉基・訓點資料と訓點語の研究, 1953; Комм. к П. т., стр. 667, прим. 1.
Юдзáва Кокитиро́ 湯澤幸吉郎
I 口語法精說, 國語科學講座, 1934, Вв. 9, 59; П.т. II 3,5,6; IV 20,36; VI 17; VII 1, 16; IX 6; отд. изд., 1953, комм к П. т., стр. 655, прим. 19.
II 室町時代の言語研究, 1929, Вв. 15,17,26, П.т. XI 21, 112, 113.
III 國文法, 國語國文學講座第二卷, 1933, Вв. 59, П.т. II 3.
IV 修飾語に關する考察, 國語と國文學, 1930, май П.т. I 9.
V 等閒に附された品詞, там же, 1931, январь, П.т. II 3; VII 16.
VI 解說日本文法, 1931, П. т. V 21, Вт. т. VIII 36, X 12, XI 1.
VII 口語の『讀ノル』,『サレル』等の取扱方に就いて, 國語教育, 1932, декабрь, П. т. XI 97.
VIII 口語『マス』の起原について, 教育, 1929, июнь, П т. XI 105.
IX 德川時代言語の研究, 1936, П. т. XI 118.
Ямáда Ёсиó 山田孝雄
I 日本口語法講義, 1922, Вв. 13, П. т. II 5; VI 19; XII 29, 63, 64, 72; Вт. т. VIII 27,28,29; X 7, 16.
II 日本文法要論, 岩波講座『日本文學』, 1931, Вв. 14, П.т. V 3; Вт. т. IV 16.
III 奈良朝文法史, 1913, Вв. 17, П.т. II 1; IV 79; VII 5; XI 29, 41, 46, 52, 86, 88, 89; XII 24, 31, 33.
IV 平安朝文法史, 1913, Вв. 17, П. т. IV 73; V 25; XI 18.
V 漢文訓讀と國文法, 國語科學講座, 1934, Вв. 23, 24; П т. IV 76, 77.
VI 漢文の訓讀によりて傳へられたる語法, 1935, Вв. 24, П. т. IV 76,77; V 36; Вт.т. II 7.
VII 日本文法講義, 1922, Вв. 43, П. т. IV 1, 2, 15, 16, 17, 18, 33, 58; V 1, 2, 3, 18, 20, 35; XI 11; XII 45, Вт.т. III 5; IV 8; VIII 28, 29; X7; XIII 2.
VIII 日本文法論, 1908 (5-е изд., 1930), Вв. 55, П. т. I 6, 8; III 2, 3, 6; IV 3, 5, 6, 21, 25, 27, 28, 35, 54, 56, 63; V 19, 34; VII 9, 10; VIII 10, 14; IX 1; X 2,3; XI 23, 40, 43, 65, 77; XII 2, 12, 25, 61, 78; Вт. т. III 8; X 7.
IX 日本文法學概論, 1936, Вв. 55, П.т. VII 4, 7; VIII 9; IX 1; XI 2, 11, 73, 77, 82; XII 26, 34, 39, 42, 47, 56, 69, 70, 71, 75, 78; Вт. т. I 1; II 6; III 8, 9; IV 17; V 1; VI 5; VII 5, 7; VIII 5, 8, 9, 23, 24, 25, 28, 29; IX 1, 2; X 7, 8; XII 1; XIII 1.
X 敬語法の研究, 1924, П.т. IV 68.
XI 萬葉集講義, 1928 — 1936, П.т. V 15.
Ясуда Киёмон 安田喜代門
I 國語法概說, 1928, Вв. 17; П.т. I 1; IV 48; V 36; VII 14; VIII 13; IX 1; XI 12, 55, 67, 103; XII 14; Вт. т. IV 26.
II 高等國語法, 1929, П.т. VII 14; IX 1.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Предметный указатель

агглютинативный язык (膠着語, 膠着語) I 15, 168, 170, 497
адвербиальное членное предложение (副詞節) II 182, 185, 186
адъективно-глагольный служебный глагол (形容動詞性の助動詞) I 352, 353
адъективное определение (形容詞的修飾語) I 240, 253, 254, 281, 298, 510, 511, 515, II 22, 87—94, 96, 98, 99, 125, 128, 129, 141, 149, 168
адъективное членное предложение (形容詞節) II 182, 185, 186
адъективно-определительное членное предложение (形容的修飾節) I 511, 512, II 91, 96, 98, 186, 189
адъективный глагол (形容動詞) I 253, 256, 269—296, 304, 316, 320, 322, 465, 466, 479, 511, II 18, 32, 92, 95, 107—109, 112, 161, 167, 171, 191
адъективный служебный глагол (形容詞性の助動詞) I 353
аморфное предложение (無定形文, Amorphous sentence*) I 338
аффикс (接辭) I 56, 57, 81, 117, 120, 169, 298, 348, II 26
будущее время (未來) I 50, 376, 378, 379, 388, 456, 457
бытийное слово (存在詞) I 135, 163, 196, 517, II 72
вежливое прилагательное (敬語の形容詞) I 264
вежливое слово (敬語) I 203, 647, 648, 650, II 218
вежливое существительное (敬語の名詞) I 81
вежливое числительное (敬語の數詞) I 125
вежливый вспомогательный глагол (敬語の補助動詞) I 444, 446, 449
вежливый глагол (敬語[の]動詞) I 201, 215—219, 371—374, 411, 439, 444, 445, 448, 449, 451, II 154
верхнее двухступенчатое спряжение (上二段活用) I 179—181, 232
верхнее одноступенчатое спряжение (上一段活用) I 183—187, 202, 203, 233
вид (動作態) I 391, 398, 458
вид длящегося действия (繼續態) I 391, 392
вид законченности действия (完了態) I 391—394
вид пребывания (存在態) I 391, 392, 394, 459
возвратно-указательные местоимения (反身指示代名詞) I 107, 108
возвратные местоимения (反稱代名詞) I 107, II 20
возможность [действия] ([動作の]可態) I 361, 405, 406, 432, 439
вопрос (疑問) I 546, 547, 560, 563, 565—567, 569, 621—623, II 206, 214
вопросительное предложение (疑問態の文) I 389, 569, II 206, 209
вопросительное слово (疑問の語) I 567, 570
время (時, tense) I 345, 376, 377, 393, 398, 459, II 215
вспомогательное [предикативное] прилагательное (補助形容詞) I 474, 480, 482, 605, II 24, 75
вспомогательное слово (補助語) I 67, 297, 496
вспомогательное числительное (助數詞) I 115—119
вспомогательный вежливый глагол (敬語の補助動詞) I 443, 449
вспомогательный глагол (補助動詞) I 140, 141, 217, 240, 344, 444—449, 455, 459, 462, 474, 488, 605, 644, II 23, 75, 76, 139
вторая заключительная форма (第二終止): глагола I 158; прилагат. I 254
второе лицо (對稱) I 96

---

* Английский эквивалент приводится в тех редких случаях, когда он дан в оригинале.

выделенная часть (提部) II 169—170
выделенное слово (提示語) II 56, 151—153, 155, 170, 173, 174, 176, 177, 179
выделенное членное предложение (提示語節) II 191
выделительная позиция (提格) I 78
герундий, gerund II 22
главное предложение (本文) II 160, 161
главное членное предложение (主要成文) II 183
главный член предложения (主要成分) II 56—57
глагол (動詞) I 129, 130, 235, 236, 239—241, 247, 248, 269, 270, 274, 286, 292, 294, 301, 302; 314, 497, 500, II 20, 31, 38, 77, 92, 108, 116, 190
глагол потенциальности (可能動詞) I 203; *см. также* потенциальный глагол
глагол *самопроизвольного действия* (自發動詞) I 204, 362
глагол-связка (指定の助動詞) * I 197, 416, 461, 462, 470, 472, 485, 486, 531, 536, II 104, 124; *см. также* связка
глагол четырехступенчатого спряжения (四假活用の動詞) I 364, 437, 438, 605
глагольный служебный глагол (動詞性の助動詞) I 352
группа (*члена предложения*) (部) II 58, 191, 193
группа *дополнения* (補部) II 58
группа независимого члена (獨立部) II 58, 192
группа общего подлежащего (總主部) II 58
группа определения (修飾部) II 93, 142, 192
группа подлежащего (主部) II 58, 162, 192, 194
группа сказуемого (述部) II 58, 115, 123, 161, 162, 172, 192, 194
группа *слова-объекта* (客部) II 58
дательный падеж (與格, dative) I 525
двухступенчатое спряжение (二假活用) I 175, 576; верхнее I 179—181, 232; нижнее I 181—183, 232, 368
диалект (方言) I 46, 49—52, 220, 478, 481, 525
диалект Окинава (沖繩方言) I 79, 525
длительность действия (繼續作用) I 398
долженствование (義務) I 405, 406, 463, 464, II 215
дополнение (補語) I, 207, 209, 210, II 90, 101—104, 106—113, 116—138, 158, 161, 164, 165, 171, 186
дополнение в новом смысле (新らしい意味の補語) I 155, 194, II 132
дополнительный член предложения (補充成分) II 56, 57
дополняющее слово (補足語) II 110, 111, 114, 120
достоверное условие (確定の條件) I 593, 595, 597, 600, 669, II 216—218; *см. также* осуществленное условие
достоверность (確定) I 386, 389, 392, 393, II 216, 217
ёгэн (用言) I 72, 75, 76, 127—129, 131, 137, 151, 241, 270, 272, 274, 277, 278, 311, 315, 346, 349, 357, 414, 424, 498—503, 533—536, 644, 645, II 20, 22, 59, 70, 74, 90—92, 97, 100, 101, 136, 138, 139, 178
единственное число (單數) I 80
единство речи и письма (言文一致) I 43
желание (*действия*) (希望) I 409, 571, 573, 616, 617, 620, 621, 633, II 215
завершенная форма (已然形): ~ глагола I 160—164, 179, 485; прилагат. I 255—257, 261, 262, адъект. глаг. I 271, ёгэнов *вообще* I 551, 565, 571, 573, 585, II 212, 213
заимствованное слово (外來語) I 89 (*о сущ.*); I 122, 123 (*о числит.*); I 494 (*вообще*)
заключительная форма (終止形). глагола I 142, 156, 160, 164, прилагат. I 243, 253, 255, 259, 260; адъект. глаг. I 287, 289, 315, 316; ёгэнов *вообще* I 418 551, 552, 564, 565, 585, 654, II 210, 212, 213
заключительное служебное *слово* (終助詞) I 506, 553, 557, 615—617, 626, 627, II 75

* О переводе этого термина см. т. I, стр. 19.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

законченность действия (動作の完了) I 458, 601
залог (相) I 358; (態) I 345
запрещение (禁止) I 575, 620, 625, II 207
звательная позиция (呼格) I 78, 574, 632, II 56, 150
знаменательное слово (觀念語) I 53, 58, 65, 116, 132, 142, 149, 169, 170, 193, 338, 347, 469, 480, 495, 496; II 38, 42—44, 55, 67, 85, 180
изменение *гласного* (轉音) I 77, II 39
изменение категориальной принадлежности (語性移動) II 11—16, 19, 25
изъяснительное слово (陳述語) I 67, 75, 128, 351, II 44
именной глагол (名詞性の動詞) I 446
инверсия (倒置) II 152, 159, 195, 207, 208
индикатив (終止動詞, verbum finitum) II 63
инструментальный падеж (役格, instrumentalis) I 525
интонация (音調) I 59, 625, 627, 630, II 42, 106, 160, 195
ка́нго (漢語) I 52, 89, 122, 154, 193, 205, 217, 218, 224, 229, 303, 313, 366, 367, 441, 445, 641, 642, 648, 649, II 17, 30
категориальная принадлежность (語性) II 10—14, 20, 54
каузатив (使役, 令動) I 207, 359, 362, 441, 514, II 104—106, 112
каузативно-пассивное значение (被役の意味) I 442
каузативный глагол (使役動詞) I 441
квазиименное служебное слово (準體助詞) I 505, 506, 510, 614
квазислужебный глагол (準助動詞) I 459
квази-тайгэн (準體言) I 159, 250, 255, 261, 331, 418, 501, 564, II 21, 22, 94, 118, 146, 150
китайский текст (漢文) I 44, 226, 493, 514, 641, II 23
количественное числительное [японское] (固有語の]量數詞) I 119—121
комплексное адъективное определение (形修圍) II 145, 192
комплексное наречное определение (副修圍) II 145, 192
комплексное подлежащее (主語圍) II 70, 145, 197,
комплексное сказуемое (述語圍) II 81, 145, 197
конверсированное употребление слова (語の轉用) II 15, 19—21
конверсия [частей речи] (品詞の轉換, 語の轉成) I 249, 301, 326, 342, II 10, 11, 15, 16, 19
корейский язык (朝鮮語) I 38, 79, 228, 240, 526
корень (語根) I 144
литературный язык (文章語) I 45
лицо (稱[格]): I 96 (*у местоим.*); I 218, 665 (*у глагола*)
личное местоимение (人[稱]代名詞) I 96—98, 102, 103, 107, II 20, 159
логический предикат (論理的述部, logical predicat) II 63, 64
логический субъект (論理的主部, logical subject) II 63, 64
локативный падеж (位格, locative) I 525
междометие (感動詞, 間投詞) I 324, 337—343, 574, 615, 626, II 18, 19, 149, 151, 207
междометийное служебное слово (間投助詞) I 340, 433, 505, 507, 574, 616, 625, 626, II, 75
междометийный член (感動語) II 56, 149, 191, 194
местоимение (代名詞) I 76, 93—110, 298—300, 303, 307, 515, II 16, 18, 20, 35—37, 152, 170, 177
местоимения места (場所代名詞) I 101, 102, 106, 107
местоимения направления (方向代名詞) I 102, 106, 107
множественное число (複數): существительных I 80, 81; местоимений I 95, 104—106; *вообще* I 544
морфема (原辭)* I 65
наклонение (法, mood) I 345

* О переводе этого термина см. т. I, стр. 644, прим. 32.

наречие (副詞) I 124, 138, 155, 247, 249, 272, 273, 276, 286, 291—294, 301, 303, 305—307, 310—327, 330, 336, 339, 340, 417, 433, 434, 439, 511, 533—536, 602, 631, II 11, 17—19, 36—38, 77, 79, 95, 114, 118, 120, 129, 136, 137
наречия предикации (陳述副詞) I 307, 312, 313, 323, 324, II 100, 101
наречия состояния (情態の副詞) I 286, 313, 322, 518, II 117
наречия степени (程度の副詞) I 307, 313, 323, II 96
наречная форма (副詞形) I 248, 249, 260, 278—281, 283, 285, 287, 289, 291, 474, II 81, 136, 189
наречное определение (副詞的修飾語) I 112—114, 136, 138, 139, 142, 151, 153, 154, 207, 209—212, 240, 241, 249, 251, 252, 258, 272, 298, 310, 316, 317, 319, 349, 516—520, 523, 529, 535, 542, 600, 602, II 81, 82, 87, 90, 98—102, 119, 121, 123—127, 129, 136, 138—142, 168, 169, 214
наречное служебное слово (副助詞) I 506, 508, 533—537, 552—555, 607, 608, II 67, 75, 79
наречное употребление (副詞法) I 275, 318, 425, II 11
наречно-определительная позиция (副修格) I 78, 252
наречно-определительное членное предложение (副修節) I 252, 512, 608, II 100, 139, 189, 190
настоящее время (現在) I 376—379
недостаточное предикативное прилагательное (不完全形容詞) I 264
недостаточный глагол (不完全動詞) I 225, 226, 230, 281, 283, 284
незавершенная форма (未然形): глагола I 142, 149, 150, 156, 483; прилагат. I 248, 249, 257, 258; адъект. глаг. I 287, 289, ёганов *вообще* I 566, 585,
независимая позиция (獨立格) I 78
независимое слово (獨立語, 獨用詞) I 67, 297
независимое членное предложение (獨立[語]節) II 190, 191, 205, 206
независимый член (獨立語) I 332—334, 338, 341, II 56, 58, 70, 81, 141, 144, 145, 155, 173, 179, 194, 205, 206
неопределенное лицо (不定稱) I 96
неопределенное местоимение (不定稱の代名詞) I 101, 104, 106
неопределенное числительное (不定數詞) I 123, 124
неосуществленное условие (未だ成立しない條件) I 149, 156, 261, 586, 597, 598; *см. также* предположительное условие
непереходный глагол (自動詞) I 206—210, 212—215, 437, 509, 520, II 102, 103, 105, 107, 112, 113, 115, 118, 119, 125—129, 131; полностью н. г. (完全自動詞) I 209, 210 не полностью н. г. (不完全自動詞) I 209, 212; II 110; объектный н. г. (有對自動詞) II 102
неправильное спряжение (變格活用) I 175—177, 189—198, 204—206
несамостоятельное употребление (*форм глагола*) (連續用法) I 148, 168, 169
неспрягаемый глагол (無活用動詞) I 230, 620
нижнее двухступенчатое спряжение (下二段活用) I 181, 183, 232, 368
нижнее одноступенчатое спряжение (下一段活用) I 187—189, 203, 204, 365
обратная связь (逆說) II 230; с неосуществленным *или* предположительным условием I 156, 584, 587, 588, 593, 595, 596, II 217; с осуществленным или достоверным условием I 334, 590, 597, 598, II 218
обращение (呼掛語, ёбикакэго) II 56, 150, 151, 191, 194
общее время (恒時) I 378
общее подлежащее (總主[語]) II 56, 152, 153, 157—163, 165, 166, 169—178, 187
объект (*действия*) (目的語, object) I 206, 516, II 102—104, 113, 119, 120, 122, 135, 169, 170, 181
объектная позиция (目的格, 客格) I 78, 509
объектное наречие (歸著副詞)* I 324, 325, 662
объектное определение (客修) II 115
обычный залог (通常の相) II 121, 122
ограничительное служебное слово (制限の助詞) I 540

* О переводе этого термина см. т. I, стр. 660, прим. 9 к гл. VII.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

однопозиционное сочетание ёгэнов (同格連用) I 136—138, 151, 152, 250, 251, II 81, 82, 146
одноступенчатое спряжение (一段活用) I 175, 177; верхнее I 183—187, 202, 203; нижнее I 187—189, 203, 204
озвончение (*при слиянии*) (連濁) II 33, 138, 139
окказиональная часть речи (臨時的品詞) II 12, 19
окончание (語尾): глаг. I 144—146, 166, 167, 170—172, 177, 178, 194, 195, 368, 624 (*см. также* сложное окончание); прилагат. I 228, 238, 239, 243, 259; адъект. глаг. I 271—273, 285, 286, 292, 305, 424, 462, 472, 522, 531; *наречия* I 276—278, 316, 522; II 19; ёгэна *вообще* I 346, 351, 493; II 19; служ. глаг. I 435; ка́нго I 224
окончание [предложения] (詰, мусуби) I 552, 557, 559, 562—566, 569, 570, 572, 573, II 210, 212, 213
определение (修飾語) I 229, 296, 306, 312, 321, 512, 518, 527, 627, 629, II 83, 85—88, 96, 97, 113—115, 119, 127, 135, 144, 148, 162, 187, 191, 194, 197
определительная позиция (修飾格) I 518, II 56, 100, 146, 147
определительная связь (修飾的連續) I 249—251, II 42, 43, 96, 98
определительное сочетание с ёгэном (修飾連用) I 136—139, 151, 152, II 81
определительное членное предложение (修飾語節) I 157, II 186, 188
определяемое (被修飾語) I 157, 158, 229, 312, 314, 321, 518, II 86, 87, 88—91, 97, 98, 100, 101, 114, 130, 131, 134, 194
основа (語幹): *вообще* I 57; глаг. I 144—147, 241; прилаг. I 236, 239, 241, 243, 246, 257, 343, 465, 466, 511, II 16—18, 35—37, 74, 75, 95; адъект. глаг. I 273, II 17, 36, 74, 75, 95; служ. глаг. I 435
особое спряжение (特殊活用) I 308
особый служебный глагол (特殊助動詞) I 414, 447, 461, 462
особые члены предложения (特殊成分) II 56, 59, 144
осуществленное условие (既に成立した條件) I 161, 261, 586, 587 *см. также* достоверное условие
ответное слово (應答語) I 342, II 149, 151, 195
отдельное слово (單語) I 54
отрицание (打消し, утикэси) I 50, 149, 150, 249, 425, 426, 431, 432, 527, II 214
отрицательная форма (否定形) I 149, 150
падежное служебное слово (格助詞)* I 434, 505, 507, 523, 533, 535, 542, 553, 554, 595, 610, 629, 631, II 22, 67, 126
параллелизм (並立) I 293, 294, II 82, 184
пассив (受身 укэми) I 206, 207, 359—362, 436—438, 663, 665, II 104—106, 111, 119, 131, 134, 154, 155
пассивный глагол (受身動詞) I 437
первое лицо (自稱) I 96
передача чужих слов, *см.* чужие слова
переходный глагол (他動詞) I 206—215, 359, 360, 435, 460, 509, 519, 520, II 102, 104—107, 111, 112, 115, 118, 119, 125, 127—129, 131; полностью п. г. (完全他動詞) I 212; не полностью п. г. (不完全他動詞) I 212, II 103, 112; *много(одно)*-объектный п. г. (複(單)對他動詞) II 102
письменный язык (文語) I 40—46, 260, 291, 351, 435, 477, 640, 649, 654, 669, II 209, 212
побудительный залог (使役相) II 121
повеление (命令) I 50, 405, 406, 472, 616, 620, II 207
повелительная форма (命令形) I 142, 164—167, 179, 204, 217, 236, 257, 361, 359, 437, 443, 447, 485, 571, 573, 623, 627, II 206, 207
повелительное предложение (命令體の文) II 151, 197, 206, 207
повествовательное предложение (平叙體の文) II 163, 206, 207, 209
подлежащее (主語) I 75, 218, 317, 333, 351, 360, 362, 460, 507, 508, 510,

* О переводе этого термина см. т. I, стр. 667, прим. 3.

511, 536, 539, 542, 556, 629, II 22, 48, 50—52, 59, 62—71, 78, 80, 85, 91, 104, 108, 120, 131, 132, 150, 151, 153—161, 163—167, 169—178, 181, 194, 196, 197, 208; условное п. (假主語 карисюго) II 154—156; дополнительное п.(補足主)II 162, 163; главное п. (文主) II 162, (本主語) II 166; подчиненное п. (句主)II 162; подсобное п. (副主語) II 165, 166,176; частичное п. (分主) II 162, 172; *см. также* общее подлежащее
подлежащное членное предложение (主語節) II 69, 187
подсобная позиция (副格) II 113
подсобное слово (副格語) II 56, 148, 149, 165, 166, 176
подчинение (從屬關係) II 85, 165, 176, 187
подчиненное слово (副用語) I 67, 297, 310
подчиненное словосочетание (連句)* II 180, 191—193
подчиненное членное предложение (從屬節) II 185—187, 201
позиция, *см.* синтаксическая позиция
позиция дополнения (補格) I 78, II 56, 116, 164
позиция наречного определения (副修格) I 516, 518, 522, 525, 528—530, 533
позиция объекта, *см* объектная позиция
позиция определения, *см.* определительная позиция
позиция предиката, *см.* предикатная позиция
позиция предикативного члена (賓格) II 56, 64, 73
позиция приложения (同格) I 78
позиция распоряжения, *см.* позиция управления
позиция субъекта, *см.* субъектная позиция
позиция управления (處置格) I 509, II 113, 122
показатель (*действия*) (目号) I 516, 517, 520, 521, II 102, 120; 122, 127; динамичный п. (動的目印) I 519, 520; статичный п. (靜的目標) I 516
понятийные слова (概念語) I 67, 75, 128, 351, 414, II 44
порядковое числительное [*японское*] ([固有語の]順位數詞) I 122
порядок слов (語序) I 168, II 131, 152; прямой п. с (正序法) II 194, инв ерсированный п. с. (倒序法) II 195
послелог (役置詞) I 494, 662
постоянное время (恒時) I 378
потенциалис (可能) I 437, 438
потенциальность (可能) I 359, 361, 362
потенциальный глагол (可能動詞) I 236, 437, 438; *см. также* глагол потенциальности
потенциальный залог (勢相) I 437, 438
правильное спряжение (正格活用) I 175—178
предикат (述部, predicate), II 45, 48, 49, 51, 63—65, 78
предикативная связь (主述的關係) II 43, 44, 200, 201
предикативная способность (陳述の力) I 127—129, 294, II 65; *см. также* предикативность
предикативное прилагательное (形容詞)** I 129—131, 133, 134, 138, 139, 142, 151, 228, 235—267, 269, 270, 280, 281, 283, 286, 294, 318—320, 322, 407, 410, 413, 416, 467, 479, 509, 511, 517, 572, 602, II 15, 17, 32, 75, 88, 104, 108, 109, 112, 117, 128, 161, 163, 167, 171, 190
предикативность (叙述性) I 294, 297, 301, 312, 313, 316, 349, 350, 413, 461, 470, 607, II 65, 78
предикативный член (賓語) I 192, II 64—66, 72, 77—79, 116, 117, 119
предикатная (сказуемост.) позиция (述格) I 78, 252, 253, 620, II 56, 65, 66, 72, 73
предикация (陳述[の義], 說述の意) I 127, 135, 351, 420, 534, 552, 616, II 12, 64, 65, 72, 73, 100, 101, 108, 109, 111, 112, 178

---

* О переводе этого термина см. т. II, стр. 229, прим. 4.
** О переводе этого термина см. т. I, стр. 645, прим. 35

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

предлог (前置詞) I 325
предложение (文, 文章) I 59, 60, 311, 351, 341, 351, 512, 537, II 7, 8, 41—54, 80, 96, 100, 180, 181, 183, 184, 199—208
предметное местоимение (事物代名詞) I 98—100, 105—107
предположение (假定) I 261, 388, 389, 400—404, 418, 432, 457, 460, II 215, 216
предположительное условие (假定の條件) I 148, 163, 426, 585, 597, 669, II 215—217; *см. также* неосуществленное условие
префикс (接頭辭) I 81—84, 99, 188 (*мн. ч.*); I 82—85 (*вежливости*) I 303, 314, II 26—28, 33 (*вообще*)
приданность (附屬關係) II 85
придаточное предложение (附屬節) *II* 185, (附屬句) *II* 204
приёгэнная форма (連用形): глаг. I 136—138, 142, 150—156, 167, 445, 484, 517, 518, II 16, 18, 35, 36; прилагат. I 249—252, 258, 259, 319, II 11, 16, 76, 137; адъект глаг. I 283, 287—289. II 11; ёгэнов *вообще* I 427, 540, 562, 575, 585, 607, II 81, 82
приёгэнное определение (連用修飾語) I 298, 318, II 88, 99, 134, 136, 155
приёгэнное слово (連用言, 連用語) I 298
приименная позиция (連體格) I 78, 299, 300, 511. 531, II 56, 88, 89, 93—95
приименная форма (連體形): глаг. I 157—160, 167, 300, 302, 307, 484; прилагат. I 241, 245, 254, 260, 262, 304, 308, 473; адъект. глаг. I 289—291, 304, 308, II 95; ёгэнов *вообще* I 418, 514, 521, 540, 551, 557, 560, 561, 564, 565, 569, 570, 585, 592, 627, 654, II 21, 67, 68, 92, 97, 187, 189, 191. 210—214
приименное (*часть речи*) (連體詞) I 99, 101, 226, 297—310, 326, II 37, 93
приименное заключение (*предложения*) (連體止, рэнтайдомэ) I 158, 384 (*глаголом*); I 254 (*прилагательным*)
приименное определение (連體修飾語) I 157, 246, 318, II 87, 88
приименнообразные (連體形語) I 99
приименные слова (連體語) I 298
прилагательное, *см.* предикативное прилагательное
приложение (同格語) II 56, 94, 147—149, 164, 194
присловная *связь* (附屬的連續) II 42, 43
присоединительный союз (累加的接續詞) I 334
причастие (分詞法, participle) I 157, II 22
причина (因果) I 400, 401, 529, 530, 599, 600, 669, *II* 138, 215
причинный союз (因果的接續詞) I 334
прогрессивный вид (進行態) I 393, 394, 459
производное слово (由生語, 分出語, 派成語) I 88 (*сущ.*); I 193 (*глагол*); I 266, 267 (*прилагат.*); II 25, 26, 33 (*вообще*)
простое предложение (單文) II 160, 161, 179, 199—202, 206
простое слово (單純語) I 57, II 33, 35
просторечие (俗語) *I* 10
пространственная соотнесенность (*местоимений*) (位置關係) I 96
прошедшее время (過去) I 376, 378, 386, 404, 617
прямая связь (順說) II 230; с неосуществленным *или* предположительным условием I 156, 586, 587, II 216; с осуществленным или достоверным условием *I* 334, 587, 599—601, *II* 218
психологический предикат (心理的述部) II 64
психологический субъект (心理的主部) II 64
пятиступенчатое спряжение (五假活用) I 201
разговорный язык (口語)* I 40—47, 149, 150, 260, 291, 351, 435, 469, 477, 640, 649, II 209, 212
разделительный союз (選擇的接續詞) I 334
реальное существительное (實質名詞) *I* 89, 90
реальный ёгэн (實質用言) I 129, 313, 350, II 15, 72, 78, 115

* О переводе этого термина см. т. I, стр. 10.

реальный тайгэн (實質體言) I 76
редупликация (疊語の形式): сущ. I 80, 81; местоим. I 95; прилагат. I 237—247
редуплицированное *слово* (疊語) I 80, II 34
релятивные слова (關係語, 關係詞) I 67, 297, 494
риторический вопрос (反語の意) I 563, 570, 621, II 215
род существительных (名詞の性, gender) I 78, 79
рюкюсский язык (琉球語) I 38, 532
самопроизвольное действие (自發) I 204, 361, 362, 439
самостоятельное употребление (*форм глагола*) (單獨用法) I 148, 168, 169
самостоятельные слова (自立語, 自用語) I 67, 297, II 44
связка (繫辭, copula) I 50, 419, 421, 423, 461, 462, 470, 472, 478, II 22, 65, 73, 109; *см. также* глагол-связка
синтаксическая единица (文節)* I 58, 59, 168, 495, II 11, 26, 27, 60, 67, 81, 142, 180, 191, 192
[синтаксическая] позиция (格)** I 77, 359, 507, 533, II 9, 21, 54, 55, 57, 82, 180, 186
ситуация (立場, *татиба*) II 12, 49, 51, 57, 195, 196
сказуемое (述語) I 128, 136, 143, 155, 157, 229, 236, 240, 246, 297, 312, 313, 315, 318, 351, 360, 363, 416, 417, 536, 551, II 48, 50—52, 59, 63, 72—85, 91, 103—109, 121—124, 132, 136, 160, 172, 173, 175, 181, 196, 197, 207, 208
сказуемостное [членное] предложение (述語節, 叙述節) II 80, 162, 163, 166, 171, 172, 174, 177, 178, 182—188, 200
слитное предложение (合文) II 203, 205
слитное слово (合體語) II 39
слово (語, 詞, 單語) I 53, 54-57, 58, 169, 272, 273, 340, 346, 348, 349, 436, 474, 503, 645, II 8, 9, 25, 26, 41, 46, 50, 51, 55
слово-объект (客語, 目的語, object)*** I 113, 153, 154, 206—212, 233, 359, 360, 460, 507, 509, 518—520, II 29, 56, 88, 101—111, 113—115, 118, 120, 121, 126—136, 138, 167, 186,
слово-предложение (文章語) I 337, 338, II 45, 46, 207
словосочетание-слово (連詞)**** I 58, 59, 311, 312, 445, II 42, 43, 58, 128, 129
сложное местоимение (熟語の代名詞) II 36
сложное наречие (熟語の副詞) II 37
сложное окончание (*глаголов*) (複語尾) I 265, 266, 345, 346, 357, 368, 369, 663
сложное предикативное прилагательное (熟語の形容詞) II 36
сложное предложение (複文) II 160, 179, 190, 200—206,
сложное слово (複合語, 熟語) I 57, 115, 117, 226, 237, 253, II 18, 25, 33—35, 39
сложное служебное слово (熟語の助詞) II 38
сложное существительное (熟語名詞) I 153, 160, 243, 247, II 35
сложно-подчиненное предложение (有屬文) II 204
сложный глагол (熟語動詞) I 151, 152, 192—194, 248, 436, II 22, 36, 139
сложный союз (熟語の接續詞) II 37, 38
служебное слово (助詞) I 56, 192, 274, 316, 351, 358, 359, 456, 493—506, 510, 511, 545, 599, 663, II 18, 27, 37, 38, 67, 99, 104, 109
служебное слово желательности (希望の助詞) I 410
служебный глагол (助動詞)***** I 56, 132, 135, 139, 142, 143, 216—218, 241, 258, 265, 287, 316, 344—360, 372, 416, 461, 470, 486, 489, 493, 495, 503, 603, II 18, 27, 36, 37, 92
служебный глагол будущего времени (未來の助動詞) I 388—391, 456, 485—487

---

* О переводе этого термина см. т. I, стр. 20.
** О переводе этого термина см. т. I, стр. 667, прим. 3.
*** О переводе этого термина см. т. I, стр. 655, прим. 20.
**** О переводе этого термина см. т. I, стр. 642, прим. 21.
***** О переводе этого термина см. т. I, стр. 662, прим. I к гл. XI.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

служебный глагол вежливости (敬語の助動詞) I 362, 363, 365, 369—375, 439, 442, 449, 451, 486, 488
служебный глагол желательности (希望の助動詞) I 348, 409, 410, 412, 467, 485, 486
служебный глагол законченности (завершенности) действия (完了の助動詞) I 304, 389, 391—399, 458
служебный глагол каузатива (使役の助動詞) I 348, 362—365, 367—369, 371, 440—443, 485—489
служебный глагол намерения (意志の助動詞) I 482
служебный глагол отрицания (否定の加動詞) I 424, 426, 429, 476, 479, 485, 486, 497, 527, 653
служебный глагол пассива (受身の助動詞) I 348, 360—362, 371, 434—436, 485—489
служебный глагол потенциальности (可能の助動詞) I 348, 439
служебный глагол предположения (推量の助動詞) I 389, 399, 425, 457, 460—466, 470, 473, 485—487
служебный глагол прошедшего времени (過去の助動詞) I 380—388, 455, 485—487
служебный глагол самопроизвольного действия (自發の助動詞) I 348, 362
служебный глагол-связка, *см.* глагол-связка
служебный *глагол сравнения* (比況の助動詞) I 413, 461, 468, 470, 485, 486, II 104
служебный глагол суждения (斷定の助動詞) I 491
смешанное предложение (混文) II 203
совершенный вид (已然態, 既然態) I 396
согласование (呼應) I 551, II 174, 209, 212—215, 218,
соотносительное окончание (係結, какаримусуби) I 551, 552, II 173, 174, 177, 178, 206, 209, 210, 212—214
соотносительное служебное слово (係助詞, какаридзёси) I 385, 433, 506, 508, 534, 550—555, 629, II 67, 75, 173, 174, 178, 210, 214
соположение (併置) I 114, 250, 333, II 69—71, 80—82, 96, 98, 140, 141, 147. 165, 197, 202
составное слово (合成語) I 243, 314, 446, II 25, 33, 39
сочиненное предложение (重文) I 332, II 145, 184, 185, 196, 201—203, 205
сочиненное членное предложение (並立節, 對立節) II 182, 185, 190
сочинительное служебное слово (並立助詞) I 505, 506, 523, 609—613.
сочинительный союз (並立的 [*или* 同格的]接續詞) I 334
союз (接續詞) I 301, 306, 324, 327—336, 338, 583, 596, 599, II 18, 19, 38, 70, 80, 81, 97, 99, 141, 145—147, 194, 202, 204
союзное служебное слово (接續助詞) I 328, 478, 505, 506, 529, 531, 583, 599, II 19, 38, 189
союзный член (接續語) I 332, II 56, 144
союзы обратной связи (逆說的接續詞 I 335
союзы прямой связи (順說的接續詞) I 335
спряжение (活用): глаг. I 143, 149, 170—173, 213—215, 346; прилагат. I 236, 238—240, 256, 275; адъект. глаг. I 270, 271, 273, 292; служ. глаг. I 351; ёгэнов *вообще* I 346, 351, 442
„спряжение кари" (カリ活用) I 241, 256, 276—284, 287, 292, 658
„спряжение ку" (ク活用) I 242, 246, 247
„спряжение нари" (ナリ活用) I 276, 277, 281, 284, 287, 288
„спряжение сйку" (シク活用) I 242, 244, 245, 247
„спряжение тари" (タリ活用) I 275—277, 281, 291
сравнение (比較) I 413, 526, 537, 538, II 123, 171, 215
срединная форма (中止形) I 152, 250, 274, 276, 278—281, 287, 289, 292—294, 327, 330, 475, 602, 603, 607, II 80, 97, 184

срединное сказуемое (中止法)* I 136, 241, 248, 251, 253, 254, 275, 276, 281, 293, 425, II 81
стандартный язык (標準語) I 46—49
страдательный залог (受身相, укэмисэ) II 122; *см. также* пассив
субстантивная форма (名詞形) I 152, 158
субстантивное членное предложение (名詞節) II 182, 185, 186, 188
субъект (*действия, состояния*) (事主, 主體) I 157, 206, 208, 210, 252, 512, 513, II 64, 73, 112
субъект (*предложения*) (主部, 主體) II 45, 48, 49, 51, 62, 63, 72, 78, 159
субъектная позиция (主格) I 75, 78, 507, 509, 512, 532, 533, 555, 556, 576, 578, 583, 631, 632 II 56, 62, 64—66, 164, 176
субъектно-предикативная связь (主述的關係) I 59, II 154, 200
суффикс (接尾辭) I 83 (*вежливости*); I 81, 104, 105, 544, (*мн. ч.*); I 266, 267, II 32 (*образования прилагат.*); II 30 (*образования сущ.*); II 31 (*образования глаг.*); II 32 (*образования адъект. глаг.*); I 117, 151, 170, 347, 348, 465, 493, 545, 549, 600, 608, 615, 642, II 13, 19, 26 29—33, 79, (*вообще*)
существительное (名詞) I 77—85, 112, 114, 117, 125, 152—156, 160, 216, 217, 230, 246, 253, 259, 301, 302, 308, 314, 315, 318, 326, 331, 369, 417, 429, 441, 444—446, 497, 500, 515, 592, II 11, 16, 18—20, 30, 35, 37, 93, 125, 137
существительное времени (時の名詞, 時詞) I 661
существительное нарицательное (普通名詞) I 86—88
существительное собственное (固有名詞) I 87, 88
тайгэн (體言) I 72, 75—77, 127, 128, 154, 158, 159, 210, 271, 272, 298, 317, 326, 414, 418, 424, 498, 500—502, 508—511, 516, 517, 527, 529, 536, 609, 614, 615, 622—645, II 17, 20—22, 59, 67, 68, 76, 88, 90, 92—94, 98, 99, 124, 126, 129, 137, 149, 150, 167, 191
типы спряжения (活用の種類): глаг. I 148, 170—178, 197—199, 205; прилагат. I 242; адъект. глаг. I 270, 271; служ. глаг. I 351
токпоский говор (東京語) I 47—49, II 60
третье лицо (他稱) I 96
третья заключительная форма (第三終止): глаг. I 162, 164; прилагат. I 255
тэниоха́ (てにをは) I 61, 328, 350, 493, 496, 497, 603
удвоение согласного (促音便) I 263
указательное местоимение (指示代名詞) I 101, 305
употребление слов (語の通用) II 7, 8, 54, 55
условие (條件) I 334, 430, 458, 573, 585, 586, 632, II 138, 216; *см. также* достоверное у., неосуществленное у., осуществленное у., предположительное у.
условная форма (條件形): глаг. I 149, 156, 160, 163; прилагат. I 248, 261; адъект. глаг. I 288, 289; ёгэнов *вообще* I 586, 587
условное подлежащее (假主語, карисюго) II 154—156
условный союз (條件的接續詞) I 334
уступительное значение (反接の意味) I 592, 597, 598
утверждение (肯定) II 214
фонетическая грамматика (音聲語法) I 27, 202, 639
фонетически измененная форма (*глагола*) (音便形) I 219, 220
фонетическое изменение (音便): сущ. I 77, II 38, 39; корня глаг. I 219—225; прилагат. I 259, 262, 263; служ. глаг. I 407, 430, 432, 456, 460, 463, 468, 478; служ. слов I 531, 598, 604, 613
формальное местоимение (形式代名詞) I 307
формальное наречие (形式副詞) I 325, II 19
формальное предикативное прилагательное (形式形容詞) I 264, 413, 474

* О переводе этого и предыдущего терминов см. т. I, стр. 653, прим. 7.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

формальное слово (形式語) I 53, 56, 58, 65, 116, 132, 135, 142, 149, 168—170, 197, 331, 344, 479, 480, 494, 505, II 20, 22, 27, 43, 67, 85, 90
формальное существительное (形式名詞) I 89—91, 308, 614, II 68, 89, 90
формальный глагол (形式動詞) I 135, 192, 196, 227
формальный ёгэн (形式用言) I 91, 129, 135, 192, 196, 312, 345, 349, 350, 413, 417, 469, II 12, 65, 78, 79, 116
формальный тайгэн (形式體言) I 76, 91, 94, 110, II 19
формы спряжения (活用形): глаг. I 143, 147, 148, 167—170, 179, 282; прилагат. I 242, 282; адъект глаг. I 270, 282, 287—289; служ. глаг. I 351; ёгэнов *вообще* I 346, 351
фраза ([斷]句) I 60, II 48, 50, 100, 203, 204
целое — часть (全部•一部) II 163, 165—167, 171
частица ([助]辭) I 503, 645; изменяемая ч. (動[助]辭) I 494; неизменяемая ч. (靜[助]辭) I 494
частичное существительное (部分的の名詞) I 154, II 20, 22
часть речи (品詞) I 53, 60, 273, 298, 305, 306, 442, II 10, 15, 19, 31, 55, 135, 136, 186
четвертая заключительная форма (*глагола*) (第四終止) I 164
четырехступенчатое спряжение (四假活用) I 165, 173, 174, 178, 179, 192—202, 295, 416, 438
числительное (數詞) I 76, 110—126, 272, 317, II 15, 89, 90, 137, 167, 168
число (數). сущ. I 78, 80; местоим. I 95, 104
член предложения (文の成分) I 58, 59, 169, 170, 330, 348, 358, 495, 496, II 9, 54, 56—60, 67, 136, 148, 152, 155, 180, 181, 186, 187,
членное предложение (節)* I 508, 511, II 128, 129, 160, 178, 180—193, 200, 201
чужие слова (他說) I 419, 463—465
эллипсис (省略) I 259, 524, 564, 575, II 46, 50, 51, 77, 116, 150, 154, 157, 158, 195—197, 207, 208
эмоциональное предложение (感動體の文) II 207
эпистолярный стиль (候文, сорбун) I 375
японский язык (日本語) I 38, 39, 49, 50, 79, 81, 168, 226, 497, 655, II 23, 35, 87, 125, 155, 172, 197

* О переводе этого термина см. т. II, стр. 229, прим. 1.

Указатель японских терминов

Настоящий указатель предназначен для лиц, знающих японский язык. Его цель — указать: русский перевод термина, сделанный в данной книге; определение термина, сделанное автором. Поэтому, как правило, указывается только та страница, где при определении термина наряду с переводом его дается и его японское выражение. (Об употреблении термина в русском переводе надлежит смотреть предметный указатель.) Две страницы или более через запятую указываются тогда, когда на этих страницах при дополняющих друг друга сведениях термин два или несколько раз приводится в его японском выражении. Две страницы или более, разделенные цифрами 1) и 2) и т. д., указываются в тех случаях, когда японский термин употреблен в двух или нескольких разных значениях.

бу 部 II 19
бубунтэки хинси 部分的品詞 II 19
бубунтэки-но мэйси 部分的の名詞 I 154
бумпō 文法 I 25, 72
бун 文 1) I 25; 2) I 59, II 41
бунго 文語 I 40
бунгобун 文語文 I 44
бунготэки кōго 文語的口語 I 41
бунсē 文章 II 224
бунсēго 文章語 1) I 45; 2) I 338
бунсēрон 文章論 I 19
бунсихō 分詞法 I 157
бунсо 文素 II 224
бунсэцу 文節 I 58, II 60
бунсэцугун 文節群 II 180
бунсю 文主 II 62, 162
бунсю 分主 II 172
бунсюцўго 分出語 II 25
бунтэн 文典 I 30, 72
гайрайго 外來語 I 651
гаттайго 合體語 II 39
гимонтай-но бун 疑問體の文 II 206
го 語 I 53, 645
гоби 語尾 I 144
гобун 合文 II 203
годзе 語序 I 168, II 194
годзюондзу 五十音圖 I 652
гокаку 語格 II 54
гокан 語幹 I 144
гокон 語根 I 144
гоку 語句 1) II 209, 2) II 224
госэй 語性 II 11
госэй 語勢 I 639, II 10
гōсэйго 合成語 II 25
госэй-идō 語性移動 II 12
госэцу 語節 II 224
готē 語調 I 639
гохō 語法 I 72
гэмбун-итти 言文一致 I 43
гэн 言 I 53
гэнго 言語 I 639
гэндзай 現在 I 376
гэндзи 原辭 I 65
гэнтэй 限定 II 87
гякўсэцу 逆說 I 584, II 216
гякўсэцўтэки сэцўдзокўси 逆說的接續詞 I 335
гякўтайтэки сэпўдзокўси 逆態的接續詞 I 335
даймэйси 代名詞 I 93
данваго 談話語 I 640
данку 斷句 I 60, II 50
дантэй-но дзёдōси 斷定の助動詞 I 491
дзē го 疊語 I 80, II 34
дзёдзи 助辭 I 493
дзёдзюцўбу 叙述部 II 58
дзёдзюцўку 叙述句 II 162
дзёдзюцўсэцу 叙述節 II 182
дзёдōси 助動詞 1) I 344, 622; 2) I 644
дзёкэнтэки сэцўдзокўси 條件的接續詞 I 334
дзёси 助詞 I 493
дзёсōхō 叙想法 I 380
дзёсўдзи 助數辭 I 118

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

дзёсӯси 助數詞 I 115
дзёсэцӯтэки дзюнно 序接的順應 I 594
дзи 辭 I 54, 645
дзидōси 自動詞 I 206
дзиёго 自用語 I 67
дзирицуго 自立語 I 53
дзисё 自稱 I 96
дзиси 時詞 I 661
дзисю 事主 I 208
дзицудзи 實辭 I 53
дзихацу-но дзёдōси 自發の助動詞 I 362
дзихацу-дōси 自發動詞 I 204
дзэнгйси 前置詞 I 325
дзюбун 重文 *см.* тёбун
дзюдзоку-канкэй 從屬關係 II 85
дзюдзокӯсэцу 從屬節 II 185
дзюдō 受動 I 19
дзюдōси 從動詞 I 350
дзюкӯго 熟語 I 57, II 34
дзюнсэцу 順說 I 584, II 216
дзюнсэцӯтэки сэцӯдзокӯси 順說的接續詞 I 335
дзюнтайгэн 準體言 I 255
дзюнтай-дзёси 準體助詞 I 506, 614
дзюнтайтэки (сэцудзокӯ си) 順態的接續詞 I 336
дзюттай-но ку 述體の句 II 48
дзюцубу 述部 II 58, 192
дзюцуго 述語 II 72
дзюцугодан 述語團 II 81
дзюцугосэцу 述語節 II 187
дзюцӯкаку 述格 I 78, II 56, 72
дōдзёдзи 動助辭 I 494
дōдзи 動辭 I 490
дōкаку 同格 I 78
дōкакуго 同格語 II 56, 147
дōкаку-рэнъё 同格連用 I 136, II 82
дōкакӯтэки(сэцудзокӯси)同格的接續詞 I 334
докуёго 獨用語 I 67
докурицубу 獨立部 II 58, 192
докурицуго 獨立語 1) I 497; 2) II 56, 144
докурицугосэцу 獨立語節 II 191
докурицӯкаку 獨立格 I 78
докурицӯси 獨立詞 I 53
докурицӯсэцу 獨立節 II 190
дōсатай 動作態 I 391
дōси 動詞 I 132
дэмбун 傳聞 I 464
ё 用 1) I 75; II 52; 2) I 646
ёбикакэго 呼掛語 II 56, 150
ёгэн 用言 I 127
ёгэнсэцу 用言節 II 182
ёдан-кацуё 四段活用 I 178
ёдзи 用辭 II 112
ёкаку 與格 I 525
идзэнкэй 已然形 I 160
идзэнтай 已然態 I 396
икаку 位格 1) I 525; 2) II 55
икёкаку 依據格 I 502
ингатэки сэцудзокӯси 因果的接續詞 I 334
иси-но дзёдōси 意志の助動詞 I 482
какаридзёси 係助詞 I 506, 550
какаримусуби 係結 I 551
какариукэ 係り承 I 292
како 過去 I 376
каку 格 I 77, 507, 667; II 55
какудзёси 格助詞 I 506, 507, 667
какӯтэй 確定 II 217
камбун-тёкуякӯтай 漢文直譯體 I 44
ками-итидан-кацуё 上一段活用 I 183
ками-нидан-кацуё 上二段活用 I 179
канго 漢語 I 52, 641
кандзи 完辭 I 65
кандōго 感動語 II 56, 149
кандōси 感動詞 I 337
кандōтай-но бун 感動體の文 II 207
канкэйго 關係語 I 67
канкэйси 關係詞 I 494
канно-фукӯси 感應副詞 I 343
каннэнго 觀念語 I 65
канō-но-дзёдоси 可能の助動詞 I 361
канō-дōси 可能動詞 I 203
канрё 完了 I 376
канрётай 完了態 I 391
кантай-но ку 喚體の句 II 48
кантанси 感歎詞 I 337
кантō-дзёси 間投助詞 I 507, 625
кантōси 間投詞 I 337
канъō 感應 *см.* канно
карисюго 假主語 II 154
карибунсю 假文主 II 154
катэй 假定 II 216
кацуё 活用 I 143, 653
кёдзи 虛辭 I 54
кёдōкаку 擧同格 I 502
кётё 强調 I 639
кибō-но дзёдōси 希望の助動詞 I 409
кидзэнкэй 已然形 I 160
кидзэнтай 已然態 I 392
кинсё 近稱 I 96
кйтяку-фукӯси 饒著副詞 I 324—325
кōго 口語 I 10, 41
кōгобун 口語文 I 42
кōдзи 恒時 I 378
кōдзокуго 後續語 I 292
кокаку 呼格 I 78, II 56
коккаго 國家語 I 639
кокӯго 國語 I 25
комбун 混文 II 203
конгōсэцу 混合節 II 185
конкōбун 混消文 II 203
коо 呼應 II 209

коробимусуби 傳結 II 213
кōси 後詞 I 494
котиси 後置詞 1) I 494; 2) I 662
ку 句 II 1) 41; 2) 48; 3) 60, 4) 193; 5) 225
кун 訓 I 641
кундоку 訓讀 I 641
кунтэн 訓點 I 666
кунтэнго 訓點語 I 666
курон 句論 II 9
куссэцуго 屈接語 I 497
кусю 句主 II 162
кэйго-но дзёдōси 敬語の助動詞 I 370
кэйдзḗгэн 形狀言 I 63, 236
кэйдзи 繫辭 II 65
кэйдзокўтай 繼續格 I 391
кэйдōси 形容動詞 1) I 130; 2) I 269
кэйёси 形容詞 I 235
кэйёсэйсэцу 形容詞節 II 182
кэйётэки сюсёкўго 形容的修飾語 II 88
кэйсэйкиго 形式語 I 65
кэйсюдан 形修團 II 192
кэйсюсэцу 形修節 II 189
кэйтайрон 形體論 I 19
кэйгайсо 形態素 I 644
кякказку 客格 I 502
кяку 客 II 143
кякубу 客部 II 58
кякуго 客語 I 655; II 56, 101
кякўсю 客修 II 115
мидзэнкэй 未然形 I 147
мирай 未來 I 376
мокўтэкиго 目的語 I 206, 655
мокўтэкйкаку目的格 I 78
мокўхё 目標 I 516
мэйрэйкэй 命令形 I 164
мэйрэйтай-но бун 命令體の文 II 207
мэйси 名詞 I 77
мэйсйкэй 名詞形 I 152, 153
мэйсйсэйно дōси 名詞性の動詞 I 446
мэйсйсэцу 名詞節 II 182
нōдō 能動 II 111
окототэн 乎古止點 I 493
омбин 音便 I 219
омбинкэй 音便形 I 219
он 音 I 641
ондоку 音讀 I 641
онсэй-гохō 音聲語法 I 639
онтё 音調 I 639
отōго 應答語 II 151
отōси 應答詞 I 342
парору パロル I 639
нуроминэнсу プロミネンス I 639
рангу ラング I 639
риндзитэки хинси 臨時的品詞 II 19
руйкатэки сэцудзокўси 累加的接續詞 I 334
рэйдō 令動 II 112
рэйкигоно 零記號の II 226
рэнго 連語 I 58, 642
рэнку 連句 II 193
рэнси 連詞 1) I 306; 2) I 661, II 58
рэнтайго 連體語 I 298; II 87
рэнтай-дзёси 連體助詞 I 667
рэнтайдомэ 連體止 I 158
рэнтайкаку 連體格 I 78, II 56
рэнтайкэй 連體形 I 157
рэнгайкэйго 連體形語 I 99
рэнтайси 連體詞 I 298
рэнтай-сюсёкуго 連體修飾語 II 87, 88
рэнъё́го 連用語 I 298
рэнъё́гэн 連用言 I 136
рэнъё́кэй 連用形 I 150
рэнъё́-сюсёкуго 連用修飾語 II 88
рэнъё́хō 連用法 I 253
са́гэн 作用言 I 63
сё 稱 I 96
сёдō 所動 I 19, II 111
сёряку 省略 II 195
сёсō 所相 I 19
сётикаку 處置格 I 509, II 113, 123
си 詞 1) I 53, 645; 2) II 61
симо-итидан-кацуё 下一段活用 I 187
симо-нидан-кацуё 下二段活用 I 181
синкōтай 進行態 I 392
сисиси 指示詞 I 93
ситтякўго 膠着語* I 497
ситэй-но дзёдōси 指定の助動詞 I 416
сиэки 使役 I 362
сиэкйсō 使役相 II 121
сō 相 I 358
сондзайси 存在詞 I 134
сондзайтай 存在態 I 391
сōрōбун 候文 I 375
сōсюбу 總主部 II 58
сōсю[го] 總主[語] II 56, 157
сōтайтэки тайгэн 相對的體言 I 77
сōтэйсо 裝定素 II 61
соэси 添詞 I 305
суйрё-но дзёдōси 推量の助動詞 I 399
сўси 數詞 I 110
сэйбун 成分（文の～） II 54
сэйдзёдзи 靜助辭 I 493—494
сэйдзёхō 正序法 II 193,
сэйдзи 靜辭 I 65
сэйкаку-кацуё 正格活用 I 175
сэйсō 勢相 I 437—438
сэйтэки мокўхё 靜的目標 I 516

* Более употребителен термин кōтякуго 膠着語.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

сэйфукўтайси 正副體詞 I 109
сэнтакўтэки сэцудзокўси 選擇的接續詞 I 334
сэттōдзи 接頭辭 II 26
сэцу 節 II 181
сэцубидзи 接尾辭 II 26
сэцўдзи 接辭 II 26
сэцўдзокўго 接續語 II 56, 144
сэцўдзокў-дзёси 接續助詞 I 506, 583
сэцудзокўси 接續詞 I 327
сэцумэйго 說明語 II 62
сю 主 II 1) 73; 2) 143; 3) 162
сюбу 主部 II 58, 192
сюго 主語 II 62, 73
сюгодан 主語團 II 70
сюгосэцу 主語節 II 187
сюдзёси 終助詞 I 506, 615
сюдзи 主辭 II 112
сюкаку 主格 I 78, 502; II 56, 62
сюппацўкаку 出發格 I 502
сюсёкубу 修飾部 II 192
сюсёкўго 修飾語 II 85
сюсёкугосэцу 修飾語節 II 188
сюсёкўкаку 修飾格 II 56
сюсеку-рэнъё 修飾連用 I 136
сюси-дōси 終止動詞 II 63
сюсикэй 終止形 I 156
сютай 主體 I 208, II 63
тадōкаку 他動格 I 502
тадōси 他動詞 I 206
тай 體 1) I 75; II 52; 2) I 646
тай 態 1) I 345; 2) I 359
тайбу 對部 II 110
тайгэн 體言 I 75
тайгэнсэцу 體言節 II 182
тайрицўсэцу 對立節 II 182, 190
тайсё 對稱 I 96
тамбун 單文 II 199
танго 單語 I 54
тандзюнго 單純語 I 57
танси 單詞 1) I 58, 2) II 225
тасё 他稱 I 96
тасэцу 他說 I 464
татибатэки кигō 立場的記號 II 49
тёбун 重文 II 202
тиндзюцуго 陳述語 I 67
тиндзюцу-фукўси 陳述副詞 I 312
тōдзёхō 倒序法 II 195
тōти 倒置 II 195
тэйбу 提部 II 170
тэйдзиго 提示語 II 56, 151
тэйдзигосэцу 提示語節 II 191
тэйдзикаку 提示格 I 78
тэниоха てにをは I 493
тэнкан 轉換（品詞の～） II 10
тэнкатэки сэцудзокўси 添加的接續詞 I 334
тэнсэй 轉成（品詞の～） II 10
тэнъё 轉用（語の～） II 19
тюсё 中稱 I 96
тюси 中止 I 653
тюсйку 中止句 II 193
тюсйкэй 中止形 I 653
тюсйхō 中止法 I 253, 653
укэми 受身 I 360
укэмисō 受身相 II 122
укэцуги 承接 I 293
унъёрон 運用論 II 9
утйкэси 打消 I 492
фудзокўдзи 附屬辭 I 54
фудзоку-канкэй 附屬關係 II 85
фудзокўку 附屬句 II 204
фудзокўсэцу 附屬節 II 185
фудзюкудзи 不熟辭 I 65
фукандзэн-дōси 不完全動詞 I 225
фукубун 複文 II 201
фукугоби 複合尾 I 345
фукугōго 複合語 I 57, II 25
фукудзёси 副助詞 I 506, 533
фукудзи 複辭 I 490
фукуёго 副用語 I 67, 297
фукуёгэн 副用言 I 275
фукўкаку 副格 II 113
фукўкакўго 副格語 II 56
фукўси 副詞 I 310
фукўсисэцу 副詞節 II 182
фўкусйтэки сюсёкуго 副詞的修飾語 II 99
фукўсюго 副主語 II 166
фукўсюдан 副修團 II 192
фукўсюкаку 副修格 I 78
фукўсюсэцу 副修節 II 189
фукўтайси 副體詞 I 305
футэйсё 不定稱 I 96
хансё-даймэйси 反稱代名詞 I 107
хансэцуно 反接の I 590
хансэцу 反切 I 656
ханся-сиси-даймэйси 反射指示代名詞 I 107
хасэйго 派生語 II 222
хёдзюнго 標準語 I 46, 642
хидō 被動 I 19, 436
хикакўкаку 比較格 I 502
хикё-но дзёдōси 比況の助動詞 I 413
хикинобаси 引き伸ばし I 639
хинго 賓語 I 192, II 116
хиндзи 賓辭 II 112
хинкаку 賓格 II 56, 72
хинси 品詞 I 60
хинсирон 品詞論 I 19
хитэй-но дзёдōси 否定の助動詞 I 424
хō 法 I 345
хобу 補部 II 58, 110
хōбэнкаку 方便格 II 117

хого 補語 I 209, 655; II 56,101
хōгэн 方言 I 49
ходзёго 補助語 I 67
ходзё-дōси 補助動詞 I 140, 663
хоёдан 補用辭 II 112
хокаку 補格 II 56
хонсюго 本主語 II 166
хосокуго 補足語 II 110
хосокўсю 補足主 II 162
хэйдзётай-но бун 平叙體の文 II 206
хэйрицу-дзёси 並立助詞 I 506, 609
хэйрицўсэцу 並立節 II 183, 190
хэйрэцўтэки (сэцудзокўси) 並列的接續詞 I 334
хэйти 併置 II 69
хэнкаку-кацуё 變格活用 I 175
пўдзёно со 通常の相 II 121
экйкаку 役格 I 525
энсё 遠稱 I 96
юдзокубун 有屬文 II 204
юсэйго 由生語 II 25

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Указатель служебных элементов

1. В указатель включены упомянутые в тексте разнородные грамматические служебные элементы: окончания, аффиксы, частицы и служебные слова.

2. Не введены в указатель словообразовательные окончания и аффиксы, перечисленные в главе пятой в т. I и главе третьей т. II (за исключением единичных, упомянутых в тексте в другой связи). Из союзов в указатель введены только единичные, а именно те, которые омонимичны с другими служебными элементами.

3. За отдельными исключениями не указано упоминание служебных элементов в таблицах и классификационных списках, а также применение их в примерах.

4. Во избежание излишней раздробленности в некоторых случаях элементы не подразделены на омонимичные согласно тексту; например, *най* разделено только на глагольный суффикс и самостоятельное слово, без подразделения последнего на знаменательное слово 'отсутствует, не имеется' и связку 'не есть, не является'. Но в необходимых случаях такое разделение проведено и только в этих случаях, т. е. ради различения омонимов, значение служебного элемента пояснено в указателе.

5. Многоточие перед служебным элементом указывает, что это постпозиционный элемент — окончание или суффикс. Дефис перед служебным элементом указывает, что это падежный суффикс (падежное служебное слово, по терминологии автора). Отсутствие того и другого означает, что элемент — частица или служебное слово.

6. Подавляющее большинство частиц встречается только в первом томе. При отсутствии указания на том имеется в виду первый.

абэси 403
агэру 448, 454 II 77
амэри 403
анари 423
анбэси 403
анмэри 402
аннари 423
ари 29, 128, 134, 135, 140, 163, 196, 216, 249, 253, 256, 271, 274, 276, 369, 387, 397, 403, 408, 409, 412, 416, 417, 419, 420, 425, 431, 433, 445, 460, 468, 477, 546, 606, 607, II 78, 112, 161; 13 (арэ)
ару 135, 200, 240, 285, 459, 462, 474, 479, 480, 509, II 76—78, 139,
арэ я 566
асобасу 444—447, II 24
...ба 142, 156, 160—161, 169, 248, 249, 255, 256, 261, 281, 282, 287, 288, 328, 380, 394, 403, 425—427, 430, 479, 566, 573, 585, 586, 603, 669, II 216, 217
бакари 158, 261, 533, 540—542, 556, II 19, 79
баккаси 542
...бара 81, II 29
...ба я 410, 566
...бё 407—408
.. буру 347, II 26, 31
...бэй 408
...бэкамэри 409
...бэканари 409
...бэкара 399
...бэкари 156, 158, 285, 399, 408, 409, II 39
...бэкару 399, 409

...бэкарэ 399
...бэки 11, 399, 406, 408, 463
...бэку 285. 399, 406—408, 464
...бэкэму 408
...бэкэрэ 399
...бэми 402, 407
...бэранари 408
...бэси 16, 18, 156, 158, 344, 358, 399, 401, 402, 404—408, 433
ва (ⱡⱄ) 159, 423, 426, 427, 430, 555—558, II 65, 66, 155, 169—171, 178, 193, 225; *см. также* ва, мо
ва (ⱡⱃ) 557
ва, мо [саэ] 240, 258, 459, 462, 474, 476, 481, 551, 552, 554, 558, 559, 563, 570, II 170
вай 558
-га (*падежное*) 99, 159, 261, 265. 287, 299, 413, 495, 496, 508—510, 512, 515, 516, 532, 556, II 14, 66, 67, 93, 155; *см. также* га, но, ни, о
га (*союзное*) 261, 328, 330, 497, 593—596, II 18, 217
га (*желат.*) 410, 617, 618
-га, -но, -ни, -о 11, 13. 76, 101, 153—155, 160, 216, 253, 272, 369, 467, 595, 614, II 20, 22
гана 158, 505, 617—619, 633
гани 463
...гару 468, II 32, 223
...гата 81, 95, 647, II 29
.. гатэра 608
го- 84, 85, 218, 443, 445, 447. 647, 648, II 27, 40, 223
годзаимасё 462
годзаимасу 220, 221, 454, 455
годзанмэрэ 574
годзаннарэ 574
годзару 220, 234, 454, II 78
гото 325, 415—416, 469
готоки 413, 416
готоку 415, 416
готоси 128, 129, 158, 241, 254, 264—266, 268, 326, 345. 349, 350, 413—416, 468, 469, II 76, 78, 109
гурай 261, 548
...гэ 243, 245, 463, 468, II 31
да (*связка*) 12, 18, 50, 135, 163, 218, 241, 261, 273, 282, 285, 286, 291, 312, 326, 345, 349, 350, 355, 414, 416, 423, 461, 462, 467, 469—476, 613, 614, 622, II 72, 76, 78, 124, 188
...да (*озвонченное* та) 456, 472, 477
дага 335, II 38
дакэ 261, 533, 540, 541, 547, 548, 556, 578, 581, II 79
дамо 537
дани 534, 535, 537, 539. 540. 576, 578
дано 613
дара 461
даро 50, 156, 355. 460—462, 473
дасйта [яро] 475
дасу [яро] 475, 476
даттэ 582
...дзанари 423, 431
...дзаннари 423
...дзара 425
...дзари (*отриц.*) 285, 293, 358, 381, 425, 431, II 39
дзари (*сокращ.* дзо ари) 431
...дзару 294, 425
...дзарэ 425
...дзи 425, 431—433
дзо 158, 287, 431, 433, 496, 505, 553, 559—562, 569, 614, 628, 631, II, 210; *см. также* дзо, наму, я, ка
дзо, наму (нан), я, ка 157, 254, 384, 551, 552, 554, II 170, 210
...дзу (*отриц.*) 35, 140, 142, 169, 249, 285, 292, 293, 345—347, 358, 364, 365, 381, 425—431, 477, 478
..дзу (*буд. вр.*) 391
...дзуба 426—428
...дзу ва 426—428, 558
...дзукэму 425
...дзукэри 425
...дзумба 430
...дзу-сйтэ 428, 478
...дзутэ 426, 478, II 39
дзуцу 549
дзэ 622
дзя 50, 423, 475
дзяро 50
дзяру 475
...до 160, 255, 281, 328, 430, 590—592, 598, 599, II 13, 217
докоро, доко 549, 550, II 19
...домо (*уступ.*) 160, 179, 255, 262, 328, 403, 430, 589—592, 597—599, II 217
...домо (*мн. ч.*) 81, 95, 104, 544, 647
...дору (*озвонч.* тэ+ору) 459
досйта [яро] 475
досу [яро] 475, 476
-дэ (*падежное*) 211, 474, 525, 529. 530, 580, 600, II 116, 126
...дэ (*отриц.*) 142, 426, 478, 605, II 39

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

...дэ (*озвонч.* тэ) 531, 579, 604, 605
дэ (*связочное*) 282, 286, 473—475, 482, 531, 580, 598, II, 76, 77
дэ (*союз*) 335, II 18
дэ аримасӯ 42, 476
дэ арэ 15, 462
дэ ару 32, 42, 285, 416, 423, 461, 473—475, 480, 482, 580, II 72, 76, 188
дэва 331, 335, 508, II 18, 38
дэ говансу 475
дэ годзаимасу 475, 476, II 188
дэ годзансу 476
дэ гэсу 475
дэкиру 405, 439
дэмо 509, 537, 552, 578—580, 598, II 18, 38
дэ мо 579, 580, 597, 598
дэ най 474, 480, 482
...дэру (*озвонч.* тэ+иру) 459
дэсё 156, 355, 460—462, 473
дэсӯ 12, 18, 218, 241, 261, 285, 326, 345, 349, 350, 355, 414, 416, 461, 462, 467, 469—476, 580, 614, 622, II 72, 76—79, 124
...ё (*повел.*) 50, 165—167, 205, 369, 435, 624
ё (*сокращ.* ёри) 527, 528
ё (*междом. и заключ.*) 158, 166, 260, 287, 616, 623, 624, II 150
...ё (*буд. вр. и предпол.*) *см.* ё, у
...ё (*потенц., диалектн.*) 439
ё (*заключ.*) 624
ё (*из* ё да) 463, 467—470
ё да, ё дэсӯ 261, 265, 326, 349, 350, 414, 460, 466—470, II 188
ёри 13, 428, 525—528, 542, II 102, 116, 117, 126
...ё, ...у 18, 351, 456, 457, 460, 482
...и (*повел.*) 50, 147, 166, 167, 217
...и (*оконч. прилаг.*) 238, 243, 245, 259, 263, 432
-и (*падежное*) 532
и (*заключ.*) 622
...идэ 478
иру 459, II 77, 139
итасу 446, 448, 449
ка (*вопросит.*) 158, 431, 433, 546, 547, 566—571, 621, 622, II 109, 210, 211; *см. также* дзо, наму, я, ка
ка (*сочинит.*) 329, 612
ка (*заключит.*) 260, 619
камо 158, 619
кана 158, 410, 619
-кара (*падежное*) 12, 15, 159, 211, 525, 526, 528, 529, 543, 615, II 102, 116, 126
кара (*союз*) 12, 162, 261, 287, 529, 599, 600, II 217
карава 600
каранива 600
...кари 256, 271, 276, 292
...кари, нари, тари 271, 274, 275, 292, 294
каси 616, 619
...ки (*прош. вр.*) 155, 345, 358, 380—387, 392, 394, 402, 404, 414.
...ки (*оконч. прилаг.*) 239, 256, 263, 432, 665; *см. также* ку-си-ки
...кикою 374, 451
кири 548, 581
косаннарэ 574
косо 162, 164, 254, 256, 261, 381, 384, 389, 403, 534, 551, 552, 554, 560, 561, 571—574, 602, 603, II 170, 178, 210, 212, 213
косу 573, 574
косэ 573, 574
кото 12, 89, 90, 179, 228, 261, 264, 288, 291, 390, 596, 620, 643, II 68, 89
кото-га дэкиру 405
кото ё 384—385
кото ка 621
...ку (*оконч. прилаг.*) 237—239, 245, 246, 256, 259, 262, 276, 280, 432; *см. также* ку, ни, то
...ку (*просубст.*) 227—229, 390, 429
кудасай 451
кудасару 221, 446, 447, II 24, 77
...ку, ни, то 271, 275, 278, 292, 294
...ку-си-ки [кэрэ] 237—242, 245, 246
...кэ (*форма* ки) 381, 404
...кэ (*прош. вр., диалектн.*) 456
...кэ (*суф. прилаг.*) II 31
...кэку 228
...кэму 155, 358, 381, 399, 404
...кэмэ 399
...кэра 387, 404
...кэраси 403
...кэри 29, 155, 163, 358, 380, 385—387, 394, 397, 403, 404, 456
...кэру 380, 386, 387
...кэрэ (*форма* кэри) 380
...кэрэ (*оконч. прилаг.*) 244—246, 255, 256, 262, 264, 381, 415, 599
кэрэдо 260, 461, 598, 599, II 217
кэрэдомо 260, 262, 287, 497, 598, 599, II 18, 217
...мадзи 156, 158, 358, 399, 425, 431—433, 483, 589, 591
...мадзии 432, 483
...мадзикари 433

...мадзики 425, 483
.. мадзику 425, 432
.. мадзикэрэ 425
...мадзю 432
мадэ 159,533, 542—544, 556, 578, II 102.
...май 205, 355, 432, 476, 477, 482, 483
майрасу 373, 451—454
майсуру 453
...маку 390, 412
марасу 452, 454
марасуру 452—454
...масё 451
.. маси (*форма* масу) 217, 450, 451
...маси (*предпол.*) 358, 380—382, 388—390, 394, 399, 403
.. масидзи 432, 433
масимасу 216
. масйка 381, 388
. масйкаба 390
.. массу 452—453
.. масў 155, 191, 346, 371, 375, 443, 448—454, 479, 482, 666
.. масуру 450, 451
...масурэ 450
...маса (*форма* маси) 388—390
масэ (*форма* масў) 450, 451
. масэба 389—390
. масэп [у] 451, 473, 479
...махоси 410, 412
...махосикари 410, 412
мацуру 373
ми- 82, 647, II 223
...ми (*суф. прилаг.*) 243, 245—248, 407, 463, II 30
. .ми (*суф. глаг.*) 248
мо (*подчеркив.*) 257, 381, 433, 534, 556, 558, 559, 579, 590—593, 597, 598, 618, 639, II 133, 170; *см. также* ва, мо
мо (*союзное*) 329, 474, 599, II 85, 165
мога 410, 618
могамо 618
могамона 618
могамоя 619
могана 618
моганая 619
мой ка 621
моно 89, 90, 179, 226, 261, 288, 291, 384, 596, 620, 643, II 68, 89
моно дзо 384, 385
моно ка 621
мононо 158, 596, II 217
моноо 158, 595, 596, II 38, 217
мосиагэру 448
мэсу 374, 446—449, 451—454, II 24
моттэ 227, II 23
...му 36, 292, 293, 346, 358, 381, 388—390, 394, 395, 399, 403, 404, 406, 408, 409, 412, 426, 433, 456, 457, 546
...мудзу 390, 391, II 22
...му то су 390, II 22
. .мэ 388, 390
...мэдо 390
...мэри 156, 158, 163, 358, 397 399, 401, 402, 408, 418
...мэрики 402
...мэриси 402
...мэрисйка 402
...мэрицуру 402
...мэрицурэ 402
...мэру 399, 408
...мэрэ 399, 408
...мэсу 371, 373
н *см.* му
н *см.* но (*просубст.*) *и* н да
н *см.* ну (*отриц.*)
н (*сокращ.* ру) 402, 403
н ца (н дэсу) 473
...на (*оконч. адъект. глаг.*) 12, 13, 18, 282, 285, 289, 304, 469, 470, 472
...на (*желат.*) 395, 410, 412
...на (*отриц.*) 428, 429
...на (*форма* ну) 393
на (*междом. и заключ.*) 260, 287, 553, 554, 618, 620, 624—626, 632
на (*запретит.*) 274, 325, 433, 439, 497, 575, 576, 620, 625
на (*из* на но, нан) 472, 473; II 124
-на (*древнее* но) 531
на (*от* насай) 444
нā 632, 633
...набэси 403
...нагара 607, 608
...надо 400, 401, 544, 545
най 240, 258, 465, 480—482, II 24, 76—78
...най 142, 149, 169, 200, 258, 344, 355, 383, 429, 464, 465, 474, 476—482, 605,
...найдэ 605
[...]* накараму 479
[...] накари 479
[...] накарики 479
[...] накарб 479
[...] накатта 479, 481
[...] наку (*форма* най) 477, 479, 482

* Квадратные скобки указывают, что эти формы возможны как у самостоятельного слова *най*, так и у глагольного суффикса *най*.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

...наку (*форма* дэу+ку) 429
[...] накўтэ, накўттэ 479, 605
...накэрэ 477
[...] накэрэба 479
...накэрэба наран[ай] 15, 262, 405, 479
наму 157, 254, 395, 561—563, II 214; *см. также* дзо, наму, я, ка
...паму (*форма* ну+му) 389, 395, 410, 412, 562
...намэри 403
нан *см.* наму
нан да, нан дэсў 473
...нанари 423
...нанбэси 403
...нанда 477—478, 481
...нанмэри 403
...наннари 423
на но да (дэсў) 473
нара 163, 201, 285, 289, 417, 472, 473, 578
нарадзу II 76
нари (*связка*) 135, 140, 142, 158, 197, 216, 241, 254, 296, 386, 409, 431, 470, II 23, 65, 77—79, 109; *см. также* нари, тари.
...нари (*оконч. адъект. гл.*) 271, 272, 277, 278
нари, тари (*связки*) 12, 18, 128, 129, 218, 266, 271, 272, 285, 294, 295, 322, 326, 345, 349, 350, 414—424, 601, 607, 665, II 12, 65, 72, 76, 78, 103, 109, 124, 188
...нари, тари (*оконч. адъект. гл.*) 280, 292, 322
нарики 419
нарикэрэ 419
нарито 537, 583
нару (*форма* нари) 417, 420—423, 472, II 95
нару („становиться") 209, 210, 217, 445, II 112, 115, 130, 132
нарэ 417, 472
нарэба 288
насай 32, 443, 451
насару 221, 443—447, II 24
наси 29, 134, 253, 464, 482, II 78
насисо 575
на ...со 433, 565, 575, 576
насэсо 575
нато 550
...нау (на+фу) 429, 477, 482
...ндэ 605
-ни (*падежное*) 157, 159, 316, 319, 424, 445, 446, 496, 516—520, 523—526, 529, 545, II 22, 102, 105, 106—108, 112, 116—118, 126, 158, 189; *см. также* га, но, ни, о
...ни (*оконч. наречий и адъект. глаг.*) 12, 18, 137, 282, 285, 286, 294, 313, 469, 470, 518; *см. также* ни, то
...ни (*законч. действ.*) 93, 396, 618
...ни (*желательн.*) 395, 412, 620, 621
...пи (*отриц.*) 428, 429, 478
пи (*союз, после сущ.*) 612
ни (*союзное, после ёгэна*) 58, 328, 593, 594, 596, II 217
ни (*связочное и перед* ари) 140, 196, 197, 278, 409, 416, 417, 419, 420, 530, 607, II 23, 76
ни ари, ни арадзу 140, 197, 285, 294, 417, 419, 420, 478, 607, II 76
-ни нару 216, 217, 445, 666
ниси 618
нисига 410
нисигана 618
ни сйтэ 420, 530, 607
...ни ...то 271—273, 275—277, 280, 292, 316, 317, 322, 416, II 107
-нитэ 473, 525, 529, 602, 607, II 76, 188
-нитэ ари 285, 417, 422
ния 571
ниларану 545
-но (*падежное, приименное*) 99, 247, 261, 265, 299, 302, 303, 308, 313, 316, 413, 461, 462, 469, 470, 495, 496, 510, 511, 514—516, 532, 544, 636, II 33, 66—68, 93—96, 148, 155, 211; *см. также* га, но, ни, о
но (*просубст.*) 11, 90, 159, 260, 261, 462, 470, 472, 473, 505, 510, 614 II 68, 188, 228
но (*сочинит.*) 613
но (*в конце предл.*) 622, 623
но да, но дэсў 472, 473, II 188
нодэ 12, 162, 261, 288, 330, 600, II 217
но ё 623
номи 158, 496, 534, 540, 541, 556, 581
нони 12, 158, 261, 288, 595, 596, II 38, 217
но нэ 623
...ну (*законч. действия*) 29, 155, 274, 346, 358, 381, 389, 391—396, 407, 414, 618
...ну (*отриц.*) 142, 149, 205, 258, 262, 277, 383, 473, 476—478, 480—482, 605
...нў (*форма* дзу) 29, 277, 284, 294, 425, 429
...ну (*желательн.*) 395, 412, 621
...ну ни 430, 558

...нуру 393, 414
...нурэ 393
...нэ (*форма* ну, *законч. действия*) 393, 395
.. нэ (*форма* дзу *и* ну *отриц.*) 425, 429, 430, 477
...нэ (*форма* ну *желат.*) 395. 412, 620, 621
нэ (*междом. и заключ.*) 260, 287, 616, 626, 632
нэ̄ 633
...нэба 430, 558
о- 82, 216, 218, 264, 443—445, 447—449, 647, 648, II 20, 26, 40, 223
-о (*падежн.*) 83, 85, 113, 157, 159, 211, 227, 444, 496, 509, 514, 519, 520, 526, 558, II 20, 118, 126, 128 135, 189; *см. также* га, но, ни, о
о (*союз*) 328, 593, 594, 596, II 217
о (*междом и заключ.*) 248, 629, 630
-оба 558, II 39
овасу, овасимасу 372, 451, 452, 476
ойтэ 226, II 23
ору 296, 459
-о моттэ 227
-о сйтэ II 22, 106
...ра (*суф. прилаг.*) 246, 463
. ра (*мн. ч.*) 81, 95, 104,106, 647, II 29,
. .ра (*форма* ри) 393
...раму 35, 156, 158, 352, 358, 399—403, 406, 407
. .рамэ 399
..рап *см.* раму
..рару 215, 346, 349, 357, 360—362, 369, 370, 442, 490
.рарэ 434, 435
...рарэ́ 434
.. рарэро 434
..рарару 434, 435, 437—439, 451
..рарэрэ 434
. расп 156, 158, 347, 358, 402, 403, 407, 460, 461, II 32
...расий 241, 260, 266, 268, 326, 349, 350, 414, 460—462, 469—470, II 32
.расйкари 460
...расйкарō 353
...расйки 403
. .расйку 403, 460
...расю 460
...раю 361, 362
...ри 162, 197, 220, 227, 295, 381, 391, 393, 394, 396, 397, 564, 664
...ро (*повелит.*) 50, 166, 167, 435, 624
ро (*древнее междом.*) 630
...ру (*пассив, потенц., вежл.*) 16, 169, 201, 274, 346, 356, 357, 360—362, 369, 370, 443, 446, 490
...ру (*оконч. глаг. 1-го спр.*) 296, 399, II 17
...ру (*оконч. глаг. 2-го спр.*) 198, 407; *см. также* ру-рэ-ё
...ру (*форма* ри) 294, 393, 564
...ру, рэ [ё, ро] 146, 147, 177, 180. 181, 183, 187, 189, 190, 194, 435
...руру 201
.. рэ (*форма* ри) 393
...рэ (*повелит.*) 217
...рэ (*форма* рэру) 434—437
...рэё 434
...рэри 163, 397
...рэро 434
...рэру 201, 203, 434—437, 439
...рэрэ 434

...са (*суф. прилаг.*) 243, 245, 246, 273, 463, 468, II 30
...са... (*инфикс*) II 32
са (*форма* су) 366, 367, 371
са (*заключ.*) 616, 624, 625
сабурау 375
сабуроу 375
самурау 375
сару 360, 435, 636
сарэру 360, 435, 437, 439
...сасу 346, 357, 363—370, 442, 490
сасу (*сокращ.* сэсасу) 366
...сасэру 440—442, 451
сасэру (*сокращ.* сэсасэру) 441
сафурау 375
саэ 240, 258, 534, 537, 539, 540, 552, 556, 576—578, II 14
сё .. 81, 647
...си (*форма* ки) 381, 384, 385, 414, 617, 636
...си (*оконч. прилаг.*) 237—239, 243—246, 263
си (*форма* су *и* суру) 382, 383, 419, 444, 445, 447, 478, 600, 605, 606, II 22, 23
си (*союзное*) 259, 260, 287, 532, 600, 601
си (*междометн.*) 628, 629
сига 381, 410. 617, 618
сигана 617
...сйка (*форма* ки) 354, 381—383, 636
сйка (*ограничит.*) 552, 580—582
...сйки 237, 244
...сйку 238, 244, 245
...сйку-си-сйки 237, 244
сикя 582

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

симау 459, II 24
...симу 169, 346, 349, 357, 363—365, 369, 440—442
...симуру 365, 366
. .симэ 369
.. сиси 244, 384
сйтэ 274, 275, 281, 419, 420, 425, 530, 605—607, 643, II 22, 38; *см. также* о сйтэ
со (*из* на .. со) 433, 565, 575
сō 260
...сō [на, ни, да, дэсӯ] 463—466, 468, 481, II 32, 223
сō (*из* сō да) 463—465
сō да, сō дэсӯ 261, 284, 349, 350, 460, 463—466
сора 539
сōрō 216, 346, 375, 451, 476, 664, II 115
...су (*побуд.*) 215, 346, 357, 363—365, 367—369, 442, 490, II 13
...су (*вежл.*) 370
су (*связочное*) 476
су („делать") 128, 190—194, 248, 266, 382, 390, 419, 642, II 13, 22, 23
сура 534, 538—540, 576, 578
суру 314, 383, 435, 437—441, 444, 445, 478, 483, 642, 657, 666, 668
суруто 335
...сэ (*форма* сэру) 441
...сэ (*форма* ки) 380—383, 390
сэ (*форма* су, суру) 366, 367, 371, 382—383, 435, 437, 441, 478
...сэри 163, 397
...сэру (*каузатив*) 440—442
сэру (*сокращ.* сэрарэру) 439
...сэси 384
...сэсиму 365, II 22
...сэсимуру 365, 366
...сю 81, II 29
...та (*прош. вр.*) 16, 155, 163, 220—223, 282, 283, 287, 304, 308, 387, 394, 451, 455, 456, 458—460, 468, 622
...та (*сокращ.* тай) 468
...табу 372
. .тагару 467, 468
...тай 155, 467, 510, II 30
...такара 410
...такари 285, 357, 410, 412
...такарō 353
...такару 410
...такарэ 410
...таки 237
...таку 237, 285, 410, 412, 467, 468
...такӯттэ 468
...такэрэ 410, 467
тамау 369, 372, 374, 447
тамаэ 447
...тара (*усл.*) 163, 220—223, 451 455, 458, 468
...тара (*законч. действия*) 393
...тара (*форма связки* тари) 417
тари (*связка*) 423, 424; *см. также* нари, тари
...тари (*оконч. адъект. гл.*) 275, 276
...тари (*законч. действия*) 155, 198, 274, 295, 322, 347, 358, 391—393, 396, 397, 455, 458
.. тари (*итератив*) 220—223, 455, 613, 666, II 18
...тару (*законч. действия*) 393, 567
...тару (*оконч. адъект. гл.*) 11
...тару (*сокращ.* тэ+ару) 460
тару (*форма связки*) 417
...тарэ (*законч. действия*) 393
тарэ (*форма связки*) 417
...таси 155, 237, 274, 357, 410—412, 467
...тати 81, 95, 104, 647, II 29
...татэмацуру 373, 451
...тимау 459
-то (*падежное*) 316, 424, 520, 522, II 102, 116, 117, 126
...то (*оконч. адъект. гл. и наречий*) 522, *см. также* ни, то
...то (*уступит., ср.* томо) 142, 156, 587—590, II 213, 216
то (*сочинит. союз*) 329, 330, 505, 523, 637
то (*союзное после ёгэна*) 163, 164, 260, 287, 521, 560, 587, 610, 611, 637, II 18, 217
то *см. также* то ари, то йу, то сйтэ, то су, тотэ
то ари 285, 294, 417, 420, 423, 670
то йу 421—423, 638, 665
то йэру 421
токоро 89, 90, 564, 596, II 19, 68, 89
токорога 158, 595, 596, II 18, 37, 38, 217
...томо (*уступит.*) 142, 156, 248, 249, 257, 281, 328, 402, 425, 588—592, 597, 637, II 38, 213, 216
томо (*в конце предложс.*) 589, 622
...тору (*сокращ.* тэ+ору) 459
то сйтэ 420, 607,
то су 418, II 22
тотэ 602, II 213
тэ 16, 137, 155, 179, 198, 220—223, 257, 259, 263, 274, 275, 281, 295, 328, 330, 364, 381, 393—397, 420, 425, 426, 447, 449, 451, 459, 468,

478, 479, 494, 529—531, 579, 601—607, 618, II 18, 19, 23, 139, 216
тэ *см. также* ..тэ агэру, ...тэ ару, ...тэ иру, ...тэ мо, ...тэ морау, ...тэ ору, ...тэ симау
. .тэ агэру 449
. .тэ ару 16, 459, 460, II 139
...тэба 394
...тэё 393
.. тэ иру 16, 32, 459, II 139
.. тэки 394
.тэкэри 394
.. тэмаси 394
...тэмасу 459
. тэ мо 257, 259, 263, 579, 597, 598, II 216
.. тэ морау 16
.. тэму 394
...тэ ору 32, 459
...тэри 163
...тэру (*сокращ.* тэ+иру) 16, 459
тэсига 381, 410, 618
гэсигана 618
. .гэ симау 459, 666
. .у (*буд. вр. и предпол.*) 16, 36, 282, 283, 287, 391, 460—462; *см. также* ё, у
. .у (*фонет. изм.* ку) 262
удзу [ру] 391

. .фу 398, 399, 429
...ха 398
.хабэри 375, 451
хадзу 90, 643, 649, II 226
. .хи 398
хо 12, II 90
ходо 505, 541, 615, II 68, 90
хока 527, 552, 580—582, II 19
...хэ 398
...хэри 163, 397
...цу (*законч. действия*) 155, 274, 358, 381, 391—394, 396, 397, 402, 494, 601
...цу (*оконч. числит.*) 117, 120, 273
-цу (*падежное*) 531, II 93
цўка (-сйка; *диалектн.*) 582
цўкамацуру 446, 449
...цуру 393
...цурэ 393
...цупу 11, 142, 274, 608—609
э (*падежное*) 518, 519, 523, 524, 545, II 102, 116, 126
·..э (*повелит.*) 166
э (*заключит. и вопросит.*) 622
э (*древн. междомет.*) 631
...ю (*пассив*) 301, 361, 362, 364
-ю (*падежное*) 428, 527, 528
-юри 527, 528
я (*связка*) 50, 475
я (*вопросит.*) 402, 431, 433, 563—569, 637, II 210; *см. также* дзо, наму, я, ка
я (*междомет. и заключит.*) 166, 468, 505, 566, 619, 627, 628, II 150
я (*сочинит.*) 505, 611, 612
я ва 563, 564
я мо 563
яра (-яраму) 409, 545—547, 571
яра (*союз*) 612
яраму 546, 571
яран 399, 409, 546
яро 50, 409, 475, 546

НАЗВАНИЯ ПЕРИОДОВ ЯПОНСКОЙ ИСТОРИИ

На́ра	710— 794
Хэйа́н	794—1192
Инсэ́й	1086—1167[1]
Кама́кура	1192—1333
Намбо́кутё	1336—1392
Муромати (Асика́га)	1392—1490
Сэнго́ку	1490—1600
Токуга́ва (Эдо)	1603—1867
Мэ́йдзи	1868—1912

[1] Инсэй — название части периода Хэйан; часто употребляется наименование Инсэй-Камакура, отделяющее от периода Хэйан последние два века

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ОГЛАВЛЕНИЕ

УЧЕНИЕ О ПРЕДЛОЖЕНИИ

Глава первая **Применение слов** 7

Примечания автора 9

Глава вторая **Изменение категориальной принадлежности** 10

I Сущность изменения категориальной принадлежности 10
II. Виды изменения категориальной принадлежности 14
III Конверсия частей речи 16
IV Конверсированное употребление слова 19
Примечания автора 24

Глава третья **Структура слова** 25

I Значение структуры слова 25
II Префиксы и суффиксы 26
III Сложные слова 33
Примечания автора 40

Глава четвертая **Понятие предложения** 41

Примечания автора 53

Глава пятая **Члены предложения** 54

Примечания автора 61

Глава шестая **Подлежащее** 62

I Сущность подлежащего 62
II Выражение подлежащего 67
III Соположение подлежащих 69
Примечания автора 71

Глава седьмая **Сказуемое** 72

I Сущность сказуемого 72
II Выражение сказуемого 74
III Соположение сказуемых 80
Примечания автора 84

Глава восьмая **Определение** 85

I Сущность определения 85
II Адъективное определение 88
III Выражение адъективного определения 92
IV Соположение адъективных определений 96
V Наречное определение 99

VI Выражение наречного определения 136
VII. Соположение наречных определений 140
Примечания автора . 143

Глава девятая **Независимый член** 144

I Сущность независимого член 144
II Союзный член 144
III Приложение 147
IV Междометийный член 149
V Обращение 150
VI Ответное слово 151
VII Выделенное слово 151
Примечания автора 156

Глава десятая **Общее подлежащее** 157

I Сущность общего подлежащего 157
II Различные теории общего подлежащего 160
III Трактовка общего подлежащего 174
Примечания автора 179

Глава одиннадцатая **Членное предложение, подчиненное словосочетание и группа члена предложения** 180

I Сущность членного предложения 180
II Виды членного предложения 182
III Синтаксическая классификация членных предложений 186
IV Подчиненное словосочетание и группа члена предложения 191
Примечания автора 193

Глава двенадцатая **Место и эллипсис членов предложения** 194

I Место членов предложения 194
II Эллипсис членов предложения 195
Примечания автора 198

Глава тринадцатая **Типы предложений** 199

I Виды предложений по структуре 199
II Виды предложений по характеру 206
Примечания автора 208

Глава четырнадцатая **Согласование в предложении** 209

I Согласование слов и словосочетаний 209
II Согласование соотносительного окончания 209
III Согласование наречного определения 214
IV Согласование условия 216
V Согласование слов вежливости 218
Примечания автора 219

Послесловие 220
Комментарии 222
Список источников примеров 231
Указатель цитированной литературы 234
Предметный указатель 240
Указатель японских терминов 251
Указатель служебных элементов 256
Названия периодов японской истории 263

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)